

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2018. Том 51. Выпуск 1

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2018. Том 51. Выпуск 1

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2018. Volume 51. Issue 1

Association “Rus” (Chisinau, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Заместитель главного редактора
Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь
Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Михаил Губогло

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук (Россия)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Александр Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Сочинский государственный университет (Россия)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка
(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Андрей Федорук

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief
Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Executive Editor
Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Mikhail Guboglo

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Alexander Maiorov

St. Petersburg State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

Sochi State University (Russia)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka
(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Andrii Fedoruk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора 9

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭТНОКОНТАКТНОЙ ЗОНЕ (ШЕСТЬЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ И.А. АНЦУПОВА)»

Грек И.Ф., Руссев Н.Д.

Многонациональное население Бессарабии в исследованиях И.А. Анцупова
и актуальные задачи изучения этнокультурных общностей Молдовы 15

Синика В.С., Тельнов Н.П.

Перстень эллинистического времени с левобережья Нижнего Днестра 30

Василик В.В.

Никита Ремесианский и этнорелигиозные процессы в Балкано-Карпатском
регионе (Святитель Никита Ремесианский и его трактат «О различных именах
Христа» – исследование и перевод) 46

Польвянный Д.И.

Западный вектор кирилло-мефодиевского славянства и Русь в X в. 65

Веселов Ф.Н.

Крестоносцы в Прикарпатье. К вопросу о восточной экспансии
Венгерского королевства в начале XIII в. 79

Юрасов М.К.

Была ли попытка вмешательства русских князей в противостояние между
Германией и Венгрией в годы киевского княжения Всеволода Ярославича? ... 94

Элезович Д.М., Делетич З.М.

Молдавское княжество в середине XVIII в.: впечатления путешественника
с Запада 104

Трикоз Е.Н.

«Уложение» Василия Лупу 1646 г.: на перекрестке правовых культур 113

Суляк С.Г.

Русинская топонимика Карпато-Днестровских земель как источник
сведений об этническом составе населения Молдавского княжества 134

Боднарюк Б.М., Чучко М.К.

Буковинское село Великий Кучуров и его жители в молдавский период .. 162

Эйльбарт Н.В.

Повседневность старостинского управления в Червонной Руси
и Прикарпатье в начале XVII в. (по материалам писем Юрия Мнишка
Сигизмунду III) 180

Кальченко Т.В., Чемакин А.А.

Красный террор и ликвидация Киевского клуба русских националистов
(весна – лето 1919 г.): факты и версии 198

Колесников Б.В.

Положение военнопленных русинов и других славян в 1916–1917 гг.
(по материалам Камышинского казенного питомника) 219

<i>Кічера В.В.</i>	
Греко-католицька церква Підкарпатської Русі очима дипломатичної звітності (на матеріалах архіву МЗС ЧР в Празі)	233
<i>Данилець Ю.В.</i>	
Початок другої хвилі антирелігійної та атеїстичної пропаганди на Закарпатті в 1957–1958 рр.	254
<i>Bobkova E.M.</i>	
Conventionality as a factor for the sustainable development of the society ...	272
<i>Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.</i>	
Типы идентичности молодежи и взаимодействие в межэтническом пограничье	282
<i>Машанло Т.Е., Резанова З.И.</i>	
Межкультурная письменная коммуникация: чтение текстов алфавитной и логографической систем письменности билингвами	299
<i>Образцова М.Н., Крым И.А., Кузнецова В.С.</i>	
Создание открытых электронно-образовательных ресурсов по русскому языку для коренных малочисленных народов Сибири как результат межэтнического взаимодействия на территории одной страны	312
<i>Федоров Р.Ю.</i>	
Образы русинского мира в творчестве закарпатской школы изобразительного искусства	329

CONTENTS

Editorial	9
-----------------	---

THE INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE "INTER-ETHNIC COOPERATION IN ETHNO-CONTACT ZONES (THE SIXTH ANTUSPOV READINGS)"

<i>Grek I.F., Russev N.D.</i> Multinational population of bessarabia in the research by I.A. Antsupov and topical problems of studying ethnocultural communities in Moldova	15
<i>Sinika V.S., Telnov N.P.</i> A Hellenistic finger-ring from the left bank of the Lower Dniester	30
<i>Vasilik V.V.</i> Nicetas of Remesiana and ethno-religious processes in the Balcan-Carpathian region (St. Nicetas of Remesiana and his treatise "On the Different Names of Christ" – research and translation)	46
<i>Polyvyanny D.I.</i> The Western vector of the Cyrillo-Methodian Slavdom and Rus' in the 10th century	65
<i>Veselov F.N.</i> Crusaders in Subcarpathia. On the Eastern expansion of the Hungarian Kingdom in the early 13th century	79
<i>Yurasov M.K.</i> Did Russian princes attempt to interfere in the conflict between Hungary and Germany during the reign of Prince Vsevolod Yyaroslavich in Kiev?	94
<i>Elezovic D.M., Deletic Z.M.</i> The principality of Moldavia in the mid-18th century: impressions of a traveler from the West	104
<i>Trikoz E.N.</i> Vasile Lupu's Code of 1646 at the intersection of legal cultures	113
<i>Sulyak S.G.</i> Rusin toponymy of Carpatho-Dniestrian land as a source of information on the ethnic composition of the Moldavian Principality	134
<i>Bodnaryuk B.M., Chuchko M.K.</i> Bukovinian village Velykyi Kuchuriv and its residents in the Moldavian period	162
<i>Eylbart N.V.</i> The daily routine of the starostwo administration in Red Rus' and Subcarpathia in the early 17th century (based on the letters from Yury Mniszek to Sigismund III)	180
<i>Kalchenko T.V., Chemakin A.A.</i> Red terror and the liquidation of the Kiev Club of Russian Nationalists (the spring and summer of 1919): Facts and versions	198
<i>Kolesnikov B.V.</i> The situation of Rusin and other Slavic prisoners of war in 1916–1917 (a case study of Kamyshin State Forest Nursery)	219

<i>Kichera V.V.</i>	
Greek-Catholic church of Subcarpathian Rus' by eyes of diplomats (on archival materials of the Czechoslovak Republic MFA)	233
<i>Danilets Ju.V.</i>	
The beginning of the second wave of anti religious and atheistic propaganda in Transcarpathia in 1957–1958	254
<i>Bobkova E.M.</i>	
Conventionality as a factor for the sustainable development of the society ...	272
<i>Abramova M.A., Goncharova G.S., Kostyuk V.G.</i>	
Types of youth identity and interaction in the ethnic borderlands	282
<i>Mashanlo T.E., Rezanova Z.I.</i>	
Intercultural written communication: bilingual reading of texts written in alphabetic and logographic writing systems	299
<i>Obraztsova M.N., Krym I.A., Kuznetsova V.S.</i>	
Creation of the online electronic-educational resources on the Russian language for Siberian indigenous ethnic groups as the result of interethnic cooperation within one country	312
<i>Fedorov R.Yu.</i>	
Images of Rusin's world in creativity of the Transcarpathian school of fine arts	329

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

Первый номер журнала «Русин» в 2018 г. посвящен Международной научно-практической конференции «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Шестые чтения памяти И.А.Анцупова)», которая прошла 26–27 октября 2017 г. в Тараклийском государственном университете им. Г. Цамблака (г. Тараклия, Республики Молдова).

Тараклийский государственный университет, созданный в 2004 г. в регионе компактного проживания болгар Молдовы, является одним из центров сохранения и изучения истории и культуры бессарабских болгар. В университете хранится личный архив Ивана Антоновича Анцупова (3.08.1920–28.10.2004) – ученого, долгие годы изучавшего историю русского, украинского, гагаузского, болгарского, польского, цыганского, немецкого, чешского населения Бессарабии и Новороссии.

В Тараклийском районе, расположенном на юге Молдовы, помимо болгар, составляющих большинство его населения, проживают молдаване, гагаузы, русские, украинцы и представители других национальностей.

Бессарабия, как, впрочем, и вся территория бывшего Молдавского княжества (Карпато-Днестровские земли), всегда была полиэтничной. С момента его основания на этой территории, кроме молдаван (волохов) и русинов, жили южные славяне (болгары, сербы), татары, немцы, венгры, евреи, цыгане, поляки, армяне и представители других народов. После присоединения Пруто-Днестровского междуречья к России в 1812 г. (названного впоследствии Бессарабией) численность населения на данной территории резко увеличилась. Помимо великороссов и малороссов на юге, в большом количестве появляются задунайские переселенцы: болгары, гагаузы, сербы, а также немецкие и швейцарские колонисты, на севере – поляки из западных губерний России, выросла и численность евреев.

Полиэтничной была и территория Карпатской Руси – региона компактного проживания русинов. Исторически к ней относятся Буковина (входившая в состав Молдавского княжества, затем Австрийской (Австро-Венгерской) империи, ныне Сучавский уезд Румынии и Черновицкая область Украины), Подкарпатская (Угорская) Русь (бывшая часть Венгерского королевства (Австро-Венгрии), ныне Закарпатская

область Украины, жудец Марамуреш в Румынии и Восточная Словакия (Прешовский и Кошицкий края)), Галиция (бывшая часть Польши, Австрийской (Австро-Венгерской) империи, ныне Ивано-Франковская, Львовская и Тернопольская области Украины и юго-восток Польши (часть Малопольского и Подкарпатского воеводств)).

В работе конференции приняли участие 65 работников научно-образовательных учреждений Молдовы, включая Приднестровье, России, Сербии, Словакии, Чехии, Украины, заявивших в общей сложности 51 доклад. Не всем им удалось приехать в Тараклию. Однако благодаря онлайн-связи аудитория имела возможность ознакомиться с мнениями многих авторов и задать им вопросы.

Чтения открыли приветствия ректора Тараклийского университета доц. М.Л. Пасларь, председателя Тараклийского района К.И. Татарлы и мэра города С.Н. Филиппова.

На конференции был затронут круг проблем, вызвавших большой научный интерес:

– полиэтничность Карпато-Днестровских земель: этническое самосознание, межэтнические отношения, взаимодействие культур, демографические процессы;

– межэтническое пограничье: проблема диалога культур, межэтнические взаимодействия в зонах контактов и этническая идентичность.

Н.Д. Руссев (Тараклийский государственный университет им. Г.Цамблака) и И.Ф. Грек (Ассоциация историков и политологов Республики Молдова) в своем выступлении проанализировали творческое наследие И.А. Анцупова и актуальные проблемы изучения этнокультурных общностей Буджака.

Вопросы межкультурных контактов древнего населения региона поднял В.С. Синика (Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; Россия, Нижневартовский государственный университет) в своем докладе «Перстень эллинистического времени с левобережья Нижнего Днестра». В.В. Василик (Санкт-Петербургский государственный университет) осветил этнорелигиозные процессы, имевшие место во времена святителя Никиты Ремесианского (350–420).

Несколько выступлений было посвящено проблемам средневековой истории Карпатской Руси. Ф.М. Веселов (Санкт-Петербургский государственный университет) выступил с докладом «Крестоносцы в Прикарпатье. Рыцарские ордена в Юго-Восточной Европе в эпоху монгольских завоеваний первой половины XIII в.»; С.Б. Чебаненко (Санкт-Петербургский государственный университет) – «К вопросу о существовании института соприсяжничества в Галицко-Волынской Руси: региональные особенности и общеевропейские параллели»;

М.К. Юрасов (Институт российской истории РАН) – «Была ли попытка вмешательства русских князей в противостояние между Германией и Венгрией в годы киевского княжения Всеволода Ярославича?».

Вопросы этнической истории Молдавского княжества были подняты С.Г. Суляком (Санкт-Петербургский государственный университет; Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака), осветившим тему «Русинская топонимика Карпато-Днестровских земель как источник сведений об этническом составе населения Молдавского княжества», а также М.К. Чучко и Б.М. Боднарюком (Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича) в докладе «Буковинское село Великий Кучуров и его жители в молдавский период».

Конфессиональной истории были посвящены выступления В.В. Кичеры (Ужгородский национальный университет), Ю.В. Данильца (Ужгородский национальный университет) и В.А. Содоля (Приднестровский государственный университета им. Т.Г. Шевченко).

Проблемные вопросы истории русинского населения Словакии подняли в своих выступлениях П. Кокайсл (Чешский университет естественных наук) и А. Плишкова (Институт русинского языка и культуры Пряшевского университета в Пряшеве).

Актуальные вопросы новой и новейшей истории Карпатской Руси и Карпато-Днестровских земель озвучили Н.В. Эйльбарт (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена), Т.В. Кальченко (Киевский национальный экономический университет им. В. Гетьмана) и А.А. Чемакина (Санкт-Петербург), Б.В. Колесников (Волгоградский государственный университет), В.В. Трофимович (Национальный университет «Острожская академия») и Л.В. Трофимович (Национальная академия сухопутных войск им. гетмана П. Сагайдачного) и др.

Темы межкультурных коммуникаций, сохранения этнокультурной идентичности в этноконтактных зонах подняли в своих докладах В.Н. Шайдуров (Санкт-Петербургский горный университет), З.И. Резанова и Т.Е. Машанло (Томский государственный университет), М.А. Абрамова (Институт философии и права СО РАН), М.Н. Образцова, И.А. Крым и В.С. Кузнецова (Кемеровский государственный университет) и др.

В данном номере опубликован ряд статей, выполненных по материалам докладов, прозвучавших на конференции и прошедших процедуру рецензирования.

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS!

The first issue of *Rusin* in 2018 is devoted to the International Conference “Inter-Ethnic Cooperation in Ethno-Contact Zones (The Sixth Antsupov Readings)” held on October 26-27, 2017, in G. Tsamblak Taraclia State University (Taraclia, Republic of Moldova).

Taraclia State University was founded in 2004 in the region of compact residence of the Moldovan Bulgarians. It is a centre of preservation and study of the history and culture of the Bessarabian Bulgarians. The University houses the personal archive of Ivan Antonovich Antsupov (August 08, 1920 – October 28, 2004), who had studied the history of Russian, Ukrainian, Gagauz, Bulgarian, Polish, Gypsy, German, and Czech population of Bessarabia and Novorossia for many years.

Taraclia is located in the south of Moldova and inhabited mostly by Bulgarians. Other ethnic groups here Moldovans, Gagauz, Russians, Ukrainians and others.

Bessarabia, as well as the entire territory of the former Moldovan Principality (Carpathian-Dniester lands), has always been polyethnic, with Moldovans (Voloeks), Rusins, southern Slavs (Bulgarians, Serbs), Tatars, Germans, Hungarians, Jews, Gypsies, Poles, Armenians and representatives of other nationalities living together here. The population on this territory greatly increased when the Pruto-Dniester interfluvial area (later named Bessarabia) was annexed to Russia in 1812. In addition to the Great and Little Russians in the south, there appear many Trans-Danubian settlers: Bulgarians, Gagauz, Serbs, as well as German and Swiss colonists. The Poles come to the north of the territory from the western provinces of Russia. The number of Jewish population also increased.

The territory of Carpathian Rus', densely inhabited by the Rusins, was also a polyethnic region. Historically, it includes Bukovina (a part of the Moldavian Principality, later the Austrian (Austro-Hungarian) empire, now Suceava district of Romania and Chernivtsi region of Ukraine), Subcarpathian (Ugric) Rus' (a former part of the Hungarian kingdom (Austria-Hungary), now the Transcarpathian region of Ukraine, Maramureş county in Romania and Eastern Slovakia (Prešov and Kosice regions)), Galicia (a former part of Poland, the Austrian (Austro-Hungarian) empire, now Ivano-Frankivsk, Lviv and Ternopil regions of Ukraine) and the southeast of Poland (part of the Malopolsk and Sub-Carpathian province).

The conference was attended by 65 scholars from research and educational institutions of Moldova (including Transnistria), Russia, Serbia, Slovakia, Czech Republic and Ukraine. Though not all presenters managed to come to Taraclia in person, they could express their opinions and answer questions in real time via Skype.

The conference was opened by the greetings of Rector of Taraclia State University M.L. Paslar, Chairman of Taraclia District K.I. Tatarly and Mayor of the city S.N. Filippov.

Among the problems discussed at the conference were:

- polyethnicity of the Carpathian-Dniester lands; ethnic self-awareness, inter-ethnic relations, interaction of cultures, and demographic processes;

- inter-ethnic borderland; problems of dialogue of cultures, inter-ethnic cooperation in the area of ethnic contacts and ethnic identity.

N.D. Russev (G. Tsamblak Taraclia State University) and I.F. Grek (Association of Historians and Political Scientists of the Republic of Moldova) analysed the creative heritage of I.A. Antsupov and topical problems of studying the Budjak ethnocultural communities.

The problems of intercultural contacts of the ancient population in the region were raised by V.S. Sinika (Taras Shevchenko State University of Transnistria; Russia, Nizhnevartovsk State University) in his report "The Hellenistic times finger-ring from the left bank of the Lower Dniester". V.V. Vasilik (St. Petersburg State University) shed light on the ethno-religious processes that took place at the age of St. Niceta of Remesiana (350–420).

Several reports focused on the problems of the medieval history of the Carpathian Rus'. F.M. Veselov (St. Petersburg State University) made a presentation "Crusaders in the Carpathian region. Chivalric orders in the South-Eastern Europe at the era of Mongol conquests in the first half of the 13th century." S.B. Chebanenko (St. Petersburg State University) dwelt on the the institute of compurgation in Galician-Volhynian Rus, with the focus on regional features and European common parallels. M.K. Yurasov (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences) discussed the possible intervention of the Russian princes in the standoff between Hungary and Germany during the reign of Prince Vsevolod Yaroslavich in Kyiv.

The questions of ethnic history of the Moldavian Principality were raised by S.G. Sulyak (St. Petersburg State University, G. Tsamblak Taraclia State University), who covered the Rusin toponymy of the Carpathian-Dniester lands as a source of information about the ethnic composition of Moldavian Principality. In their turn, M.K. Chuchko and B.M. Bodnaryuk

(Y. Fedkovych Chernivtsi National University) reported on a Bukovinian village Veliky Kuchuriv and its residents in the Moldovan period.

V.V. Kichera (Uzhhorod National University), Yu.V. Danilets (Uzhhorod National University) and V.A. Sodol (Taras Shevchenko State University of Transnistria) raised the questions of confessional history.

P. Kokaisl (Czech University of Life Sciences) and A. Plishkova (University of Prešov – Institute of Rusin Language and Culture) focused on the history of the Rusin population in Slovakia.

Topical issues of the modern and contemporary history of the Carpathian Rus and the Carpathian-Dniester lands were discussed by N.V. Eylbart (Herzen State Pedagogical University of Russia), T.V. Kalchenko (Vadym Hetman Kyiv National Economic University) and A.A. Chemakin (St. Petersburg), B.V. Kolesnikov (Volgograd State University), V.V. Trofymovych (National University of Ostroh Academy) and L.V. Trofimovich (Hetman Petro Sahaidachnyi National Army Academy), etc.

The problems of inter-cultural communication, preservation of ethnocultural identity in the ethno-contact zones attracted attention of V.N. Shaidurov (St. Petersburg Mining University), Z.I. Rezanova and T.E. Mashanlo (Tomsk State University), M.A. Abramova (Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS), M.N. Obratsova, I.A. Krym and V.S. Kuznetsova (Kemerovo State University) and others.

The Organizing Committee has peer-reviewed and selected a number of papers published in this issue of the journal.

*S.G. Sulyak,
Editor-in-Chief*

УДК 930.85

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/2

МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ БЕССАРАБИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И.А. АНЦУПОВА И АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ МОЛДОВЫ

И.Ф. Грек¹, Н.Д. Руссев²

¹ Ассоциация историков и политологов «Pro-Moldova»

E-mail: ivangrec39@mail.ru

² Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака

Молдова, 7400, г. Тараклия, ул. Мира, 9

E-mail: nrussev@mail.ru

Авторское резюме

Исторические исследования И.А. Анцупова сохраняют научную значимость, а сегодня актуальны в связи со сложным положением этнических меньшинств Молдовы. Особенно важными являются вопросы изучения и просвещения многонационального населения страны в сложных геополитических условиях. Социологически выделены три группы населения: 1) те, кто останется в стране; 2) те, кто эмигрирует на историческую родину; 3) те, кто планирует выехать на Запад. Намечены общие подходы к учебно-просветительской деятельности и ее содержание для каждого случая. Подчеркнута необходимость продолжения монографических исследований в сфере этнокультуры. Чтобы добиться высокого научного уровня, этим нужно заниматься всерьез университетам, активнее вовлекая в науку студентов. На примере Тараклийского университета им. Г. Цамблака показана готовность вуза к включению в разработку проблем истории и этнологии, археологии, социологии и демографии, лингвистики, музыки и фольклора.

Ключевые слова: И.А. Анцупов, Бессарабия, Молдова, исторические исследования, монографические разработки, этнокультурные общности, университеты, образование, просвещение.

MULTINATIONAL POPULATION OF BESSARABIA IN THE RESEARCH BY I.A. ANTUPOV AND TOPICAL PROBLEMS OF STUDYING ETHNOCULTURAL COMMUNITIES IN MOLDOVA

I.F. Grek¹, N.D. Russev²

¹The Pro-Moldova Association of Historians and Politicians

E-mail: ivangrec39@mail.ru

²G.Tsamblak State University of Taraclia

9 Peace Street, Taraclia, 7400, Moldova

E-mail: nrussev@mail.ru

Abstract

I.A. Antsupov's research on important historical issues is becoming topical today due to the difficult situation of ethnic minorities in Moldova. Particularly important are the problems related to studying and educating the multinational population of the country under the difficult geopolitical conditions. The authors distinguish three social groups of minority representatives: 1) those who stay in the country; 2) those who emigrate to their historical homeland; 3) those who plan to go to the West – and outline general approaches to the educational activities for each case. They emphasise the need for continued research of the ethnic cultures and suggest that it effectively involve the faculty and students to achieve high results. Taking G.Tsamblak State University of Taraclia as a case study, the authors argue that the universities have enough resources to do research in history, ethnology, archeology, sociology, demography, linguistics, music and folklore.

Keywords: I.A. Antsupov, Bessarabia, Moldova, historical research, monography, ethno-cultural communities, universities, education.

В 2020 г. исполнится 100 лет со дня рождения одного из корифеев молдавской исторической науки Ивана Антоновича Анцупова. Участник Великой Отечественной войны, оказавшийся волею судьбы в Советской Молдавии, здесь он женился, окончил Кишинёвский государственный университет, аспирантуру, защитил диссертацию. В 1957 г. Иван Антонович стал научным сотрудником отдела истории, языка и экономики молдавского филиала АН СССР, преобразованного в 1961 г. в Академию наук МССР. Здесь прошла вся его научная деятельность, продолжавшаяся до смерти в конце октября

2004 г. Это был благородный, кропотливый и честный труд большого исследователя.

Свою первую монографию И. Анцупов издал, когда ему было 46 лет (Анцупов 1966). За оставшиеся свои 38 земных лет он опубликовал еще шесть монографий, да каких! Но если вторая его работа вышла через 12 лет после первой, то следующая – уже через три года (Анцупов 1978; 1981). Для написания и издания в 90-е гг. XX – нулевых XXI в. последних трех монографий (объемом в 200–300 с. каждая) ему понадобилось от трех до четырех лет. Также Иван Антонович принял участие в подготовке и издании, по самым предварительным подсчетам, еще семи коллективных книг, написал более 25 научных и несколько десятков научно-популярных статей. Он был составителем тома собрания документальных данных 1812–1861 гг. о крестьянах Бессарабии (ИМДМ 1969).

Приведенные сведения характеризуют не только количество сделанного им в исторической науке Молдовы, но и высокий профессионализм его работ, признанных и высоко оцененных в научном мире не только у нас, но и в России, Украине, Румынии, Болгарии и других странах.

Особое достоинство трудов Ивана Антоновича Анцупова состоит в том, что они были первопроходческими: либо избранная тема до этого не исследовалась, либо она освещалась им совершенно по-иному, в новаторском свете. Его работа о государственной деревне Бессарабии – это первое монографическое исследование социально-правового положения, аграрной и ремесленно-промышленной деятельности казенных крестьян Пруто-Днестровского междуречья в дореформенный период. Другая его монография посвящена рассмотрению целого комплекса аграрных отношений на юге Бессарабии, сложившихся в хозяйственной и социальной сферах в таких специфических сословиях, как государственные крестьяне, задунайские переселенцы, немецкие колонисты, Дунайское казачье войско. Следующее крупное и новаторское исследование Ивана Антоновича – сельскохозяйственный рынок Бессарабии, формирование здесь и функционирование зернового, плодоовощного и животноводческого комплексов, создание транспортной системы в крае как необходимого условия развития внутри- и внешнеэкономических связей. В этих, как и во всех других его публикациях большого и малого (статьи) формата, поражает их фондированность: использование всех литературных и документальных опубликованных источников, включение в них новых архивных материалов и документов. Это придает работам И.А. Анцупова характер первоисточников. Стоит подчеркнуть, что в них авторские анализы и выводы «покоятся» на базе огромного ар-

живного материала, впервые им выявленного и введенного в научный оборот. В силу значительного объема эти данные не могли быть целиком включены в текст исследований, но, сохраненные в блестящей памяти ученого и аналитически «пропущенные» через его мозг, они в нужный момент были им востребованы и представлены читателю. Этот, на наш взгляд, лишь ему присущий исследовательский метод относится не только к архивным источникам. Знакомясь с научными работами ученого, волей-неволей понимаешь, что даже совсем небольшая по объему статья или заметка, опубликованная когда-либо по изучавшейся им теме, не осталась вне пределов внимания автора.

Научное наследие И.А. Анцупова выражается не только в актуальности и оригинальности работ, сохраняющих свою значимость и сегодня. Исследователь сумел аргументированно представить собственное видение специфики социально-экономического развития Бессарабии в XIX в.: более быстрое проникновение в аграрный и торговый секторы ее экономики капиталистических отношений, ускоренное протекание социально-экономических процессов (по сравнению с таковыми в российских губерниях вплоть до Урала), своеобразие межотраслевой эволюции в ее сельском хозяйстве, положительное влияние внешней торговли края на его социально-экономическое развитие и превращение Бессарабии в один из важных центров внешнеэкономических отношений России с Западной Европой и Балканами.

Неоценим его вклад в освещение социально-экономического развития Бессарабии XIX в. в контексте ее этнических, этнополитических и этносоциальных процессов и явлений. Необходимо подчеркнуть, что многие молдавские исследователи, и не только они, занимались, как правило, изучением истории отдельных этнических и этносоциальных групп населения Бессарабии после 1812 г.: царан, резешей, болгар и гагаузов («задунайских переселенцев»), немецких колонистов, крестьян Дунайского казачьего войска, евреев-земледельцев. И у Ивана Антоновича есть публикации, посвященные социально-экономической истории отдельных этнических групп бессарабских жителей. Многие из работ были изданы им уже после развала СССР. Только он во всех своих монографиях, опубликованных до 1991 г., ставил перед собой трудную задачу осветить этническую структуру каждого изучаемого им крестьянского сословия Бессарабии и решил ее. Для него государственные крестьяне – это молдаване, русские, малороссы; немецкие колонисты – это немцы, поляки, швейцарские французы; дунайское казачество Бессарабии – это русские, малороссы, цыгане, болгары. В его сельскохозяйственном рынке Бессарабии XIX в. нашлось место для всех этносоциальных групп городского и сельского населения Пруто-Днестровского междуречья.

И.А. Анцупов занимался также проблемами просвещения многоязычного населения Бессарабии в XIX в. К сожалению, этот материал так и остался неопубликованным. Однако им при написании работы о развитии школ у болгар и гагаузов Российской империи в первой половине XIX в. пользовался И.Ф. Грек, кратко изложивший содержание этого исследования. В частности, И.А. Анцупов рассматривал становление школьного и профессионального образования в поселениях государственных крестьян, в станицах Дунайского казачьего войска, в немецких колониях и в среде других этнических групп Бессарабии. При этом ученый обращал внимание на то, что в некоторых из них обучение осуществлялось и на национальных языках: молдавском, немецком, еврейском, греческом. Кроме того, были открыты и две армяно-григорианские школы. И.Ф. Грек привел полное название рукописи – «Развитие начального образования на юге Бессарабии в 40–60-е годы XIX в.» и выразил старшему коллеге и учителю искреннюю благодарность «за предоставленную возможность использовать материал, подготовленный им на основе богатейших архивных и литературных источников». Вполне естественно, что Иван Антонович стал одним из ответственных редакторов новой книги (Грек 1993: 13–14).

Несмотря на все справедливые претензии, которые история предъявляет Российской империи и Советскому Союзу по поводу ассимиляции нерусского населения, необходимо тем не менее признать, что эти два ушедших в историю государства, в рамках которых существовали Бессарабия, а затем МССР, не разрушили на этой территории этнической идентичности ни одной группы населения, какой бы небольшой по численности она ни была (например, албанцы или чехи). Положение, связанное с их идентичностью, коренным образом изменилось в 1918–1940 гг. и меняется на практике с 1991 г., несмотря на толерантное отношение к ним языкового законодательства Республики Молдова.

Процесс сложного переформатирования Кишинёвом полиэтничского населения в моноэтническое, начатый в 1989 г., имеет много составляющих экономического, этнополитического, этнокультурного и геополитического характера. Почти три десятилетия полиэтничность Молдовы подтачивается геополитической переориентацией Кишинёва, его образовательной политикой по отношению к национальным меньшинствам, экономическим кризисом и влиянием процессов глобализации на внутривнутриполитическое и демографическое (исход населения) положение в республике. Все эти факторы привели к сокращению численности миноритарного населения Молдовы настолько, что отдельные этнические группы (евреи, болгары) оказались на грани исчезновения, а другие, лишившись своей репродуктивной

составляющей, также обнаружили тенденцию к постепенному, но неуклонному сокращению. Даже мажоритарному молдавскому этносу, переживающему такого же рода процессы, по всей видимости, уготована участь растворения в более многочисленном румынском этносе. Таковы общая критичная картина и, возможно, общее будущее населения Пруто-Днестровского междуречья. Кодекс об образовании, принятый в 2015 г. и вступающий в действие с 2018 г., имеет ярко выраженный румынский геополитический подтекст, с одной стороны, и направлен на усиление ассимиляционного давления, прежде всего, с использованием языкового фактора, на национальные меньшинства – с другой.

Что же делать нацменьшинствам при такой этнической и этнокультурной перспективе? Однозначного ответа нет. Однако глобальная модель «плавильного котла» США, эмоциональное предназначение которой – вызывать «гордость от разрушения различий путем ассимиляции» (см.: Клакхон 1998: 304), едва ли может вдохновлять. Это демонстрирует не только пример переживающей «историю успеха» Молдовы, но и куда более благополучных стран Западной Европы.

Чтобы сделать практические ценные выводы, скорее всего, необходимо внутренние процессы в стране (политические, этнические, культурные и образовательные), как и геополитические вокруг нее, рассматривать, исходя из общего состояния миноритариев Молдовы и каждой их составляющей в отдельности. Между тем они разнятся по численности, структуре возрастных групп, месту проживания, зональной компактности, экономическому состоянию, сохранности этнической идентичности и этнокультурных традиций, влиянию глобальных процессов на трудовую (и не только) миграцию и т. д.

По этой причине общего рецепта нет и быть не может. Однако на указанные особенности следует смотреть с учетом того, как сами меньшинства Молдовы оценивают свое будущее. Оценки перспективных действий в каждой группе национальных меньшинств на правобережье Днестра, конечно, в значительной мере разнятся. Тем не менее социологически их можно объединить в три отличные друг от друга группы субъектов образовательного процесса:

- 1) те, кто останется здесь навсегда;
- 2) те, кто эмигрирует на историческую родину;
- 3) те, кто охвачен глобальным демографическим процессом.

При этом, разумеется, у каждой из них есть свои групповые интересы и жизненные предпочтения, которые также должны быть учтены.

Те, кто не покинет Молдову. В основной массе это люди третьего возраста, а также компактно проживающие сельские жители среднего возраста. Сюда же можно отнести и молодых людей, по каким-то

причинам не получивших того образования, которое требуется мигранту для выживания и этнопсихологической интеграции в странах, называемых исторической родиной, а тем более в государствах дальнего зарубежья.

Эта этническая группа живет в ограниченной национальной языковой и традиционной культурной среде, сохраняемой с того времени, когда предки ныне живущих поселились в Пруто-Днестровском междуречье. Здесь такие культурно-исторические круги сужаются все больше, а ассимиляция прямо угрожает указанной части молодежи либо ее детям, если и они не эмигрируют. Все три составляющие данной этнической группы способны сохранить свою национальную и духовную идентичность посредством соблюдения национально-культурных традиций, взаимного общения, используя радио, телевидение, печатную продукцию на родном языке. Как показывает практика, известная в Молдове с 1989 г., изучение молодежью этой группы родного языка в общеобразовательной школе, если она проживают дисперсно в городах и в селах со смешанным этносом, скорее всего, будет невозможным (имеется в виду молодежь из числа немецкого, греческого, польского, белорусского населения республики). Варианты сохранения этнической и национально-культурной идентичности: семья, индивидуальные усилия, организация факультативных занятий при содействии национальных общин.

Те, кто планирует вернуться на историческую родину (украинское, русское, болгарское, еврейское меньшинства). Они входят в группы миноритариев молодого и среднего возрастов. Для них знание языка, истории и культуры своего народа является необходимым условием возвращения на историческую родину. Изучение этих предметов следует начать с самого раннего возраста и продолжать все годы обучения в общеобразовательной школе, а также в школе с родным языком обучения (такие еще существуют на правом берегу Днестра). Учащимся из этой группы миноритариев, поскольку они в силу возраста еще не определились со своим будущим, следует ориентироваться на свободное владение государственным языком, а также на углубленное изучение хотя бы одного иностранного языка, кроме русского. Такая широкая языковая подготовка не только сделает их конкурентоспособными в самой Молдове, предоставит равные шансы в карьере на исторической родине, но и сослужит хорошую службу, если жизненные обстоятельства принудят их выехать в дальнее зарубежье.

Те, кто охвачен глобальным демографическим процессом, т. е. планирует выехать в Западную Европу, США, Канаду, Австралию. Они не могут игнорировать общеобразовательную школу Молдовы

с государственным языком обучения. Вместе с тем им, кроме родного и румынского языков, необходимо изучать также английский, признаваемый всеми как язык общемировой практики, и еще один из распространенных на всех континентах иностранных языков (французский, испанский, португальский, немецкий). Эта группа миноритариев должна сочетать государственные возможности обучения с общественными по линии национально-культурных организаций и личными возможностями (самообразование, репетиторство).

Такими видятся наиболее общие концептуальные подходы. Однако в каждом отдельном случае (город, этнически однородное село, село со смешанным населением из двух, трех и более этнических компонентов) и в каждой из трех указанных выше групп они могут наполняться собственной конкретикой. Методическое и кадровое обеспечение национально-культурного развития миноритариев Молдовы остается за их историческими метрополиями. Однако содержание учебно-просветительской деятельности может и должно оформляться прежде всего в диаспорах – путем осознания и документальной фиксации собственных злободневных потребностей.

Ведущая роль в этом, несомненно, принадлежит группам местной интеллигенции, ориентированным на активное стимулирование этнокультурного развития меньшинств. К сожалению, оценки взглядов формирующей общественное мнение интеллигенции Республики Молдова давно и вполне устойчиво фиксируются такими определениями, как «гибридность идеалов», «социокультурный раскол» и «цивилизационное раздвоение» (ср.: Ахиезер 1991: 261–262). В повседневности они проявляются в метаниях между Востоком и Западом, в отсутствии однозначных предпочтений молдавского или румынского, в стремлении образованных людей обзавестись и даже щеголять несколькими иностранными паспортами.

В такой общественно-политической атмосфере большую значимость имеет продолжение исследований в духе И.А. Анцупова, которые характеризуются несомненной воспитательной ценностью. Здесь уже можно подвести некоторые итоги. За последние 15–20 лет выпущено в свет немало монографических работ (не говоря о великом множестве статей), посвященных истории различных групп национальных меньшинств региона. В попытке их классифицировать выделим основные виды изданий, посвященных наиболее важным вопросам:

– отдельному народу или этноконфессиональной общности – молдаванам (Шорников 2007; Стати 2009), русским старообрядцам (Пригарин 2010), гагаузам (Шабашов 2002; Гагаузы 2011); болгарам, гагаузам и другим «задунайским переселенцам» (Грек, Руссев 2011); русинам (Суляк 2004) и др.;

– определенному историческому ареалу – украинскому Подунавью (Лебеденко, Тичина 2002), Бессарабии (Паламарчук 2008), Буджаку (Буджак 2014; Ганжа, Пундик 2013; Грек 2016), а также какому-либо населенному пункту – например, городам Комрату (Булгар 2008) и Тараклии (Червенков, Думиника 2013), селам Яровое (Грек 2006), Чишмикией (Карамиля, Орган 2009), Суворово (Руссев 2017) и пр.;

– данному отрезку исторического развития народа на той или иной территории – населению XVIII в. на территориях, лежащих к востоку от реки Прут (Хайдарлы 2008), болгарским и гагаузским селам в 1857–1918 гг. (Новаков 2004), участию представителей этих народов в Первой мировой войне (Капанжи 2017), жизни русской диаспоры Бессарабии под властью Румынии (Скворцова 2002) и т. д.

Однако подробный обзор опубликованной литературы не является для нас целью. Мы хотим с твердых исследовательских позиций, которых всегда строго придерживался И.А. Анцупов, с тревогой отметить: по мере количественного роста такого рода публикаций в руки читателей все чаще попадают не научные и научно-популярные произведения, а «скороспелые» творения, очень далекие от исторической истины. Не столь важно, вызвано ли их появление конъюнктурными соображениями, непомерными личными амбициями авторов, их разудалым воображением или попросту девственным невежеством борзописцев, ловко увернувшихся от мудростей затхлых архивных записей и скуки противоречивых ученых книг. По большому счету, все равно. Гораздо опаснее снижение требований к качеству исполнения работ по истории – планке, которая со времени распада СССР и по мере ухода «последних академических зубров» упала донельзя.

Не удивительно, что молодые люди, поступая в университеты, не проявляют большого интереса к исследовательской работе. Даже способные студенты отказываются видеть в ней смысл и рассматривают полученные дипломы только как формальный пропуск к своей будущей карьере, зачастую вовсе не имеющей отношения к основной специальности.

Таковы жесткие условия, в которых предстоит решить трудную комплексную задачу – поднять уровень исторических исследований, привлекая к этому студентов. Это немислимо сделать усилиями одиночек. Однако они могут быть полезны для постановки привлекательных творческих задач. Нацелить молодых ученых на новизну в исследованиях оказалось не по силам анемичным учреждениям Академии наук. Бесславный финал в первую очередь уготован гуманитариям, в частности и исследователям проблем меньшинств из Института культурного наследия...

Стремясь не допустить полной деградации исторических исследований и знаний, считаем нужным конспективно изложить некоторые

предложения, вытекающие из идей как И.А. Анцупова, так и его единомышленников. Полагаем, что представителям нацменьшинств Молдовы, а равно и титульному населению во имя собственного будущего чрезвычайно важно понять непреложную истину: история – «не только след прошлого, но и активный механизм настоящего» (Лотман 2000: 388). Надо знать историю человечества, начиная с родного порога. Знать историю земли, на которой живешь, какой бы она неприглядной ни была. Знать, чтобы прочно стоять на ней и, если понадобится, – за нее.

Исторические и связанные с ними исследования впредь следует сосредоточить главным образом в университетах. Это диктуется наличием в вузах кадров высшей квалификации и возможностью подготовить их усилиями молодых исследователей из числа студентов. Немаловажно и то, что университет позволяет сосредоточить для этих целей необходимые финансовые средства и оборудование, привлечь консультантов, издавать научную продукцию, рассказывать о новейших научных достижениях в ходе живых форумов и посредством масс-медиа.

На примере Тараклийского университета им. Г. Цамблака, финансируемого Молдовой совместно с Болгарией и призванного решать научно-образовательные проблемы болгар края, можно уже сейчас определить основные направления исследований, осуществление которых после решения соответствующих текущих задач реально начать в ближайшем будущем. Их как минимум пять:

- история и этнология;
- археология;
- лингвистика;
- музыка и фольклор;
- социология и демография.

Если говорить о новизне будущих исследований, то, пожалуй, наиболее своевременным и актуальным является обращение к антропологическому аспекту данной тематики (Руссев 2005: 182–190). Хорошо известно, что история – «наука о людях» (Блок 1973: 19). Эта простая мысль уже сотни лет с трудом пробивает себе дорогу в коллективный разум человечества, хотя еще Конфуций учил: знания заключаются в том, чтобы «знать людей». Правда, и ныне представителей верхушки (читай: заказчиков исторических разработок) по большей части печалит только то, что люди недостаточно знают лично их (Мартынов 2001: 216, 294). Впрочем, выражаем надежду, что понимание этого противоречия также является залогом успешного решения актуальных задач изучения этнокультурных общностей.

Указанные направления и пути их решения требуют определенного напряжения и перестройки работы. Однако они не должны

восприниматься как дополнительная, а тем более бессмысленная нагрузка на вузы, даже если они еще именуют себя «молодыми». Уместно напомнить, что только на юге Молдовы ныне работают три государственных университета, способных и обязанных заниматься смежными проблемами гуманитарных наук, – в Кагуле, Комрате, Тараклии. Для решения общих задач к сотрудникам Тараклийского университета могут примкнуть представители близлежащего зарубежного Придунавья из Измаила и Галаца. В перспективе добавим Бельцы, Кишинев, Тирасполь, а также вузы Украины (прежде всего, Запорожья, Львова, Одессы, Ужгорода, Черновцов). Однако в первую очередь целесообразно привлечь университеты Болгарии – Велико Тырново, Русе, Благоевграда, Варны, Софии и др. Только при таком подходе можно обеспечить сохранение традиционного этнокультурного многоцветья региона, остановить процессы обезличивания народов Буджака и всей Молдовы.

О совместных крупных проектах пока еще приходится мечтать. Однако на данном начальном этапе уже требуется четко осознать широкие возможности научной деятельности для кооперации, сотрудничества, координации и консолидации усилий. В то же время нельзя упускать из виду, что в науке всегда была важна личная инициатива, готовность брать персональную ответственность за судьбу выдвинутой идеи. В таком ракурсе жизнь и деятельность И.А. Анцупова – бесценный пример самоотверженного служения Истине.

ЛИТЕРАТУРА

Анцупов 1966 - *Анцупов И.А.* Государственная деревня Бессарабии в XIX веке. Кишинев, 1966.

Анцупов 1978 - *Анцупов И.А.* Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812–1870 гг.). Кишинев, 1978.

Анцупов 1981 - *Анцупов И.А.* Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в. Кишинев, 1981.

Ахиезер 1991 - *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 1.

Блок 1973 - *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1973.

Буджак 2014 - Буджак: историко-этнографические очерки народов юго-западных районов Одессщины / ред. А.И. Киссе, А.А. Пригарин, В.Н. Станко. Одесса, 2014.

Булгар 2008 - *Булгар С.С.* История города Комрата. Кишинэу, 2008.

Гагаузы 2011 - Гагаузы / отв. ред. М.Н. Губогло, Е.Н. Квилинкова. М., 2011.

Ганж, Пундик 2013 - *Ганжа А.И., Пундик Н.В.* 2013. Буджакский излом. Одесса, 2013.

Грек 1993 - *Грек И.Ф.* Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века. Кишинев, 1993.

- Грек 2006 - Грек И.Ф. Гюлмян – Дюлмен – Яровое. Кишинев, 2006.
- Грек 2016 - Грек И.Ф. Буджак: история земли и населения (VII в. до н.э. – XXI в.). Кишинев, 2016.
- Грек, Руссев 2011 - Грек И.Ф., Руссев Н.Д. 1812 – поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинев, 2011.
- ИМДМ 1969 - История Молдавии. Документы и материалы: в 5 т. Т. 3: Положение крестьян и крестьянское движение в Бессарабии (1812–1861 гг.). Кишинев, 1969.
- Капанжи 2017 - Капанжи С. Гагаузы и болгары Бессарабии в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Кишинев, 2017.
- Карамия, Орган 2009 - Карамия М., Орган С. Чижмикей. Материалы по истории села (1809–2009 гг.). Кишинев, 2009.
- Клакхон 1998 - Клакхон К.К.М. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998.
- Лебеденко, Тичина 2002 - Лебеденко О.М., Тичина А.К. Українське Подунав'я: минуле та сучасне. Одеса, 2002.
- Лотман 2000 - Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
- Мартынов 2001 - Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй». СПб., 2001.
- Новаков 2004 - Новаков С.З. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии (1857–1918). Кишинев, 2004.
- Паламарчук 2008 - Паламарчук С.В. Забытая земля: историческая область Бессарабия. Одесса, 2008.
- Пригарин 2010 - Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX в. Одесса; Измаил; Москва, 2010.
- Руссев 2005 - Руссев Н.Д. Антропологическое образование – фактор цивилизованного диалога культур // Educație Multiculturală ca mijloc de management al diversității și de integrare în societatea polietnică. Materiale Conferinței Internaționale. Chișinău, 2005. С. 182–190.
- Руссев 2017 - Руссев Н.Д. Шикирлик – Суворово: два века в истории (1815–2015). По документам и рассказам участников событий. Одесса, 2017.
- Скворцова 2002 - Скворцова Е.Ю. Русские Бессарабии: опыт жизни в диаспоре (1918–1940 гг.). Кишинев, 2002.
- Стати 2009 - Стати В. Молдаване. Историческое и этнополитическое исследование. Кишинев, 2009.
- Суляк 2004 - Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2004.
- Хайдарлы 2008 - Хайдарлы Д.И. Население Пруто-Днестровского междуречья и южных районов левобережья Днестра в XVIII в. Этнодемографические и исторические аспекты. Кишинев, 2008.
- Червенков, Думиника 2013 - Червенков Н., Думиника И. Тараклии – 200 лет. Т. I (1813–1940). Кишинев, 2013.
- Шабашов 2002 - Шабашов А.В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002.
- Шорников 2007 - Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007.

REFERENCES

- Antsupov, I.A. (1996) *Gosudarstvennaya derevnya Bessarabii v XIX veke* [The state village of Bessarabia in the 19th century]. Chişinău: Cartea Moldovenească.
- Antsupov, I.A. (1978) *Agrarnye otnosheniya na yuge Bessarabii (1812–1870 gg.)* [Agrarian relations in the south of Bessarabia (1812–1870)]. Chişinău: Ştiinţa.
- Antsupov, I.A. (1981) *Sel'skokhozyaystvennyy rynek Bessarabii v XIX v.* [The agricultural market of Bessarabia in the 19th century]. Chişinău: Ştiinţa.
- Akhiezer, A.S. (1991) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: Criticism of historical experience]. Vol. 1. Moscow: FO USSR.
- Blok, M. (1973) *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [The apology of history or the craft of a historian]. Moscow: Nauka.
- Kisse, A.I., Prigarin, A.A. & Stanko, V.N. (eds) (2014) *Budzhak: istoriko-etnograficheskie ocherki narodov yugo-zapadnykh rayonov Odesshchiny* [Budzhak: historical and ethnographic essays of the peoples in the south-western regions of Odessa]. Odessa: PostScriptUm.
- Bulgar, S.S. (2008) *Istoriya goroda Komrata* [History of Comrat]. Chişinău: Reclama.
- Guboglo, M.N. & Kvilinkova, E.N. (eds) (2011) *Gagauzy* [The Gagauzes]. Moscow: Nauka.
- Ganzha, A.I. & Pundik, N.V. (2013) *Budzhakskiy izlom* [The Budjak breakage]. Odessa: Astroprint.
- Grek, I.F. (1993) *Shkola v bolgarskikh i gagauzskikh poseleniyakh yuga Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX veka* [The school in the Bulgarian and Gagauz settlements in the south of the Russian Empire in the first half of the 19th century]. Chişinău: Ştiinţa.
- Grek, I.F. (2006) *Gyulmyan – Dyulmen – Yarovoe* [Gyulmyan – Dulmen – Yarovoe]. Chişinău: S.Ş.B.
- Grek, I.F. (2016) *Budzhak: istoriya zemli i naseleniya (VII v. do n.e. – XXI v.)* [Budjak: the history of the land and population (the 7th century BC – 21st century)]. Chişinău: Stratum Plus.
- Grek, I.F. & Russev, N.D. (2011) *1812 – povorotnyy god v istorii Budzhaka i “zadunayskikh pereselentsev”* [1812 – a turning year in the history of Budjak and the “trans-Danube migrants”]. Chişinău: Stratum plus.
- Grosul, Ya.S. (ed.) (1969) *Istoriya Moldavii. Dokumenty i materialy: v 5 t.* [History of Moldova. Documents and materials: In 5 vols]. Vol. 3. Chişinău: Ştiinţa.
- Kapanzhi, S. (2017) *Gagauzy i bolgary Bessarabii v Pervoy mirovoy voyne 1914–1918 gg.* [Gagauz and Bulgarians of Bessarabia in the First World War 1914–1918]. Chişinău: [s.n.].
- Karamilya, M. & Organ, S. (2009) *Chishmikey. Materialy po istorii sela (1809–2009 gg.)* [Chishmikey. Materials on the history of the village (1809–2009)]. Chişinău: Serebia.
- Clackhon, K.K.M. (1998) *Zerkalo dlya cheloveka. Vvedenie v antropologiyu* [Mirror for Man. The Relation of Anthropology to Modern Life]. St. Petersburg: Evraziya.
- Lebedenko, O.M. & Tichina, A.K. (2002) *Ukrains'ke Podunav'ya: minule ta*

suchasne [Ukrainian Danube: past and present]. Odessa: Astroprint.

Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.

Martynov, A.S. (2001) *Konfutsianstvo. "Lun'yuy"* [Confucianism. The Analects]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, Azbuka-klassika.

Novakov, S.Z. (2004) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie bolgarskikh i gagauzskikh sel Yuzhnoy Bessarabii (1857–1918)* [Social and economic development of the Bulgarian and Gagauz villages of Southern Bessarabia (1857–1918)]. Chişinău: [s.n.].

Palamarchuk, S.V. (2008) *Zabytaya zemlya: istoricheskaya oblast' Bessarabiya* [The forgotten land: the historical region of Bessarabia]. Odessa: Astroprint.

Prigarin, A.A. (2010) *Russkie staroobryadtsy na Dunae: formirovanie etnokonfessional'noy obshchnosti v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Russian Old Believers on the Danube: the formation of an ethno-confessional community in the late 18th – first half of the 19th centuries]. Odessa; Izmail; Moscow: Smil–Arkheodoksiya.

Rusev, N.D. (2005) [Anthropological education is a factor of the civilized dialogue of cultures]. *Educație Multiculturală ca mijloc de management al diversității și de integrare în societatea polietică* [Multicultural Education as a means of managing diversity and integrating into the polytheistic society]. Proc. of the International Conference. Chişinău. pp. 182–190.

Rusev, N.D. (2017) *Shikirlık – Suvorovo: dva veka v istorii (1815–2015). Po dokumentam i rasskazam uchastnikov sobytiiy* [Shikirlık – Suvorovo: two centuries in history (1815–2015). According to documents and stories of participants in the events]. Odessa: Chernomor'e.

Skvortsova, E.Yu. (2002) *Russkie Bessarabii: opyt zhizni v diaspore (1918–1940 gg.)* [Russian Bessarabia: the experience of living in the Diaspora (1918–1940)]. Chişinău: Pontos.

Stati, V. (2009) *Moldavane. Istoricheskoe i etnopoliticheskoe issledovanie* [Moldavians. Historical and ethno-political research]. Chişinău: [s.n.].

SuLyak, S.G. (2004) *Oskolki Svyatoy Rusi. Ocherki etnicheskoy istorii rusnakov Moldavii* [The shards of Holy Rus. Essays on the ethnic history of Moldavian Rusnaks]. Chişinău: Tat'yana.

Khaydarly, D.I. (2008) *Naselenie Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ya i yuzhnykh rayonov levoberezh'ya Dnestra v XVIII v. Etnodemograficheskie i istoricheskie aspekty* [The population of the Pruto-Dniester interfluvium and southern regions of the left bank of the Dniester in the 18th century. Ethnodemographic and historical aspects]. Chişinău: [s.n.].

Chervenkov, N. & Duminika, I. (2013) *Taraklii – 200 let* [Taraclia – 200 years old]. Vol. 1. Chişinău: [s.n.].

Shabashov, A.V. (2002) *Gagauzy: sistema terminov rodstva i proiskhozhdenie naroda* [Gagauz: the system of terms of kinship and the origin of the people]. Odessa: Astroprint.

Shornikov, P.M. (2007) *Moldavskaya samobytnost'* [Moldovan identity]. Tiraspol: Pridnestrovian State University.

Грек Иван Федорович – кандидат исторических наук, политолог, член Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova» (Молдова).

Ivan Grek – Pro-Moldova Association of Historians and Political Scientists (Moldova).

E-mail: ivangrec39@mai1.ru

Руссев Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры филологии, истории и общественных наук Тараклийского государственного университета им. Г. Цамблака (Молдова).

Nikolai Russev – G. Tsamblak State University of Taraclia (Moldova).

E-mail: nrussev@mail.ru

УДК 903.25:391(478)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/3

ПЕРСТЕНЬ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ С ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

В.С. Синика^{1,2}, Н.П. Тельнов³

¹ Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

² Нижневартровский государственный университет
Россия, 628605, Нижневартовск, ул. Ленина, 56

E-mail: sinica80@mail.ru

³ Институт культурного наследия Академии наук Молдовы
Молдова, 2001, г. Кишинев, бул. Штефана чел Маре, 1

E-mail: telnovnikolai@mail.ru

Авторское резюме

В работе описывается бронзовый перстень, обнаруженный в 2016 г. у с. Индия Григориопольского района на левобережье Нижнего Днестра. Изображение кормы корабля на щитке перстня ранее не встречалось на подобных украшениях. Однако схожие изображения известны на реверсах монет Фаселиса, чеканившихся в IV–III вв. до н.э., причем ближайшие находке из с. Индия аналогии датируются серединой III в. до н.э. На аверсах монет Фаселиса изображен нос корабля. Эта эмблема встречается на синопских клеймах астинома Ἀντίπατρος ὁ Νίκωνος, исполнявшего обязанности в начале 240-х гг. до н.э., а также на бронзовых монетах Истрии второй половины III в. до н.э. На основании этих аналогий перстень из Индии датируется последней четвертью III в. до н.э. Слои III–II вв. до н.э. известны на поселениях Токмазея, Парканы-II, Слободзея-IV, Чобручи и Красное на левобережье Днестра. При этом место находок скифских предметов у с. Индия расположено в 12,5 км к северу – северо-востоку от самого северного из ранее известных поселений – у с. Токмазея. На правобережье Днестра известно поселение у с. Паланка, предварительно датированное последней четвертью III – началом II в. до н.э. Скифские погребальные памятники III–II вв. до н.э. также известны как на правобережье, так и на левобережье Нижнего Днестра. К тому же времени относится депонирование ряда скифских кладов в Нижнем Поднестровье. По всей видимости, этот эллинистический перстень из с. Индия фиксирует еще один памятник, функционировавший, наряду с ранее выявленными, в III–II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра.

Ключевые слова: бронзовый перстень, корма корабля, монеты Фаселиса и Истрии, синопские клейма, памятники III–II вв. до н.э., Нижнее Поднестровье.

A HELLENISTIC FINGER-RING FROM THE LEFT BANK OF THE LOWER DNIESTER

V.S. Sinika^{1,2}, N.P. Telnov³

¹ Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25 Street, Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova

² Nizhnevartovsk State University

56 Lenin Street, Nizhnevartovsk, 628605, Russia

E-mail: sinica80@mail.ru

³ The Institute of Cultural Patrimony of the Academy of Sciences of
Moldova

1 Stefan cel Mare Avenue, Chişinău, 2001, Moldova,

E-mail: telnovnikolai@mail.ru

Abstract

The paper describes a bronze finger-ring discovered in 2016 near the village of India, Grigoriopol District, on the left bank of the Lower Dniester. The image of the ship stern on the ring's plate has never been previously found on such adornments. However, similar images are found on the reverse of Phaselias coins minted in the 4th-3rd cc. BC. The closest analogies date by the middle of the 3rd c. BC. The obverse of the Facelias coins represents the bow of the ship. This emblem is found on the Sinope stamps of the *astinomoi* Ἀντίπατρος ὁ Νίκωνος, performing duties in the early 240s. BC, as well as on the bronze Histria coins in the second half of the 3rd c. BC. Basing on these analogies, the finger-ring from India dates from the last quarter of the 3rd c. BC. The layers of the 3rd – 2nd centuries BC are found on Tokmazeya, Parkany-II, Slobodzeya-VI, Chobruchi and Krasnoe on the left bank of the Dniester. The Scythian objects of India were discovered 12.5 km to the north-north-east of the northernmost of the previously known settlements – near Tokmazeya. On the right bank of the Dniester there is a settlement near the village of Palanka, preliminary dated by the last quarter of the 3rd – early 2nd cc. BC. Scythian funeral sites of the 3rd – 2nd cc. BC are found both on the right and left banks of the Lower Dniester. A number of Scythian hoards deposited in the Lower Dniester region are dated by the same time. Apparently, the Hellenistic finger-ring from India records another site functioning along with those previously identified in the 3rd–2nd cc. BC on the left bank of the Lower Dniester.

Keywords: bronze finger-ring, ship stern, Phaselias and Histria coins, Sinope stamps, sites of the 3rd–2nd cc. BC, Lower Dniester region.

В 2016 г. у с. Индия Григориопольского района на левобережье Нижнего Днестра был обнаружен античный перстень. Артефакт сразу же поступил на постоянное хранение в Музей археологии Поднестровья Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Археологи незамедлительно обследовали место находки, расположенное в 0,2 км к западу от западной окраины с. Индия и в 0,12 км к востоку от восточного берега р. Днестр. При закладке шурфа на указанном находчиком месте были найдены невыразительные фрагменты греческих амфор, лепных сосудов, бронзовая ручка зеркала «ольвийского» типа (V в. до н.э.) и несколько бронзовых трехлопастных наконечников стрел (IV в. до н.э.). При этом выраженного культурного слоя выявлено не было. Не исключено, что он не фиксируется ввиду глубокой плантажной распашки, проведенной после раскорчевки старого яблоневого сада.

Перстень изготовлен из бронзы, литой. Габариты перстня 22 × 16 мм. Размеры ромбического сечения кольца в нижней части 2 × 1,5 мм, у шитка – 4 × 2 мм. Внутренний диаметр кольца 13 мм. Плоский щиток подовальной формы длиной 10 мм, шириной 8 мм и толщиной 1 мм (в центральной части) содержит изображение (см. рис. 1, 1). На щитке тончайшим резцом выгравирована корма корабля, смотрящая влево. Она плавно переходит в дугу, по-видимому, корабельное украшение. Допускаем, что это аплустр. Периметр левой части изображения оформлен в виде треугольных зубцов, прилегающих друг к другу (рис. 1, 2).

Первоначально поиск аналогий данному изображению с целью его хронологической атрибуции успехом не увенчался. Очевидно было только одно – перстень является продукцией мастерской эллинистического времени. Складывалось впечатление, что изображение на щитке перстня выполнено по образцу, который должен встречаться на древнегреческих монетах.

Мы учитываем то обстоятельство, что скифы Северного Причерноморья широко использовали в качестве украшений бляшки так называемых монетных типов. Наиболее известными из них являются бляшки с профильным изображением головы бородатого мужчины (Зевса), подражающие аверсам золотых статеров Филиппа II Македонского. Подобные находки происходят из Александропольского кургана (МАР 1866: табл. VIII: 3; Polin, Daragan 2011: abb. 22: 4), кургана Чертомлык (Алексеев 1986: 68; Алексеев и др. 1991: 117), Мелитопольского кургана (Тереножкин, Мозолевский 1988: 87, рис. 98: 16; 99), 1-го Мордвиновского кургана (Лесков 1974: рис. 36),

Деева кургана (Спицын 1906: табл. XIII: 1, 2, 13), Западной Могилы кургана Ташенак (Болтрик, Фиалко 1991: 8, рис. 1), Татьяниной Могилы (Мурзін та ін. 1993: 90, рис. 4: 5), Денисовой Могилы (Мозолевский 1980: 133, рис. 68: 8), Малого Огуза (Спицын 1906: 167, табл. XIV: 6, 21), Центральной (Спицын 1906: 161, рис. 10) и Северной (Фиалко 2003: 130, рис. 1: 4) гробниц кургана Огуз, кургана 11 у с. Новониколаевка (Болтрик, Фиалко 2010: 236, рис. 11: 14), впускного захоронения кургана Верхний Рогачик (Онайко 1970: табл. XLI: 493-и) и погребения 22/1 Золотобалковского курганного могильника (Полин 2014: 117, рис. 106: 2) в Нижнем Поднепровье. На Нижнем Дону такие бляшки известны в захоронении 8/1 Песочинского могильника (Бабенко 2005: 134, рис. 17: 6, фото 6) и в 8-м Пятибратнем кургане (Копылов, Язовских 2004: 62). С.В. Полин, обобщивший данные о подобных находках, считает, что золотые бляшки, подражающие монетам Филиппа II Македонского, «безусловно, должны датироваться временем Филиппа, как датируются сами монеты Филиппа, которым они подражают, т. е. концом второй – началом третьей четверти IV в. до н.э. и никак иначе» (Полин 2014: 178). С таким категоричным мнением мы позволим себе не согласиться, тем более что датировка Александропольского кургана в пределах третьей четверти IV в. до н.э. (Мозолевский, Полин 2005: 373–375; Полин 2014: 490–499) уже оспаривалась (Кац 2007: 346; Тельнов и др. 2016b: 987).

Бляшки другого монетного типа – с изображением грифона – подражали пантикапейским статерам. Такие бляшки, в частности, обнаружены в нижнеднепровских курганах Малый Огуз (Спицын 1906: табл. XIV: 22), в женской гробнице Толстой Могилы (Мозолевский 1979: 131, рис. 113: 8; 115) и в Татьяниной Могиле (Мурзін та ін. 1993: 90, рис. 4: 9). Еще одно изображение грифона данного «монетного» типа находится на электровом перстне из Красноперекоского кургана № 22 (Лёсков 1974: 82, рис. 70) в Нижнем Поднепровье. Кроме того, сами пантикапейские статеры известны в составе перстней, обнаруженных в скифских курганах Северного Причерноморья. Три золотых перстня со статерами в качестве щитков происходят из Рыжановского кургана (Мозолевский, Полин 2005: 394, рис. 142: 40) в Среднем Побужье, еще один был найден в кургане № 92 у с. Марьевка (Мозолевский, Полин 2005: 394, рис. 143: 43). С.В. Полин считает, что датировки всех пантикапейских статеров укладываются в IV в. до н.э. (Мозолевский, Полин 2005: 392–410), а Рыжановский курган датирует «не позднее третьей четверти IV в. до н.э.» (Полин 2014: 503), хотя последняя точка зрения неоднократно подвергалась критике (Алексеев 2015: 91, прим. 4; Тельнов и др. 2016b: 989).

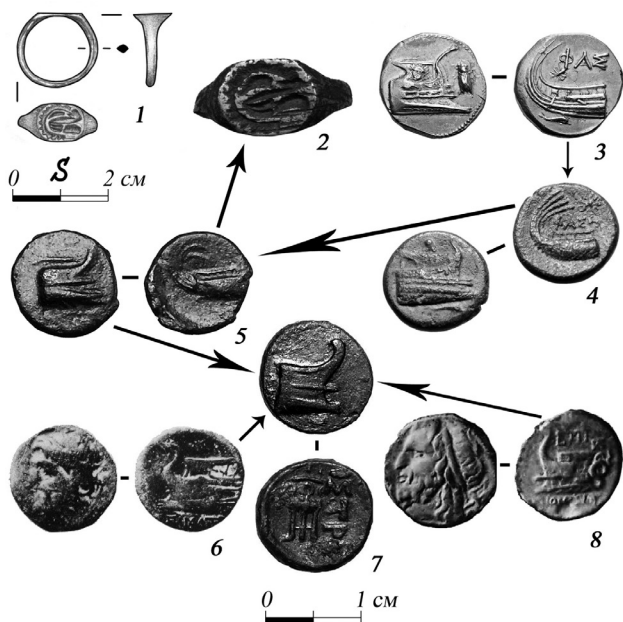

Рис. 1. Бронзовый перстень из с. Индия (1) и изображение на щитке перстня (2); монеты Фаселиса с изображением кормы корабля на реверсе (3–5), монеты Византия (6, 8) и Истрии (7) с носом корабля на аверсе.

Перечисленные выше примеры использования скифами украшений, в основе которых лежат изображения на греческих монетах, указывали на направление поиска аналогий изображению на перстне из с. Индия. В итоге именно этот путь и оказался результативным. Мы обратили внимание, что корма корабля, украшенная аналогичным по форме аплустром, известна на монетах греческого города Фаселис, основанного выходцами с о-ва Родос в конце VII в. до н.э. на южном побережье п-ова Малая Азия в Северо-Восточном Средиземноморье (Hill 1897: lxvi, pl. XVI: 7–11). В IV–III вв. до н.э. известны серебряные и бронзовые монеты с изображением задней части корабля влево.

В частности, на серебряных статерах IV в. до н.э., помимо изображения кормы корабля, отчеканены и другие элементы композиции: дельфин под кормой, первые три буквы этника (ΦΑΣ) и звездочка под ними (<https://nomosag.com/default.aspx?page=ucWebAuctionDetails&webauctionid=4&id=380>) (рис. 1, 3); первые три буквы этника (ΦΑΣ) и летящая Ника с венком в руках (SBG 2017: 13, № 2059). К IV–III вв. до н.э. относятся эмиссии бронзовых монет, на реверсе

которых, кроме кормы, находятся первые четыре буквы (ΦΑΣΗ) этникона (romanumismatics.com/archive/e-sale-12/lot/0522/) (см. рис. 1, 4).

Однако ближайшей известной нам аналогией изображению на щитке перстня из с. Индия является реверс бронзовой монеты из Фаселиса, дата которой определяется серединой III в. до н.э. Здесь на чистом монетном поле нет никаких иных изображений, помимо кормы корабля, украшенной аплустром (Hill 1897: 80, № 6, pl. XVI: 9) (рис. 1, 5).

Обратим внимание, что на всех указанных монетах Фаселиса на лицевой стороне находится нос корабля. Изображение этой части судна известно на редчайших бронзовых истрийских монетах, введенных в научный оборот относительно недавно. Примечательно, что на них изображение обрамлено сверху и снизу надписью (Petac și alț. 2010: 181, fig. 1) (рис. 1, 7) Авторы публикации с осторожностью датировали их концом III в. до н.э. на основании сходства с монетами Византия с изображениями носа корабля (рис. 1, 6, 8), время чеканки которых было ограничено 235–220 гг. до н.э. (Petac și alț. 2010: 182, 185, pl. I: 3, 4).

Также в то время, во второй половине III в. до н.э., эмблема «нос корабля» известна на синопских клеймах астинома Ἀντίπατρος ὁ Νίκωνος (Граков 1956: № 1144, 1145, 1182), деятельность которого относят к началу 240-х гг. до н.э. (Кац 2007: 435, прил. VII).

С учетом аналогий первого (наличие на монетах Фаселиса кормы корабля, подобной изображенной на щитке перстня из с. Индия) и второго (изображения носа корабля на стateraх Фаселиса, истрийских драхмах и синопских клеймах) уровней перстень из с. Индия мы датировем второй половиной III в. до н.э., предпочтительно последней четвертью указанного столетия.

Находка этого украшения, не оторванного от иных скифских артефактов, обнаруженных у с. Индия (пусть и более ранних), как показали современные исследования, не является чем-то неординарным в Нижнем Поднестровье.

Слои III–II вв. до н.э. известны на поселениях Токмазея (Синика 2017а), Парканы-II (Синика 2017b), Слободзея-IV (Синика, Иващенко 2017), Чобручи (Иващенко 2012; Фидельский и др. 2017) и Красное (Синика и др. 2012) на левобережье Днестра. При этом место находок скифских предметов у с. Индия расположено в 12,5 км к северу–северо-востоку от самого северного из ранее известных поселений – у с. Токмазея. На правобережье Днестра известно поселение у с. Паланка, предварительно датированное последней четвертью III – началом II в. до н.э. (Ткачук и др. 2016).

Скифские погребальные памятники III–II вв. до н.э. также известны как на правобережье (Разумов, Синика 2017), так и на левобережье

(Синика 2002: 86–87; Четвериков, Синика 2002; Синика 2006а: 59; 2006b: 220; Четвериков, Синика 2009; Кривенко и др. 2011; Синика 2011; Синика 2012; Синика и др. 2014: 66–74; Тельнов, Синика 2014а; Синика, Тельнов 2015; Синика и др. 2016: 75–76; Тельнов и др. 2016а; Тельнов и др. 2016b) Нижнего Днестра.

К тому же времени относится депонирование ряда скифских кладов в Нижнем Поднестровье (Зайцев 2012а: 58–63; 2012b; 2012с: 69; Тельнов, Синика 2014b: 33, 38, 40–41; Карнаух и др. 2016: 226–227).

С учетом перечисленного бронзовый перстень из с. Индия с выгравированным изображением кормы корабля на щитке не только представляет собой уникальное произведение торевтики эллинистической эпохи, свидетельствующее о различных культурных импульсах, проникавших в Северо-Западное Причерноморье. Также эта находка является важным историческим источником, расширяющим наши знания об ареале археологических памятников III–II вв. до н.э. в Поднестровье.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1986 - *Алексеев А.Ю.* Нашивные бляшки из Чертомлыкского кургана // *Античная торевтика*. Л.: Государственный Эрмитаж, 1986. С. 64–74.

Алексеев 2015 - *Алексеев А.Ю.* О радиоуглеродном датировании скифских курганов Северного Причерноморья // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. СПб.: ГЭ, 2015. Вып. 40. С. 88–98.

Алексеев и др. 1991 - *Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.

Бабенко 2005 - *Бабенко Л.И.* Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: Райдер, 2005. 284 с.

Болтрик, Фіалко 1991 - *Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є.* Дослідження скіфського «царського» кургану Тащенак // *Археологічні дослідження на Україні 1990 р.* Київ: ІА НАНУ, 1991. С. 7–9.

Болтрик, Фіалко 2010 - *Болтрик Ю.В., Фіалко Е.Є.* Скифские курганы на р. Тащенак в Северо-Западном Приазовье // *Материалы та дослідження з археології східної України*. Вып. 10. Луганськ: Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля, 2010. С. 220–256.

Граков 1956 - *Граков Б.Н.* Синопа: клейма на пифосах, ручках и горлах амфор, на черепицах. (IOSPE III). М., 1956. Архив ИА РАН. Р-2. № 2189-2198.

Зайцев 2012а - *Зайцев Ю.П.* Античная керамика в ритуальных (вотивных)кладах Северного Причерноморья // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э.* Тирасполь: ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2012. С. 55–66.

Зайцев 2012b - *Зайцев Ю.П.* Латенский бронзовый сосуд из Великопольского // *Труды ГИМ*. М.: ГИМ, 2012. Вып. 191. С. 129–151.

Зайцев 2012с - *Зайцев Ю.П.* Северное Причерноморье в III–II вв. до н.э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь: ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2012. С. 67–72.

Иващенко 2012 - *Иващенко М.В.* Амфорные клейма из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь: ПГУ им. Т.Г. Шевченко, 2012. С. 81–86.

Карнаух и др. 2016 - *Карнаух Е.Г., Сердюк М.И., Синика В.С.* Скифский клад из Дебальцево // *Stratum plus*. 2016. № 3. С. 217–238.

Кац 2007 - *Кац В.И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования. Вып. 18. Симферополь; Керчь, 2007. 480 с.

Копылов, Язовских 2004 - *Копылов В.П., Язовских А.Г.* Елизаветовское городище и курганный могильник // Сокровища донских степей из собрания Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д: Ростов. обл. музей краеведения, 2004. С. 59–67.

Кривенко и др. 2011 - *Кривенко А.В., Синика В.С., Тельнов Н.П.* Случайные находки III–II вв. до н.э. с левобережья Нижнего Днестра // *Stratum plus*. 2011. № 6. С. 41–45.

Лесков 1974 - *Лесков О.М.* Скарби курганів Херсонщини. Київ: Мистецтво, 1974. 124 с.

МАР 1866 - Материалы по археологии России. I (Древности Геродотовой Скифии). СПб.: Типография Императорской академии наук, 1866. 44 с.

Мозолевский 1980 - *Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. Киев: Наукова думка, 1980. С. 70–154.

Мозолевський 1979 - *Мозолевський Б.М.* Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 252 с.

Мозолевский, Полин 2005 - *Мозолевский Б.Н., Полин С.В.* Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев: СтилоС, 2005. 600 с. + 24 табл.

Мурзін та ін. 1993 - *Мурзін В.Ю., Полін С.В., Ролле Р.* Скіфський курган Тетянина Могила // Археологія. 1993. № 2. С. 85–101.

Онайко 1970 - *Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. Свод археологических источников. М.: Наука, 1970. Вып. Д1-27. 214 с.

Полин 2014 - *Полин С.В.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Филюк, 2014. 776 с.

Разумов, Синика 2017 - *Разумов С.Н., Синика В.С.* «Новый» скифский комплекс III в. до н.э. на правом берегу Нижнего Днестра // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 3. С. 6–19.

Синика 2002 - *Синика В.С.* Ритуальная плита как элемент скифской погребальной обрядности (по материалам курганных памятников Северо-Западного Причерноморья) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в Средние века. Ростов н/Д: Ростов. пед. ун-т, 2002. С. 85–87.

Синика 2006а - *Синика В.С.* О культе собаки у скифского населения Северного Причерноморья в VI–II вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов н/Д: НМЦ археологии РГПУ, 2006. С. 58–60.

Синика 2006б - *Синика В.С.* Собака в погребальном обряде варварского населения Северного Причерноморья в скифо-сарматское время // Археологическое изучение Центральной России. Липецк: РИЦ ЛГПИ, 2006. С. 219–222.

Синика 2011 - *Синика В.С.* О латенском влиянии на материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Древность: историческое знание и специфика источника. М.: Институт Востоковедения РАН, 2011. Вып. V. С. 184–187.

Синика 2012 - *Синика В.С.* О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Человек в истории и культуре. Одесса: Смил, 2012. Вып. 2. С. 264–272.

Синика 2017а - *Синика В.С.* Латенская фибула из Токмазеи // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2017. № 2. С. 111–115.

Синика 2017б - *Синика В.С.* Новый памятник III–II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра // Вестник НВГУ. 2017. № 2. С. 122–129.

Синика, Иващенко 2017 - *Синика В.С., Иващенко М.В.* Комплекс находок III в. до н.э. с поселения Слободзея-VI // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19, № 3. С. 223–228.

Синика и др. 2012 - *Синика В.С., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П., Четвериков И.А.* Поселение Красное на левобережье Нижнего Днестра // Stratum plus. 2012. № 3. С. 187–215.

Синика и др. 2014 - *Синика В.С., Меньшикова В.А., Тельнов Н.П.* Лепные курьлицы из памятников Северного Причерноморья IV–I вв. до н.э. // Stratum plus. 2014. № 3. С. 65–101.

Синика и др. 2016 - *Синика В.С., Разумов С.Н., Тельнов Н.П.* Археологическое наследие Приднестровья. Тирасполь: Stratum plus, 2016. 156 с.

Синика, Тельнов 2015 - *Синика В.С., Тельнов Н.П.* Комплекс вооружения и предметов воинского снаряжения из скифского могильника конца IV–II вв. до н.э. у с. Глиное в Нижнем Поднестровье // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2015. С. 180–190.

Спицын 1906 - *Спицын А.А.* Серогозские курганы // Известия Императорской археологической комиссии. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1906. Вып. 19. С. 157–174.

Тельнов и др. 2016a - *Тельнов Н.П., Разумов С.Н., Сеника В.С.* Кресальные кремни в погребальном обряде скифов (по материалам могильника у с. Глиное на Нижнем Днестре) // *Stratum plus*. 2016. № 3. С. 217–141.

Тельнов, Сеника 2014a - *Тельнов Н.П., Сеника В.С.* Зеркала из позднескифского могильника конца IV–II в. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье. Краснодар: Традиция, 2014. С. 239–249.

Тельнов, Сеника 2014b - *Тельнов Н.П., Сеника В.С.* Скифские памятники в степном Поднестровье: история изучения и современное состояние источниковой базы // *Русин*. 2014. № 2 (36). С. 29–54.

Тельнов и др. 2016b - *Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Сеника В.С.* Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное (Археологические памятники Приднестровья. III). Тирасполь: *Stratum plus*, 2016. 1096 с.

Тереножкин, Мозолевский 1988 - *Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.* Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка, 1988. 264 с.

Ткачук и др. 2016 - *Ткачук М.Е., Топал Д.А., Зверев Е.Ю.* Археологические разведки у с. Паланка: новое античное поселение на Нижнем Днестре // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы. Кишинев: *Stratum Plus*, 2016. С. 367–377.

Фиалко 2003 - *Фиалко Е.Е.* Золотые бляшки из кургана Огуз // *Российская археология*. 2003. № 1. С. 124–133.

Фидельский и др. 2017 - *Фидельский С.А., Иващенко М.В., Сеника В.С.* Амфорные клейма причерноморских центров из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // *Stratum plus*. 2017. № 6. С. 329–346.

Четвериков, Сеника 2002 - *Четвериков И.А., Сеника В.С.* Катакомбы II типа в Тираспольской группе // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.). Тирасполь: Типар, 2002. С. 299–305.

Четвериков, Сеника 2009 - *Четвериков И.А., Сеника В.С.* Скифский курган конца III в. до н.э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2009. Т. 15. С. 204–212.

Hill 1897 - *Hill G.F.* Catalogue of the Greek Coins of Lycia, Pamphylia, and Pisidia (A Catalogue of the Greek coins in the British Museum. Vol. 19). London: The Trustees, 1897. 354 p. + XLIV pls.

Petac și alți. 2010 - *Petac E., Vasiliță Ș., Ioniță V.* Considerații privind un tip monetar histrian rar din perioada elenistică // *Studii și Cercetări de Numismatică, s.n., I (XIII)*. București, 2010. P. 181–187.

Polin, Daragan 2011 - *Polin S., Daragan M.* Das Prunkgrab Alexandropolkurgan. Vorbericht über die Untersuchungen in den Jahren 2004–2009 // *Eurasia Antiqua*. 2011. № 17. S. 189–214.

SBG 2017 - Stacks & Bowers Galleries. The January 2017 NYINC Auction Ancient & World Coins January, 13 & 14, 2017. Waldorf Astoria Hotel. New York, NY. URL: http://media.stacksbowers.com/VirtualCatalogs/2016/Stacks-Bowers-Galleries/sbg-Jan_NYINC2017-catalog/SBG_NYINC2017_LiveCoins_LR.pdf (дата обращения: 12.06.2017).

REFERENCES

Alekseev, A.Yu. (1986) Nashivnye blyashki iz Chertomlykского kurgana [The sew-on plaques from the Chertomlyk mound]. In: Grach, N.L. (ed.). *Antichnaya torevtika* [Antique toreutics]. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh. pp. 64–74.

Alekseev, A.Yu. (2015) O radiouglerodnom datirovanii skifskikh kurganov Severnogo Prichernomor'ya [On the radiocarbon dating of the Scythian mounds in the Northern Black Sea region]. In: Vasilev, S.A. & Kulakovskaya, L.V. (eds) *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage]. Vol. 40. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh. pp. 88–98.

Alekseev, A.Yu., Murzin, V.Yu. & Rolle, R. (1991) *Chertomlyk (skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n.e.)* [Chertomlyk. A Scythian Royal Mound from the 4th c. BC]. Kiev: Naukova dumka.

Babenko, L.I. (2005) *Pesochinskiy kurgannyi mogil'nik skifskogo vremeni* [Pesochinsk Scythian Necropolis]. Kharkov: Rayder.

Boltrik, Yu.V. & Fialko, O.E. (1991) Doslidzhennya skifs'kogo "tsars'kogo" kurganu Tashchenak [Investigation of the Tanzanak "Royal" Scythian mound]. In: Abashina, N.S. et al. *Arkheologichni doslidzhennya na Ukraïni 1990 r.* [Archaeological Investigations in Ukraine in 1990]. Kyiv: National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 7–9.

Boltrik, Yu.V. & Fialko, E.E. (2010) Skifskie kurgany na r. Tashchenak v Severo-Zapadnom Priazov'e [Scythian mounds on the river Taschenak in the North-West Priazovia]. *Materiali ta doslidzhennya z arkheologii skhidnoi Ukraïni*. 10. pp. 220–256.

Grakov, B.N. (1956) *Sinopa: kleyma na pifosakh, ruchkakh i gorlakh amfor, na cherepitsakh. (IOSPE III)* [Sinope: Stamps on pythoi, handles and necks of amphorae, on tiles. (IOSPE III)]. Moscow: Institute of Archeology, RAS. R-2. Nr. 2189 2198.

Zaytsev, Yu.P. (2012a) Antichnaya keramika v ritual'nykh (votivnykh) kladakh Severnogo Prichernomor'ya [Ancient ceramics in the ritual (votive) treasures of the Northern Black Sea Coast]. In: Telnov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III–II vv. do n.e.* [Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd–2nd cc. BC]. Tiraspol: T.G. Shevchenko Prindestrovian State University. pp. 55–66.

Zaytsev, Yu.P. (2012b) Latenskiy bronzovyy sosud iz Velikoploskogo [Laten bronze vessel from Velikoplotsky]. *Trudy GIM*. 191. pp. 129–151.

Zaytsev, Yu.P. (2012c) Severnoe Prichernomor'e v III–II vv. do n.e.: ritual'nye klady i arkhelogicheskie kul'tury (postanovka problemy) [Northern Pontic Area in the the 3rd–2nd cc. BC: ritual treasures and archaeological cultures (to the problem)]. In: Telnov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III–II vv. do n.e.* [Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd–2nd cc. BC]. Tiraspol: T.G. Shevchenko Prindestrovia State University. pp. 67–72.

Ivashchenko, M.V. (2012) Amfornye kleyma iz poseleniya Chobruchi na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Amphora stamps from the settlement of Chobruchi on the left bank of the Lower Dniester]. In: Telnov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III–II vv. do n.e.* [Antiquities of the Northern Pontic Area from the 3rd–2nd cc. BC]. Tiraspol: T.G. Shevchenko Prindestrovia State University. pp. 81–86.

Karnaukh, E.G., Serdyuk, M.I. & Sinika, V.S. (2016) The Scythian hoard from Debaltsevo. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 3. pp. 217–238 (In Russian).

Kats, V.I. (2007) *Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya)* [Greek ceramic classic and Hellenistic stamps (a complex study)]. Simferopol; Kerch: [s.n.].

Kopylov, V.P. & Yazovskikh, A.G. (2004) Elizavetovskoe gorodishche i kurgannyi mogil'nik [The Elisabeth ancient settlement and burial mound]. In: Maksimenko, V.E. (ed.). *Sokrovishcha donskikh stepey iz sobraniya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya* [Treasures of the Don steppes from the collection of the Rostov Regional Museum of Local Lore]. Rostov on Don: Rostov Regional Museum of Local Lore. pp. 59–67.

Krivenko, A.V., Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2011) Accidental finds of the 3rd – 2nd cc. BC. from the left bank of the Lower Dniester]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 6. pp. 41–45 (In Russian).

Lyeskov, O.M. (1974) *Skarbi kurganiv Khersonshchini* [Treasures from the mounds in Kherson Region]. Kyiv: Mistetstvo.

Imperial Academy of Sciences. (1866) *Drevnosti Gerodotovoy Skifii* [Antiquities of the Herodotus Scythia]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.

Mozolevskiy, B.N. (1980) Skifskie kurgany v okrestnostyakh g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine (raskopki 1972–1975 gg.) [Scythian mounds near Ordzhonikidze in Dnipropetrovsk Region (excavations of 1972–1975)]. In: Terenozhkin, A.I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz* [Scythia and the Caucasus]. Kiev: Naukova dumka. pp. 70–154.

Mozolevskiy, B.M. (1979) *Tovsta Mogila* [Tovsta Mogyla]. Kyiv: Naukova dumka.

Mozolevskiy, B.N. & Polin, S.V. (2005) *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n.e. (Babina, Vodyana i Soboleva mogily)* [Mounds of the Scythian Gerros from the 4th c. BC. Babina, Vodiana and Soboleva Mogila]. Kyiv: Stilos.

Murzin, V.Yu., Polin, S.V. & Rollye, R. (1993) Skifs'kiy kurgan Tetyanina Mogila [Tatyana's Tomb Scythian mound]. *Arkheologiya – Archeology*. 2. pp. 85–101.

Onayko, N.A. (1970) *Antichnyy import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v IV–II vv. do n.e. Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Ancient Import in Dnieper and Bug Regions in the 4th – 2nd cc. BC]. Vyp. D1-27. Moscow: Nauka.

Polin, S.V. (2014) *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyi mogil'nik V–IV vv. do n.e. na Khersonshchine* [Zolotaya Balka Scythian necropolis of the 5th–4th cc. BC in Kherson Region]. Kyiv: Oleg Filyuk.

Razumov, S.N. & Sinika, V.S. (2017) “New” Scythian Complex of the 3rd Century BC on the Right Bank of the Lower Dniester Region. *Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 22 (3). pp. 6–19 (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.3.1

Sinika, V.S. (2002) Ritual'naya plita kak element skifskoy pogrebal'noy obryadnosti (po materialam kurgannykh pamyatnikov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya) [The ritual plate as an element of the Scythian burial ritual (based on the materials of the burial monuments of the Northwest Black Sea)]. In: Kopylov, V.P. (ed.) *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v drevnosti i v Srednie veka* [International Relations in the Black Sea Basin in Ancient and Middle Ages]. Rostov on Don: Rostov State Pedagogical University. pp. 85–87.

Sinika, V.S. (2006a) O kul'te sobaki u skifskogo naseleniya Severnogo Prichernomor'ya v VI–II vv. do n.e. [On the cult of the dog in the Scythian population of the Northern Black Sea in the the 6th – 2nd cc. BC]. In: Kopylov, V.P. (ed.) *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v skifo-antichnoe vremya* [International Relations in the Black Sea Basin in Scythian and Sarmatian Time]. Rostov on Don: Rostov State Pedagogical University. pp. 58–60.

Sinika, V.S. (2006b) Sobaka v pogrebal'nom obryade varvarского naseleniya Severnogo Prichernomor'ya v skifo-sarmatskoe vremya [The dog in the funeral rites of the barbarian population of the North Black Sea Region during the Scythian-Sarmatian time]. In: Bessudnov, A.N. (ed.) *Arkheologicheskoe izuchenie Tsentral'noy Rossii* [Archaeological Studies of Central Russia]. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. pp. 219–222.

Sinika, V.S. (2011) O latenskom vliyanii na material'nuyu kul'turu skifskogo mogil'nika III–II vv. do n.e. u s. Glinoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [On the Laten influence on the material culture of the Scythian monarch in the 3rd – 2nd cc. BC in the village of Glinoe on the left bank of the Lower Dniester]. In: Balakhvantsev, A.S. & Kolganova, G.Yu. (eds) *Drevnost': istoricheskoe znanie i spetsifika istochnika* [Antiquity: Historical Knowledge and Specific Nature of

Sources]. Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. pp. 184–187.

Sinika, V.S. (2012) O grecheskom vliyanii na pogrebal'nyy obryad i material'nuyu kul'turu skifskogo mogil'nika III–II vv. do n.e. u s. Glinoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [On the Greek influence on the burial rite and the material culture of the Scythian burial ground of the the 3rd – 2nd cc. BC. near Glinoe on the left bank of the Lower Dniester]. In: Prigarin, A.A. (ed.) *Chelovek v istorii i kul'ture* [The Man in History and Culture]. Odessa: Smil. pp. 264–272.

Sinika, V.S. (2017a) La-Ten Fibula from Tokmazeya. *Vestnik VGU. Ser. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology. 2.* pp. 111–115 (In Russian).

Sinika, V.S. (2017b) A new site of the 3rd–2nd cc. BC on the left bank of the Lower Dniester Region. *Vestnik NVGU – The Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2.* pp. 122–129 (In Russian).

Sinika, V.S. & Ivashchenko, M.V. (2017) Complex of finds of the 3rd century Bc from Slobodzeya. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 19 (3).* pp. 223–228 (In Russian).

Sinika, V.S., Menshikova, V.A. & Telnov, N.P. (2014) Hand-Made Incense Cups from the Black Sea Coast Sites of 4th–1st Centuries BC. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. 3.* pp. 65–101 (In Russian).

Sinika, V.S., Tashchi, E.F., Telnov, N.P. & Chetverikov, I.A. (2012) Krasnoe Settlement on the Left Bank of the River Dniester. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. 3.* pp. 187–215 (In Russian).

Sinika, V.S., Razumov, S.N. & Telnov N.P. (2016) *Arkheologicheskoe nasledie Pridnestrov'ya* [Archaeological Heritage of Transnistria]. Tiraspol: Stratum plus.

Sinika, V.S. & Telnov, N.P. (2015) Kompleks vooruzheniya i predmetov voinskogo snaryazheniya iz skifskogo mogil'nika kontsa IV–II vv. do n.e. u s. Glinoe v Nizhnem Podnestrov'e [A complex of weapons and items of military equipment from the Scythian burial mound of the end of the 4th – 2nd cc. BC near Glinoe in Lower Transnistria]. In: Lukyashko, S.I. (ed.) *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire* [War and Warfare in the Scythian-Sarmatian World]. Rostov on Don: Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. pp. 180–190.

Spitsyn, A.A. (1906) Serogozskie kurgany [Sirohozy kurgans]. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii. 19.* St. Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma. pp. 157–174.

Telnov, N.P., Razumov, S.N. & Sinika, V.S. (2016) Fire Flints in the funeral practice of Scythians (based on materials from Glinoe cemetery on the Lower Dniester). *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. 3.* pp. 217–241 (In Russian).

Telnov, N.P. & Sinika, V.S. (2014a) Zerkala iz pozdneskifskogo mogil'nika kontsa IV–II v. do n.e. u s. Glinoe na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Mirrors from the Late Scythian cemetery of late 4th – 2nd cc. BC. near Glinoe on the left bank of the Lower Dniester]. In: Pavlenko, T.A., Skhatum, R.B. & Ulitin, V.V. (eds). *IV Anfimovskie chteniya po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Zapadnyy Kavkaz v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy v drevnosti i srednevekov'e* [The Fourth Anfimov Readings on the Archaeology of Western Caucasus. Western Caucasus in the Context of International Relations in the Antiquity and Middle Ages]. Krasnodar: Traditsiya. pp. 239–249.

Telnov, N.P. & Sinika, V.S. (2014b) Scythian monuments in the Steppe Dniester: history of the study and the current state of the source base. *Rusin*. 2(36). pp. 29–54. DOI: 10.17223/18572685/36/2

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A. & Sinika, V.S. (2016) *Skifskiy mogil'nik III–II vv. do n.e. u s. Glinoe (Arkheologicheskie pamyatniki Pridnestrov'ya. III)* [Scythian burial mounds of the 3rd – 2nd cc. BC. near Glinoe (Archaeological monuments of Transnistria, III)]. Tiraspol: Stratum plus.

Terenozhkin, A.I. & Mozolevskiy, B.N. (1988) *Melitopol'skiy kurgan* [Melitopol Mound]. Kiev: Naukova dumka.

Tkachuk, M.E., Topal, D.A. & Zverev, E.Yu. (2016) Arkheologicheskie razvedki u s. Palanka: novoe antichnoe poselenie na Nizhnem Dnestre [Archaeological exploration near Palanka: a new ancient settlement on the Lower Dniester]. In: Tserna, T. & Govedaritsa, B. (eds) *Kul'turnye vzaimodeystviya. Dinamika i smysly* [Interactions. Changes and Meanings]. Chisinau: Stratum Plus. pp. 367–377.

Fialko, E.E. (2003) Zoloty blyashki iz kurgana Oguz [Gold plaques from the Oguz mound]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*. 1. pp. 124–133.

Fidelskiy, S.A., Ivashchenko, M.V. & Sinika, V.S. (2017) Amphora Stamps of Black Sea Centers from Chobruchi Settlement on the Left Bank of the Lower Dniester. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 6. pp. 329–346 (In Russian).

Chetverikov, I.A. & Sinika, V.S. (2002) Katakomby II tipa v Tiraspol'skoy gruppe [Catacombs of Type II in the Tiraspol group]. In: Yarovoy, E.V. (ed.) *Drevneyshie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ya (V tys. do n.e. – V vek n.e.)* [The Most Ancient Communities of Farmers and Stock-breeders of the Northern Pontic Region (the 5th Millennium BC – 5th century AD)]. Tiraspol: Tipar. pp. 299–305.

Chetverikov, I.A. & Sinika, V.S. (2009) Skifskiy kurgan kontsa III v. do n.e. u s. Chobruchi na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Scythian mound of the late 3rd century BC near Chobruchi on the left bank of the Lower Dniester]. In: Tolochko, P.P. (ed.) *Starozhitnosti Stepovogo Prichernomor'ya i Krimu, (XV)* [Antiquities of the Steppe Zone in Northern Pontic and Crimea (25)]. Zaporizhzhya: [s.n.]. pp. 204–212.

Hill, G.F. (1897) *Catalogue of the Greek Coins of Lycia, Pamphylia, and Pisidia (A Catalogue of the Greek coins in the British Museum. Vol. 19)*. London: The Trustees.

Petac, E., Vasilîță, Ș. & Ioniță, V. (2010) Considerații privind un tip monetar histrian rar din perioada elenistică [Considerations on a rare Histrian monetary type in the Hellenistic period]. *Studii și Cercetări de Numismatică, s.n.* I (XIII). București. pp. 181–187.

Polin, S. & Daragan, M. (2011) Das Prunkgrab Alexandropol-kurgan. Vorbericht über die Untersuchungen in den Jahren 2004–2009 [The Alexandropol-kurgan. Preliminary report on investigations in 2004–2009]. *Eurasia Antiqua*. 17. pp. 189–214.

Stacks & Bowers Galleries. (2017) *The January 2017 NYINC Auction Ancient & World Coins January, 13 & 14, 2017. Waldorf Astoria Hotel. New York, NY*. [Online] Available from: http://media.stacksbowers.com/VirtualCatalogs/2016/Stacks-Bowers-Galleries/sbg-Jan_NYINC2017-catalog/SBG_NYINC2017_Live-Coins_LR.pdf (Accessed: 12th June 2017).

Синика Виталий Степанович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Молдова), старший научный сотрудник лаборатории историографии и полевых методов в археологии Нижневартковского государственного университета (Россия).

Vitalij Sinika – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova), Nizhneartovsk State University (Russia).

E-mail: sinica80@mail.ru

Тельнов Николай Петрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Молдовы (Молдова).

Nicolai Telnov – Institute of Cultural Patrimony of the Academy of Sciences of Moldova (Moldova).

E-mail: telnovnikolai@mail.ru

УДК 930.85

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/4

**НИКИТА РЕМЕСИАНСКИЙ
И ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В БАЛКАНО-КАРПАТСКОМ РЕГИОНЕ
(Святитель Никита Ремесианский
и его трактат «О различных именах Христа» –
исследование и перевод)**

В.В. Василик

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: v.v.vasilik@spbu.ru

Авторское резюме

Статья является первым в российской науке исследованием и комментированным переводом сравнительно малоизвестного трактата святителя Никиты Ремесианского «О различных именах Христа» («De diversis appellationibus Christi»), доселе не переводившегося. В исследовании впервые на материале данного трактата исследуется ряд проблем этнорелигиозной жизни Балкано-Карпатского региона и выдвигается ряд гипотез. Среди них – вероятность того, что святитель Никита Ремесианский осуществлял свою миссионерскую деятельность не только на Балканах, но и в Карпато-Днестровском регионе, т. е. на территории современных Румынии и Молдавии. Кроме того, доказывается тезис о том, что полемика вокруг вопроса о Божественных именах обладала серьезным богословским значением в споре с крайними арианами – евномиянами. Рассматривается вопрос об авторстве гимна «Те Деум», приписываемого свт. Никите Ремесианскому. Исследуется возможность влияния отцов-каппадокийцев (прежде всего свт. Григория Нисского) на творчество свт. Никиты Ремесианского и на трактат «О различных наименованиях». Доказывается тезис о том, что трактат отчасти отражает повседневную жизнь жителей Балкано-Карпатского региона, их страхи, надежды и беды, в том числе гонения на христиан со стороны готов-язычников.

Ключевые слова: Балкано-Карпатский регион, Никита Ремесианский, миссионерская деятельность, проповедь, арианство, богословие, повседневная жизнь, гонения.

**NICETAS OF REMESIANA AND ETHNO-
RELIGIOUS PROCESSES IN THE BALCAN-
CARPATHIAN REGION**
(St. Nicetas of Remesiana and his treatise
***On the Different Names of Christ* –**
research and translation)

V.V. Vasilik

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: v.v.vasilik@spbu.ru

Abstract

This is the first Russian research and commented translation of a relatively unrenowned treatise by St. Nicetas of Remesiana “De diversis appellationibus Christi” (“On the Different Names of Christ”). For the first time, the author explores a number of issues of the ethno-religious life in the Balkan-Carpathian region to put forward a series of hypotheses. One of them is the possibility that St. Nicetas of Remesiana’s missionary activity covered not only the Balkans, but also also the Carpatian-Dnestre region, i.e. the territory of modern Romania and Moldova. In addition, the author argues that the controversy of Divine names had a serious theological significance in the dispute with the extreme Arians – the Eunomians. The paper investigates the question of the authorship of the anthem “Te Deum” attributed to St. Nicetas of Remesiana and possible influence of Cappadocian fathers (mostly St. Gregory of Nyssa) on the works by St. Nicetas of Remesiana and on his treatise. The author claims that this treatise partially reflects the every-day life of the people in the Balkan-Carpathian region, their fears, hopes and disasters, including persecutions by the Goth-pagans.

Keywords: Balkan-Carpathian region, St. Nicetas of Remesiana, missionary activity, sermon, Arianism, theology, everyday life, persecution.

Эпоха Великого переселения народов явилась своеобразным плавильным котлом, в котором появлялись и исчезали этносы. Значение религиозного фактора в формировании этнической идентичности и особенно в деятельности проповедников, распространявших христианство среди варварских народов, общеизвестно. Для Дунайско-Карпатского региона таковым явился святитель Никита Ремесианский (350–420), апостол Дуная. Мы располагаем скромными данными о его жизни. Они содержатся в стихотворном панегирике ему, написанном Павлином, епископом Ноланским, а также в сочинении Геннадия Марсельского «*De viris illustribus*» (Burn 1905: XXXV–XXXVI).

По мнению ряда исследователей, Никита Ремесианский родился ок. 336 г. (поскольку для Павлина Ноланского он «отец и учитель»). Место его рождения – Скупы (современное Скопье) или их окрестности. Об этом свидетельствуют следующие строки Павлина:

*Ibis et Scupos patriae propinquos
Dardanus hospes.*

Ты придешь и к Скупам, к отечеству близким,
Дарданский гость (ЛИБИ 1958: 257).

У нас нет точных сведений относительно того, где свт. Никита получил образование, однако, на наш взгляд, весьма основательной выглядит точка зрения, согласно которой это происходило в Галлии (Burn 1905: XXXVII; Weyman 1906)¹.

Святитель Никита стал епископом Ремесианы, на месте которой сейчас находится сербский город Бела Паланка (Evans 2006: 269). Во времена свт. Никиты Ремесиана являлась процветающей муниципией латинского права, при раскопках найдены остатки римского форума. Можно говорить о ее связях с Сирией и Аквилеей (Duval 1998). Следы христианства отмечаются в Ремесиане начиная с IV в. (Попович 1995: 23).

Святитель Никита был выдающимся миссионером своего времени. Он просвещал жителей Придунайских земель, где позднее появились государства Сербия, Болгария, Румыния, Молдавия (Blasen 2012).

Вот что об этом говорит Павлин Ноланский:

*O quibus iam tunc resonabit illa
gaudiis tellus, ubi tu rigentes
edoces Christo fera colla miti
subdere gentes.*

О, какими радостями днесь воскликнет
та земля, где ты суровых
учишь Христу кроткому дикие
выи склоняти... (ЛИБИ 1958: 257).

Обращают внимание на себя связи свт. Никиты с Малой Скифией (современной Добруджей), о которых свидетельствует Павлин Ноланский:

*Tu Philippeos Macetum per agros
per Tomitanam² gradieris urbem.*

Ты проходишь через Филиппийские поля македонцев,
через Томитанский град (ЛИБИ 1958: 257).

Томитанский град – Томы, нынешняя Констанца, место ссылки знаменитого Овидия. Отметим значительное расстояние между Филиппами, находящимися в эгейской Македонии, и Томами. Вероятно, имеется в виду миссионерский путь свт. Никиты, направленный на север. Малая Скифия являлась северной окраиной Римской империи, захолустьем, однако мы наблюдаем значительную богословскую активность выходцев из этих земель. Так, знаменитый подвижник и богослов Иоанн Кассиан Римлянин (360–435) происходил из «Малой Скифии» (Фокин 2007: 260), позднее «скифские» монахи сыграли значительную роль в становлении православной христологии и подготовке V Вселенского собора (Acts 2005: V–XV).

В панегирике Павлина Ноланского, на наш взгляд, отражаются географические границы проповеди свт. Никиты Ремесианского:

*Ibis arctoos procul usque Dacos
Ibis Epiro gemina videndus
Et per Aegeos penetrabis aestos
Thessalonicen.*

Ты пройдешь до северных вплоть даков,
ты в Эпире узришь близнецы-вершины,
через Эгейские пройдешь ты жары
в Фессалонику (ЛИБИ 1958: 258).

Эпир, вероятно, являлся западной границей проповеди свт. Никиты, Фессалоника – южной.

Что же касается северной границы проповеди – «северных даков», то здесь речь может идти о «диких даках», находившихся за пределами Римской империи³.

Отметим, что проповеднические маршруты свт. Никиты отчасти укладываются в римские итинерарии, в частности в знаменитую Певтингерову карту, на которой есть ряд славянских топонимов (Свод 1991: 70–79). Следовательно, свт. Никита мог проповедовать предкам будущих южных славян.

По словам Павлина Ноланского, проповедь Никиты Ремесианского простиралась на север известного мира до мифической реки Рифей на Крайнем Севере:

Quaeque Riphaeis Boreas in oris

adligat densis fluvios pruinis

Где Борей на берегах Рифейских

связует потоки плотными льдами... (ЛИБИ 1958: 258).

В более поздней традиции Рифей связывали с Волгой и даже с Яиком. Естественно, до таких дальних рек Никита Ремесианский вряд ли доходил. Однако в данном случае речь идет об одной из рек, находящихся на северной периферии *Rex Romana*, очевидно, севернее Дуная, – возможно, о Днестре, Пруте или даже о Днепре. Соответственно, можно считать, что свт. Никита Ремесианский был одним из первых просветителей Дунайско-Карпатского региона – современной Румынии и Молдавии.

Святитель Никита проповедовал среди варварских племен – скифов, даков, гетов.

Большой вопрос, до конца не решенный современными исследователями: являются ли геты автохтонным фракийским населением, или речь идет о готах (Mathisen 1997: 671)? На наш взгляд, могут подразумеваться и те и другие.

Особенно велик его подвиг проповеди бессам, диким обитателям Родопских гор (современная Болгария). Жестокость их была такова, что они приносили в жертву демонам людей. Однако, по свидетельству жития, при появлении Никиты произошло чудо: едва он воспел тихим голосом «*Te Deum laudamus*», как кровожадные бессы преклонили пред ним головы. Вот как об этом пишет Павлин Ноланский:

Nam simul terris animisque duri

et sua Bessi nive duriores

nunc oves facti duce te gregantur

pacis in aulam.

Ведь вместе с землями и душами суровые

Бессы, суровее своего снега,

ныне ставшие овцами, под твоим водительством собираются

во ограду мира (ЛИБИ 1958: 258).

По словам римского мартирология, возможно, основанным на стихотворении Павлина Ноланского, свт. Никита «варваров, ставших овцами, научил Евангелию, а также ввел их во двор мира и, некогда невежественных и разбойников, наставил воспевать Христа в римском сердце»⁴ (*Martyrologium* 2001: 330).

В связи с этим эпизодом возникает вопрос об авторстве гимна «*Te Deum laudamus*». Его авторами считали свт. Никиту Ремесианского, свят. Амвросия Медиоланского, а также Илария Пиктавийского (Kahler 1958). Более основательной представляется последняя точка зрения в силу целого ряда обстоятельств. Во-первых, в гимне «Тебе Бога хвалим» присутствуют очевидные цитаты из сводного будничного текста

«Великого славословия», который сформировался в середине – второй половине IV в. в Вифинии, как раз там, где пребывал в ссылке свт. Иларий Пиктавийский (Werner 1981: 69–82; Василик 2006: 110–112). Во-вторых, существуют очевидные параллели между святителем Иларием Пиктавийским и святителем Никитой Ремесианским, отмеченные еще Берном (Burn 1905: XL). В частности, таковым является исповедание у Никиты «общения святых», которое присутствовало в галликанском Символе веры.

Помимо упомянутого выше гимна «Te Deum», Геннадий Марсельский приписывает свт. Никите «Шесть книг наставлений» (*Libeli instructionis*). Более-менее в целом виде сохранились третья («О Духе Святом») и пятая («О Символе веры») книги. Сохранились и фрагменты первой и второй книг. Четвертая и шестая не дошли до нас совершенно. Кроме того, святителю принадлежат проповеди «Обдениях» («*De vigiliis*»), «О благе псалмопения» («*De psalmodiae bono*»). Из сомнительных произведений св. Никите Ремесианскому приписывают сочинение «О расчете Пасхи» («*De ratione paschae*») и «К падшей деве» («*Ad lapsam virginem*»). И, наконец, следует упомянуть несомненно принадлежащее свт. Никите анализируемое ныне сочинение «О различных наименованиях» («*De diversis appellacionibus*») (Burn 1905: 1).

Чем для нас важен этот трактат? Во-первых, тем, что он отражает мировоззрение и православное богословие свт. Никиты Ремесианского, который был во второй половине IV в. единственным известным православным богословом Балканского региона. Это очень важно, поскольку балканские церкви сильно страдали от арианской ереси, и целый ряд епископов (Герминий, Авксентий Доростольский и др.) придерживались арианства (Захаров 2014). Между тем в сочинениях свт. Никиты Ремесианского заметны явные антиарианские черты, в частности в рассматриваемом нами труде: «Он называется Словом или потому, что непостижимо рожден от Бога Отца, или потому, что рождение произошло без уменьшения отеческой субстанции». Сравним это с соответствующими изречениями свт. Афанасия Великого: «Сын есть собственное Порождение Отчей сущности» (ἴδιον τῆς τοῦ Πατρὸς οὐσίας γέννημα) (Athanasius 1857: I 9; PG 26 28). Поэтому так же, как Бог благ по природе, Он по природе есть Отец Сына (Athanasius 1857: I 9; PG 26 28). В рождении Сына Божественная Отчая сущность не испытывает ни страдания, ни разделения (Athanasius 1857: I 9; PG 26 28; PG 26 32; Athanasius 1856).

Отметим также слова свт. Григория Нисского: «Не происходит же никакого способа прибавления и уменьшения в трех лицах Отца и Сына и Святаго Духа» (προσθήκης δὲ καὶ μειώσεως τριτῆς τε καὶ

ἀλλοιώσεως μηδεμιᾶς γινομένης τοῖς τρισὶ προσώποις πατρὸς καὶ υἱοῦ καὶ ἁγίου πνεύματος) (Gregorius Nyssenus 1960: 3.1).

Могут возразить, что свт. Никита Ремесианский мог не знать греческого, поскольку жил в латиноязычном регионе и Балканы в его эпоху были (кроме Греции) в значительной степени романизированы. Однако этому противоречат данные о его образованности, которая могла включать в себя знание греческого литературного языка, а равно и сведения о его языковой эрудиции, проявленной во время миссии.

Перед слушателями свт. Никиты Ремесианского зачастую вставляли те же вопросы, что и перед современными христианами. Читая или слушая Священное Писание, они воспринимали, например, из Евангелия от Иоанна, что Христос называется то Светом, то Дверью, то Пастырем, то Агнцем. Возникает вопрос: зачем такое множество имен и что означает каждое из них? С другой стороны, если Бог неизречен, то почему у Него столько наименований? Само по себе богословие имени восходит еще ко временам апологетов. В конце II в. свт. Феофил Антиохийский утверждал, что Бог Сам по Себе не имеет никакого имени, а встречающиеся в Священном Писании указывают не на непостижимую сущность Бога, но на Его действия.

Богословие имени было весьма важно в антиарианских спорах (Hanson 2005: 400–450). Вот что пишет богослов IV в. Германий Сирмианский (Williams 1996) в своем рескрипте к Палладия, Руфиану и другим относительно позиции крайних ариан – аномеев: «Ведь они горделиво полагают, что то, что они говорят о Христе, что Он «создание» и «творение», они почерпнули из Божественных Писаний, напротив, мы в согласии с Писаниями говорим, (что Он) «Путь», и «Дверь», и «Камень преткновения», и «Камень соблазна», и «Основание», и «Рука», и «Кисть», и «Премудрость», и «Слово», и «Агнец», и «Овца», и «Пастырь», и «Священник», и «Жизнь», и «День», и др. Но все это мы так мыслим и говорим, так что мы мыслим силы и действия Божии, а не так, будто мы сопоставляем с такого рода именами Его божественное рождение от Отца, потому что все сотворено из ничего через Сына, Сын же не из ничего, но рожден от Бога Отца» (Захаров 2012: 112). Весьма вероятно, что свт. Никита Ремесианский полемизировал с Германием Сирмианским. Однако считать его основным источником не позволяет омианская позиция Германия (Захаров 2012: 109). Берн находит ряд параллелей между свт. Никитой Ремесианским, с одной стороны, и Германием – с другой, папой Дамасом и Фебадием – с третьей (Burn 1905: XLI). К его наблюдениям надлежит добавить, что проблема Божественных имен являлась весьма актуальной не только для западной, но и восточной патристики IV в. Так, свт. Григорий Нисский в сочинении «О жизни

Моисея», рассуждая о смысле скинии, замечает: «Сие (т.е. скиния) есть Единородный Бог (т.е. Христос), в сем Содержащий все, водрузивший и в нас Свою скинию»⁵. Далее он говорит: «Но подобно тому, как все прочее, согласно некоему означаемому, каждое в отдельности говорится для указания Божественной силы, как, например, "Врач", "Пастырь", "Защитник", "Хлеб", "Лоза", "Путь", "Дверь", "Обитель", "Вода", "Камен", "Источник" и подобное говорится о Нем, также, согласно боголепному наименованию, Он называется именем скинии. Ведь содержательная Сила сущих, в которой обитает вся полнота Божества, общий покров всего, в котором все содержащий по преимуществу именуется скинией»⁶ (Gregorius Nyssenus 1968: 233).

Следует отметить несколько важных моментов.

1. Ряд имен, приводимых свт. Григорием Нисским, за исключением трех (Пастырь, Защитник, Обитель), в целом частично соответствуют наименованиям, присутствующим у свт. Никиты Ремесианского. Сравним:

Свт. Григорий Нисский	Свт. Никита Ремесианский
...как, например, «Врач» , «Пастырь» , «Защитник» , «Хлеб» , «Лоза» , «Путь» , «Дверь» , «Обитель» , «Вода» , «Камень» , «Источник» ...	Он называется Словом, именуется Премудростью, Светом, Силой, Десницей, Мышцей, зовется Ангелом. Он именуется Человеком, Агнцем, Овцою, Священником. Именуется Путем, Истиной, Жизнью. Зовется Он Лозою , Праведностью, Искуплением, Хлебом , Камнем , Врачом , Источником воды живой , Миром, Судией, Дверью

2. Богословие имени как силы или энергии присутствует и у святителя Григория Нисского, и свт. Никиты Ремесианского. Сравним:

Свт. Григорий Нисский	Свт. Никита Ремесианский
Но подобно тому, как все прочее, согласно некоему означаемому, каждое в отдельности говорится для указания Божественной силы...	Этим всем Он называется, когда Он Один и Тот же, от Бога иной Бог наш, чтобы познавался разум Его смотрения и силы

Учитывая, что свт. Григорий Нисский и свт. Никита Ремесианский были современниками и епископствовали в достаточно близких регионах (Балканы и Понт), к тому же свт. Григорий часто появлялся в Константинополе, можно считать вполне вероятным, что свт. Никита Ремесианский мог познакомиться с его произведением «Жизнь Моисея».

Сочинение «О различных наименованиях» весьма показательно. С одной стороны, оно выявляет серьезные богословские интересы

части паствы свт. Никиты, в частности проблему имени Божия и существа Бога, которая позднее стала осмысляться как проблема энергии и сущности (Meuendorf 1987: 159). Эта проблема была весьма актуальной в эпоху арианских споров. Один из радикальных ариан Евномий хвалился тем, что по имени Бога он может знать Его сущность. Святитель Никита показывает, что это далеко не так: у Бога много имен, и все они отражают то или иное Его действие. Здесь он разделяет позицию свт. Василия Великого, который в полемике против Евномия утверждал, что имя Бога указывает не на Его сущность, а на Его действие. Возникает вопрос: читал ли свт. Никита сочинения Василия Великого? Учтывая, что в других своих трактатах, в частности «О бдениях», он ссылается на великого каппадокийца, мы можем ответить на этот вопрос утвердительно.

Однако, помимо богословских вопросов, из этого слова святителя можно видеть, что волновало его паству – недавно обращенных или обращаемых бессов, скифов, даков, готов. Это болезни, страхи, в том числе страх смерти: «Если ты боишься умерщвления этого тела и страшишься смерти для этой жизни, то вспомни, что Он есть Воскресение. Он может восставить то, что пало». В его эпоху Дунайский и Карпато-Днестровский регионы были беспокойными и нестабильными из-за Великого переселения народов – перемещения вначале вестготов, затем гуннов (Хедвиг 2003). Судя по этому трактату, серьезной угрозой являлись языческие гонения: «Если тебя печаливает какое-либо языческое преследование, то стяжай веру, ибо и Сам Он как овца был принесен в жертву⁷ и как Священник воспримет тебя, приносимого Отцу⁸». Если мы переведем возвышенные библейские образы на язык земных реалий, то святитель Никита советует своей пастве в этом случае готовиться к смерти подобно Христу, который «как овца был принесен в жертву» на Кресте: весьма возможно, дело не ограничивалось дискриминацией, отнятием имущества и изгнанием, язычники, очевидно, часто переходили к убийствам. Мы обладаем достаточно скудными сведениями о проповеди христианства и гонениях на христиан в Придунайском и особенно Карпато-Днестровском регионах, и тем не менее нам известно, что вестготский вождь язычник Атанарих подверг своего брата христианина Фритигерна и его единоверцев самым настоящим гонениям, из-за которых они были вынуждены переселиться в пределы Римской империи (Хедвиг 2003: 120; Chauvot 1995: 861–893). Ряд житий готских святых-мучеников и свидетельство о том, что Вульфиле, просветителю готов, в конце 40-х гг. пришлось бежать из готских земель в Римскую империю (Захаров 2011), показывают, что временами между христианами и язычниками возникала напряженность и язычники проявляли

агрессию по отношению к проповедникам и носителям нового учения, приводившую к человеческим жертвам.

Наконец, свт. Никита Ремесианский употребляет следующий миссионерский и пастырский прием – угрозу Страшного суда: «Если тебя соблазняет похоть греха и обольщают пороки плоти, то помышляй о том, что Он есть праведный Судия и суровый Следователь, а также Уготователь вечного огня, и тогда ничто не соблазнит грешить тебя, грешника». Казалось бы, это общие слова, однако вспомним, что в IX в. св. князь Борис Болгарский стал христианином не в последнюю очередь потому, что, по свидетельству «Продолжателя Феофана», он воззрел на изображение Страшного суда, созданное византийским художником Мефодием в его дворце, и пришел к покаянию (Гюзелев 1969: 74; Продолжатель Феофана 1992: 73, 290). Через столетие, согласно «Повести временных лет», св. князь Владимир пришел к вере благодаря тому, что в руках греческого философа увидел икону с изображением на ней Страшного Суда (Библиотека 2006: 54; Милютенко 2008).

В целом трактат «О различных наименованиях» представляется важным источником по духовной и общественной истории Балканского и Карпато-Днестровского регионов, а также формированию этнической идентичности будущих славян и восточных романцев.

Приложение

Святитель Никита Ремесианский

О различных наименованиях Христа

В Священных Писаниях находятся многие имена и многие наименования, приличествующие Иисусу, Господу и Спасителю нашему. Он называется Словом⁹, именуется Премудростью¹⁰, Светом¹¹, Силой¹², Десницей¹³, Мышцей¹⁴, зовется Ангелом¹⁵. Он именуется Человеком¹⁶, Агнцем¹⁷, Овцою¹⁸, Священником¹⁹. Называется Путем, Истиной, Жизнью²⁰. Зовется Он Лозою²¹, Праведностью²², Искуплением²³, Хлебом²⁴, Камнем²⁵, Врачом²⁶, Источником воды живой²⁷, Миром²⁸, Судией²⁹, Дверью³⁰. Этим всем он именуется, когда Он Один и Тот же, от Бога иной Бог наш³¹, чтобы познавался разум Его смотраения и силы.

Ты слышал наименования. Каковы же их значения?

Он называется Словом или потому, что непостижимо рожден от Бога Отца, или потому, что рождение произошло без уменьшения Отеческой субстанции. Ведь и человек, кажется, не претерпевает никакого уменьшения, когда произносит слово³². Или потому Он именуется Словом, что чрез Него Бог Отец всегда глаголет и ангелам,

и человекам³³. Он называется Премудростью, потому что в начале чрез Него все премудро устроено³⁴. Светом он зовется, потому что Он осиял начальные сумерки мира³⁵ и отогнал Своим пришествием мраки человеческих умов. Силой Он именуется, потому что Его не может превозмочь никакая тварь. Десницей и Мышцей он называется, потому что чрез Него все сотворено и Им содержится³⁶.

Зовется Ангелом великого совета, потому что Он Сам есть Вестник Отеческой воли³⁷. Называется Иной Человек, потому что ради нас удостоил человекам родиться как человек³⁸. Именуется Агнцем по причине особой невинности. Зовется Овцой, чтобы явилось Его страдание³⁹. Священником Он называется или потому, что Свое тело принес в жертву и приношение, или потому, что сподобил нас каждый день приносить Его в жертву⁴⁰.

Именуется Путем, потому что чрез Него мы приходим ко спасению⁴¹. Называется Жизнью, потому что Он разрушил смерть. Зовется Лозою, потому что, раскинув ветви рук на Кресте, даровал сему веку плод сладости⁴². Называется Праведностью, потому что чрез веру в Свое Имя оправдывает грешников⁴³. Речется Искуплением, ибо нас, некогда погибших, искупил Он ценою Своей крови⁴⁴. Называется Хлебом, ибо Он утоляет чрез Свое Евангелие голод души нашей.

Именуется Камнем⁴⁵, потому что змея не оставляет на нем следа и Он Сам дарует нам твердыню. Именуется Врачом, потому что Своим посещением исцелил наши немощи и наши раны⁴⁶. Источником воды живой Он зовется, потому что Он омывает и оживляет грешников чрез омовение возрождения⁴⁷. Именуется Миром, потому что воедино собрал расставших и примирил нас с Богом Отцом⁴⁸. Называется Воскресением, потому что Он Сам все тела воскресит из гробов⁴⁹. Речется Судией, потому что Он Сам есть будущий Судия живых и мертвых⁵⁰. Называется Дверью, потому что чрез Него верные входят в Царствие Небесное.

Следовательно, поскольку наш Господь называется таковыми именами и наименованиями, то имей веру, о верующий, и утверждай свою надежду во всей таковой добродетели. Ведь Само Слово явилось тебе, чтобы Ты познал Отца⁵¹. Если желаешь правильно знать, вопросы Самого Того, Кто есть Премудрость. Если твой разум страдает от некоего мрака, то проси Христа, ибо Он есть Свет.

Ты болен? У тебя есть прибежище, ибо Он есть Врач и Сила. Желаешь ли знать, чрез Кого сотворен мир и Кем все содержится? Веруй Ему Самому, ибо Он дарует десницу и мышцу. Ты одержим неким страхом? Во всем тебе как бы будет сопутствовать ангел⁵². Если тебе покажется трудным приступить к таковому величию Единородного, то не отчаивайся, ибо Он стал человеком и к нему человечество стяжало

легкий доступ. Если ты будешь невинен, то Он присоединится к тебе как агнец. Если тебя печаливает какое-либо языческое преследование, то стяжай веру, ибо и Сам Он как овца был принесен в жертву⁵³ и как Священник воспримет тебя, приносимого Отцу⁵⁴.

Если ты не знаешь дорогу спасения, спроси Христа, ибо Он Сам есть Путь душ наших. Если хочешь знать истину, послушай Его Самого, ибо Он есть Истина. Совершенно не бойся смерти, ибо Христос есть Жизнь верующих. Тебя радует сладость века сего? Лучше обратись ко Кресту Христову, чтобы ты освежился сладостью Лозы, Которая висела на Кресте. Ты – погибший грешник? Ты должен алкать правды⁵⁵, жаждать Искупителя, Каковым является Христос. И Он насытит, ибо Он есть Хлеб. Если в чем-то колеблешься, то укрепись в Нем, ибо Он есть камень и тебя поставит утвержденным, подобно стене⁵⁶. Ты болен и слаб? Проси лекарства у Него Самого, ибо Он есть врач. Ты терпишь жар грехов, или ты, скорее, какой-то оглашенный?⁵⁷ Беги к источнику жизни, чтобы пламя твое погасло и душа твоя последовала вечности. Если тебя мучит гнев и возбуждает раздражение, прибегни ко Христу, ибо Он есть Мир, чтобы ты примирился с Отцом и возлюбил всякого человека настолько, насколько, как ты считаешь, следует возлюбить тебя.

Если ты боишься умерщвления этого тела и страшишься смерти для этой жизни, то вспомни, что Он есть Воскресение. Он может восставить то, что пало. Если тебя соблазняет похоть греха и обольщают пороки плоти, то помышляй о том, что Он есть праведный Судия и суровый Следователь, а также Уготователь вечного огня, и тогда ничто не соблазнит грешить тебя, грешника. И, наконец, брате, если тебя охватит когда-нибудь отчаяние относительно торжества справедливости, об ожидании Небесной Славы, то верным разумом помысли Его Дверью. Ибо, воскреснув чрез Него из мертвых, ты проникнешь и в тайны небес и последуешь ангельскому сообществу⁵⁸. И ты услышишь сей желанный глас: «Рабе благий и верный, войди в радость Господа Твоего⁵⁹, наследуй Царство, уготованное тебе от сложения мира. Аминь».

Перевод сделан В.В. Василиком с латинского языка по изданию: Burn 1905: 1–4.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Для этого есть два основания. Первое – наличие в сочинении «О символе веры» («De Symbolo») свт. Никиты Ремесианского общего выражения с галликанским символом: «Верую во общение святых» (communione sanctorum). Второе – приписывание свт. Никите Ремесианскому авторства гимна «Te Deum laudamus» (см. ниже).

2. В отличие от Берна (Burn 1905: XX) мы не принимаем исправления *Stobitanam* в силу его искусственности и свидетельства всех рукописей в пользу чтения *Tomitanam*.

3. Вопрос о том, когда римляне реально оставили Дакию, весьма сложен. Общепринятой датой считается 271 г., когда по приказу императора Аврелиана римские легионы ушли из Дакии. Однако еще в 332 г. император Константин Великий воевал в Дакии с готами и победил их (Поп 2006: 34). Во всяком случае, в 376 г. готам Фритигер-на, чтобы проникнуть в римские владения, пришлось переправляться через Дунай. Конечно, речь может идти о римской провинции Дакия, находившейся на территории современной Сербии, однако вопрос о локализации Дакии в миссионерской деятельности свт. Никиты является дискуссионным, и весьма вероятно, что Павлин Ноланский имеет в виду и римскую, и варварскую Дакию.

4. Quod barbaros oves factos Evangelium edocuisset atque in pacis aulam duxisset et quondam inperiti ac latrones Christum corde romano resonare didicisset.

5. Τοῦτο δὲ ἐστὶν ὁ Μονογενὴς Θεός, ὁ ἐν αὐτῷ μὲν περιέχων τὸ πᾶν, πηξάμενος δὲ καὶ ἐν ἡμῖν τὴν ἰδίαν σκηνήν.

6. Ἀλλ' ὡσπερ τὰ ἄλλα πάντα, κατὰ τι σημαίνόμενον, ἕκαστον εὐσεβῶς πρὸς ἔνδειξιν τῆς θείας δυνάμεως λέγεται, οἷον ὁ ἰατρός, ὁ ποιμὴν, ὁ ὑπερασπιστής, ὁ ἄρτος, ἡ ἄμπελος, ἡ ὁδός, ἡ θύρα, ἡ μονή, τὸ ὕδωρ, ἡ πέτρα, ἡ πηγή καὶ ὅσα ἄλλα περὶ αὐτοῦ λέγεται, οὕτω κατὰ τινα θεοπρεπῆ σημασίαν καὶ τῷ τῆς σκηνῆς κατονομάζεται ῥήματι. Ἡ γὰρ περιεκτικὴ τῶν ὄντων δύναμις ἐν ἧ κατοικεῖ πᾶν τὸ πλήρωμα τῆς θεότητος, ἡ κοινὴ τοῦ παντὸς σκέπη, ὁ ἐν αὐτῷ τὸ πᾶν περιέχων, σκηνὴ κυρίως κατονομάζεται.

7. Ис. 53, 6.

8. Евр. 7.

9. Иоан. 1, 1.

10. 1 Кор. 1, 25.

11. Иоан. 1, 5, 7.

12. 1 Кор. 1, 25.

13. Исх. 15, 5.

14. Лук. 1, 51.

15. Ис. 9, 8. И нарицается имя ему великаго совета Ангел (Версия Септуагинты).

16. Иоан. 19, 5; 1 Тим. 2, 5.

17. Иоан. 1, 29.

18. Ис. 53, 7.

19. Евр. 2, 18.

20. Иоан. 14, 6.

21. Иоан 15, 1.
22. Рим. 2, 21–22.
23. 1 Иоан. 2, 2.
24. Иоан. 6, 35.
25. Мф. 21, 42.
26. Игнатий Богоносец. К ефесянам 6. Един есть врач духовный и телесный.
27. Иоан. 4, 14; 7, 38.
28. Ефес. 2, 14.
29. Мф. 5, 25; 25, 35–46.
30. Иоан. 10, 1.
31. См., в частности, Никео-Цареградский Символ: «Верую... во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия... Света от Света, Бога истинна от Бога истинна».
32. Сходная мысль присутствует у ряда апологетов, например у Юстина Философа, Афинагора Афинянина, Тертуллиана.
33. Евр. 1, 1.
34. Притчи 8, 22.
35. Быт. 1, 3; 2 Кор. 4, 6.
36. Евр. 1, 2.
37. Здесь свт. Никита вводит важную для раннехристианского богословия тему Христа-Ангела или Вестника Отеческой воли (см.: Grillmeier 1975. Гл. Christus Angelus).
38. Евр. 2, 14. См. также «Символ веры»: «Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася».
39. См. Мелитон Сардийский «О Пасхе»:
О, тайна новая и несказанная!
Жертва овцы оказалась спасением Израиля,
и смерть овцы была жизнью народа,
и кровь устрашила Ангела!
Скажи мне, о Ангел, чего ты устранился?
Овцы ли жертвы?
Или Господа жизни?
Крови ли овцы
или жизни Господа?
Явно, что ты устранился, узрев
Господа таинство,
в овце свершившимся (31–33).
Meliton de Sardes 1966: 101.
40. Вероятно, святитель Никита имеет в виду западный обычай ежедневно совершать литургию.

41. Концепция спасения как пути и Христа как Пути, зарождается уже в раннем христианстве. Свидетельством этого является, в частности, понятие «Путь Господень» в Деяниях (Деян. 19, 9), Евангелии от Иоанна (14, 6) Дидахе (1) с концепцией двух путей.

42. Образ Христа как Лозы впервые появляется у преп. Ефрема Сирина в «Гимнах на Распятие» (IX).

43. Деян. 3, 15–16; Рим. 3, 21–31; Гал. 2, 16.

44. Кол. 1, 13–14.

45. 1 Кор. 10, 3; 1 Петр. 2, 4.

46. Ис. 53, 5.

47. Т. е. есть крещения. См.: Ефес. 5, 26. Тема крещения как омоновения, «бани пакибытия» присутствует у различных отцов церкви, в т.ч. у Кирилла Иерусалимского, а также у св. Амвросия Медиоланского (трактаты «De mysteriis», «De sacramentis»).

48. Ефес. 2, 14–18.

49. Иоан. 5, 21–29.

50. Дан. 7, 8–14; Откр. 20, 11–15.

51. См.: Иоанн. 14, 9.

См. также у св. Мелитона Сардийского:

Я вас возведу
в высоты небес,
я вам покажу
Отца от веков,
восставлю я вас
десницей моей (О Пасхе 100).

52. Идея Ангела-Спутника закладывается еще в так называемый межзаветный период, свидетельством чего является книга Товита. Она развивается в раннехристианском богословии в сочинении Ерма «Пастырь» и находит отражение в восточной литургии, в частности в ектении «Ангела мирна, верна наставника (или водителя ὁδηγόν), хранителя душ и телес наших у Господа просим».

53. Ис. 53, 6.

54. Евр. 9, 11–15.

55. Мф. 5, 6.

56. Мф. 7, 24–25.

57. Отметим, что в сочинении «О церковной иерархии», приписываемом Дионисию Ареопагиту, оглашенные ставятся в одном чине с кающимися.

58. Григорий Богослов. «Увещание к деве»:

В теле живя, приняла
образ ты сил бестелесных
и на земле перешла

в горнего мира гражданство (Gregorius Theologus PG 1857 37 Col. 511).
59. Мф. 25, 23.

ЛИТЕРАТУРА

Библиотека 2006 – Библиотека литературы Древней Руси. М.: Наука, 2005. Т. 1. 580 с.

Василик 2006 - *Василик В.В.* Происхождение канона: История. Богословие. Поэтика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 300 с.

Гюзелев 1969 - *Гюзелев В.* Княз Борис Първи. България пред втората половина на IX век. София: Академия на науките, 1969. 360 с.

Захаров 2011 - *Захаров Г.Е.* Церковь в системе общественной жизни Балкано-Дунайского региона: Автореф. дис. М., 2011. 27 с.

Захаров 2012 - *Захаров Г.Е.* Послания Гермения Сирмийского: текст и историко-богословский комментарий // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 1 (44). С. 111–120.

Захаров 2014 - *Захаров Г.Е.* Церкви Иллирика в эпоху арианских споров. М.: ПСТГУ, 2014. 373 с.

ЛИБИ 1958 - Латинские извори за българската история. София, 1958. Т. 1. 466 с.

Милютенко 2008 - *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный великий князь Владимир. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 550 с.

Попович 1995 - *Попович Радомир.* Рано хришчанство на Балкану. Београд, 1995.

Поп 2006 - *Поп Иоанн Аурел.* История Румынии. М.: Наука, 2006.

Продолжатель Феофана 1992 - Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Пер. и прим. Я.Н. Любарского. СПб.: Наука, 1992. 400 с.

Свод 1991 - Свод древнейших письменных источников о славянах. М.: Наука, 1991. Т. 1. 500 с.

Фокин 2007 - *Фокин А.Р.* Иоанн Кассиан Римлянин // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ, 2007. Т. 18. С. 256–286.

Хедвиг 2003 - *Хедвиг В.* Готы. СПб., 2003. 510 с.

Acts 2005 - Acts of Fifth Ecumenical Council Oxford, 2005. 660 p.

Athanasius 1856 - *Athanasius Alexandrinus.* Sermones tres contra Arianos // Patrologiae cursus complectus. Series Graeca. Parisio, 1856. Т. 26. Col. 12–525.

Athanasius 1857 - *Athanasius Alexandrinus.* Oratio contra Arianos // Patrologiae cursus complectus. Series Graeca. Parisio, 1857. Т. 26. Col. 5–200.

Blasen 2012 - *Blasen Philippe.* Nicetas of Remesiana – A Missionary Bishop in Dacia? // Studia Universitatis Babeş-Bolyai Theologia catholica. 2012. № 1-2. P. 39–49.

Burn 1905 - *Burn A.E.* Niceta of Remesiana, His Life and Works. Cambridge, 1905.

Chauvot 1995 - *Chauvot A.* Les migrations barbares et leur conversion au Christianisme // Histoire du Christianisme. P., 1995. Vol. II. P. 861–893.

Duval 1998 - *Duval Y.-M.* Aquilée et Sirmium durant la crise arienne (325–400) // Duval Y.-M. L'extirpation de l'arianisme en Italie du Nord et en Occident. Aldershot, Brookfield, 1998. P. 331–379.

Evans 2006 - *Evans Arthur.* Ancient Ilyria. An Archeological Exploration. L.: I.B. Tauris, 2006. 350 p.

Gregorius Nyssenus 1960 - *Gregorius Nyssenus.* Contra Eunomium // Gregorii Nysseni Opera / ed. W. Jäger. Leiden: Brill, 1960. Vol. 1.1. P. 3–409; Vol. 2.2. P. 3–311.

Gregorius Nyssenus 1968 - *Gregorius Nyssenus.* De vita Mosis / ed. J. Daniélou, Grégoire de Nysse. La vie de Moïse, 3rd edn. // Sources chrétiennes 1 ter. Paris: Cerf, 1968. P. 44–326.

Gregorius Theologus 1857 - *Gregorius Theologus.* Cohortatio ad virginem // Patrologiae cursus complectus. Series Graeca. Parisio, 1857. T. 37. Col. 511–513.

Grillmeier 1975 - *Grillmeier A.* Christus in der Glaube der Kirche. Stuttgart, 1975.

Hanson 2005 - *Hanson R.P.C.* Search for the Christian Doctrine of God. The Arian Controversy, 318–381. L., 2005. 600 p.

Kahler 1958 - *Kahler E.* Studien ueber Te Deum. Goettingen, 1958. 160 s.

Martyrologium 2001 - Romanum. Roma: Libreria Editrice Vaticana, 2001. 670 p.

Mathisen 1997 - *Mathisen Ralph W.* Barbarian Bishops and the Churches // Barbaricis Gentibus During Late Antiquity // *Speculum.* Jul., 1997. Vol. 72, № 3. P. 664–697.

Meliton de Sardes 1966 - *Meliton de Sardes.* Sur la Paque / ed. O. Perler // Sources Chrétiennes. Paris: Cerf, 1966. T. 123.

Meyendorf 1987 - *Meyendorf J.* Christ in the Eastern Christian thought. N.Y.: St. Vladimir Press, 1987.

Werner 1981 - *Werner E.* Das Te Deum und seine Hintergruende // Jahrbuch fuer Liturgie und Hymnologie. 1981. Bd. XXV. P. 69–82.

Weyman 1906 - *Weyman.* C. Recension in book of Burn A.E. Niceta of Remesiana // Theological Review. Vol. 1906. Col. 9–13.

Williams 1996 - *Williams D.H.* Another Exception to Later Fourth-Century "Arian" Typologies: The Case of Germinius of Sirmium // Journal of Early Christian Studies. 1996. № 4. P. 335–357.

REFERENCES

Likhacheva, D.S., Dmitrieva, L.A., Alekseeva, A.A. & Ponyrko, N.V. (eds) (2005) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of the Ancient Rus literature]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Vasilik, V.V. (2006) *Proiskhozhdenie kanona: Istoriya. Bogoslovie. Poetika* [Origin of the Canon: History. Theology. Poetics]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Guzyzelev, V. (1969) *Knyaz Boris Pervi. Bolgariya pred vtorata polovina na IX vek* [Prince Boris I. Bulgaria before the second half of the 9th century]. Sofia: Akademiya na naukite.

Zakharov, G.E. (2011) *Tserkov' v sisteme obshchestvennoy zhizni Balkano-Dunayskogo regiona* [Church in the system of social life in the Balkan-Danubian region]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

Zakharov, G.E. (2012) *Poslaniya Germiniya Sirmiyskogo: tekst i istoriko-bogoslovskiy kommentariy* [The Epistles of Herminius of Sirmius: Text and historical and theological commentary]. *Vestnik PSTGU II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 1(44). pp. 111–120.

Zakharov, G.E. (2014) *Tserkvi Illirika v epokhu arianskikh sporov* [The Church of Illyricum in the Age of Arian Disputes]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University.

Gerov, B. (ed.) (1958) *Latinskie izvori za b'lgarskata istoriya* [Latin sources for Bulgarian history]. Vol. 1. Sofia: Institute of Bulgarian History.

Milyutenko, N.I. (2008) *Svyatoy ravnoapostol'nyy velikiy knyaz' Vladimir* [The Holy Equal-to-the-Apostles Grand Duke Vladimir]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.

Popovich, R. (1995) *Rano khristianstvo na Balkanu* [Early Christianity in the Balkans]. Beograd: [s.n.].

Pop, I.-A. (2006) *Istoriya Rumynii* [History of Romania]. Moscow: Nauka.

Anon. (1992) *Prodolzhatel' Feofana. Zhizneopisanie vizantiyskikh tsarey* [Theophanes Continuatus. Biography of the Byzantine tsars]. Translated from Greek by Ya.N. Lyubarsky. St. Petersburg: Nauka.

Gindin, L.A. & Litavrin, G.G. (eds.) (1991) *Svod drevneyshikh pis'mennykh istochnikov o slavyanakh* [Code of the oldest written sources about the Slavs]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Fokin, A.R. (2007) Ioann Kassian Rimlyanin [John Cassian the Roman]. In: Patriarch of Moscow and All Russia Kirill. (ed.) *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 18. Moscow: TsNTs. pp. 256–286.

Hedwig, V. (2003) *Goty* [Goths]. St. Petersburg: [s.n.].

Anon. (2005) *Acts of Fifth Ecumenical Council*. Oxford: [s.n.].

Athanasius Alexandrinus. (1856) *Sermones tres contra Arianos*. In: *Patrologiae cursus completus. Series Graeca*. Vol. 26. Col. 12–525.

Athanasius Alexandrinus. (1857) *Oratio contra Arianos*. In: *Patrologiae cursus completus. Series Graeca*. Vol. 26. Col. 5–200.

Blasen, P. (2012) Nicetas of Remesiana – A Missionary Bishop in Dacia? *Studia Universitatis Babeş-Bolyai Theologia catholica*. 1–2. R. 39–49.

Burn, A.E. (1905) (ed.) *Nicetas of Remesiana, His Life and Works*. Cambridge: University Press.

Chauvot, A. (1995) Les migrations barbares et leur conversion au Christianisme [Barbarian migrations and their conversion to Christianity]. In: Renan, E. *Histoire du Christianisme* [History of Christianity]. Vol. 2. pp. 861–893.

Duval, Y.-M. (1998) *L'extirpation de l'arianisme en Italie du Nord et en Occident* [The extirpation of Arianism in northern Italy and the West]. Aldershot, Brookfield: Routledge. pp. 331–379.

Evans, A. (2006) *Ancient Ilyria. An Archeological Exploration*. London: I.B. Tauris.

Gregorius Nyssenus. (1960) *Opera*. Vol. 1.1. Leiden: Brill. pp. 3–409.

Gregorius Nyssenus. (1968) *De vita Mosis* [The life of Moses]. Vol. 1. Paris: Cerf. pp. 44–326.

Gregorius Theologus. (1857) *Cohortatio ad virginem*. In: *Patrologiae cursus complectus. Series Graeca*. Vol. 37. 511–513.

Grillmeier, A. (1975) *Christus in der Glaube der Kirche* [Christ in the faith of the church]. Stuttgart: Verlag Herder.

Hanson, R.P.C. (2005) *Search for the Christian Doctrine of God. The Arian Controversy, 318–381*. London: Baker Academic.

Kahler, E. (1958) *Studien ueber Te Deum* [Studies on Te Deum]. Goettingen: [s.n.].

Anon. (2001) *Martyrologium romanum*. Rome: Libreria Editrice Vaticana.

Mathisen, R.W. (1997) Barbarian Bishops and the Churches in "Barbaricis Gentibus" During Late Antiquity. *Speculum*. 72(3). pp. 664–697.

Meliton de Sardes. (1966) *Sur la Paque* [On the Easter]. Vol. 123. Paris: Serf.

Meyendorf, J. (1987) *Christ in the Eastern Christian thought*. New York: St. Vladimir Press.

Werner, E. (1981) Das Te Deum und seine Hintergruende [Te Deum and its background]. *Jahrbuch fuer Liturgie und Hymnologie*. 25. pp. 69–82.

Weyman, C. (1906) Recension in book of Burn A.E. "Nicetas of Remesiana". *Theological Review*. 5. Col. 9–13.

Williams, D.H. (1996) Another Exception to Later Fourth-Century "Arian" Typologies: The Case of Germinius of Sirmium. *Journal of Early Christian Studies*. 4. pp. 335–357. DOI: 10.1353/earl.1996.0036

Василик Владимир Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран Института истории СПбГУ (Россия).

Vladimir Vasilik – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: v.vasilik@spbu.ru

УДК 94(367)(437)(47)025

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/5

ЗАПАДНЫЙ ВЕКТОР КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО СЛАВЯНСТВА И РУСЬ В X в.*

Д.И. Польшанский

Ивановский государственный университет
Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39
E-mail: dipol53@mail.ru

Авторское резюме

На основе представления о развитии круга последователей свв. Кирилла и Мефодия как сообщества (кирилло-мефодиевского славянства) в статье рассмотрены некоторые черты развития на протяжении X в. в чешских землях традиций, заложенных солунскими братьями и их учениками в Моравии и Болгарии. Рассматриваются взаимоотношения между славянским духовенством греческого и латинского обрядов и их римскими, немецкими и чешскими собратьями; использование авторитета славянских учителей для создания династической и государственной идеологии первых чешских государей из династии Пшемислов; взаимодействие кирилло-мефодиевских и местных славянских традиций в развитии раннесредневековой чешской культуры. Эта задача решается в сопряжении с частной темой ранней встречи кирилло-мефодиевской традиции с русью. Последнее понятие в контексте статьи обозначает не Древнерусское (Киевское) государство, а одно из сообществ, участвовавших в его образовании в X в. и передавшее ему свое имя. Христианизированная купеческая русь, идентифицировавшаяся в среде восточного славянства и использовавшая славянское койне в осуществлении своей профессиональной деятельности, могла на этой почве вступать в чешских землях, в особенности в Праге, во взаимодействие с носителями славянских церковных традиций, восходящих к свв. Кириллу и Мефодию. При таком подходе отчасти заполняется длительная цезура в истории кирилло-мефодиевской традиции за пределами средневековой Болгарии. Как правило, бытование славянской книжности, церковного языка и богослужения в Хорватии, Польше и Венгрии рассматривается в ретроспекции, через призму антиславян-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Историзм, историческая культура и историописание в болгарской книжности Средневековья и раннего Нового времени», № 17-01-00302.

ской и антиправославной полемики, усилившейся в обстановке раскола Западной и Восточной церковью в середине XI в., и последовавших в его контексте обоюдных инвектив. Комплексное исследование кирилло-мефодиевского славянства X в. на материале чешских, хорватских, венгерских и польских земель, несмотря на ограниченность источниковой базы, может представить в новом свете важнейший сегмент христианской культуры Европы раннего Средневековья и его ранние взаимодействия с Древней Русью до ее крещения.

Ключевые слова: кирилло-мефодиевское славянство, Болгария, Чешское княжество, Русь, Кристианова легенда, Сказание о русской грамоте.

THE WESTERN VECTOR OF THE CYRILLO-METHODIAN SLAVDOM AND RUS IN THE 10TH CENTURY*

D.I. Polyvyannyu

Ivanovo State University
39 Ermak Street, Ivanovo, 1530235, Russia
E-mail: dipol53@mail.ru

Abstract

The author defines the Cyrillo-Methodian Slavdom as a community of St. Cyril and St. Methodius's followers and describes the holy brothers' heritage in the Czech lands in the 10th century, with the focus on the relationships between the Cyrillo-Methodian Slavonic clergy of Latin and Greek rites and their Roman, German and Czech brethren. The author also discusses the use of the Slav Apostles' authority for shaping dynastic and state ideology of the first Czech Přemyslide princes as well as the interactions between the Cyrillo-Methodian and local traditions within the early medieval Czech literature. This task is carried out in association with a particular topic of an early meeting between the Cyrillo-Methodian tradition and Rus', under which the author means not the Old Rus' (Kievan) state, but one of the communities that participated in its formation in the 10th century and shared its name with the state. The Christianised merchants' Rus as identified by Eastern Slavs used the Slavonic argo in its professional

* The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project "Historicity, historical culture and historical writing in Bulgarian literature of the Middle Ages and Early Modern times" (Nr. 17.01.00302).

activities and could interact in the Czech lands, especially in Prague, with the followers of Slavonic church traditions ascending to St. Cyril and St. Methodius. The above mentioned approach enables to partially fill the long caesura in the history of the Cyrillo-Methodian tradition outside the medieval Bulgaria. The development of the Slavonic literature, church language and service in Czech, Croatian, Hungarian and Poland is usually considered retrospectively against the background of anti-Slavonic and anti-Orthodox polemics and mutual invectives, which followed the split between the Eastern and Western churches in the middle of the 11th century. Though limited in sources, the complex research of the Cyrillo-Methodian Slavdom of the above mentioned lands in the 10th century can shed additional light upon this most important segment of the European Christian culture of the early Middle Ages and its connections with Old Rus' before the official adoption of the Christianity.

Keywords: Cyrillo-Methodian Slavdom, Bulgaria, Czech Principality, Rus', Christian's Legend, Tale on the Russian Letters.

Существенную часть мировой кирилло-мефодиевской библиографии составляют работы, посвященные начальному этапу распространения славянского церковного языка, письменности и богослужения в раннесредневековых государствах, формирование которых происходило в X в., – Хорватии, Чехии, Польше и Древней Руси. Вместе с тем одним из распространенных в научной литературе представлений является «линейная» схема передачи наследия славянских учителей от диоцеза св. Мефодия к Первому Болгарскому царству (886) и от него к Древней Руси (988), маргинализирующая историю кирилло-мефодиевской традиции на западе Балкан и в центре Европы. Сама же традиция славянских учителей в этом регионе, отчасти в силу состояния источниковой базы, чаще всего рассматривается ретроспективно – от ее подавления и угасания в XI–XII вв. ко времени ее утверждения в X в. При этом за единицу исследования принимается раннесредневековое государство (Чешское, Польское, Венгерское, Древнерусское), несмотря на то что формирование их государственной идентичности завершилось за рамками X ст.

Альтернативу этому подходу, на наш взгляд, могло бы составить представление кирилло-мефодиевского славянства (КМС) от кончины Мефодия (885) и до середины – второй половины XI в. как развивающегося сообщества, находившимся в коммуникации с другими, прежде всего церковными, сообществами. Для составлявших КМС последователей свв. Кирилла и Мефодия были характерны использование в богослужении, проповеди и требах славянского языка, а в книжности – глаголической и кириллической азбук, а также почита-

ние славянских учителей – от устного и книжного до литургического. Вводившиеся в разное время учеными термины «Slavia Orthodoxa» (Р. Пиккио), «Slavia Cyrillo-Methodiana» (Р. Марти), «Slavia Christiana» (В.М. Живов) (Живов 2002: 84) и др. в большей степени характеризуют культурные явления и отдельные репрезентативные для них фигуры, в то время как стоявшие за ними людские сообщества также остаются в тени.

История КМС как сообщества в центре Европы слабо и неравномерно отражена в источниках, а скудость сохранившихся памятников славянской письменности делает большинство гипотез, конкретизирующих его бытование, трудно доказуемыми. На этом фоне выделяются свидетельства второй половины X в., относящиеся к складыванию Чешского княжества при Болеславе I и Болеславе II в 930–990-х гг. X в. Деятельность ранних Пшемисловичей, отраженная в этих текстах, актуализировалась насущной задачей обоснования их прав на общечешское главенство. Активное использование кирилло-мефодиевского наследия имело место в созданных в то время житийных, гимнографических и риторических текстах на латинском и славянском языках (Христианство 2002: 190–206).

Еще при жизни св. Мефодия второе поколение КМС в лице его учеников и последователей распространилось в обширном «славянском королевстве» Святополка, которое простиралось от Среднего Подунавья и верхнего течения Эльбы и Одера до предгорий Карпат, а на юге граничило с хорватскими и болгарскими землями. Распространение КМС, утратившего после смерти св. Мефодия и прихода венгров установленное каноническое устройство, проходило здесь в противоречивом взаимодействии с епархиями и епископатом латинского обряда. Дополнительные сложности создавала политика папства, стремившегося привести церковное разнообразие в бывшем «королевстве славян» к общему каноническому порядку. Священнослужители из КМС в отсутствие канонически поставленной иерархии становились акефальными, и новые последователи могли появляться из числа местного духовенства. При этом возможны были и связи с Болгарией, откуда могли приходиться поставленные там «епископами славянского языка» клирики. Есть основания предполагать, что направленные против последователей свв. Кирилла и Мефодия гонения со стороны германского епископата и папства в сохранившихся источниках существенно преувеличены (Назаренко 2001: 65–67).

Акцентируемая в немногих дошедших до нас ранних кирилло-мефодиевских текстах тема гонений была актуализирована в произведениях, отразивших разделение Западной и Восточной церквей

в XI–XIII вв. Так, в древнерусскую книжную традицию вошел тезис о личном участии пражского архиепископа Адальберта-Войтеха в искоренении православия и кирилло-мефодиевской письменности у западных славян, отразившийся в «Сказании о русской грамоте»: «Потом же многом летом минувшем пришед Вьитех в Мораву и в Чехы и в Ляхы, раздруши веру правую и рускую грамоту отверже, а латинску веру и грамоту постави и правыя веры иконы пож’же, а епископы и попы изъсече, а другия разгна» (Живов 2002: 117). В Новое и Новейшее время тема гонений была канонизирована в историографии стран православной традиции, и ее реминисценции живы и в наши дни.

Объединение нескольких славянских земель под властью Святополка в последней четверти X в. было воспринято западноевропейскими современниками как политическая консолидация «земли славян» (*terra Slavonica*) – обширной территории к востоку от каролингских владений – и формирование «невиданной доселе славянской империи, не уступавшей по размерам Восточнофранкскому королевству». В связи с этим в близких по времени памятниках (письмо папы Стефана V, «Всемирная хроника» Регино Прюмского и др.) сам Святополк именовался королем славян (*Rex Slavorum*) (Малиновска 2017: 21–38). На деле Великоморавская держава до ее падения в 907 г. оставалась конгломератом земель с разными, в том числе языческими традициями. На ее территории сосуществовали различные церковные юрисдикции, среди которых между 871 и 885 гг. выделялась созданная папой Адрианом II (867–872) архиепископия во главе со св. Мефодием (Betti 2014).

Укрепляющееся в современной историографии мнение, что эта архиепископия представляла собой славянскую (славяноязычную?) церковную организацию, устроенную по персональному (этническому и обрядовому), а не по территориальному принципу в населенных славянами землях Центральной Европы (Пентковский 2014: 25–102), позволяет видеть в ней попытку институционализации сформированной первым поколением КМС идеи нового Божьего народа (Живов 2002: 131). Однако если в Болгарии X в. при поддержке Бориса-Михаила и Симеона КМС было интегрировано в государственно-конфессиональную «симфонию» наподобие византийской, то на территории вначале державы Святополка, а затем и княжества Пшемьсловичей его взаимодействие с другими конфессиональными сообществами приняло иные формы.

Представления о них дают записи «Книги братии» бенедиктинского монастыря Райхенау на Боденском озере, относящиеся к последней трети IX в. Здесь читаются имена почившего в 869 г. св. Кирилла

Философа, св. Мефодия и нескольких клириков из его окружения, а также самого князя Святополка, нитранского епископа Вихинга и их приближенных (Verbrüderungsbuch 1979: 4–6, 53, 63, 108). Учитывая, что записи Райхенау, в том числе сделанные греческими буквами, происходят из среды духовенства латинского обряда, а славянские имена кирилло-мефодиевских сподвижников записаны вместе с немецкими, следует вслед за А.В. Назаренко предположить, что этническое происхождение клириков, их разноязычие и различные церковные обряды, которым они следовали, сами по себе противоречия среди них не вызывали. В книге отдельно записаны имена братии из славянской Карантании, а прозвище *Choranzanus* упоминается среди имен спутников Мефодия (некоторые ученые видят в нем Горазда). На наш взгляд, записи из Райхенау корреспондируют с сообщением жития св. Мефодия о панихиде, которую его ученики «латиньскы и гръчьскы и словѣньскы сътребиша» (Лавров 1930: 78). Кроме этого, монастырь, центр почитания св. Вита, был популярен в Моравии, а затем и в Праге. Ранний славянский перевод пространного латинского жития святого связан с основанием посвященного ему при Вацлаве храма в Праге (Назаренко, Турилов 2004: 574–576).

Исследователи указывают на роль основанного папой Бенедиктом VII (974–983) монастыря Св. Алексия и Бонифация на римском холме Авентин в развитии практики сосуществования латинского и греческого богослужений в раннесредневековой Чехии. Выходцы из братии этого монастыря – сводные братья Войтех и Радим из восточнечешского княжеского рода Славников – стали под именами Адальберта и Гауденция первыми архиепископами в Праге и Гнезно, заложив, таким образом, основы отдельных церковных юрисдикций в Чехии и Польше. Из этой обители вышел и Анастасий, возможно, позднее ставший архиепископом в Венгрии, где среди клира в начале XI в. были священнослужители греческого обряда (Живов 2002: 128–131; Христианство 2002: 211–230).

Основанный первым пражским архиепископом Адальбертом-Войтехом по примеру авентинской обители Бржевновский монастырь на рубеже X–XI вв. также мог быть одним из «мест встречи» кирилло-мефодиевской и местной традиций взаимодействия духовенства, придерживавшегося различных обрядов и языков. Принадлежавший к бржевновской братии иеромонах Прокопий основал при поддержке чешского князя Ольдржиха (1014–1034) Сазавский монастырь, который многие исследователи считают важнейшим центром славянской письменности в Чехии первой половины XI в. (последнее мнение оспаривается частью ученых) (Kalhous 2012: 218–219).

Свидетельства использования славянского языка в Чехии вошли и в древнейшие тексты, посвященные мученичеству св. Вячеслава (Вацлава). По славянской версии жития, князь еще в юные годы овладел не только латинской грамотой, но и славянской и греческой, причем на высоком уровне («яко же добрый епископ или поп, да аще възмаше я греческие книги или словеньския прочиташе явьне без блазна») (Сказания 1970: 37, 61). В латинских текстах вацлавского цикла, где отсутствуют суперлативы образованности Вацлава, данное сведение скорее говорит о высоком статусе славянской грамотности в последней трети X в.

В то же время опыт западных клириков, ряды которых в X в. пополнялись из местного славянского населения, в распространении и утверждении среди славян Центральной Европы христианства включал известное по рукописным памятникам (Фрейзингенские листы и др.) использование местных славянских наречий для проповеди, молитв и исповедания грехов, что и в переносном, и в прямом смысле могло способствовать нахождению общего языка с последователями свв. Кирилла и Мефодия. Однако наиболее востребованным оказался престиж самих славянских учителей. Легенда о принятии первым известным по имени пражским князем Борживоем крещения от св. Мефодия и закладке в Праге храма Св. Климента стала основой легитимации государей из рода Пшемысловичей.

Среди первых текстов, засвидетельствовавших этот аспект взаимодействия между КМС и латинским клиром в Чехии, является посвященная Адальберту-Войтеху «Легенда Кристиана» – написанный его племянником один из вариантов сказания о мученичестве внука Борживоя и его жены Людмилы князя Вячеслава (Вацлава), созданная, возможно, одним из его потомков. Шедшие долгое время в науке споры о происхождении этого памятника, по-видимому, в основном исчерпаны, и можно с уверенностью датировать его концом X в. Как считает Д. Калхоус, составитель «Легенды Кристиана» имел в распоряжении некий источник, аналогичный славянским текстам, которые были использованы в летописном «Сказании о преложении книг» и в греческом житии св. Климента Охридского (Kalhous 2012: 203–206).

Вводная часть «Легенды Кристиана» повествует, что «болгары приняли [Божью благодать] еще ранее», чем Моравия, от «Кирилла, грека родом, сведущего в греческом и латинском письме». По словам Кристиана, жители Болгарии еще раньше Моравии были «удостоены этой милости». Тот же св. Кирилл, «по происхождению из греков, обученный как латинскому, так и греческому письму», который просветил болгар, пришел и в Моравию, где «перевел с греческого и латинского языков Ветхий и Новый Завет» на славянский язык

(sclawonicam linguam), а также греческую и латинскую службу, которую «до сих пор (т. е. до конца X в.) часто служат в славянских странах (in partibus Sclauorum), особенно в Болгарии (maxime in Bulgariis)» (Fontes 1872: 200–201). Кристианова легенда связывается с кирилло-мефодиевской традицией и через сведения о постройке в Левом Градце храма Св. Климента как ее распространенного маркера. В позднем списке легенды упоминается также пришедший с Мефодием и пополнивший причт храма Св. Климента священник Кайх (Fontes 1872: 203).

Особый интерес во введении «Легенды Кристиана» вызывает привязка крещения «Моравии, страны славянской (regio Sclauorum)» ко временам св. Августина, «magnifici doctoris». На наш взгляд, это «говорящая аберрация» гиппонского епископа и св. Августина Кентерберийского, чья деятельность была известна в каролингском мире из «Церковной истории англоv», сохранявшейся в многочисленных рукописях в монастырях Западной и Центральной Европы. В этом сочинении Беда Достопочтенного приводятся вопросы Августина Кентерберийского к папе Григорию I Великому (590–604) и его ответы на них. На вопрос новопоставленного епископа англоv, как следует относиться к различиям в церковных установлениях между практикой Галльской церкви, от которой Августин получил епископские полномочия, и местными обычаями, папа ответил: «Возьми в каждой церкви то, что сочтешь правильным и благочестивым, и собери это все воедино» (Беда 2003: 38, 300). Видимо, этот совет был созвучен конфессиональной обстановке в чешских землях. Одной из ее черт было использование славянского языка в богослужении и отпущении грехов и в латинском, и в греческом обрядах (Христианство 2002: 439–431).

Кристиан вкладывает в уста св. Мефодия пророчества Святополку и Борживою, которыми начинающаяся чешская история отделяется от завершенной моравской, а сам святитель становится одной из «государствообразующих» фигур Чешского государства. Историческая память о связи Пшемислов со св. Мефодием сохранялась на протяжении всего времени их правления и прочно вошла в этнополитическое сознание средневековых чехов. Первая записанная по-чешски хроника Далимила (начало XIV в.) воспроизвела эту легенду так: «Просит о крещении Борживой Святополка, короля моравского, и Мефодия, архиепископа велеградского. Тот архиепископ русином был, обедню всю по-словенски служил» (Prosí křista Bořivoj ot Svatopłuka, krále moravského, a ot Metuděje, arcibiskupa velehradského. Ten arcibiskup Rusín bieše, mšiu svú slovensky slúžieše) (Fontes 1882: 48).

Идентификация в хронике св. Мефодия как русина указывает еще на один аспект проблемы кирилло-мефодиевского духовенства. Не-

которые исследователи связывают термин «русин» с переселением в Чехию жителей Карпатской Руси, эмиграцией из Галицко-Волынского княжества после монгольского нашествия или с еще более поздней «валашской колонизацией», в результате чего «русинами» в словацких и чешских землях стали именовать всех православных (Суляк 2015: 267–307; Žeňuch 2015: 77–84).

Однако можно предположить и связь этого термина с одновременным распространению кирилло-мефодиевского церковного языка светского общеславянского койне, связанного с торговой деятельностью варяжских купцов (так называемой руси) в центре Европы. А.В. Назаренко указывает на упоминание торгового устава из Раффельштеттена (904/906 г.), что «купцы, приходившие в Восточную марку из Руси и из Чехии, были славянами» (*Sclavi de Rugis vel de Voemis*). Исследователь предполагает, что «уже в первой половине IX в. (восточно)славянский язык был местным койне, которым варяжские купцы пользовались также во время своих международных операций» (Назаренко 2001: 32–36). По выражению А.П. Толочко, славяноязычная русь представляла собой «фронтирный социум» в зонах взаимодействия восточных славян с арабами, Византией и западным миром (Толочко 2015: 151–158). В Праге 60-х гг. X в., хорошо известной в Киеве (сошлемся на хрестоматийное известие «Повести временных лет» о серебре и конях из Чехии), было возможно и знакомство славяноязычной руси с разрешенными в рамках западной канонической регламентации славянскими чтениями во время литургии, требами и проповедями.

Часто цитируемое сведение Ибн-Хордадбеха о том, что «купцы ар-Рус» в Багдаде пользовались услугами переводчиков из числа «сакалиба», т. е. говорили на понятном последним языке, может быть косвенно подтверждено и другими данными. В не сохранившемся сочинении о путешествии из Испании в Германию еврейского путешественника, которого пересказывающий его арабский автор XI в. называет Ибрахимом ибн-Йакубом (965) в качестве «правителей сакалиба» названы безымянный болгарский царь (видимо, Петр), польский князь Мешко I (960–992), чешский князь Болеслав I (929–967) и князь ободритов Након, т. е. государи славянских стран и народов. Более того, в этом сочинении упоминается о переводе болгарскими Евангелия на язык сакалиба, т. е. язык кирилло-мефодиевской книжности отождествляется со славянским койне руси (Мишин 2002: 33–38).

Эти примеры можно сопоставить с приводимым в хронике Козьмы Пражского текстом грамоты папы Иоанна XIII (965–972) чешскому князю Болеславу II (972–999), разрешающей учреждение в Праге епископии (967) (Козьма 1962: 66). Грамота, текст которой повторяется

в хронике Саксона Анналиста, обычно считается учеными подложной из-за упоминания Руси до ее официального крещения. Понтифик повелевал устроить богослужение во вновь основанной Пражской епископии по апостолическим установлениям, а «не следующего обрядом, точнее, секте, народа Болгарии или Руси, то есть на славянском языке» (*Verumtamen non secundum ritus aut sectum Bulgariae gentis vel Ruziae aut Sclavonicae linguae*). Для этого чешскому князю предлагалось выбрать «наиболее достойного клирика, обученного прежде всего латинской грамоте» (*latinis adprime litteris eruditum*) (*Fontes* 1874: 36). Однако папское обращение акцентирует внимание не на государствах, а на сообществах и людях, а указание на неканоничность славянского богослужения сформулировано в достаточно осторожной (*ritus aut sectam*) форме и не содержит прямого обвинения в ереси (латинский термин «*secta*», хотя и употреблялся в значении «ересь», означал прежде всего сообщество, а не его заблуждения). Наличие среди руси христиан зафиксировано многими источниками с середины X в., на что обратил внимание считавший папское письмо достоверным Р. Пиккио (*Picchio* 1988/1989). Иными словами, и болгары, и русь, приходя в Прагу последней трети X в., могли найти там храмы, в обиходе которых употреблялся славянский язык. В свою очередь, отождествление руси и славянского церковного языка еще до официального принятия христианства могло стать отправной точкой именованья паствы этих храмов русинами, а после разделения церковью распространить это именование на православных.

Еще одну репрезентацию расширявшегося «кирилло-мефодиевского славянства» можно видеть в тексте «Слова о похвале Богородицы Кирилла Философа», видимо, поэтапно формировавшемся в конце X–XI в. В числе мест, где славят Богородицу, в тексте названы «великий Рим», «греци» (Византия), Иерусалим, Кавказ, Южное Средиземноморье, германские земли, Италия, Моравия, Египет, а в перечень народов в процессе бытования памятника вошли болгары, сербы и хорваты, а также «русь великая, новое твое стадо» (*Турилов* 2011: 85–100). В этом контексте передаваемое от болгар, включенных в первую тройку списка, к другим народам «славянского языка» почитание Богоматери совмещало принадлежность к христианской общности с открытостью перечня народов «славянского языка» для дальнейшего продолжения.

Аналогичен пример сохранившейся в древнерусских списках с XIII в. молитвы Троице, в которую включено обращение к общему сонму святых Византии, Чехии, Руси и Северной Европы. Открытый перечень имен, который также может быть связан со «встречами» КМС и руси, включает Кирилла и Мефодия, Войтеху, Вячеслава, Бориса и Глеба, а

также северноевропейских святых XI в. Магнуса, Канута, Венедикта, Албана, Олафа, Ботулва и др. (Живов 2002: 91–92).

Таким образом, кирилло-мефодиевское славянство в чешских землях X в., утратив установленную при св. Мефодии иерархию, через своих последователей вписывалось в складывавшуюся церковную организацию чешских земель, принимая участие в деятельности отдельных монастырских и храмовых сообществ. В этом им способствовало латино-славянское и греческо-латинско-славянское многоязычие, которое было нормой в первом поколении учеников свв. Кирилла и Мефодия. Процесс упорядочения Римом церковной организации в центре Европы продолжался не одно столетие, первоначально оставляя существенные возможности для языкового разнообразия конфессиональных, в том числе богослужебных практик. Сохранение славянского сегмента духовенства греческого и латинского обрядов и славянской церковной практики в Чехии могло быть актуальным не только в контексте становления государственной идеологии первых Пшемисловичей, но и на фоне оттоновских планов по созданию империи как общего достояния франков, германцев, римлян и славян.

ЛИТЕРАТУРА

Беда 2003 - *Беда Достопочтенный*. Церковная история англов. СПб.: Алетей, 2003.

Живов 2002 - *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Козьма 1962 - *Козьма Пражский*. Чешская хроника. М.: Наука, 1962.

Лавров 1930 - *Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности*. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.

Малиновска 2017 - *Малиновска Н.* «Regnum Sclavorum» Святополка как источник средневековых славянских концепций «Склавинии» // Петербургские славянские и балканские исследования. 2017. № 1. С. 21–38. DOI 10.21638/11701/spbu19.2017.102

Мишин 2002 - *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+, 2002.

Назаренко 2001 - *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей. М.: Языки русской культуры, 2001.

Назаренко, Турилов 2004 - *Назаренко А.В., Турилов А.А.* Вит, Модест и Крискентия // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр Русской православной церкви «Православная энциклопедия», 2004. Т. 8.

Пентковский 2014 - *Пентковский А.М.* Славянское богослужение в архиепископии святителя Мефодия // Свети Ћирило и Методије и словен-

ско писано наслеђе. 863-2013. Београд: Институт за српски језик, 2014. С. 25–102.

Сказання 1970 - Сказання о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М.: Наука, 1970.

Суляк 2015 - Суляк С.Г. Начало христианизации Карпато-Днепровской Руси // Русин. 2015. № 4 (42). С. 267–302. DOI: 10.17223/18572685/42/19

Толочко 2015 - Толочко А.П. Очерки начальной Руси. Киев; Санкт-Петербург: Лаурис, 2015.

Турилов 2011 - Турилов А.А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софийнина. История и культура славян IX–XVII вв. М.: Индрик, 2011.

Христианство 2002 - Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Betti 2014 - Betti M. The Making of Christian Moravia (858–882). Papal Power and Political Reality. Leiden; Boston: Brill, 2014

Fontes 1872 - *Fontes Rerum Bohemicarum*. Praha, Naklad Muzea Království Českého, 1872. T. I.

Fontes 1874 - *Fontes Rerum Bohemicarum*. Praha, Naklad Muzea Království Českého, 1874. T. II.

Fontes 1882 - *Fontes Rerum Bohemicarum*. Praha, Naklad Muzea Království Českého, 1882. T. III.

Kalhous 2012 - Kalhous D. Anatomy of a Duchy: the Political and Ecclesiastical Structures of Early Premyslid Bohemia. Leiden; Boston: Brill, 2012.

Picchio R. 1988/1989 - Picchio R. From Boris to Volodimer: Some Remarks on the Emergence of Proto-Orthodox Slavdom // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12/13. P. 200–213.

Verbrüderungsbuch 1979 - Das Verbrüderungsbuch der Abtei Reichenau (Einleitung, Register, Faksimile). Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1979. (Monumenta Germaniae Historica. Libri memoriales et Necrologia, Nova series. I).

Žeňuch 2015 - Žeňuch P. K dejinám cyrilskej písomnej kultúry na Slovensku. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2015.

REFERENCES

Beda the Venerable. (2003) *Tserkovnaya istoriya anglov* [The Church History of the Angles]. St. Petersburg: Aleteyya.

Zhivov, V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Research in the history and prehistory of Russian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Kozma of Prague. (1962) *Cheshskaya khronika* [The Czech chronicle]. Moscow: Nauka.

Lavrov, P.A. (1930) *Materialy po istorii vozniknoveniya drevneyshey slavyanskoy pis'mennosti* [Materials on the history of the origin of the ancient Slavic writing]. Leningrad: USSR AS.

Malinovska, N. (2017) Svatopluk's Regnum Sclavorum as a source of medieval Slavic concepts of Sclavinia. *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya – Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1. pp. 21–38. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu19.2017.102

Mishin, D.E. (2002) *Sakaliba (slavyane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e* [Sakaliba (Slavs) in the Islamic world in the early Middle Ages]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.

Nazarenko, A.V. (2001) *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh. Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh i politicheskikh svyazey* [Old Rus on international roads. Interdisciplinary outlines of cultural, trade and political ties]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Nazarenko, A.V. & Turilov, A.A. (2004) Vit, Modest i Kriscentiya [Wit, Modest and Criscentia]. In: Patriarch of Moscow and All Russia. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 8. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tseñtr Russkoy pravoslavnoy tserkvi "Pravoslavnaya entsiklopediya".

Pentkovskiy, A.M. (2014) Slavyanskoe bogoslužhenie v arkhiepiskopii svyatitelya Mefodiya [Slavonic Liturgy in the Archdiocese of Archbishop Methodius]. In: Radih, J. & Savih, V. (eds) *Sveti Āirilo i Metodije i slovensko pisano nasleđe* [Saints Cyril and Methodius and Slovenian written heritage]. 863. Beograd: Institut za srpski jezik. pp. 25–102.

Korolyuk, V.D. (ed.) (1970) *Skazaniya o nachale Cheshskogo gosudarstva v drevnerusskoy pis'mennosti* [Tales on the beginning of the Czech state in Old Russian literature]. Moscow: Nauka.

Sulyak, S.G. (2015) The beginning of Christianisation of Carpatho-Dniestrovian Rus'. *Rusin*. 4(42). pp. 267–302 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/19

Tolochko, A.P. (2015) *Ocherki nachal'noy Rusi* [Essays on Primary Rus']. Kyev; St. Petersburg: Laurus.

Turilov, A.A. (2011) *Ot Kirilla FilosoĀa do Konstantina Kostenetskogo i Vasiliya Sofiyana. Istoriya i kul'tura slavyan IX–XVII vv.* [From Cyril the Philosopher to Constantine Kostenetsky and Basil the Sofian. History and culture of the Slavs in the 9th – 17th centuries]. Moscow: Indrik.

Florya, B.N. (ed.) (2002) *Khristianstvo v stranakh Vostochnoy, Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy na poroge vtorogo tysyacheletiya* [Christianity in the countries of Eastern, South-Eastern and Central Europe at the turn of the second millennium]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Betti, M. (2014) *The Making of Christian Moravia (858–882). Papal Power and Political Reality*. Leiden; Boston: Brill.

Emler, J. (ed.) (1872) *Fontes Rerum Bohemicarum*. Vol. 1. Prague: Naklad Muzea Království Českého.

Emler, J. (ed.) (1872) *Fontes Rerum Bohemicarum*. Vol. 2. Prague: Naklad Muzea Království Českého.

Emler, J. (ed.) (1882) *Fontes Rerum Bohemicarum*. Vol. 3. Prague: Naklad Muzea Království Českého.

Kalhous, D. (2012) *Anatomy of a Duchy: the Political and Ecclesiastical Structures of Early Premyslid Bohemia*. Leiden; Boston: Brill.

Picchio, R. (1988/1989) From Boris to Volodimer: Some Remarks on the Emergence of Proto-Orthodox Slavdom. *Harvard Ukrainian Studies*. 12/13. pp. 200–213.

Autenrieth, J., Geuenich, D. & Schmid, K. (eds) (1979) *Das Verbrüderungsbuch der Abtei Reichenau (Einleitung, Register, Faksimile)* [The Fraternity Book of Reichenau Abbey (introduction, index, facsimile)]. Hannover: Hahnsche Buchhandlung.

Žeňuch, P. (2015) *K dejinám cyrilskej písomnej kultúry na Slovensku* [The History of Cyrillic Written Culture in Slovakia]. Nitra: University of Constantine the Philosopher in Nitra.

Полывянный Дмитрий Игоревич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета (Россия).

Dmitry Polyvyannyu – Ivanovo State University (Russia).

E-mail: dipol53@mail.ru

УДК 94.653(234.421.1+498.81)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/6

КРЕСТОНОСЦЫ В ПРИКАРПАТЬЕ. К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНОЙ ЭКСПАНСИИ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЕВСТВА В НАЧАЛЕ XIII в.*

Ф.Н. Веселов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: veselovfedor@gmail.com

Авторское резюме

В данной статье рассматривается период пребывания братьев Тевтонского ордена в Прикарпатских землях в 1211–1225 гг.: причины, по которым орден был приглашен венгерским королем, а затем изгнан даже несмотря на заступничество Святого престола. Автор подвергает сомнению точку зрения, согласно которой военно-духовная организация была приглашена по причине участвовавших набегов половцев. Данные сведения содержатся только в официальной переписке венгерской епископской и королевской, а также папской канцелярий и не находят дополнительных подтверждений в иных источниках. Настоящей же причиной видится не защита границ, а наоборот, экспансия королевства на восток, в сторону территорий, некогда зависевших от Галицкого княжества, переживавшего тяжелый период борьбы за наследство князя Романа Мстиславовича. Со своей задачей крестоносцы блестяще справились, распространив влияние Венгрии за «снежные горы». Но к началу 1220-х гг., в ходе успешной дипломатической деятельности Великого магистра, орден становится серьезной политической силой в Европе. С одной стороны, король Венгрии осознает опасное военное и политическое соседство, с другой – изменяется политика королевства в регионе: в освоении территорий происходит переход «от меча к кресту», вылившийся в итоге в активную прозелитическую деятельность в среде кочевников и основание Куманской епархии. Все это стало причинами окончательного изгнания братьев в 1225 г. из дарованных им короной земель.

Ключевые слова: Тевтонский орден, Прикарпатье, дельта Дуная, Венгерское королевство, Половецкая степь, Галицко-Волынское княжество.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект «Выявление, изучение и публикация памятников русской письменности в собраниях зарубежных музеев, архивов и библиотек» (шифр 5.5.3.851.2016).

CRUSADERS IN SUBCARTHIA. ON THE EASTERN EXPANSION OF THE HUNGARIAN KINGDOM IN THE EARLY 13TH CENTURY*

F.N. Veselov

Institute of History, St. Petersburg State University
7/ 9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: veselovfedor@gmail.com

Abstract

The article dwells on the stay of the Teutonic Order on the Southeastern borders of the Hungarian kingdom and their expansion to the Carpathian-Danube region in 1211–1225, focusing on the reasons why the Order was invited by the King of Hungary and then expelled in spite of the Holy See's intercession. The author challenges the point of view that the Order was invited due to the increased number of Cuman raids, which is evidenced by the official correspondence of Papal, Hungarian King's and Bishopric chancellery only. The real reason was not the border protection, but the Kingdom's territorial expansion to the East, towards the regions formerly dependent on the Galician principality, which was at war for the heritage of Prince Roman Mstislavovich. Teutonic crusaders met the challenges brilliantly, extending the Hungarian influence to the East, far across the "Snow Mountains". However, by the early 1220s, the Teutonic Order had become a strong political force in Europe by virtue of successful diplomacy of Grand Master Hermann von Salza supported both by the Pope and the Emperor, competing on equal terms with elder and major orders of Templars and Hospitallers. Thus, on the one hand, Hungarian King Andrew II understood the danger of neighboring with fast raising military and political force, threatening not only newly acquired lands, but also lands of the crown. On the other hand, the political impact of the Order in the regions turned "from the sword to the cross", establishing Dominican proselyte mission, which further led to the foundation of the Cuman bishopric. All these became reasons for the final expulsion of the Order from the Hungarian kingdom.

Keywords: Teutonic order, Subcarpathia, Danube lands, Kingdom of Hungary, Cuman steppe, Galician Principality.

* The research is supported by the Russian Scientific Foundation Grant "Detection, Study and Publication of Russian written monuments from the collections of foreign museums, archives and libraries" (5.53.851.2016).

Столкновение Руси с Тевтонским военно-монашеским орденом в XIII в. на северо-востоке Европы, в землях Прибалтики – один из известнейших эпизодов средневековой русской истории, в первую очередь благодаря широкому отклику в искусстве и культуре: от первой редакции «Повести о житии Александра Невского» XIII в. (историография и особенности «Повести...»: Охотникова 1987; Дорофеева 2014) до знаменитого кинематографического творения С. Эйзенштейна (см. подробнее: Кривошеев, Соколов 2012). Он неизменно привлекает внимание отечественных и зарубежных историков (из последних работ см.: Urban 1994; Матузова, Назарова 2002; Хрусталеv 2009; Christianesen 2009; Selart 2015). Впрочем, этот регион не был единственной ареной конфликтов между русскими княжествами и крестоносцами. На западе Руси во второй трети XIII в. Даниил Романович Галицкий принимал активное участие в европейской политике. Претензии князя, игравшего активную роль в борьбе за австрийское наследство (Майоров 2011a; Майоров 2011b: 654–673), находили отражение не только в военных действиях, но и даже в дипломатическом церемониале (Maiorov 2014). Известны и военные столкновения Даниила с крестоносцами: в первой половине 1240-х гг. князь в борьбе с тамплиерами «*приаства град*» Дрогочин, свою «*отчину*» (Jusupovic 2006; Майоров 2014). Но еще ранее, в период Даниилова малолетства и борьбы за наследство Романа Мстиславовича, крестоносцы проникли на запад Половецкой степи – в земли, граничившие с русскими княжествами и Венгерским королевством, территории постоянных межэтнических контактов кочевых и оседлых народов – от тюркоязычных половцев до саксонских колонистов и русских поселенцев.

В публикуемой статье предлагается резюмировать и дополнить на основании недавно введенных в научный оборот латиноязычных источников существующие в традиционной историографии точки зрения на два важнейших вопроса, связанных с пребыванием тевтонских рыцарей в Трансильвании: причины, по которым орденские братья были приглашены на восточную границу Венгерского королевства, и обстоятельства их окончательного изгнания из Прикарпатских земель всего через 14 лет.

«*В год от воплощения Господня 1211...»* король Венгрии Андрей II пригласил крестоносцев госпиталя Св. Марии в Иерусалиме в землю «...под названием *Бырса*, располагающуюся за лесами, в сторону куманов, хоть безлюдную и необитаемую, они могут безмятежно заселить ее и навеки иметь в неограниченном владении; дабы через их деятельность расширилось и королевство» (здесь и далее латинские источники, касающиеся пребывания Тевтонского ордена в Трансильвании, приводятся по изданию Хаутала 2015: № 29–50).

Эпизод пребывания рыцарей Тевтонского ордена в Трансильвании неоднократно вызывал интерес ученых, обращавшихся к истории как самого ордена, так и Венгерского королевства (обзор новейшей историографии см.: Hunyadi 2008: 158–159; Zimmermann 2011: 23–60). В основном исследователи единодушны во мнении, что причина, по которой рыцари были приглашены Андреем II, заключается в участившихся набегах половцев-куманов на юго-восточное пограничье королевства (Engel 2001: 90; Hunyadi 2008: 157–158; Nautala 2015). На самом деле именно такие формулировки содержат почти все документы как королевской и епископской, так и папской канцелярий, касающиеся пребывания крестоносцев в землях Бърсы (нем. Burzanland): «*[братья] с риском для жизни обуздывали натиск язычников...*». Наиболее красноречиво свидетельство папы Григория IX в грамоте наследнику королевского престола принцу Беле от 26 апреля 1231 г.: «*[до прихода тевтонцев] куманы неоднократно вторгались в королевство Венгрия, приводя его в большое смятение*». Однако данная фраза, интерпретируемая исследователями как доказательство участившихся набегов кочевников (Hunyadi 2008: 157; Хаутала 2015: 25), сказана не только два десятилетия спустя, но и в совершенно определенном контексте. Указанной грамотой понтифик увещевает вернуть «*...возлюбленным сыновьям, магистру и братьям Тевтонского дома госпиталя Св. Марии... их землю*», которую «*беззаконно*» захватил король Андрей II и продолжал удерживать его сын – адресат послания папы. Вполне естественно, что здесь превозносятся заслуги братьев, потративших «*большие суммы денег*» на укрепление территории, под контролем которых Бърса стала процветающей. Однако стоит обратить внимание на то, что, кроме указанного корпуса документов, нет иных свидетельств об участившихся набегах куманов к 1211 г. Нам известно только об участии трех «куманских князей» в столкновениях с венгерским военным отрядом ишпана Себена, подавлявшего мятеж против болгарского узурпатора Борила в городе Видин (около 1210–1211 гг.) (Vasari 2005: 59–60; Войтович 2010: 7). Но и здесь не очевидно, были ли это кочующие группы мародеров или отряд наемников, специально нанятый для обороны Видина (Vasari 2005: 59–60). Подобным же образом во всем корпусе документов, касающихся орденского пребывания в Венгрии, гиперболизируется пустыньность отданной земли – «*pacifise inhabitandam*», что полностью опровергается археологическими изысканиями на местах орденских замков. Так, только на месте крепости Мариенбург (совр. Фельдиоара) найдено довольно значительное захоронение (более сотни могил) второй половины XII в. (Hunyadi 2008: 158–159; Cronica cercetărilor).

С нашей точки зрения, стоит обратить внимание на политическую ситуацию в спорной, этнически неоднородной зоне. В середине XII в. галицкий князь Ярослав Осмомысл в ходе междоусобной войны занял области междуречья Днестра и Серета, Нижнее Подунавье – своеобразные «ворота» из степей Северного Причерноморья на Балканы (Литаврин 1999: 505–506; Войтович 2011: 17, 21–22). Существование русских городов на Пруте, Нижнем Днестре, устье Дуная зафиксировано в *Списке городов русских дальних и ближних* (ПСРЛ 1856: 240). Вполне вероятно, что во второй половине XII в. в связи с политическим усилением Галича на этих землях, традиционно мультиэтнических, – территории постоянного контакта кочевых культур с оседлыми государствами Восточной Европы – увеличивается и доля русского элемента, появляется немало переселенцев из районов Среднего Поднепровья (Майоров 2011b: 247–248). О присутствии на «землях бродников» православного русского населения на рубеже XII–XIII вв. свидетельствует и богатый археологический материал, в частности находимые на этих территориях предметы, характерные для русского быта (Spinei 2009: 142–143). Но в 1205 г. гибнет Роман Мстиславович, первый галицко-волынский князь, после чего начинается затяжная война за его наследство. В том же году Андрей II затевает агрессивную политику против Галицко-Волинского княжества, вылившуюся в серию военных кампаний на восток между 1205 и 1213 гг. В 1206 г. король принимает титул *Galitia Lodomerique rex* (король Галиции и Лодомерии (Волыни)), резко характеризующий притязания венгерской короны на северо-восточные области за Карпатами. Но стоит заметить, по справедливому замечанию В. Спиenea и Л. Войтовича, что притязания венгерского монарха распространялись и на юго-восток, на территорию Нижнего Подунавья, так называемые *земли бродников* и *земли куманов* (Spinei 2009: 142–143; Войтович 2010: 7–8). И в таком случае ключевой фразой в грамоте венгерского короля Тевтонскому ордену является следующая: *«et regnum per conversationem eorum propagatam dilatetur»* («дабы через их деятельность расширилось и наше королевство»).

Таким образом, защита государства от набегов язычников-куманов была только предлогом пригласить на юго-восточное пограничье молодую, но набиравшую силу и политический вес духовно-рыцарскую организацию, основной же целью являлась экспансия Венгерского королевства на восток в удобное для этого время. При этом само по себе дарение военному ордену спорных земель, находящихся на пограничье разных культур, не было событием из ряда вон выходящим для мира средневековой Европы. Подобным же образом, для обороны границ Испанского королевства от мавров, в крепости

Калатрава с возможностью расширения на юг укрепился рыцарский орден Калатравы (1150 г.), на пограничье Кастилии и Леона – орден Св. Сантьяго (1151 г.) (Ayala Martinez 1994: 283–284). В то время, когда король Андрей пригласил тевтонцев в Трансильванию, сам Великий магистр ордена посетил киликийскую Армению, где братья были пожалованы королем Левонем II пограничными землями на северо-востоке и замком Амуда (Amuda) для защиты государства от мусульман (Houben 2008: 150; Lotan 2010: 188).

Стоит отметить, что Тевтонский орден был не единственной военно-монашеской организацией, имевшей владения в государстве Арпадов. Старейшие и более крупные на начало XIII в. ордена тамплиеров и госпитальеров уже с XII в. имели базы в Венгрии. Первое упоминание храмовников на территории королевства относится еще к середине 1160-х гг.: «*Status hierarchique*» называет Венгрию среди уже существующих провинций. К 1169 г. присутствие рыцарей засвидетельствовано в Вране на Далматинском побережье (Hunyadi 2011: 184). Что касается ордена госпитальеров, то, по-видимому, значительную роль в появлении их в королевстве сыграла жена Гезы II королева Ефросинья, дочь великого киевского князя Мстислава Владимировича. Именно она, согласно Хартии 1193 г. (*Idem Bela foundationem Hospitalariorum S. Stephani de Alba roborat et auget*), завершила постройку начатого архиепископом Мартирием Эстергомским монастыря в Секешфехерваре и подарила его ордену (Codex diplomaticus 1829: 283). Почти в то же время, не позднее 1172 г., сначала церковь Св. Георга, а потом и весь город Сень были дарованы ордену тамплиеров (Hunyadi 2014: 150–151). Возникает закономерный вопрос: почему в таком случае Андрей II не обратился к мощным военным организациям, которые присутствовали в королевстве уже не один десяток лет? Причины видятся, с одной стороны, в хороших отношениях между Великим магистром ордена Германом фон Зальца и Германом I, ландграфом Тюрингии, сын которого Людвиг в том же 1211 г. обвенчался с дочерью Андрея II Елизаветой (будущей католической святой Елизаветой Венгерской). С другой – в том, что восточные земли Трансильвании исторически являлись мультикультурной территорией, часть населения которой составляли немецкие переселенцы. С санкции венгерских королей, даровавших иммигрантам многие привилегии, искусные в горном деле саксы особенно активно колонизировали эти земли с середины XII в., хотя некоторые поселения появились здесь и ранее (Sedlar 1994: 99). Особенности похоронного обряда, в частности форма погребения, отмечаемые археологами на данной территории в XII в. на местах будущих орденских замков, также красноречиво свиде-

тельствуют о пребывании в Восточной Трансильвании переселенцев с территории Германии (Hunyadi 2008: 157–158).

Родственные связи, наличие немецких колонистов и, возможно, отсутствие в начале XIII в. у Тевтонского ордена того опасного политического веса, которым обладали храмовники и госпитальеры, подготовили почву для принятия соответствующего решения Андреем II. Это совпало и со стремлениями влиятельного и амбициозного Великого магистра не просто упрочнить положение ордена, но и обеспечить военную, политическую и экономическую базу для создания орденского государства (Lotan 2010: 186).

Тевтонский орден вполне оправдал надежды короля. Получив многочисленные привилегии, включавшие добычу серебра и золота, будь оно найдено на территориях, дарованных ордену, освобождение от обязанности устраивать на постои королевских воевод, беспошлинную торговлю, собственный суд, таможенные льготы (Грамота короля Андрея II о предоставлении тевтонским рыцарям земли Бырса в Трансильвании 1211 г.; Хаутала 2015: № 29), право обмена денег (Грамота короля Андрея II о предоставлении тевтонским рыцарям дополнительных привилегий 1212 г.; Хаутала 2015: № 30), сбор на орденской территории церковной десятины в пользу братьев (исключая сбор десятины с венгерских и секейских переселенцев), возможность рукополагать своих священников (Постановление Вильгельма, епископа Трансильванского, 1213 г., подтверждено папой Гонорием III в 1218 г.; Хаутала 2015: № 31, 33), орден, согласно папским грамотам 1223 г., способствовал увеличению населения Бырсы (Послания папы Гонория III епископу Эгера, епископу Трансильвании и архиепископу Эстергома 1223 г.; Хаутала 2015: № 36–38). Спустя всего несколько лет он начал экспансию за Карпаты, о чем свидетельствует грамота венгерского короля 1215 г. о даровании крепости Кройцбург *«с лугами, к ней прилегающими»* (Грамота Андрея II о предоставлении тевтонским рыцарям права на вечное владение крепостью Кройцбург 1215 г.; Хаутала 2015: № 32). О захвате территорий *«за снежными горами»* говорит также грамота Андрея II 1222 г., где указывается положение этих земель и их дарование ордену: *«до пределов бродников»* и *«до Дуная»* (Spinei 2009: 146).

Кроме Кройцбурга, упоминаются еще четыре каменных замка, местоположение одного из которых не вызывает сомнений у археологов. Это упомянутый выше замок Мариенбург – по всей видимости, важнейшая крепость и опорный пункт для рыцарей в этом регионе: само название цитадели подчеркнуто связано с названием ордена (Hunyadi, Laszlovszky 2001: 329). Именно восточная башня Мариенбурга более всего схожа по строительной технике с теми укреплениями,

которые рыцари возводили на Святой Земле (Hunyadi, Laszlovszky 2001: 330). Оставшиеся три крепости – Шварцбург, Розенау и Кронштадт. При этом есть известное противоречие в королевских документах, где первоначально указано только строительство орденом деревянных крепостей: «*castra lignea et urbes ligneas construere eos permisimus*» (Хаутала 2015: № 29). Но вызвано это было не боязнью усиления влияния ордена в регионе (Хаутала 2015: 82), а, скорее, местной традицией возводить укрепления из простейшего в обработке и бывшего в избытке материала (Lotan 2010: 190–191). Указание на строительство деревянных фортов не содержало запрета на строительство каменных. Каменное строительство было органичным для пришедших из Палестины рыцарей не только из-за привычного материала, но и из-за условий местности.

Стоит отметить, что, как указывает Юзеф Лажловски, место расположения Мариенбурга, базы ордена в Трансильвании, сейсмоопасное, а характер конструкции основания каменной восточной башни замка позволяет ей быть устойчивой при землетрясениях (Hunyadi, Laszlovszky 2001: 330). Именно опытом создания таких построек обладали братья, пришедшие с Ближнего Востока, этот же опыт они реализовали здесь, в Карпатском регионе, учитывая свои знания и характер местности. Тем более что в последующей грамоте от 1222 г., которая была издана после первого конфликта короля с орденом, явно указано, что король *разрешал* строить каменные крепости и города: «...*castra et urbes lapideas construere eos permisimus*» (Хаутала 2015: № 34). Вероятно, осозная, что подобный тип защиты перевалов намного эффективнее так называемой *indagines*, линии укреплений, состоявшей из засек и рвов, применявшейся на северо-востоке Карпат (Magocsi 2011: 56), король Андрей II оставил рыцарям право на каменное строительство.

Таким образом, к середине 1220-х гг. орден расширил границы королевства на юго-восток и укрепил их; кроме того, после первого столкновения с монголами на Калке в 1223 г. снизилась агрессивность половецких орд, теперь более искавших союза с оседлыми народами для отражения повторной угрозы нашествия. Между тем во время Пятого крестового похода, при сражениях за Дамиедду, Герман фон Зальца проявил себя в качестве талантливого военного советника будущего императора, тогда короля Сицилии. При посредничестве Великого магистра Фридрих II был коронован императором. В итоге в 1217 г. от Фридриха II орден получил широкие торговые привилегии на Сицилии, а в 1221 г. император взял братьев и полубратьев (нем. Brüder und Halbbrüder) под свою личную защиту. Проявил себя магистр и в качестве тонкого дипломата при папской курии, главой

которой стал Гонорий III. 9 января 1221 г. специальной грамотой Апостольский престол даровал ордену церковные права и привилегии, поставившие тевтонцев на одну ступень со старейшими и крупнейшими духовно-рыцарскими организациями – тамплиерам и госпитальерам (Posan 2014: 24–27). Одновременно, во второй половине 1210-х – начале 1220-х гг., орден получил значительные владения не только на Ближнем Востоке, но и в Центральной Европе. Командорства тевтонцев появляются и развиваются в Эльзасе, Тюрингии, Богемии, Лотарингии, провинциях Вестфалии и Кобленца, Больцано, Киликийской Армении, Сицилии, Апулии, Греции, Ломбардии, королевствах Испании и Франции (Lotan 2010: 192–195; Posan 2014: 27). Более того, Герман фон Зальца добивается постоянного присутствия двух орденских братьев при императорском дворе. Становятся очевидны планы Великого магистра по созданию мощной материально-политической базы в Европе – и для поддержки орденских начинаний в Палестине, и для создания автономной орденской территории в Прикарпатье (Posan 2014: 28). В этом смысле весьма симптоматичны послания 1223 г. понтифика епископу Трансильвании и епископу Эгера, где указывается, что земли ордена подчиняются юрисдикции только Святого престола, а также грамоты от 30 апреля 1224 г. о принятии, по просьбе Великого магистра, завоеванных орденом земель в особое владение Апостольского престола, *«apostolice sedis esse speciali dictione subiectam»*, с дубликатами послания епископату королевства, народу Бырсы и архипресвитеру Бырсы (Хаутала 2015: № 39–41).

Таким образом, с одной стороны, орден выполнил возложенные на него венгерским королем задачи, с другой – появился формальный повод для изгнания рыцарей, отношения с которыми у Андрея II начали портиться еще с начала Пятого крестового похода (Posan 2014: 24). В письмах папы Андрею II 1225 г. отчетливо проявляется причина изгнания – посягательство ордена на владения венгерской короны (Hautala 2015: 85). При этом первой территорией, которую отнял у ордена король, была именно территория за горным хребтом: *«Кроме того, ты насильно захватил одну крепость, которую они построили за Карпатами многими усилиями и затратами, и изгнал из нее братьев»* (Хаутала 2015: № 43). Не спасло братьев даже то, что понтифик во множестве писем вступался за рыцарей: *«Уже едва ли можем вспомнить количество писем, которые мы адресовали вновь и вновь твоей светлости в защиту любимых сыновей, братьев из дома Святой Марии тевтонцев, умоляя, чтобы ты миролюбиво вернул им землю Бырса и за Карпатами, которую ты даровал им королевской щедростью»* (Хаутала 2015: № 44). Вопрос с присутствием в Трансильвании и за Карпатами тевтонцев был решен весной 1225 г. с

помощью военной силы (Kostolnik 1996: 94). И здесь дело не только в том, что к этому времени второй сын короля Коломан был коронован в 1214 г. в результате Спишского договора правителем Галиции и Ладомерии, «...в состав которой входило Понизье» (Войтович 2010: 8), а значит, Андрей II уже не нуждался в помощи крестоносцев в подчинении этой спорной территории. Причину и следствие при таком подходе разделяет слишком большой промежуток времени. С нашей точки зрения, необходимо учитывать тот факт, что изменилась сама политика венгерской короны по освоению региона. Основанные крестоносцами каменные твердыни дали дополнительную возможность заняться прозелитической деятельностью среди местного населения, перейти от меча к кресту (Hunyadi 2008: 162; Hautala 2015: 86), тем более что и сам орден заложил основы миссионерской работы среди язычников-куманов (Kostolnik 1996: 93–94). Уже в 1221 г. начала деятельность первая миссия Доминиканского ордена в Кумании, а наследник и соправитель Андрея II принц Бела, наделенный титулом герцога Трансильванского, продолжил восточную экспансию уже мирным путем. Это имело дипломатические успехи: в 1227 г. был крещен один из половецких вождей Бортц, а к 1228 г. учреждена Куманская епархия (Vasari 2005: 63; Хаутала 2015: 35–37). Вполне возможно, что именно отряд крещеных куманов участвовал в военной экспедиции Белы в 1229 г. в Галицкое княжество.

Дальнейшему закреплению земель во владении короны помешал Великий западный поход армий Батыя. Показал Западный поход и эффективность тевтонских крепостей: отряды Бучека обошли Карпаты с юга через Валахию и Южную Молдавию, Кадан прорвался через перевал Руданы (Родно), севернее, хотя и колонизованный также немецкими поселенцами, но не принадлежавший ордену; в отсутствие каменных укреплений поселение было легко взято монголами (Gesta Hungarorum 2010: 166–167). Братья же госпиталей Св. Марии в Иерусалиме обосновались много севернее, на этот раз по приглашению Конрада I, князя Мазовецкого, для борьбы с прусскими язычниками на другой границе католического мира XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Войтович 2010 - *Войтович Л.В.* Тевтонский орден в политике Галицко-Волынского княжества // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 2 (8). С. 3–16.

Войтович 2011 - *Войтович Л.В.* Границы Галицко-Волынского государства // *Русин*. 2011. № 3 (25). С. 5–41.

Дорофеева 2014 - *Дорофеева Л.Г.* Человек смиренный в агиографии Древней Руси // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 16–17. М., 2014. С. 259–262.

Кривошеев, Соколов 2012 - *Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А.* «Александр Невский»: создание киношедевра. СПб., 2012. 400 с.

Литаврин 1999 - *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 1999. 608 с.

Майоров 2011a - *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и Фридрих Воинственный: русско-австрийские отношения в середине XIII в. // Вопросы истории. 2011. № 7. С. 32–52.

Майоров 2011b - *Майоров А.В.* Русь, Византия и Западная Европа: Из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв. СПб., 2011. 798 с.

Майоров 2014 - *Майоров А.В.* Данил Галицкий и тамплиеры // Русин. 2014. № 1 (35). С. 36–51.

Матузова, Назарова 2002 - *Матузова В.И.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий / В.И. Матузова, Е.Л. Назарова. М., 2002. 488 с.

Охотникова 1987 - *Охотникова В.И.* Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 354–363.

ПСРЛ 1856 - Полное собрание русских летописей. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. 346 с.

Хаутала 2015 - *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань, 2015. 496 с.

Хрусталеv 2009 - *Хрусталеv Д.Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1–2.

Aylo Martinez 1994 - *Ayala Martinez C. de.* Las Ordenes militares Hispanicas en la Edad Media (siglo XII–XV). Madrid, 2003. 865 p.

Christiansen 2009 - *Christiansen E.* The Northern crusades. New York, 2009. 287 p.

Codex diplomaticus 1829 - Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. Studio et opera Georgii Feher. Buda, 1829.

Cronica cercetărilor arheologice din România. URL: <http://cronica.cimec.ro/detail.asp?k=3655&d=Feldioara-Brasov-Biserica-evangelica-sector-B-2006> (дата обращения: 11.10.2017)

Engel 2001 - *Engel P.* The Realm of St. Stephen. A history of Medieval Hungary, 895–1526. London; New York, 2001. 452 p.

Gesta Hungarorum 2010 - Gesta Hungarorum / Anonymi Bele Regis Notarii / translated and annotated by János M. Bak and Martyn Rady. Budapest; New York, 2010. 286 p.

Hautala 2015 - *Hautala R.* The Teutonic Knights' Military Confrontation with the Cumans during Their Stay in Transylvania (1211–1225) in Golden Horde Civilization. 2015. № 8. P. 80–89.

Houben 2008 - *Houben H.* Intercultural Communication: The Teutonic Knights in Palestine, Armenia, and Cyprus in Diplomatics in the Eastern Mediterranean. 1000–1500. Leiden, 2008. Vol. 74. P. 139–158.

Hunyadi 2008 - *Hunyadi Z.* The Teutonic order in Burzanland (1211–1225): recent reconsiderations. L'Ordine Teutonico tra Mediterraneo e Baltico. Incontri a scontri tra religion, popoli e culture. Galatina, 2008. P. 151–162.

Hunyadi 2011 - *Hunyadi Z.* The formation of the territorial structure of the Templars and Hospitallers in the medieval Kingdom of Hungary. Die geistlichen Ritterorden in Mitteleuropa: Mittelalter. Brno, 2011. Is. 1. P. 183–197.

Hunyadi 2014 - *Hunyadi Z.* Military-religious Orders and Medieval Hungarian Towns (c. 1150 – c. 1350). Les ordres religieux militaires dans la ville medievale (1100–1350). Clermont-Ferrand, 2014. S. 139–158.

Hunyadi, Laszlovszky 2001 - *Hunyadi Z., Laszlovszky J.* The Crusades and the Military orders: expanding the orders of Medieval Latin Christianity. Budapest, 2001. 606 p.

Jusupovic 2006 - *Jusupovic A.* «Domus quondam dobrinensis». Przyczynek do dziejw templariuszy na ziemiach Konrada Mazowieckiego in Zapiski historyczne. 2006. Vol. LXXI, № 1. P. 7–18.

Kostolnik 1996 - *Kostolnik Z.* Hungary in the Thirteenth century. New York, 1996. 510 p.

Lotan 2010 - *Lotan Sh.* Between the Latin Kingdom of Jerusalem and Burzenland in Medieval Hungary - The Theutonic Military Order in the poles of Christianity in Mirabilia. 2010. № 10. P. 184–195.

Magocsi 2015 - *Magocsi P.R.* With their backs to the mountains. A history of Carpathian Rus' and Carpato-Rusyns. Budapest. N.Y., 2015. 544 p.

Maiorov 2014 - *Maiorov A.V.* The imperial purple of the Galician-Volynian princes // Rusin. 2014. № 2 (36). P. 147–161.

Posan 2014 - *Posan L.* Der Deutsche Ritterorden in der europaischen Politik im ersten Drittel des 13. Jahrhunderts (1211–1230). Torteneti tanulmanyok. 2014. Vol. XXII. P. 22–37.

Selart 2015 - *Selart A.* Livonia, Rus and the Baltic crusades in the Thirteenth century. Leiden, 2015. 385 p.

Sedlar 1994 - *Sedlar J.W.* Eastern Central Europe in the Middle Ages, 1000–1500. Seattle; London, 1994. 556 p.

Spinei 2009 - *Spinei V.* The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. Leiden, 2009.

Urban 1994 - *Urban W.* The Baltic crusade. Chicago, 1994. 366 p.

Vasari 2005 - *Vasari I.* Cumans and Tatars Oriental military in the Pre-Ottoman Balkans 1185–1365. Cambridge, 2005. 230 p.

Zimmermann 2011 - *Zimmermann H.* Der Deutsche Orden in Siebenbürgen: eine diplomatische Untersuchung. Köln, 2011. 246 p.

REFERENCES

Voitovich, L.V. (2010) Tevtonskiy orden v politike Galitsko-Volynskogo knyazhestva [Teutonic Order in the policy of the Galicia-Volyn principality]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2 (8). pp. 3–16 (In Russian).

Voitovich, L.V. (2011) The Boundaries of the Galician-Volynian State. *Rusin*. 3 (25). pp. 5–41 (In Russian).

Dorofeeva, L.G. (2014) Chelovek smirennyy v agiografii Drevney Rusi [Lowly human in the hagiography of the Old Rus']. In: Pervushin, M.V. (ed.) *Germenevtika Drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Old Rus' literature]. Vol. 16-17. Moscow: Litres. pp. 259-262.

Krivosheev, Yu. V. & Sokolov, R.A. (2012) "Aleksandr Nevskiy": sozдание kinoshedevara ["Alexander Nevsky": creation of the masterpiece]. St. Petersburg: Liki Rossii.

Litavrin, G.G. (1999) *Vizantiya i slavyane* [Byzantium and the Slavs]. St. Petersburg: Aleteyya.

Maiorov, A.V. (2011a) Daniil Galitskiy i Fridrikh Voinstvennyy: russko-avstriyskie otnosheniya v seredine XIII v. [Daniel of Galicia and Friedrich the Belligerent: Russian-Austrian relations in the middle of the 13th century]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 32–52.

Maiorov, A.V. (2011b) *Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa: Iz istorii vneshnepoliticheskikh i kul'turnykh svyazey XII – XIII vv.* [Rus', Byzantium and the Western Europe: from the history of political and cultural relations in the 12th – mid 13th centuries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Maiorov, A.V. (2014) Daniil Galitskiy and the Templars [Daniel of Galicia and the Knights Templar]. *Rusin*. 1(35). pp. 36–51.

Matuzova, V.I. & Nazarova, E.L. (2002) *Krestonostsy i Rus'. Konets XII v. – 1270 g.* [Crusaders and Russia. The late 12th century – 1270]. Moscow: Indrik.

Okhotnikova, V.I. (1987) Povest' o zhitii Aleksandra Nevskogo [The Tale of Life of Alexander Nevsky]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [The Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Rus']. Issue 1. Leningrad: Pushkinskiy Dom, Dmitriy Bulanin. pp. 354–363.

Norov, A.S. (ed.) (1856) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Full Collection of Russian Chronicles]. Vol. 7. St. Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa.

Hautala, R. (2015) *Ot "Davida, tsarya Indiy" do "nenavistnogo plebsa satany". Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From "David, King of India" to "Hateful plebs of Satan". An anthology of the early Latin information about the Tatar-Mongols]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.

Khrustalev, D.G. (2009) *Severnyye krestonostsy. Rus' v bor'be za sfery vliyaniya v vostochnoy Pribaltike XII – XIII vv.* [Northern Crusaders. Russia in the struggle for spheres of influence in the Eastern Baltic states of the 12th-13th centuries]. Vol. 1–2. St. Petersburg: Evraziia.

Ayala Martinez, C. de (2003) *Las Ordenes militares Hispanicas en la Edad Media (siglo XII - XV)* [The Spanish military in the Middle Ages (the 12th–15th centuries)]. Madrid: Marcial Pons Historia.

Christiansen, E. (2009) *The Northern crusades*. New York: Penguin.

Feher, G. (1829) *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*. Buda: [s.n.].

Anon. (n.d.) *Cronica cercetărilor arheologice din România* [The Chronicle of Archaeological Research in Romania]. [Online] Available from: <http://cronica.cimec.ro/detail.asp?k=3655&d=Feldioara-Brasov-Biserica-evangelica-sector-B-2006> (Accessed: 11th November 2017).

Engel, P. (2001) *The Realm of St. Stephen. A History of Medieval Hungary, 895-1526*. London; New York: I.B.Tauris.

Anon. (2010) *Gesta Hungarorum / Anonymi Bele Regis Notarii* [The deeds of the Hungarians / Anonymus, notary of King Béla]. Translated by J.M. Bak, M. Rady. Budapest; New York: Central European University Press.

Hautala, R. (2015) The Teutonic Knights' Military Confrontation with the Cumans during Their Stay in Transylvania (1211–1225). *Golden Horde Civilization*. 8. pp. 80–89.

Houben, H. (2008) Intercultural Communication: The Teutonic Knights in Palestine, Armenia, and Cyprus. In: Beihammer, A., Parani, M. & Schabel, C. (eds) *Diplomatics in the Eastern Mediterranean 1000–1500. Aspects of Cross-Cultural Communication*. Vol. 74. Leiden: [s.n.]. pp. 139-158. DOI: 10.1163/ej.9789004165472.i-467

Hunyadi, Z. (2008) The Teutonic order in Burzanland (1211-1225): recent reconsiderations. In: Congedo, M. (ed.) *L'Ordine Teutonico tra Mediterraneo e Baltico. Incontri a scontri tra religion, popoli e culture* [The Teutonic Order between the Mediterranean and the Baltic. Encounters in clashes between religion, peoples and cultures]. Galatina: [s.n.]. pp. 151–162.

Hunyadi, Z. (2011) The formation of the territorial structure of the Templars and Hospitallers in the medieval Kingdom of Hungary. In: Borchardt, K. (ed.) *Die geistlichen Ritterorden in Mitteleuropa: Mittelalter* [The religious orders of knights in Central Europe: Middle Ages]. Issue 1. Brno: Matices moravská. pp. 183–197.

Hunyadi, Z. (2014) Military-religious Orders and Medieval Hungarian Towns (c. 1150-c. 1350). In: Challet, V. (ed.) *Les ordres religieux militaires dans la ville médiévale (1100-1350)* [Military religious orders in the medieval city (1100–1350)]. Clermont-Ferrand: Pu Blaise Pascal. pp. 139–158.

Hunyadi, Z. & Laszlovszky, J. (2001) *The Crusades and the Military orders: expanding the orders of Medieval Latin Christianity*. Budapest: Central European University Press.

Jusupovic, A. (2006) “*Domus quondam dobrinensis*”. *Przyczynek do dziejw templariuszy na ziemiach Konrada Mazowieckiego* [“*Domus quondam dobrinensis*”].

Contribution to the history of the Templars on the land of Konrad Mazowiecki]. *Zapiski historyczne*. LXXI (1). pp. 7–18.

Kostolnik, Z. (1996) *Hungary in the Thirteenth Century*. New York: East European Monographs.

Lotan, Sh. (2010) Between the Latin Kingdom of Jerusalem and Burzenland in Medieval Hungary - The Theutonic Military Order in the poles of Christianity. *Mirabilia*. 10. pp. 184–195.

Magocsi, P.R. (2015) *With their backs to the mountains. A history of Carpathian Rus' and Carpato-Rusins*. Budapest; New York: Central European University.

Maierov, A.V. (2014) The imperial purple of the Galician-Volynian princes. *Rusin*. 2 (36). pp. 147-161 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/36/8

Posan, L. (2014) Der Deutsche Ritterorden in der europäischen Politik im ersten Drittel des 13. Jahrhunderts (1211–1230) [The German Order of Knights in European politics in the first third of the 13th century (1211–1230)]. *Tortenedi tanulmányok*. 22. pp. 22–37.

Sedlar, J.W. (1994) *Eastern Central Europe in the Middle Ages, 1000 – 1500*. Seattle; London: University of Washington.

Selart, A. (2015) *Livonia, Rus and the Baltic crusades in the thirteenth century*. Leiden: BRILL.

Spinei, V. (2009) *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century*. Leiden: BRILL.

Urban, W. (1994) *The Baltic crusade*. Chicago: Lithuanian Research and Studies Centre.

Vasary, I. (2005) *Cumans and Tatars Oriental military in the Pre-Ottoman Balkans 1185–1365*. Cambridge: Cambridge University Press.

Zimmermann, H. (2011) *Der Deutsche Orden in Siebenbürgen: eine diplomatische Untersuchung* [The Teutonic Order in Transylvania: a diplomatic investigation]. Cologne: Böhlau Verlag.

Веселов Федор Никитович – старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Fedor Veselov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: veselovfedor@gmail.com

УДК 94(4)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/7

БЫЛА ЛИ ПОПЫТКА ВМЕШАТЕЛЬСТВА РУССКИХ КНЯЗЕЙ В ПРОТИВОСТОЯНИЕ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ВЕНГРИЕЙ В ГОДЫ КИЕВСКОГО КНЯЖЕНИЯ ВСЕВОЛОДА ЯРОСЛАВИЧА?

М.К. Юрасов

Институт российской истории РАН
Россия, 117036, г. Москва, ул. Д. Ульянова, 19
E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Авторское резюме

По свидетельству «Истории Российской» В.Н. Татищева, в 1083 г. киевский князь Всеволод Ярославич отправился в поход на Венгрию по призыву германского короля Генриха IV, послав впереди себя послом к венгерскому королю боярина Чудина с призывом помириться с Генрихом. В ответ Геза (на самом деле тогда правил Ласло I) прислал Всеволоду богатые дары, после чего тот отказался от этой военной операции, поручив Чудину примирить двух враждовавших правителей. Ошибки в имени венгерского короля и титуле Генриха IV (названного Татищевым «царем»), а также отсутствие связей с русским летописанием побуждают исследователей сомневаться в достоверности рассматриваемого рассказа Татищева. Однако скептики не обратили внимания на то, что именно в 1083 г. боровшийся за возвращение венгерского престола Соломон был выпущен из заточения королем Ласло I. Он сразу направился в Германию, о чем свидетельствует Бернольд Констанцкий, после чего появился на землях будущих Молдовы и Валахии, о чем сохранились известия в *Житии короля Ласло Святого*. Соломон приходился племянником Всеволоду Ярославичу и мог попросить у него военной помощи, как и Генрих IV, не обладавший достаточными военными силами для борьбы с Ласло I. У нас нет никаких доказательств того, что В.Н. Татищев знал названные источники, однако мнение о том, что историк сочинил рассказ о походе Всеволода Ярославича 1083 г., представляется крайне маловероятным.

Ключевые слова: Древняя Русь, Венгрия, Германия, В.Н. Татищев, Бернольд Констанцкий, венгерская агиография.

DID RUSSIAN PRINCES ATTEMPT TO INTERFERE IN THE CONFLICT BETWEEN HUNGARY AND GERMANY DURING THE REIGN OF PRINCE VSEVOLOD YAROSLAVICH IN KIEV?

M.K. Yurasov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
19 D. Ulianov Street, Moscow, 117036, Russia
E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Abstract

According to "History of Russia" by V.N. Tatishchev, in 1083, Vsevolod Yaroslavich, Prince of Kiev, was called by German King Henry IV to set off on a campaign against Hungary. The prince sent Boyar Chudin as Ambassador to Hungarian king with the call to reconcile with Henry. Geza (in fact, László I ruled the state at that time) responded with rich gifts, after which Vsevolod renounced this military operation and instructed Chudin to reconcile the two warring rulers. Errors in the name of the Hungarian king and the title of Henry IV (called "tsar" by Tatishchev) as well as the lack of links with the Russian Chronicles encourage researchers to doubt the veracity of Tatishchev's story. However, skeptics did not pay attention to the fact that in 1083 Solomon, who was fighting for the Hungarian throne, was released from prison by King Laszlo I. As evidenced by Bernold the Council of Constance, he went straight to Germany and then to what would later become Moldova and Wallachia, as reported by *The Life of King St. Laszlo*. Solomon was the nephew to Vsevolod Yaroslavich and could ask him for military assistance. So could Henry IV, who did not have sufficient military forces to fight against Laszlo I. As there is no evidence that V.N. Tatishchev knew these sources, the idea that historian wrote the story of Vsevolod Yaroslavich's campaign of 1083 seems extremely unlikely.

Keywords: Ancient Rus', Hungary, Germany, V.N. Tatishchev, Bernold the Council of Constance, Hungarian hagiography.

Один из сюжетов «Истории Российской» В.Н. Татищева, помещенный под 1083 г. и содержащий уникальные сведения, параллелей которым нет в русских и зарубежных источниках, касается борьбы германского императора Генриха IV с венгерским королем, ошибочно названным Гейсом (т.е. Гезой) вместо правившего в то время его брата

Ласло I (1077–1095). Этот текст появляется лишь во второй редакции многотомного труда В.Н. Татищева. Вот его полное содержание. «В лето 6591 (1083). Царь немецкий Генрик прислал ко Всеволоду посла своего бискупа Адельберта из Олмуца со многими дары о дружбе и любви, прося Всеволода на угорского короля Гейса о помочи. Всеволод же, немедля собрав войска, с сыном Владимиром да сыновцы его Давид и Ярополк совокупяся, шли к горам. А наперед к Гейсу Всеволод послал воеводу своего Чудина говорить, чтобы Гейс с царем примирился. А Гейс прислал от себя послов, бана со многими дары, прося, чтоб Всеволод ему помог на царя, показуя, что Генрик ему многие обиды чинит. И Всеволод, не хотя войск своих тратить, велел Чудину ехать к царю с Гейсовым человеком и просить о мире, а сам от гор возвратился в Киев» (Татищев 1963: 94).

Этот сюжет был не так давно рассмотрен М.Б. Свердловым, некогда специально занимавшимся проблемами истории русско-германских отношений домонгольского периода. По мнению М.Б. Свердлова, В.Н. Татищев хорошо знал реалии того времени и «содержание немецко-венгерских конфликтов», поэтому соединил в рассматриваемом рассказе «ошибки и достоверные реалии». В целом же М.Б. Свердлов считает этот материал В.Н. Татищева придуманным, поскольку в нем «не прослеживается основа древнерусского текста». Главными аргументами петербургского историка против достоверности этого рассказа являются титулование Генриха IV «царем», хотя он был коронован императорской короной только в 1084 г. (Свердлов 2009: 185–187). Среди выдвигаемых М.Б. Свердловым аргументов весомым является лишь утверждение о том, что в тексте В.Н. Татищева, появляющемся лишь во второй редакции его многотомного труда и написанном языке XVIII в., трудно выявить исходный летописный материал. Что же касается ошибочной титулатуры Генриха IV, то, во-первых, ошибка в один год при датировке событий домонгольского времени не является большой редкостью, а во-вторых, в иностранных (по отношению к Германии) источниках правители Священной Римской империи, даже если они так и не смогли поехать в Рим для официальной коронации, традиционно называются императорами¹.

Главным зарубежным источником автора «Истории Российской» по венгерской истории была «Гессенская хроника» Вильгельма Дилиха (Шеффера) (Dilich 1605), где не могла быть допущена ошибка в имени венгерского короля. В ней вообще нет никаких сведений о венгерско-германском конфликте, имевшем место в 1083 г. Однако даже это не делает аргументацию М.Б. Свердлова исчерпывающей, поскольку им не рассмотрена информация В.Н. Татищева с точки зрения политической борьбы, шедшей в то время в Венгрии. К сожалению,

среди современных российских специалистов по русско-германским отношениям домонгольского времени распространена убежденность в том, что характер контактов между Русью и Венгрией в рассматриваемое время во многом определялся состоянием русско-германских отношений², что довольно далеко от реальности. Русско-венгерские отношения домонгольского времени никогда не ориентировались на отношение к ним германских императоров. Даже если Ярослав Мудрый «приберегал» свою дочь Анастасию (?) для установления родственных связей с правившей тогда в Германии Франконской династией во время нахождения в Киеве будущего венгерского короля Андраша (Эндре) (Назаренко 2001: 270–271), это никак не касалось русско-венгерских отношений. Судя по имени принца, он мог принять христианство (или перейти из западного обряда в восточный), находясь на Руси, где уже тогда был распространен культ Андрея Первозванного. Во время его длительного пребывания на Руси (1034–1046), в конце которого Анастасия (?) стала его женой, изменилось прежде всего отношение венгерской знати к двоюродным племянникам Иштвана I Святого, одним из которых был будущий король Андраш (Эндре) I, без какого-либо влияния извне, но как реакция на деспотическое правление происходившего из Венеции короля Петера Орсеоло (1038–1041, 1044–1046).

Поскольку рассматриваемые «татищевские известия» представляют собой отдельный рассказ, не связанный ни с одной «сюжетной линией» многотомного сочинения историка XVIII в., целесообразно взглянуть на проблему достоверности рассказа В.Н. Татищева о приходе войска Всеволода Ярославича в Юго-Западную Русь в 1083 г. в ракурсе тогдашних немецко-венгерских отношений. Здесь сразу же обнаруживается главная причина конфликта между правителями Венгрии и Германии – поддержка императором Генрихом IV (1056–1106) свергнутого с престола венгерского короля Шаламона (1063–1074), приходившегося внуком Ярославу Мудрому. В «Истории Российской» В.Н. Татищева Шаламон, как и его отец Андрей (Андраш), упоминается лишь один раз в комментарии к рассматриваемому рассказу (см. ниже), а о том, что матерью Шаламона была Анастасия (?) Ярославна, В.Н. Татищев не знал. Это наводит на мысль о том, что автор «Истории Российской» не пользовался при написании рассматриваемого отрывка ни средневековыми иностранными источниками, ни сочинениями польских историков эпохи Возрождения. Информацию комментария историк, скорее всего, почерпнул в сочинении В. Дилиха.

Можно было бы признать рассматриваемый рассказ В.Н. Татищева плодом его фантазии, если бы он не был помещен под 1083 г. Этим годом современные историки датируют целый ряд важных событий,

произошедших в Венгрии и прямо или косвенно связанных с судьбой потерявшего престол Шаламона. Внук Ярослава Мудрого в течение 13 лет безуспешно боролся за возвращение короны св. Иштвана, и именно 1083 г. стал одной из вех в этой борьбе. Для Венгрии этот год был ознаменован важными событиями в религиозной жизни страны – канонизацией первых венгерских святых, в том числе основателя Венгерского королевства Иштвана I (1000/1–1038). В честь этих событий (святые были канонизированы не одновременно) король Ласло I, впоследствии также причисленный к лику святых, выпустил из заточения Шаламона, потерявшего свободу между 1081 и 1083 гг. вследствие мятежа против занимавшего престол двоюродного брата (МТК 1986: 92–93). Этот акт доброй воли не охладил стремления Шаламона вернуть потерянную корону, и он вновь обратился к своему главному союзнику – германскому императору Генриху IV.

Для того чтобы оценить степень вероятности знания В.Н. Татищевым об этих событиях, необходимо назвать источники, в которых содержатся известия о них. Об освобождении Шаламона из заточения свидетельствуют официальная хронистика эпохи Арпадов (восстанавливаемая по «Композиции венгерских хроник XIV в.») (*Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* 1937: 408) и средневековая венгерская агиография – «Житие св. короля Иштвана», написанное Хартвиком (*Legenda Sancti Stephani regis* 1938), и «Житие св. короля Ласло» (*Legenda Sancti Ladislai regis*, 1938); о его последующих попытках организовать интервенцию против короля Ласло повествует только «Композиция». Епископ Бернольд Констанцкий (ок. 1030–1088), несмотря на то что был современником этих событий, почему-то помещает информацию о помиловании Ласло I Шаламона и появлении последнего в Германии под 1084 г. По-видимому, известие о приезде Шаламона после выхода из тюрьмы к жене Юдифи в Аугсбург было вставлено в текст позднее самим Бернольдом или его продолжателем. Причем в интерпретации немецких хронистов получается, что внук Ярослава Мудрого сразу же после освобождения отправился в Германию (*Berthold von Reichenau und Bernold von Konstanz* 2003: 439). Венгерские историки считают, что информацию Бернольда следует датировать 1083 г. (МТК 1986: 92). Более названный хронист о Шаламоне не вспоминает.

«Композиция венгерских хроник» ничего не сообщает о поездке Шаламона в Германию. Согласно ее версии, свергнутый король по выходе из тюрьмы сразу же отправился к половцам (*Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* 1937: 408). В результате получается, что венгерский и немецкий хронисты рассказывают о разных этапах борьбы Шаламона за власть в Венгрии после его освобождения из

заклучения. Бернольд пишет о том, что Шаламон, находясь в тюрьме, просил у Ласло I о возможности воссоединиться с семьей. В то же время немецкий епископ подчеркивает, что Юдифь не была рада возвращению мужа, поскольку они были парой лишь на словах, живя каждый своей жизнью (Berthold von Reichenau und Bernold von Konstanz 2003: 439). Все это никак не соответствует версии «Композиции», согласно которой после освобождения Шаламон без промедления отправился к половецкому хану Кутеску для организации набега степняков на восточные области Венгерского королевства.

Если сравнить известия рассмотренных средневековых латиноязычных источников с рассказом В.Н. Татищева, то получается, что, во-первых, автор «Истории Российской» явно не знал ни «Композицию», ни хронику Бернольда, а во-вторых, текст В.Н. Татищева, взятый им, скорее всего, из какого-то не дошедшего до нас западно-русского летописного памятника, позволяет связать версии названных европейских средневековых авторов. В сочинении историка XVIII в. под 1083 г. отмечается попытка германского императора Генриха IV, которому свергнутый венгерский король приходился шурином, организовать совместный с Всеволодом Ярославичем поход в Венгрию. Как предполагает уже В.Н. Татищев в комментарии к рассматриваемому рассказу, Генрих хотел поддержать Шаламона³. Похоже, немецкий хронист ничего не знал о деятельности Шаламона к востоку от Венгрии, а в официальной венгерской хронистике из событий, относящихся к сфере отношений с Германией, отмечались главным образом вторжения немецких рыцарей во владения Арпадов, а также случаи бегства претендентов на корону св. Иштвана в Германию. Скорее всего, Шаламон действительно был отпущен к семье по воле Ласло I, военной помощи у Генриха IV не нашел и вскоре отправился к половцам, вместе с которыми вторгся в Северо-Восточную Венгрию. Автор соответствующей части «Композиции венгерских хроник XIV в.» счел не заслуживающей внимания информацию о пребывании Шаламона в Германии в 1083 г. Автор источника, использованного в данном случае В.Н. Татищевым, не знал причин и подробностей политической борьбы в Венгрии в то время. Возможно, в его протографе не было указано имя венгерского короля, которое было добавлено В.Н. Татищевым.

Что же касается русского летописания, то «Повесть временных лет» (ПВЛ) содержит минимум сведений об отношениях Руси с Венгрией, что также можно объяснить отсутствием интереса летописцев к соседям, проживавшим по другую сторону от линии Карпатских хребтов. В ПВЛ нет никаких сведений не только о Шаламоне, но и о браке его матери и Андраша (Эндре), которому его тесть Ярослав

Мудрый помог стать венгерским королем. Даже имя Ярославны, ставшей королевой Венгрии (Анастасия?), нам известно только из «Польской истории» Яна Длугоша (1415–1480). Характер авторского комментария В.Н. Татищева свидетельствует о стремлении историка осмыслить информацию имевшегося в его распоряжении источника, и он явно не сочинил этот текст, как считает М.Б. Свердлов. Возможно, В.Н. Татищев исправил имя венгерского короля, зная о том, что Генрих IV воевал с Гезой I (1074–1077), свергнувшим с престола Шаламона. В «Гессенской истории» В. Дилиха В.Н. Татищев мог прочитать о том, что германский император неоднократно вторгался в Венгрию, чтобы помочь внуку Ярослава Мудрого вернуть королевский престол, о чем не знает автор использованного В.Н. Татищевым источника.

По мнению венгерских историков, Шаламон появляется в том же 1083 г. на территории современной Молдавии, где находит помощь у половцев (МТК 1986: 93). Учитывая фактор непосредственного соседства Юго-Западной Руси с одной из этнических групп половцев (кунов), можно с большой долей вероятности предположить, что Шаламон, приходившийся племянником княжившему тогда в Киеве Всеволоду Ярославичу, мог направиться сначала в Киев, о чем умалчивают источники. Нежелание Всеволода, поначалу объявившего себя союзником Генриха IV, вмешиваться в венгерско-германский конфликт могло побудить Шаламона обратиться за помощью к половцам. Если дело обстояло действительно так, то В.Н. Татищев воспользовался какой-то местной западнорусской летописью явно позднего происхождения, автор которой ничего не знал о борьбе Шаламона за венгерский престол и перепутал Гезу I с Ласло I. В остальном же рассказ Татищева представляется вполне правдоподобным, с чем, впрочем, соглашается и М.Б. Свердлов.

К сожалению, зарубежные исследователи пока еще не обратили внимание на рассматриваемую информацию В.Н. Татищева⁴, поскольку она не имеет прямых параллелей с известиями западноевропейских и венгерских средневековых источников и традиционно считается в российской / советской науке недостоверной, что делает ее непривлекательной для историков. Тем не менее оснований для ее полного игнорирования как «фантастической» у нас нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Композиция венгерских хроник XIV в.», описывая прохождение через Венгрию в 1147 г. немецкого войска крестоносного во главе с Конрадом III (1137–1152), неизменно титулует его императором, хотя он так и не собрался поехать в Рим, чтобы короноваться импе-

раторской короной (см.: *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV. Hungarica*, 1957. P. 457–458).

2. См., напр., Назаренко, 2001; Назаренко, 2005.

3. «В сие время был император Генрик IV, зять Изяславль, и по истории германской с Гейсом венгерским за Соломона, сына Андреева, вступив, несколько битв потерял, и короля богемского в союз призывал, но о русских ни в германской, ни в польской не нахожу; может, сие яко не нужное или неведения ради пропущено. В Олмуце же епископы тогда были, но по росписи, кто в сие время был, не нахожу нигде» (Татищев 1963: 249–250).

4. В работах немецких и венгерских историков, посвященных событиям, связанным с пребыванием Шаламона в Германии после освобождения из заключения, рассказ В.Н. Татищева не привлекается (см., напр., Konstanzi Bernold, 2006; Münsch, 2006).

ЛИТЕРАТУРА

Назаренко 2001 - *Назаренко А.В.* Об одном эпизоде венгерской политики Ярослава Мудрого // *Норна у источника судьбы: сб. статей в честь Е.А. Мельниковой.* М., 2001. С. 268–281.

Назаренко 2005 - *Назаренко А.В.* Племянники венгерского короля Иштвана I на Руси // *Ad fontem.* У источника: сб. статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 167–175.

Свердлов 2009 - *Свердлов М.Б.* Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Европейский дом, 2009.

Татищев 1963 - *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. II: История Российская. Вторая редакция. М.; Л.: Наука, 1963.

Berthold von Reichenau und Bernold von Konstanz 2003 – *Die Chroniken Bertholds von Reichenau und Bernolds von Konstanz 1054–1100* / hrsg. I.S. Robinson. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 2003.

Chronici Hungarici compositio saeculi XIV 1937 – Chronici Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Edendo operi praefuit E. Szentpétery (SRH). Budapestini: Academia Litter. Hungarica atque Societate Histor. Hungarica, 1937. Vol. I. P. 217–505.

Dilich 1605 - *Dilich Wilhelm.* Hessische Chronik. Cassel, 1605.

Konstanzi Bernold 2006 - *Konstanzi Bernold krónika* // *Írott források az 1050–1116 közötti magyar történelemről.* Szerk. Makk F., Thoroczkay G. Szeged, 2006. 204–208. l.

Legenda Sancti Ladislai regis 1938 - *Legenda Sancti Ladislai regis* / ed. E. Bartoniek // SRH. Budapestini, 1938. Vol. II. P. 507–527.

Legenda Sancti Stephani regis 1938 - Legenda Sancti Stephani regis ab Hartvico episcopo conscripta / ed. E. Bartoniek // SRH. Vol. II. P. 401–440.

MTK 1986 - Magyarország történeti kronológiája. I. A kezdetektől 1526-ig. Főszerk. Benda K. 3. kiad. Budapest, 1986.

Münsch 2006 - Münsch O. Neues zu Bernold von Konstanz // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Reichsgeschichte. Kanonistische Abteilung. 2006. № 92. S. 207–223.

REFERENCES

Nazarenko, A.V. (2001) Ob odnom epizode vengerskoy politiki Yaroslava Mudrogo [On an episode of the Hungarian policy of Yaroslav the Wise]. In: Dzhakson, T.N. et al. (eds) *Norna u istochnika sud'by* [Norn at the source of fate]. Moscow: Indrik. pp. 268–281.

Nazarenko, A.V. (2005) Plemyanniki vengerskogo korolya Ishtvana I na Rusi [Nephews of the Hungarian King Istvan I in Russia]. In: Stolyarova, L. et al. (eds) *Ad fontem. U istochnika* [Ad fontem. At the source]. Moscow. pp. 167–175.

Sverdlov, M.B. (2009) *Vasilij Nikitich Tatishchev – avtor i redaktor "Istorii Rossiyskoy"* [Vasily Nikitich Tatishchev is the author and editor of "The History of the Russian"]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom.

Tatishchev, V.N. (1963) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Nauka.

Reichenau, B. von & Constance, B. von (2003) *Die Chroniken Bertholds von Reichenau und Bernolds von Konstanz 1054–1100* [The Chronicles of Berthold von Reichenau and Bernold von Constance 1054–1100]. Hannover: Hahnsche Buchhandlung.

Domanovszky, A. (ed.) (1937) *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*. Vol. 1. Budapest: Academia Litter. pp. 217–505.

Dilich, W. (1605) *Hessische Chronik* [Hessian Chronicle]. Cassel: [s.n.].

Constance, B. (2006) Konstanzi Bernold krónika [The Chronicle of Bernold von Konstanz]. In: Makk, F. & Thoroczkay, G. (eds) *Írott források az 1050–1116 közötti magyar történelemről* [Written sources about 1050–1116 Hungarian history]. Szeged: Szegedi Középkorász Műhely. pp. 204–208.

Bartoniek, E. (ed.) (1938a) Legenda Sancti Ladislai regis. In: Madzsar, E. (ed.) *Scriptores Rerum Hungaricarum*. Vol. 2. Budapest: [s.n.]. pp. 507–527.

Bartoniek, E. (ed.) (1938b) Legenda Sancti Stephani regis ab Hartvico episcopo conscripta. In: Madzsar, E. (ed.) *Scriptores Rerum Hungaricarum*. Vol. 2. Budapest: [s.n.]. pp. 401–440.

Kalman, B. & Peter, K. (eds) (1986) *Magyarország történeti kronológiája* [Historical chronology of Hungary]. 3rd ed. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Münsch, O. (2006) Neues zu Bernold von Konstanz [News about Bernold von Constance]. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Reichsgeschichte. Kanonistische Abteilung*. 92. pp. 207–223.

Юрасов Михаил Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Россия).

Mikhail Yurasov – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Russia).

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

УДК 94(478)"17"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/8

МОЛДАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО В СЕРЕДИНЕ XVIII в.: ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКА С ЗАПАДА

Д.М. Элезович¹, З.М. Делетич²

Университет в Приштине

Сербия, 38220, г. Косовска-Митровица, ул. Филипа Вишнича, б/н

¹ E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs

² E-mail: zdeletic@yahoo.com

Авторское резюме

Картина Молдавского княжества представлена в письмах французского путешественника, который посетил эту территорию в середине XVIII в. Молдавия в начале XVI в. попала в зависимость от Османской империи и находилась в ней более трехсот лет. После попытки освобождения от власти турок при помощи Петра I в 1711 г. султан отдал страну в управление грекам-фанариотам. Письмо, содержащее информацию и о Молдавском княжестве, было написано 22 октября 1756 г. в Братиславе. Из этого следует, что путешественник посетил Молдавию в том же или предыдущем (1755) году. Письмо было опубликовано в Париже в 1777 г. в уникальном сборнике, подготовленном Жозефом Де Ла Порте (1718–1779 гг.). Речь идет о многотомном издании путевых заметок, представляющем исключительную ценность и содержащем важные сведения о многих странах мира. Эпистолярный дискурс в современной историографии – это важное средство для исследования способа коммуникации в публичной и частной сферах, которое также содержит информацию об определенном обществе и его истории и культуре. В письме представлены интересные сведения о Молдавии середины XVIII в., основанные на личных впечатлениях анонимного автора. Это краткое описание страны, ее положения и культуры важно потому, что оно рисует картину, открывшуюся глазам путешественника из Западной Европы. В целом подобные источники по истории Восточной Европы и славянских просторов в период XVIII в. и ранее очень скудны.

Ключевые слова: Молдавское княжество, французский путешественник, эпистолярный дискурс, XVIII в.

THE PRINCIPALITY OF MOLDAVIA IN THE MID-18TH CENTURY: IMPRESSIONS OF A TRAVELER FROM THE WEST

D.M. Elezovic¹, Z.M. Deletic²

Filip Visnic Street, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia

¹ E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs

² E-mail: zdeletic@yahoo.com

Abstract

The paper dwells on the representations of the Principality of Moldavia in the letters of a French traveler, who visited it in the middle of the 18th century. In the early 16th century, Moldavia became a vassal state of the Ottoman Empire, which lasted for more than three centuries. After the attempt to liberate from Turkish power with the help of Peter I in 1711, the sultan entrusted the governing of the Principality of Moldavia to the Phanariote Greeks. The letter about the Moldavian principality was written on October 22, 1756, in Bratislava. It means that the traveler visited Moldavia either in 1756 or in 1755. The letter was published in Paris in 1777, in a unique compilation by Joseph de La Porte (1718–1779). This is an exceptionally valuable multi-volume edition of travel notes that contains important information about many countries of the world. Epistolary discourse is considered to be an effective tool of modern historiography to explore public and private communication, as it contains the information on a particular society, its history and culture. The above-mentioned letter contains interesting information about Moldavia in the mid-18th century, drawn on personal impressions of an anonymous author. This brief firsthand description of the country, its position and culture is important as it belongs to a traveler from West Europe. It should be emphasised that such sources on the history of Eastern Europe and the Slavic lands dated by the 18th century are very scanty.

Keywords: Principality of Moldavia, French traveler, epistolary discourse, 18th century.

Эпистолярный жанр и такие источники, как путевые письма, считаются феноменом, связанным в основном с эпохой современной европейской истории. Наша работа основывается именно на таком специфическом источнике. Его можно определить как *письма из путешествия*. Он, среди прочего, дает представление о Молдавском княжестве середины XVIII в. Речь идет о сведениях из известного

сборника Жозефа Де Ла Порте, знаменитого литературного критика, поэта и драматурга XVIII в., которые дополняют историческую и культурную мозаику этой территории. Письма из путешествия по Молдавии неназванного француза опубликованы в 23-м томе сборника, напечатанного в Париже в 1777 г. (Anonyme 1777). С содержанием упомянутого сборника мы познакомились во время нашего исследования в Лионской библиотеке (Bibliothèque municipale de Lyon). Важные сведения о данной территории, представленные в письмах, прежде всего демографические и исторические, отражают состояние Молдавского княжества середины XVIII в. Автор уточнил, что письмо было окончено 22 октября 1756 г. в Братиславе (Элезович 2013: 164).

Если говорить об историческом исследовании эпистолярного дискурса, то сам по себе он является интересной темой, дополняющей и расширяющей знания о лингвистических структурах, практике написания писем и чтения о прошлых эпохах и социокультурной реальности, которую они запечатлели. Это драгоценное средство для реконструкции способа коммуникации как в публичной, так и в частной сфере, а также информационный источник сведений об определенном обществе (Camiciotti 2014: 17).

Прежде всего рассмотрим, в каком состоянии находилось государство, в которое приехал французский путешественник в середине XVIII в. В начале XVI в. Молдавское княжество попало в зависимость от Османской империи. Зависимость эта имела место на протяжении более 300 лет. Молдавские правители постоянно предпринимали попытки освободиться от османского владычества. Стефан Великий, самый известный молдавский правитель, долгие годы успешно сопротивлялся турецкой агрессии. Начиная с 1656 г. Молдавия несколько раз просила Россию о покровительстве. Сближения с Россией желали как первосвященники, так и большая часть политической элиты страны. Источники, описывающие молдавско-русские контакты того времени, говорят о том, что подавляющее большинство населения страны и русинская политическая элита открыто выступали за союз Молдавии и России. Молдавский правитель Дмитрий Кантемир попытался освободиться от турецкого владычества в 1711 г., прибегнув к помощи Петра I. После этого султан передал управление княжеством грекам-фанариотам (Суляк 2009: 13–14).

Именно в такой политической ситуации находилась страна, когда в нее прибыл француз, причем, как он отметил, прибыл из Валахии. Записал он и легенду о возникновении названия *Молдавия*, которую и поведал. Согласно этой версии легенды, венгерский всадник по имени Драгош, проезжая через эти земли, решил, что они совсем

пусты, и встретил тут только одного человека с ульем для пчел, который дал ему немного меда. Поселившись на этих просторах, Драгош основал здесь венгерскую колонию. Его пес по кличке Молдау упал в реку, которую Драгош назвал его именем, а позже перенес название и на всю область (Анопуме 1777: 50). Это известная легенда, которая записана в нескольких вариантах во многих летописях XVII и XVIII вв. (Пивоваров, Чучко 2010: 28–38). Однако француз делает акцент на том, что Драгош прибыл из Венгрии и основал на территории сегодняшней Молдавии *венгерское* поселение, что не является распространенным в литературе вариантом.

Далее автор пишет, что Молдавия имеет своего правителя, называемого *воевода* или *господарь*, т.е. губернатор края. Это православный христианин, который является вассалом турецкого султана и платит ему дань (Анопуме 1777: 47). Несмотря на то, что он не указывает имя правителя Молдавии того времени, ясно, что это Матей Гика, возглавлявший княжество в период с 1753 по 1756 г. (Стати 2002: 429). Аноним подчеркивает, что господарь управляет вспомогательными отрядами в турецком войске и ежегодно отправляет султану в подарок пятьсот коней и триста соколов. Далее он пишет о том, как когда-то этой страной правили воеводы – подданные венгерских королей, но Селим II подчинил княжество своей власти и установил над ним вассальное управление (Анопуме 1777: 47). Речь идет о заключении перемирия, подписанного Селимом II с габсбургским царем Максимилианом II в 1568 г. Максимилиан II согласился платить дань и признал власть султана в Молдавии и Валахии. Автор письма отмечает, что султан назначает правителей Молдавии и что он в любой момент может их отозвать, даже до завершения мандата, не указывая при этом причину - по собственному желанию или под влиянием высоких представителей Порты. Как правило, правителей всегда назначали из числа православных христиан, и эта традиция никогда не нарушалась.

Уже долгое время господа Молдавии были из числа греков, исполнявших волю Порты (Анопуме 1777: 48). Необходимо напомнить, что период с 1711 по 1821 г. являлся важным поворотным моментом в истории молдавской страны, который оставил глубокий след в развитии государства и церкви. Турки, убедившись в ненадежности местных правителей (Д. Кантемир в ходе Русско-турецкой войны в 1711 г. перешел на сторону русского царя Петра I), передали управление Молдавией в руки грекам-фанариотам, преданным султану (Чучко 2014: 240–241). Француз высказал свое мнение о периоде правления княжеством фанариотами, что они «верные последователи турецкой политики» (Анопуме 1777: 48).

Тяжелое положение населения этих земель во время турецкого правления описано на примере одного случая безвластия, свидетелем которого стал француз. Для него это был «варварский обычай», подразумевавший, что в интересах турецких властей может быть конфисковано все что угодно. Так, у народа в этих краях по необходимости изымали скот, орудия труда и все остальное без какой-либо компенсации. Имущество отнималось у крестьян, путешественников и даже у встречавшихся на дороге иностранцев. Имущество и скот возвращались хозяевам после того, как более не требовались, и, как это часто бывало, возвращались в очень плохом состоянии (Анониме 1777: 52–53).

Описывая конфессиональную картину Молдавии того времени, аноним констатировал, что доминирующей религией здесь является православие, которое он определяет как «греческое схизматическое». Изучив архиерейское управление православной церкви, он узнал, что во главе церкви стоят митрополит и три епископа, подчиняющиеся патриарху в Константинополе (Анониме 1777: 50). Историческим является тот факт, что религиозная среда княжества под управлением фанариотов была благоприятной. Новые правители страны вместе с самыми высокими иерархами православной церкви Молдавии всячески способствовали улучшению духовной жизни края. Фанариоты помогали строить учебные заведения, православные церкви и монастыри. Только в XVIII в. на территории Молдавского княжества были возведены 21 монастырь и 102 скита (Чучко 2014: 241–242).

Автора интересовали сведения о численности представителей других религий, проживавших на этой преимущественно православной территории. Он обнаружил определенное количество католиков, армян, лютеран и немного евреев. Эта информация важна, поскольку говорит о большой миграции, которой Молдавия подвергалась в середине XVIII в., а ее главной причиной было турецкое владычество, налагавшее на население новые обязательства. Путешественник также называет число жителей в княжестве в то время, которое, по его утверждениям, составляет «приблизительно сто шестьдесят тысяч, не считая женщин и детей» (Анониме 1777: 50).

Язык, на котором говорили в Молдавии, описывается им как смесь «различных диалектов: старославянского, турецкого, в особенности латинского и итальянского». Особого внимания заслуживает заявление, в котором на первом месте упоминается старославянский язык (Анониме 1777: 50). Известно, что более 300 лет славянский язык (старорусский, южнорусский, русинский, русский) в Молдавском княжестве был официальным, литературным и языком богослужения. Билингвизм являлся характерной особенностью княжества, а массовое

использование славянского языка – этнокультурной особенностью молдавского населения (Шорников 2007: 66–74).

Француз отмечал, что в речи местного населения используется значительное количество итальянских слов, которые не являются производными от латинского. Ему показалось, что у молдавского «имеется тесное родство с латинским, которое происходит не из древних римских колоний, а благодаря торговле, которую итальянцы практиковали здесь в течение нескольких веков, и структурам, которые здесь оформили». С другой стороны, подчеркивалось и сходство жителей Молдавии и Валахии, которые, по мнению автора, – «один народ», совместно прошедший через все исторические трудности, имеющий одни культуру, обычаи и мифологию, с одинаковым государственно-правовым положением. Француз заключает, что население Молдавии и Валахии «говорит практически на одинаковых языках» (Anonyme 1777: 50–51, 53). Данные сведения несколько противоречат тем, которые изложены автором в первой части текста о Молдавии. Они заставляют нас задуматься: почему автор стремится представить население Молдавии и Валахии тех времен как практически один народ? Исследования показывают, что в исторический период, о котором идет речь, между этими народами существовала разница в антропологическом типе, языке и культуре. Этническая и государственная идентичность молдаван и валахов различна. Молдаване имеют свои лингвоним *молдавский язык*, особенности произношения, лексику, частоту употребления слов и т. п. В оригинальном молдавском фольклоре существует много сказок, легенд, песен, героев, которых нет в фольклоре других народов (Шорников 2007: 356–357). Выводы француза в данной части письма расходятся и с современными исследованиями истории языка указанной территории, обнаруживающими крепкую старославянскую основу в языке населения того региона. По мнению С.Г. Суляка, большинство исследователей считает, что языком молдавской средневековой дипломатии был западнорусский (южнорусский), т. е. язык древнерусского (русинского) населения, имевший огромное влияние на развитие молдавского языка (Суляк 2017: 148). Кроме того, историческим является факт, что в те времена в Молдавском княжестве сильно ощущалось присутствие славянского фактора, прежде всего за счет русинов. Известно, что большая часть русинов в свое время участвовала в формировании молдавской народности (Суляк 2009: 7–24).

Столицей Молдавии в то время был г. Яссы, где находилась резиденция господаря, который аноним описал как город незначительной величины, но положение и фортификация определяли его как важное место. Француз осмотрел Яссы в сопровождении местного жителя,

познакомившего его с историей города. Он поведал гостю о том, что в городе хранится ценная рукопись, содержащая историю Молдавии, писавшуюся в течение нескольких лет по приказу Григория II Гики, который четыре раза – в период с 1726 по 1748 г. – был правителем государства. Он подчеркнул, что Гика многое сделал для того, чтобы рукопись была написана, и предоставил для ее написания книги, купленные в разных странах (Anonume 1777: 51–52). Мы считаем, что речь идет о *Хронике Гики*. В 1966 г. ее полностью издали в Бухаресте (Cronica 1965). Это ценные сведения, которые свидетельствуют о роли Григория II Гики в подготовке этой хроники.

В качестве второго по значению города француз указывает Сучаву (западная часть страны). В ней располагалась старая резиденция греческого митрополита, который обычно проживал в городе Яссы. Путешественник осмотрел еще одно важное место – Хотинскую крепость, входившую в состав земель султана, в которой располагался большой гарнизон. Турки считали крепость стратегически важным укреплением от нападений России и Польши. Она оборонялась при помощи шести бастионов со 180 единицами артиллерии (Anonume 1777: 52).

Несмотря на краткость, письмо анонима дает интересную обобщенную картину Молдавского княжества середины XVIII в. В нем есть ряд сведений о традициях и истории Молдавии, географии этой местности, демографии и культуре в целом. Автор не указывает конкретных источников, которые бы подтвердили описанное; он сам получил информацию, посетив эти края. Упоминает он одного жителя Ясс, но не сообщает, кем тот был и чем занимался, чтобы можно было оценить значение его высказываний. В основном речь идет об известных исторических картинах, которые француз наблюдает. Порой они противоречивы и порождают сомнения относительно их объективности. Тем не менее, принимая во внимание сказанное, эта краткая запись о Молдавии оценивается нами как ценная, особенно из-за скудности подобных источников.

Сведения из письма француз – лишь малая часть исторической мозаики территории Молдавского княжества XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Стати 2002 - *Стату В.Н.* История Молдовы. Кишинёв: S.n., 2002.

Пивоваров, Чучко 2010 - *Пивоваров С.В., Чучко М.К.* Образование Земли молдавской и формирование ее северных границ во второй половине XIV – начале XVI в. в свете письменных источников и археологических материалов // Русин. 2010. № 4 (22). С. 28–38.

- Суляк 2009 - Суляк С.Г. Молдавия и Русский мир: история и современность (к 650-летию молдавской государственности) // Русин. 2009. № 1 (15). С. 7–23.
- Суляк 2017 - Суляк С.Г. Славянский фактор в истории Молдавии: научное исследование и мифотворчество // Русин. 2017. № 3 (49). С. 144–162.
- Чучко 2014 - Чучко Д.К. Взаимоотношения государства и церкви в Молдавском княжестве в период правления фанариотов // Русин. 2014. № 2 (36). С. 239–248.
- Шорников 2007 - Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во Приднестров. ун-та, 2007.
- Элезович 2013 - Элезович Д.М. Описание России в хронике анонимного швейцарца конца XVIII в. // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 164–167.
- Anonyme 1777 - *Anonyme*. Le voyageur francois, ou la connoissance de l'ancien et de nouveau monde, Mise au jour par M. l'Abbé de la Porte. Tome XXIII. Paris: Chez L. Cellot, 1777.
- Camiciotti 2014 - Camiciotti G.L. Letters and Letter Writing in Early Modern Culture: An Introduction // Journal of Early Modern Studies. 2014. № 3. P. 17–35.
- Cronica 1965 - Cronica Ghiculeștilor: istoria Moldovei între anii 1695-1754; text grecesc însoțit de traducerea românească cu prefață, introducere, glosar și indice / Nestor Camariano. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1965. 808 p.

REFERENCES

- Stati, V.N. (2002) *Istoriya Moldovy* [History of Moldova]. Chișinău: [s.n.].
- Pivovarov, S.V. & Chuchko, M.K. (2010) *Obrazovanie zemli moldavskoy i formirovanie ee severnykh granits vo vtoroy polovine XIV – nachale XVI v. v svete pis'mennykh istochnikov i arheologicheskikh materialov* [The formation of Moldova and its northern borders in the second half of the 14th – early 16th century by written sources and archaeological materials]. *Rusin*. 4 (22). pp. 28–38.
- Sulyak, S.G. (2009) *Moldaviya i Russkiy mir: istoriya i sovremennost' (k 650-letiyu moldavskoy gosudarstvennosti)* [Moldavia and the Russian world: History and modernity (to the 650th anniversary of the Moldovan statehood)]. *Rusin*. 1(15). pp. 7–23.
- Sulyak, S.G. (2017) The Slavic factor in the history of Moldova: Scientific research and myth-Making. *Rusin*. 3 (49). pp. 144–162 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/49/10
- Chuchko, D.K. (2014) The relationship of the state and church in the Moldavian principality in the period of board Phanariotes. *Rusin* 2 (36). pp. 239–248 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/36/15
- Shornikov, P.M. (2007) *Moldavskaya samobytnost'* [Moldovan identity]. Tiraspol: University of Transnistria.

Elezovic, D.M. (2013) Opisanie Rossii v khronike anonimnogo shveytsartsa kontsa XVIII v. [Description of Russia in the chronicle of an anonymous Swiss in the late 18th century]. *Voprosy istorii*. 3. pp. 164–167.

Anon. (1777) *Le voyageur francois, ou la connoissance de l'ancien et de nouveau monde, Mise au jour par M. l'Abbé de la Porte* [A French traveler, or the acquaintance of the old and the new world, Brought to light by M. l'Abbé de la Porte]. Vol. 23. Chez L. Cellot.

Camiciotti, G.L. (2014) Letters and Letter Writing in Early Modern Culture: An Introduction. *Journal of Early Modern Studies*. 3. pp. 17–35. DOI: 10.13128/JEMS-2279-7149-14163

Camariano, N. (1965) *Cronica Ghiculeștilor: istoria Moldovei între anii 1695-1754; text grecesc însoțit de traducerea românească cu prefață, introducere, glosar și indice* [The Chronicle of the Vehicles: the history of Moldova between 1695-1754; Greek text accompanied by the Romanian translation with preface, introduction, glossary and index]. Bucharest: Academy of the Socialist Republic of Romania.

Элезович Далибор Милорад – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Университета в Приштине, г. Косовска Митровица (Сербия).

Dalibor Elezovic – University of Pristina, Kosovska Mitrovica (Serbia).

E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs

Делетич Здравко Милорад – доктор исторических наук, профессор Университета в Приштине, г. Косовска Митровица (Сербия).

Zdravko Deletic – University of Pristina, Kosovska Mitrovica (Serbia).

E-mail: zdeletic@yahoo.com

УДК 340.153

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/9

«УЛОЖЕНИЕ» ВАСИЛИЯ ЛУПУ 1646 г.: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

Е.Н. Трикоз^{1,2}

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) при МИД России
Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

² Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
E-mail: trikoz_en@pfur.ru

Авторское резюме

Статья посвящена исторической проблеме становления системы юридических источников и кодификации права в средневековой Молдавии. Исследуется историко-культурная ситуация в княжестве на протяжении XVI–XVII вв. Главная геополитическая особенность заключалась в конвергенции трех великих культур – славянской, латинской и восточной, происходившей на разломе мировых религий (православной, католической и мусульманской). Славянский язык был приоритетным в господарской канцелярии, делопроизводстве, богослужении и церковно-юридической литературе. Автор обращает особое внимание на период правления господаря Василия Лупу (1634–1653 гг.), который был покровителем православного мира и инициатором ктиторийской деятельности. В построенной на его средства церкви в столице княжества была организована типография, в которой по инициативе самого господаря в 1646 г. был издан первый светский сборник законов – «Уложение» (*Pravila lui Vasile Lupu*). Он стал общемолдавским кодексом, составленным на основе римско-византийских правовых норм и применявшимся около 200 лет. Отдельное внимание уделено целям правовой реформы и причинам кодификации в Молдавии того времени. «Уложение» 1646 г. было направлено на легализацию практики закабаления крестьян и расхищения общинных земель, юридическую фиксацию крепостных порядков. Оно способствовало закреплению системности и определенности в средневековом молдавском праве. В качестве основных источников «Уложения» выступили византийские

(греко-римские) законы и правовая доктрина молдавских и итальянских юристов. Они предопределили светскую ориентированность кодекса Василия Лупу и превалирование в нем уголовно-правовых начал.

Ключевые слова: Молдавское княжество, Василий Лупу, кодекс, кодификация права, законодательство, источники права, феодальное право, церковное право, уголовное право, земельная собственность.

VASILE LUPU'S CODE OF 1646 AT THE INTERSECTION OF LEGAL CULTURES

E.N. Trikoz^{1,2}

¹ Moscow State Institute of International Relations (University)
76 Vernadskii Avenue, Moscow, 119454, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russia

E-mail: trikoz_en@pfur.ru

Abstract

The paper is devoted to a historical problem of legal sources and codification of medieval laws in Moldova. The author investigates the historical and cultural situation in the Principality in the 16th–17th centuries, when the main geopolitical feature consisted in convergence of three great cultures – Slavic, Latin and East – in the context of the break of world religions (Orthodox, Catholic and Muslim). The Slavic language was a priority in the government, office-work, church service and legal literature in the Principality. The author pays special attention to the reign of Hospodar Vasile Lupu (1634–1653), who was an ardent patron of the orthodox world and supported the construction of churches. The church constructed on his means in the capital of the Principality housed a printing house that in 1646 issued *Pravila lui Vasile Lupu*, the first secular collection of laws initiated by the Hospodar. It became the all-Moldavian codex based on the Roman-Byzantine legal rules and was applied for about two hundred years. Particular attention is paid to the objectives of legal reform and the reasons for codification in Moldova at that time. *Pravila* of 1646 legalised serfdom and peasantry enslavement and plunder of communal lands. It promoted the consistency and certainty of the medieval Moldovan law. The main sources of the *Code* were Byzantine (Greco-Roman) laws and the legal doctrine of Moldovan and Italian lawyers. They predetermined the secular orientation of Vasile Lupu's Code, with the prevalence of the criminal law.

Keywords: Principality of Moldova, Vasile Lupu, *Pravila*, codification of law, legislation, sources of law, feudal law, canon law, criminal law, land ownership.

Введение. 370 лет назад в средневековой Молдове был официально принят светский печатный кодекс законов под названием «Уложение» Василия Лупу, изданный впервые не на западнорусском (русинском), а на молдавском языке на основе кириллицы. Научная актуальность исследования этого опыта систематизации классического феодального права в эпоху Василия Лупу, главного идейного вдохновителя правовой реформы и инициатора издания «Уложения» 1646 г., обусловлена культурно-историческим контекстом развития права того периода. Оно происходило в условиях взаимодействия различных правовых традиций, происхождение которых было основано как на обычном праве волошского и русинского этносов, так и на заимствованиях из византийского (греко-римского), церковно-канонического и частично мусульманского правокультурного пласта. На этом фоне актуализируется проблема изучения взаимовлияния полярных правовых культур, что наиболее ярко заметно на историческом примере смешанного социокультурного пространства Молдовы.

Материалы и методы. Эмпирической основой данного исследования послужили источники средневекового молдавского права: акты правотворчества молдавских господарей, памятники византийского (греко-римского) права, имевшие широкое применение в Дунайских княжествах, труды средневековых юристов романо-германской правовой традиции и др. Методологическая основа исследования опирается на общенаучные методы логического анализа и синтеза, сравнительный и системно-структурный методы. В ходе работы над материалом активно применялись историко-юридический и конкретно-исторический методы. Выводы автора основаны на культурологическом и цивилизационном подходах к познанию средневекового права и общества Молдовы, которые позволили прояснить социокультурные и идеологические предпосылки становления правовой системы в этом княжестве.

Обсуждение. Молдавия на протяжении всей истории своего существования сохраняла самобытную и достаточно богатую историю права. В современный период ее правовая система относится к романо-германской правовой культуре, хотя и сохраняет элементы и институты, типологически близкие к бывшей семье социалистического права. В настоящее время на юридической карте мира выделяют отдельную правовую культуру – так называемую *славянскую правовую семью*, объединяющую правовые системы стран Восточной Европы на основе правовой традиции «трех братских восточнославянских народов».

В их истории славянская составляющая правокультурного развития была особенно значительной и жизнестойкой. В Средние века эта славянская политико-правовая общность охватывала территории от Балкан до самой Прибалтики и включала Карпато-Днестровские земли. В этом этногеографическом ореоле сложилось своеобразное юридическое наследие Молдавского княжества. Оно начало формироваться в раннесредневековый период, в ситуации этнокультурных контактов Дунайских княжеств между собой (с Трансильванией и Валашским княжеством) и с сильными романскими и славянскими соседями почти в самом сердце европейского континента. Именно здесь, на перекрестке восточнославянской, греко-римской и мусульманской (османской) правовых традиций, зарождалась особенная правовая культура Молдавского княжества. Но диалог правовых культур всегда лучше политического монолога.

Истоки государственности и обычного права Молдавского княжества (*Regno Moldaviae*) коренятся на рубеже XIII–XIV вв. Официальное упоминание *Terra Moldaviae* впервые встречается в документе королевской канцелярии Венгрии от 20 марта 1360 г., а позднее страна будет именоваться как *Богдания*, *Россволахия*, *Молдославия* (Мохов 1964: 117). В тот период княжество формировалось как буферное образование к востоку от Карпат, между просвещенной Европой и варварским миром. Главная геополитическая особенность заключалась в конвергенции трех великих культур – славянской, латинской и восточной, происходившей на разломе мировых религий (православной, католической и мусульманской). Первоначально сильное влияние на правовую культуру Молдавского государства оказывала славянская правовая традиция, проникавшая посредством торговых, дипломатических и иных контактов с Болгарией, Сербией, Киевом, Москвой, а также через повседневное общение с молдавско-русинской этнокультурной общиной. Славянский язык становился господствующим в господарской канцелярии, делопроизводстве, богослужении и церковно-юридической литературе.

Начиная со времени правления молдавского господаря Штефана III Великого (1457–1504 гг.), который сначала женился на Елене Александровне из рода Гедиминовичей (ум. в 1472 г.), дочери киевского князя, внука великого князя литовского Ольгерда, а затем сочетал династическим браком дочь Елену Стефановну Волошанку (ум. в 1505 г.) с сыном объединителя Руси Ивана III Великого, усиливается общекультурная ориентация на Московское царство и славянскую правовую культуру (Шорников 2004: 53). Укрепились связи с Москвой как с членом антиягеллонской коалиции и противником Литвы, возобновился молдавско-русский политический союз (договор

господаря Петра IV Рареша и великого князя Василия III 1529 г.). Многие знатные молдаване уезжали обучаться в «братских» школах, в частности Львовского братства¹, на территории соседней Галицкой Руси, которые специально открывались православными русскими в условиях латино-польской оккупации для противодействия полонизации. Выпускники таких школ – «братчики» – были выходцами из знатных родов и потому нередко становились придворными летописцами, историками, знатоками права и делопроизводства. К концу XVI в. стали складываться предпосылки для академической правовой науки в Молдове. Так, в столичном городе Сучава открылась первая юридическая школа, в которой преподавали различные предметы по юриспруденции и философии. Когда столица переместилась в город Яссы, там также была открыта Славяно-греко-латинская академия при митрополите Киевском Петре Могиле (Мовилэ), который и предоставил преподавателей, ученых из соседних стран и молдаван, получивших образование в Москве, Киеве и Львове.

Наряду со славянской языковой и церковной православной общностью еще одной предпосылкой восточной геополитической ориентации молдавского общества стало формирование славяно-византийской юридической культуры. Это можно видеть на примере текстуальных и институциональных особенностей молдавской правовой системы. В XIV–XVI вв. двуэтничное молдавско-славянское государство состояло почти на треть из русинов, компактно проживавших на севере княжества. Они посредством каждодневного общения влияли своими правовыми обычаями на юридическую жизнь местных жителей. В значительной степени под влиянием славянского писанного и обычного права, а также славянской терминологии и живой правоприменительной практики с участием русинских обычаев складывалась раннесредневековая правовая система Молдовы. В результате этого волошко-русинского этнокультурного синтеза происходило регулярное взаимодействие юридических источников и практик восточных соседей – средневековых русских княжеств, объединенных позднее в Московское царство с правовой культурой, впитавшей основы византийского права.

Новая эпоха в политико-правовой истории Молдавского княжества связана с именем господаря Василия Лупу (*Vasile Lupu*, период правления 1634–1653 гг.; ум. в Стамбуле в 1661 г.). Он пытался реализовать новый геополитический проект с целью развития этнокультурной самоидентичности и собственной правовой культуры молдаван (Şerban 1991). Автономия государственности в условиях данничества Османской империи была невозможна, поэтому он сосредоточил силы на поиске новой правовой идеологии и кодификации национального

права с последующей унификацией феодальных правопорядков в стране. Василий Лупу проводил амбициозную внешнюю политику, балансируя между Османской империей, Речью Посполитой, царской Россией и украинскими гетманами. В итоге Молдавское княжество при нем стало стратегически важным этнокультурным регионом, наподобие того, чем Прусское королевство служило для Германии.

В ту эпоху его геополитическая идея включала в себе не только укрепление независимости Молдавского княжества, но и возрождение Византии как православной империи (Iorga 1913). Василий Лупу, подчинив Константинопольскую патриархию и ведя переговоры с Московским царством, пытался объединить все православные народы, воссоздавая былое величие Византийской империи. Его княжество объединяло в те времена так называемую Запрутскую Молдову, ныне входящую в состав Румынии, территорию Черновицкой области современной Украины и часть Пруто-Днестровского междуречья (современная Республика Молдова), где проживало значительное число переселенцев с Балканского полуострова (Голант 2002: 60). Дунайские княжества оставались теми православными государствами, которые, унаследовав византийскую идею, так и не вошли в «Дом ислама» (Vezii 1958: 34). При этом продолжительное господство турок в Молдавии не привело к их откровенному вмешательству в правотворчество господарской канцелярии и боярской рады. Лишь самое незначительное влияние оказывало мусульманское право, но оно так и не стало официально источником молдавской правовой системы.

Тем не менее долгое время Василий Лупу считался ставленником турецкой Порты, и поэтому современники говорили о нем: «Как бы он ни клялся, но он турецкой веры»², хотя он легко изъяснялся на греческом языке как эллинизированный арумун и стал покровителем местной этнокультуры. В его времена страна «начала пробуждаться и выходить потихоньку из темных глубин варварства», как писал молдавский политик Дмитрий Кантемир (Кантемир 1973: 193).

Летописец Мирон Костин называл время правления Василия Лупу счастливым временем, когда почти 20 лет в стране царил «вдоволь добра и богатства и изобилия» (Costin 1958). Перенимая функцию византийских императоров, Василий (само его имя от греч. *базилеос* – император с титулом «василевс») стал покровителем православного мира и инициатором ктиторской деятельности. Так, в столичных Яссах он организовал на свои средства Славяно-греко-латинскую академию, участвовал во Всеправославном соборе, занимался строительством культовых сооружений, жертвовал большие суммы на религиозные цели, в частности спонсировал выдающийся памятник

архитектуры – церковь Трех Святителей в одноименном монастыре в Яссах.

Именно это место впоследствии сыграло символическую роль в истории молдавской религиозно-правовой культуры: там появилась первая типография. Она была открыта в 1642 г. митрополитом Варлаамом при помощи киевского митрополита Петра Могилы и при участии мастеров Львовского Ставропигийского братства, которые завезли в столицу оборудование и бумагу для книгопечатания. В типографии было напечатано девять книг (в том числе на славянском и греческом языках). А по инициативе самого господаря в 1646 г. в типографии был издан первый светский молдавский сборник законов – «Уложение» Василе Лупу (молд. *Pravila lui Vasile Lupu*). Он стал общемолдавским кодексом, составленным на основе римско-византийских правовых норм и применявшимся около 200 лет. Так, применительно к уголовному праву это «Уложение» действовало вплоть до середины XVIII в., а в сфере гражданского права применялось до первой половины XIX в. и только потом было заменено общероссийским законодательством.

Неизвестна точная дата завершения рукописи кодификации Василия Лупу, но в августе 1646 г. финальная редакция вышла из печати в Ясской типографии уже на молдавском языке на основе кириллицы, а не на западнорусском (русинском), как многие ранее издававшиеся господарской канцелярией юридические документы. Его более полное название звучало так: «Румынская книга наставлений по императорским законам и другим судебным искам». Это наименование было в русле проводившейся Василием Лупу политики, о чем он не преминул указать на титульном листе своего «Уложения», подписав буквально следующее: «Это слово ко всему роду румынскому» (*Carte românească* 1961: 36). Так молдавский язык проникал не только в церковное богослужение и господарское делопроизводство, но и в частную документацию и юридическую практику (контракты, завещания, расписки и др.). Ведь, не будучи сыном молдавского господаря или хотя бы потомком местного боярского рода, Василий Лупу вынашивал собственную концепцию о роли восточных романцев на Балканах, позиционируя Молдову как культурный и духовный центр данного ареала. В этом свете закономерным видится задуманный им проект по кодификации общемолдавского права и унификации судебно-правовой системы, что было сложной задачей на пересечении крупных правовых культур – греко-византийской и романо-германской.

Поэтому параллельно с составлением общегосударственного «Уложения» Василий Лупу озаботился проблемой централизации и единообразия судебной практики по вопросам землевладения и

уголовным делам. В этом остро нуждался правопорядок разобщенных феодальных владений молдавских бояр, часто подвергавшихся нападениям разбойников, бунтовавших крестьян, необоснованным грабежам татар и турецким поборам. Нередко молдавские крестьяне и разорившиеся ремесленники вступали в отряды казаков, создавая особые военные единицы «*дакийцев*», как их называли поляки, впоследствии сыгравшие свою роль во время восстания Богдана Хмельницкого. В такой обстановке господарь получал известия об антифеодальных крестьянских восстаниях и городских бунтах торговцев и ремесленников (Грекул 1961: 398), а также жалобы от своих феодалов о нападениях *гайдуков*. Это были так называемые народные мстители из крестьян, которые грабили целые монастыри и сжигали боярские усадьбы, уничтожали важные частновладельческие документы (грамоты на землю, владение селами, холопами-цыганами, закрепощенными крестьянами и др.). Например, в результате нападения гайдуцкого отряда на Сучавицкий монастырь в 1629 г. от него остались, как указано в документе, «одни камни». В другом обращении 1621 г. некий боярин Ротомпан пишет господарю о связях своих крестьян с «разбойниками», угрожавшими ему нападением с целью отобрать имущество, ранее изъятое боярином у крестьян за долги; далее он требовал наказать своих людей за связь с гайдуками (Драгнев 1962: 13, 16; Hurmuzaki 1953: 898, 970). Но в отсутствие общегосударственного уголовного кодекса, не дождавшись господарского правосудия, бояре сами подвергали схваченных разбойников изощренным пыткам, добиваясь выдачи всех сообщников и укрывателей, приговаривая их к смертной казни. После установления господства Оттоманской Порты на Балканах и в Подунавье характер гайдуцкого движения изменился в сторону национально-освободительного движения в форме социального бунта (Драгнев 1962: 11).

При Василии Лупу начинается ужесточение карательной уголовной политики против гайдучества. Известно, что за период 1634–1646 гг. при дворе Василия Лупу было казнено около 20 тыс. «разбойников». При этом его «Уложение» 1646 г. только расширило круг лиц, подлежащих смертной казни за антифеодальные выступления и вооруженные нападения на бояр. За весь период правления этого господаря было вынесено свыше 40 тыс. смертных приговоров гайдукам и другим «разбойникам», что с учетом малочисленности населения Молдовы означало широкомасштабные массовые репрессии. Приведем слова самого Василия Лупу, проясняющие его политику: «Если вы все совершите поступок, достойный смерти, конечно, вам придется умереть. Даже если половина Страны Молдавской – плохая, пусть погибнет плохая, чтобы сохранилась достойная. С достойны-

ми буду жить в безопасности, с плохими всегда буду находиться в опасности»; так процитировал господаря католический миссионер Марко Бандини, бывший проездом в Молдове (Analele 1899: 148). Неудивительно, что Василия Лупу современники называли жестоким тираном, осуждая за массовые казни и закабаление крестьян, хотя именно в период его правления велась успешная борьба с разбоями на дорогах, грабежами и нападениями молдаван, живших в приграничье, «ибо он истребил почти по всей стране злодеев и не уставал их преследовать, дабы истребить совсем» (Голант 2002: 59).

С этой политикой была тесно связана еще одна цель правовой реформы по кодификации законодательства при Василии Лупу. Речь идет о юридическом закреплении крестьян, побего которых и сообщничество с гайдуками участились в период его правления. Все чаще крестьяне отказывались работать на феодалов, занимались самоуправством на феодальных полях, порубкой барского леса, захватывали мельницы и винодельни. При этом молдавские господа закрепляли за своими феодалами все новые селения и крестьянские общины. Те издавна жили по так называемому волошскому праву – неписанным крестьянским обычаям и традициям местностей компактного проживания. Однако, попадая в феодальную зависимость, они теряли покровительство своего обычного права и переходили под феодальную юрисдикцию, становились крестьянами-*вечинами*, обязанными отбывать барщину, платить десятую долю (*дигму*) дохода и судиться только у своего феодала. В кабалу к феодалам-ростовщикам попадали также крестьяне-*резеш*, юридически свободные общинники с правом распоряжения землей с согласия общины, но отдававшие за бесценнок свою недвижимость помещикам-кредиторам.

«Уложение» 1646 г. легализовало складывавшуюся годами практику закабаления свободных крестьян и расхищения общинных земель, юридически закрепив крепостные порядки в Молдавии. Было запрещено принимать и укрывать беглых крестьян, о чем прямо сказано в ст. 18 данного кодекса: «Когда убежит крестьянин от своего места и от своего господина, никто не должен его принять... а должен вернуть в село, откуда он бежал» (Carte românească 1961: 56). Перед нами типичный феодальный свод норм, который был характерен для большинства средневековых государств Европы, направленный на защиту феодальных интересов и их земельной собственности, санкционирующий закабаление крестьян, прикрепление их к земле. В то же время посредством кодификации крепостного права государство начинает вмешиваться в частные правоотношения вотчинника с крестьянином, определяя норму эксплуатации последнего и степень зависимости от феодала. В усмирении бесчинств, феодальной вольницы и легальном ограничении моно-

риального права крупных феодалов (боярства) были заинтересованы представители нового сословия – служилого дворянства (*крутяне*). Они поддерживали господаря Молдовы в его решении провести централизацию управления и кодификацию права, лишив тем самым уголовных привилегий феодалов и стабилизировав правопорядок.

С учетом аморфного состояния правовой системы Молдавского княжества накануне кодификации это была неотложная и амбициозная задача. Типичными для средневековой культуры были пестрота правовой регламентации, множественность источников права и партикуляризм сословно-этнических правовых подсистем. Последнее нашло свое выражение в формировании территориального правового массива на севере Молдовы – области так называемого волошского права и правовых обычаев этнической общины русинов.

Василий Лупу выбрал классический путь преодоления такой децентрализации права, подвергнув его статутификации в виде печатного свода законов (господарского высшего статута) с последующей централизацией княжеской юстиции и судебной практики. Именно «Уложение» способствовало закреплению системности и определенности в молдавском праве (Советов 1956: 77–83). На этом пути были сложные препятствия в виде полиэтнических правовых подсистем и миниправопорядков в таких группах Молдавского княжества, как русины, евреи, цыгане, крестьяне «волошского права». Конкуренцию общекняжескому законодательству составляли такие значительные правовые конгломераты, как каноническое (церковное) и феодально-манориальное право, а также городское и торговое обычное и статутное право (Арамэ 1992: 202–220). Коллизии правовых норм возникали на пересечении предметов регулирования этих правовых подсистем и отраслей средневекового права, что приводило нередко к режиму беззакония и судейского произвола (Mazilu 2006).

Однако благодаря усилиям Василия Лупу и его окружения удалось добиться определенной иерархии источников молдавского права. Высшим авторитетом были наделены акты княжеского и боярского законодательства. В этот блок статутного права вошли господарские указы и грамоты (Славяно-молдавские грамоты 1961). Причем это могли быть как внутренние, касавшиеся пожалований и подтверждений в сфере земельного права (иммунитетные, судные, дарственные, подтвердительные, охранные грамоты), так и внешние грамоты-хрисовулы (вассальные акты, соглашения и союзы с иностранными государями, привилегии иноземным купцам). К ним присоединялась документация господарской канцелярии (в том числе политическая и коммерческая корреспонденция), акты и циркуляры членов боярской рады (*дивана*). Важную роль в законотворчестве господаря

играл логофет, который возглавлял его канцелярию и скреплял все акты господаря государственной печатью, а в его отсутствие даже руководил боярской радой.

Средневековые молдавские грамоты, указы и акты делопроизводства писались на западнорусском (русинском), а затем молдавском языке на основе кириллицы, представляя собой культурно-правовое наследство Киевской и Галицкой Руси. Это весьма положительно сказывалось на культурно-правовом развитии Молдавского княжества, приобщавшегося тем самым к высокой культуре Византии и славянского мира. И хотя при Василии Лупу в законотворчество частично вводится молдавский язык, тем не менее официальным государственным и церковным языком Молдавского княжества вплоть до начала XVIII в. оставался западнорусский (Суляк 2016: 73).

Подсистема феодально-манориального права Молдовы сформировалась как право-привилегия, а его нормы закрепляли главным образом имущественные поземельные правоотношения в отдельных вотчинах. Основным источником, подтверждавшим феодально-вотчинную юрисдикцию, признавались жалованные грамоты господаря на землю, которые, однако, приходилось продлевать при каждом новом господаре. Так, известно, что Стефан III Великий подтверждал грамоты предшественников, в частности пожалованные при Александре Добром. Также выдавались господарские грамоты и указы о сыске и возврате беглых крестьян и холопов их прежним владельцам. На основании подобных грамот феодалы закрепляли за собой привилегию на правосудие по отношению ко всем холопам и крестьянам (кроме резешских общин и «волошского права»).

Далее мы отдельно скажем о «волошском праве» в Молдавском княжестве, когда будем описывать круг источников «Уложения» Василия Лупу. Кроме того, обособилось «холопское право», которое регламентировало положение цыган, татар, венгров, военнопленных, а также местных жителей, попадавших в холопство как неоплатные должники и преступники. По своему юридическому статусу холопы были бесправны, привлекались в усадьбы в качестве дворовых и ремесленников, не имели права выступать в судах, не несли ответственности за свои правонарушения, могли быть проданы вместе с вотчиной и нередко разлучались со своими детьми. В частности, известно, что молдавские цыгане уже с XV в. превращались либо в холопов, либо в крепостных, принадлежавших боярам и монастырям. В качестве таковых по «Уложению» 1646 г. они становились объектом продажи, лишались права вести кочевой образ жизни, создавать семью без согласия хозяина и т. д.

В сферу вотчинного суда, помимо ординарных споров, входили также «великие уголовные дела»: душегубство (убийство и прелюбодеяние), татьба (кража имущества), дивковолочение (увод женщин) и др. Но ко времени реформ Василия Лупу, направленных на ограничение уголовных привилегий феодалов и централизацию судебной системы, уголовные дела по наиболее опасным преступлениям (убийство, разбой, кража с поличным и др.) были изъяты из сферы вотчинной юрисдикции. Кроме того, к тому моменту завершилась так называемая сорокалетняя судебная реформа (1588–1628 гг.), по итогам которой был выделен самостоятельный вид инквизиционного судопроизводства по делам «злотворецев» (рецидивистов), завершавшегося обычно вынесением смертных приговоров. Такая категория преступников не имела права нанимать адвоката, вызывать свидетелей защиты или же откупиться от смертной казни.

Подсистема городского права в Молдавском княжестве складывалась из таких источников, как господарские жалованные грамоты городам, городские статуты, уставы купеческих и ремесленных объединений. Господарь Василий Лупу в своей грамоте 1634 г. упоминает гильдию купцов в столичных Яссах как центр торгово-промышленной деятельности всей Молдавии. Особую роль в торговых отношениях играл Львов, откуда был проложен большой королевский тракт в Валахию и Трансильванию. К моменту правления Василия Лупу криминогенная ситуация во Львове ухудшилась из-за нападений наемников, собиравшихся здесь в отряды для походов на Русское царство, Османскую империю и Валахию. Так, известна жалоба молдавского господаря Петра IV Рареша львовскому магистрату на мещанина Сеньку Поповича (1541 г.), который во время пребывания при дворе обокрал правителя на крупную сумму. Однако городской суд оправдал Поповича и выдал охранную грамоту с запретом преследовать его впредь (Козицкий, Білостоцький 2001: 112).

Особый статус имела этническая прослойка молдавских евреев – купцов и ростовщиков, которые жили по праву еврейской общины. В первой трети XV в. при господаре Александре Добром евреи получили ряд льгот с правом повсеместного проживания в княжестве. Согласно грамоте господаря Стефана Томши 1614 г., еврейским купцам (наряду с польскими, русскими и армянскими) было предоставлено право свободной торговли по всей Молдавии. Наконец, при Василии Лупу, который издавал ограничительные грамоты против евреев, к ним все же относились благосклонно, как к подданным государства, разрешая отстраивать деревянные синагоги и жить по еврейскому праву. Однако после прихода Б. Хмельницкого, когда под влиянием казацких бесчинств начались гонения против евреев, во главе еврей-

ской общины был поставлен хахам-баша, назначавшийся господарем из известных раввинов, получавший власть над евреями всей Молдавии и Валахии. Кроме того, Василий Лупу ограничил евреев в ряде гражданских прав: в частности, в своем «Уложении» он, под угрозой высокого штрафа, ввел запрет на браки евреев с христианами.

Наряду с господарским законодательством, сословно-правовым нормотворчеством феодалов, горожан и торговцев заметный вклад в развитие правовой системы Молдавского княжества внесли памятники церковно-канонического (византийского) права. Они распространились в стране как переписанные «Номоканоны», которые назывались «Правила» («Законник»). Как сборники церковно-гражданских постановлений они исходили из текстов кодификации императора Юстиниана I и других византийских памятников права.

Среди сохранившихся ко времени правления Василия Лупу рукописных кодификаций на славянском языке укажем на «Законник» 1451 г., составленный дьяконом Драгомиром в Тырговиште (Валахия). Эти «Правила Драгомира» широко применялись в разбирательстве гражданских и уголовных дел с целью унификации правопорядка и укрепления княжеской юстиции. Затем при Стефане III Великом статус источника церковного права получил трактат «Алфавитная Синтагма» Матфея Властаря в славянском переводе, куда были включены важные нормы церковного и гражданского права. «Синтагма» была переписана в Яссах Дамианом в 1495 г. Кроме того, в княжестве пользовалось популярностью «Шестикнижие» фессалоникийского судьи Константина Арменопуло 1345 г., которое в свою очередь было переработкой византийского «Прохирона» IX в., содержавшего нормы церковного, гражданского, уголовного и процессуального права. Этот законодательный сборник помог приспособить рецепированное римское право к феодальным отношениям Молдовы.

К середине XVII в. благодаря Василию Лупу снова активизировалась систематизаторская деятельность законников-канонистов. Заметную роль в этом сыграл придворный логофет Евстратий, который в 1632 г. перевел «Номоканон» Мануила Малаксы, а также переводил с греческого аграрное законодательство Византии VIII в. и др. Затем в 1640 г. в монастыре Говора был переиздан славянский канонический сборник – «Малый номоканон» в переводе Михаила Моксалия. В 1652 г. в Тырговиште опубликовали церковно-светский сборник «Законоправильник», переведенный монахом Даниилом (в соавторстве с Игнатием Петрици и Пантелеймоном Лигаридом). В первый отдел этого кодекса (417 глав) вошли юридические тексты из «Номоканона» Мануила Малаксы и «Уложения» Василия Лупу 1646 г. Во второй отдел включили церковно-канонические тексты:

«Синописис» с толкованиями Аристина и «Теологию» Анастасия Синаита (VII в.). Этот сборник 1652 г. получил широкую известность как «Великое уложение Матая Басараба», всеобъемлющий свод церковных и гражданских норм, применявшийся в Валахии и Молдавии, и в особенности в Трансильвании, вплоть до XIX в. (Bulei 2013: 90).

Однако свою историческую роль в формировании правового единства в Дунайских княжествах сыграло «Уложение» Василия Лупу 1646 г. В самом начале определимся с перечнем наиболее значимых источников данного «Уложения», которые определили его светскую и уголовно-правовую ориентированность. Это нормы местного обычного права Молдавского княжества, но в большей степени – церковные и гражданские законы византийских императоров, воспринятые в славянском переводе с Балкан. К таковым относятся уже упоминавшийся выше «Алфавитная синтагма», или Сборник (словарь) по церковному, уголовному и гражданскому праву солунского иеромонаха Матфея Властаря 1335 г., «Правила» монаха Дамиана из Ясс 1495 г., по сути переписанные положения синтагмы Властаря, а также сборник правил из Бисерикань 1512 г., «Нямецкие правила» (из молдавского монастыря Нямец) 1557 г. и «Путнянские правила» (из молдавского монастыря Путна) 1581 г. Что же касается «волошского права», то оно в средневековый период представляло собой историческую совокупность обычаев валашских общин крестьян-скотоводов и пастухов в Карпато-Дунайских землях. Оно регламентировало их личный статус, общинные обязанности, привилегии и взаимоотношения с местными феодалами-вотчинниками. Согласно «волошскому праву», земли наследовались по принципу майората и по мужской линии, устные договоры заключались в присутствии свидетелей, не было четких различий между гражданскими деликтами и преступлениями, целью наказания считались возмездие и компенсация, смертную казнь и членовредительство не применяли. Жившая по «волошскому праву» община имела независимое судопроизводство и была освобождена от большинства феодальных платежей (Шандра, Бедрий 2013: 118–120).

Уточним также, что первая часть «Уложения» была основана на обычном праве, судебной практике и отчасти на княжеском законодательстве Молдавии и реципировала византийские частнопроводные нормы «Земледельческого закона» (*Leges Rusticae*, от лат. *rus* – деревня, земля, пашня), который был издан в Византии в конце VII – начале VIII в. В действительности первые 16 глав «Уложения» были переведены логофетом Евстратием с небольшими дополнениями из текстов этого «Земледельческого закона», который служил дополнением к знаменитой «Эклоге» Льва III Исавра (717–741 гг.) наряду с «Военным законом» и «Морским родосским законом». Его нередко сравнивают с

полицейским крестьянским уставом, описывавшим обычные проступки и преступления в сельскохозяйственном быту на основе обычного права славян и крестьянской практики. В «Земледельческом законе» содержались нормы о различных потравах и кражах леса, полевых и садовых плодов, о проступках пастухов и повреждениях животных и др. (Византийский закон 1984).

Однако, в отличие от этого византийского памятника, в котором вообще не упоминался колонат (крепостное право), а, напротив, закреплялись личная крестьянская собственность и общинное землевладение, «Уложение» Василия Лупу юридически оформило процесс закрепощения молдавских крестьян (Солтан 1992). Так, уже в главе первой (ст. 18) молдавского свода находим окончательное прикрепление вечинов (зависимых крестьян) к земле и полный запрет перехода крестьян от одного феодала к другому.

«Уложение» открывалось небольшим предисловием, затем шла первая часть под названием «Правила составленные, выбранные и извлеченные». Это был блок из 16 подразделов (*princina*), содержавших нормы земледельческого характера по отношению к «землепашцам и пастухам»: воровство; причинение вреда скотом; причинение ущерба пашне; уничтожение и повреждение скота и деревьев; случаи пожаров; дела по поводу найма услуг, возведения мельниц и построек, посадок на чужом участке. Здесь почти все нормы имели сословный характер, закрепляли статус физического лица в зависимости от его социального положения в сословной иерархии молдавского государства (бояре, дворянство, лендлорды, крестьяне) (*Istoria dreptului Românesc* 1980: 209). Как удалось показать известному медиевисту П.В. Советову, первые 94 статьи в «Уложении» представляли собой письменную систематизацию норм славянского обычного права, а с 95-й по 1254-ю статьи были рецепцией римско-византийского права (Советов 1960).

Причем последние в этой части «Уложения» пять подразделов (с 12-го по 16-й) содержали характеристику дел, входивших в юрисдикцию господарской таможни, и описание уголовно-правовых составов хищений «землепашцев», являясь своего рода переходным звеном ко второй, сугубо уголовно-правовой части «Уложения». В этих пяти подразделах составители пытаются разграничить целый ряд смежных имущественных преступлений (татьба, грабеж и разбой). Так, для обозначения тайного хищения без признаков насилия над потерпевшим употреблялись понятие «*а фура*» («воровать») и производное «*фуртушая*», которое также использовалось в смысле общего понятия хищения имущества («*татьба*» в славяно-молдавских документах).

Учитывая сложившееся в молдавской судебной практике и в обычном праве деление воровства на малое и большое (например, хищение из монастырей и домов бояр), законодатель при этом мало уделил внимания четкому разграничению составов татьбы (кражи), жака (грабежа) и разбоя. В отличие от русского «Уложения» 1649 г., молдавский памятник не различал присвоение вещи на пожаре (грабеж), мошенничество и вымогательство как самостоятельные составы, квалифицируя их как случаи обычного воровства. Здесь также закреплялось неопределенное понятие разбоя, квалификацию которого произвольно осуществляли феодальные судьи по своему усмотрению и свидетельству «достойных веры добрых людей». Такой расширительный подход к толкованию и «каучуковые» составы разбоя и жака, на фоне детализации разновидностей татьбы и особых санкций за воровство, стали характерной особенностью молдавского «Уложения», заложенного еще во время «Судебной реформы» 1588–1628 гг. (Советов 2001–2002: 51–55).

Вторая часть называлась «Господарские правила относительно проступков». Она была составлена на основе перевода логофетом Евстратием трудов итальянского юриста Просперо Фариначчи (*Prosper Farinaccius*, 1554–1618 гг.) (*Istoria dreptului Românesc* 1980: 208). Этот итальянский магистрат был также известным адвокатом по уголовным делам и служил в Риме при дворе двух пап – Климента VIII и Павла V. Его авторитетная книга о ереси (название в оригинале – *Tractatus de Haeresi*, Рим, 1616 г.) долгое время применялась в судопроизводстве инквизиционных трибуналов ряда католических стран. Просперо Фариначчи прямо указан в «Уложении» в качестве «великого учителя и составителя сводов» (гл. 66, § 8). Большинство цитат было позаимствовано из трактата Фариначчи *Praxis et Theoricae Criminalis*, составленного на латинском языке. Эту уголовно-правовую работу он писал на протяжении 1594–1614 гг., включив в нее множество прогрессивных на тот период положений уголовно-правового учения, что придало ей авторитетный характер и обусловило многочисленные переиздания в европейских странах.

Во второй части «Уложения» Василия Лупу содержались частично переработанные на основе трудов Фариначчи положения о преступлениях и наказаниях. По своей структуре это был мини-уголовный кодекс Молдавии, который открывался пространной «Особенной частью» и завершался предписаниями «Общей части».

В первых главах (1–50) «Особенной части» описывались различные преступления в следующем порядке: оскорбление, фальшивомонетничество, присвоение обнаруженного клада, убийство, нанесение ран, двоеженство, растрата приданого, семейные проступки, жестокое

обращение мужа, избиение жены, изгнание жены, нарушение обязанности следовать за мужем, сводничество, похищение человека, святотатство, ересь, изнасилование, мужеложство, кровосмешение, клевета. Под составы оскорбления и клеветы нередко подводились образцы устного народного творчества, направленные против господаря и критиковавшие общественно-государственное устройство Молдавии (например, баллады «Горький голос бедняка», «Богач и бедняк» и др.), за которые в «Уложении» устанавливались строгие виды наказаний, вплоть до смертной казни (Баскин, Советов 1964: 102–103).

Затем помещались главы (51–78) с предписаниями общего характера, отражавшие отправные начала, принципы и институты уголовного права, общеприменимые для любого состава преступления. Предписания в этой «Общей части» уголовного права по «Уложению» располагались в следующем порядке: 1) обстоятельства, смягчающие наказание (обман, ярость, возраст, опьянение, безумие, местные обычаи, действие в толпе, подчинение приказу старшего, бессилие и слабость природы, сонное состояние, любовь, боярство, проворство, изменчивость природы, глухонмота, родство); 2) соучастие в преступлении («побуждение и совет совершить зло», «помощь в совершении проступка», нахождение на месте преступления, оказание помощи после совершения преступления, укрывательство, «наказание того, кто учит совершить зло», и «того, кто благодарит виновного после преступления» и др.).

Таким образом, перед нами предстает довольно крупный свод частного и публичного права Молдавского княжества. Его составителям удалось систематизировать разрозненные акты княжеского и судебного правотворчества, нормы обычного права, преодолеть партикуляризм сословно-этнических правовых подсистем. В состав молдавского кодекса были творчески инкорпорированы памятники римско-византийского права (в частности, «Земледельческий закон») и положения западноевропейской правовой традиции (труды итальянского юриста П. Фариначчи). Дальнейшее изучение «Уложения» Василия Лупу 1646 г. на основе историко-критического и юридико-догматического методов анализа его текста позволит прояснить этнокультурные и социально-идеологические особенности правовой системы Молдавского княжества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К слову, именно Львовским братством в 1591 г. была выпущена первая церковнославянская грамматика «Адельфотес, или Наука доброглаголивого эллино-славенского языка совершенного искусства

осьми частей слова ко наказанию многоименитому Российскому роду».

2. До получения от турок престола в Молдове этот правитель именовался Лупу Кочь, по своему родовому имени, которое произошло от сокращенного на албанский лад имени «Константин». Его отец Николае Кочь долгое время занимал различные должности при дворе в Валахии.

ЛИТЕРАТУРА

Арамэ 1992 - *Арамэ Е.С.* Эволюция государственно-правовых институтов средневековой Молдовы (XV–XVIII вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. Одесса, 1992.

Баскин, Советов 1964 - *Баскин Ю.Я., Советов П.В.* О некоторых основных направлениях политической и правовой мысли Молдавии XV–XIX вв. // Правоведение. 1964. № 2.

Византийский закон 1984 - Византийский земледельческий закон / Е.Э. Липшиц, И.П. Медведев, Е.К. Пиотровская; под ред. И.П. Медведева. Л., 1984.

Голант 2002 - *Голант Н.Г.* Образ молдавского господаря Василе Лупу (Василия Албанца) в летописях, записках путешественников, легендах и исторических романах // Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.В. Десницкой. СПб., 2002.

Грекул 1961 - *Грекул Ф.А.* Аграрные отношения в Молдавии в XVI – первой половине XVII вв. Кишинев, 1961.

Драгнев 1962 - *Драгнев Д.М.* Гайдуки – народные мстители. Очерки истории героической борьбы молдавских гайдуков против местных и иноземных угнетателей. Кишинев, 1962.

Кантемир 1973 - *Кантемир Д.* Описание Молдавии. Кишинев, 1973.

Мохов 1964 - *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964.

Славяно-молдавские грамоты 1961 - Молдавия в эпоху феодализма. Славяно-молдавские грамоты / под ред. П.В. Советова. Том I (XV в. – первая четверть XVII в.). Кишинев, 1961.

Советов 1956 - *Советов П.В.* Уложение Василе Лупу – памятник молдавского права и языка // Октябрь. 1956. № 5.

Советов 1960 - *Советов П.В.* Преступления против земельной собственности в Молдавии XV–XVII вв. (сравнительный очерк актового материала и уложения Василе Лупу) // Ученые записки Кишиневского госуниверситета. 1960. Серия юридическая. Т. 52.

Советов 2001–2002 - *Советов П.В.* Преступление и наказание (Очерки истории обычного права и законодательства средневековой Молдавии) // *Stratum plus*. 2001–2002. № 6. С. 26–151.

Солтан 1992 - *Солтан Г.В.* Закрепощение крестьян Молдовы (последняя четверть XVI – первая половина XVII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кишинев, 1992.

Суляк 2016 - Суляк С.Г. О языке славяно-молдавских грамот XIV–XVII вв. (К историографии вопроса) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42).

Шорников 2004 - Шорников П. Стефан Великий и формирование Молдавского геополитического проекта // Мысль. 2004. № 2 (24).

Analele 1899 - Analele Academiei Romane. Bucuresti, 1899. Vol. XVI.

Bulei 2013 - Bulei Dumitra. Viața culturală și cartea tipărită în vremea lui Matei Basarab // Tyragetia. Serie nouă. 2013. Num. 2 (22). P. 89–96.

Carte românească 1961 - Carte românească de învățătură, 1646. București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1961.

Costin 1958 - Miron Costin. Opere / ed. P.P. Panaitescu. București, 1958.

Hurmuzaki 1953 - Hurmuzaki E. Documente privind istoria României. Moldova. Bucuresti, 1953. Vol. XVI, pt. II.

Iorga 1913 - Iorga N. Vasile Lupu ca următor al împăraților de răsărit în tutelarea Patriarhiei de Constantinople și a Bisericii Ortodoxe. Bucuresti, 1913.

Istoria dreptului Românesc 1980 - Istoria dreptului Românesc / Pod red. V. Hangi, P. Narcu. București: Editura Academiei, 1980. Vol. I.

Mazilu 2006 - Mazilu H. Lege și fărădelege în lumea românească veche. Iași, 2006.

Șerban 1991 - Șerban C. Vasile Lupu: domn al Moldovei (1634–1653). Bucuresti, 1991.

Vezi 1958 - Vezi Gh. C. D. Dreptul bizantin în țările române. Pravila Moldovei din 1646 // Studii. 1958. XI, nr. 5. P. 34.

Козицький, Білостоцький 2001 - Козицький А., Білостоцький С. Кримінальний світ старого Львова. Львів, 2001. 230 с.

Шандра, Бедрій 2013 - Шандра Р., Бедрій М. Сільські суди та судочинство за українським і волоським правом: історико-правове порівняння (XIV–XVIII ст.) // Вісник Львівського університету. 2013. Вип. 58. С. 116–125.

REFERENCES

Arame, E.S. (1992) *Evoluytsiya gosudarstvenno-pravovykh institutov srednevekovoy Moldovy (XV–XVIII vv.)* [Evolution of the state and legal institutions of medieval Moldova (the 15th–18th centuries)]. Law Dr. Diss. Odessa.

Baskin, Yu.Ya. & Sovetov, P.V. (1964) *O nekotorykh osnovnykh napravleniyakh politicheskoy i pravovoy mysli Moldavii XV–XIX vv.* [On some basic directions of political and legal thought of Moldova in the 15th – 19th centuries]. *Pravovedenie*. 2.

Medvedev, I.P. (ed.) (1984) *Vizantiyskiy zemledel'cheskiy zakon* [Byzantine Agricultural Law]. Leningrad: Nauka.

Golant, N.G. (2002) *Obraz moldavskogo gospodarya Vasile Lupu (Vasiliya Albantsa) v letopisyakh, zapiskakh puteshestvennikov, legendakh i istoricheskikh*

romanakh [The image of the Moldovan ruler Vasile Lupu (Vasily Albanets) in the annals, travelers' notes, legends and historical novels]. In: Kazanskiy, N.N. (ed.) *Materialy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Desnitskoy* [Proceedings of the conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.V. Desnitskaya]. St. Petersburg: Nauka.

Grekul, F.A. (1961) *Agrarnye otnosheniya v Moldavii v XVI – pervoy polovine XVII vv.* [Agrarian relations in Moldova in the 16th – first half of the 17th centuries]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Dragnev, D.M. (1962) *Gayduki – narodnye mstiteli. Ocherki istorii geroicheskoy bor'by moldavskikh gaydukov protiv mestnykh i inozemnykh ugnateley* [Haiduks – people's avengers. Essays on the history of the heroic struggle of the Moldovan haiduks against local and foreign oppressors]. Chişinău: Ştiinţa.

Cantemir, D. (1973) *Opisanie Moldavii* [Description of Moldova]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Mokhov, N.A. (1964) *Moldaviya epokhi feodalizma* [Moldavia during feudalism]. Chişinău: Cartea Moldovenească.

Sovetov, P.V. (ed.) (1961) *Moldaviya v epokhu feodalizma. Slavyano-moldavskie gramoty* [Moldavia during feudalism. Slavonic-Moldavian documents]. Vol.1. Chişinău: Ştiinţa.

Sovetov, P.V. (1956) *Ulozhenie Vasile Lupu – pamyatnik moldavskogo prava i yazyka* [Vasile Lupu's Code as a monument of Moldovan law and language]. *Oktyabr'*. 5.

Sovetov, P.V. (1960) *Prestupleniya protiv zemel'noy sobstvennosti v Moldavii XV–XVII vv. (sravnitel'nyy ocherk aktovogo materiala i ulozheniya Vasile Lupu)* [Crimes against landed property in Moldavia in the 15th–17th centuries (a comparative sketch of the act of material and Vasile Lupu's Code)]. *Uchenye zapiski Kishinevskogo gosuniversiteta*. 52.

Sovetov, P.V. (2001–2002) *Prestuplenie i nakazanie (Ocherki istorii obychnogo prava i zakonodatel'stva srednevekovoy Moldavii)* [Crime and punishment (Essays on the history of customary law and legislation of Medieval Moldavia)]. *Stratum plus*. 6. pp. 26–151.

Soltan, G.V. (1992) *Zakreposhchenie krest'yan Moldovy (poslednyaya chetvert' XVI – pervaya polovina XVII vv.)* [The enslavement of the Moldovan peasants (the last quarter of the 16th – the first half of the 17th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Chişinău.

Sulyak, S.G. (2016) *About the language of the Slavonic-Moldavian documents of the 14th–17th centuries. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (42) (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/42/7

Shornikov, P. (2004) *Stefan Velikiy i formirovanie Moldavskogo geopoliticheskogo proekta* [Stefan the Great and the formation of the Moldovan geopolitical project]. *Mysl'*. 2(24).

Analele Academiei Romane. (1899) Vol. 16.

Bulei, D. (2013) Viața culturală și cartea tipărită în vremea lui Matei Basarab [Cultural life and books printed in the time of Matei Basarab]. *Tyragetia. Serie nouă*. 2 (22). pp. 89–96.

Anon. (1646) *Carte românească de învățătură* [Romanian Book of Learning]. Bucharest: Editura Academiei Republicii Populare Române.

Costin, M. (1958) *Opere* [Works]. Bucharest: [s.n.].

Hurmuzaki, E. (1953) *Documente privind istoria României. Moldova* [Documents on the History of Romania. Moldova]. Vol. 16. Bucharest: Editura Academiei RSR.

Iorga, N. (1913) *Vasile Lupu ca următor al împăraților de răsărit în tutelarea Patriarhiei de Constantinople și a Bisericii Ortodoxe* [Vasile Lupu as the next emperor of the East in the tutelage of the Patriarchate of Constantinople and the Orthodox Church]. Bucharest: Librarhile Socec.

Hangi, V. & Narcu, P. (eds) (1980) *Istoria dreptului Românesc* [History of Romanian Law]. Vol. 1. Bucharest: Editura Academiei.

Mazilu, H. (2006) *Lege și fărădelege în lumea românească veche* [Law and lawlessness in the old Romanian world]. Iași: Polirom.

Șerban, C. (1991) *Vasile Lupu: domn al Moldovei (1634–1653)* [Vasile Lupu: the lord of Moldavia (1634–1653)]. Bucharest: Academiei Romane.

Vezi, Gh. (1958) Dreptul bizantin în țările române. Pravila Moldovei din 1646 [Byzantine law in the Romanian lands. Moldova's Pravila from 1646]. *Studii*. 11(5). pp. 34.

Kozitskiy, A. & Bilostotskiy, S. (2001) *Kriminal'niy svit starogo L'vova* [The criminal world of the old Lvov]. Lviv: Afisha.

Shandra, R. & Bedriy, M. (2013) Sil's'ki sudi ta sudochinstvo za ukraïns'kim i volos'kim pravom: istoriko-pravove porivnyannya (XIV–XVIII st.) [Village Courts and Proceedings in Ukrainian and Greek Law: Historical and Legal Comparisons (the 14th–18th centuries)]. *Visnik L'vivs'kogo universitetu*. 58. pp. 116–125.

Трикоз Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел России; доцент-методист кафедры истории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов (Россия).

Elena Trikoz – Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russia).

E-mail: alena_trikoz@mail.ru; trikoz_en@pfur.ru

УДК 94(478)"14/17"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/10

РУСИНСКАЯ ТОПОНИМИКА КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА*

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

В Карпато-Днестровских землях (в это понятие входит территория Молдавского средневекового княжества, так называемая историческая Молдова) распространены восточнославянские (русинские) топонимы. 73,8 % наименований сел Молдавии XIV–XV вв. имело восточнороманское происхождение, славянских топонимов было примерно 24,5 %. Многие названия имели суффиксы *-овцы (-евцы)*, *-инцы (-енцы)*. Населенные пункты с этими русинскими суффиксами упоминаются в молдавской дипломатике с XIV в. и составляют 12,5 % всех топонимов средневековой Молдавии. Наибольшее количество топонимов и гидронимов русинского происхождения отмечено на северо-востоке Румынии (Западная Молдова), в Черновицкой области Украины и на севере Республики Молдова. Данные топонимики свидетельствуют о регионах компактного проживания русинов в Средние века и автохтонности этого этноса. Эти сведения подтверждаются письменными и археологическими источниками. Древняя молдавская легенда об основании княжества, приводимая молдавскими летописцами, выделяет те же регионы компактного расселения русинов в средневековой Молдавии. Будучи вторым по численности после волохов этносом, русины сыграли важную роль в этногенезе молдавского народа, образовании и становлении молдавской государственности, политической системы страны, законо-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 17-01-00089 «Русины Карпато-Днестровских земель с XIV в. до 1918 г.».

дательной базы, молдавских культуры и языка. Хотя большинство русинов впоследствии было ассимилировано волохами (молдаванами), значительная их часть, компактно проживавшая на севере Молдавского княжества, долгое время продолжала сохранять свою идентичность.

Ключевые слова: русины, русские, малороссы, молдаване, волохи, топонимы, гидронимы, комонимы, Молдавия, Молдова, Румыния, Буковина, Бессарабия.

RUSIN TOPONYMY OF CARPATHO-DNIESTRIAN LAND AS A SOURCE OF INFORMATION ON THE ETHNIC COMPOSITION OF THE MOLDAVIAN PRINCIPALITY*

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

East Slavic (Rusin) toponyms are common in the Carpatho-Dniestrian lands, including the territory of the Moldavian medieval principality, the so-called historical Moldova. Although 73.8% of the names of villages in Moldavia of the 14th – 15th centuries were of Eastern Roman origin, Slavic toponyms made approximately 24.5%. Many names had suffixes *-ovtsy (-evtsy)*, *-intsy (-entsy)*. The settlements with these Rusin suffixes are mentioned in the Moldovan diplomacy from the 14th century and account for 12.5% of all the comonies of medieval Moldavia. Most homonyms and hydronyms of Rusin origin are noted in the north-east of Romania (Western Moldova), in the Chernovtsy region of Ukraine and in the north of the Republic of Moldova. These toponyms indicate the regions of compact residence of Rusins in the Middle Ages and the autochthonousness of this ethnos. This information is confirmed by written and archaeological sources. An ancient Moldovan legend about the founding of the principality told by a Moldovan chroniclers identifies the same regions of the compact settlement of Rusins in Medieval Moldavia. Being the second largest ethnic group after the Volokhs, the Rusins played an important role in the ethnogenesis of the Moldovan people, formation of the Moldovan

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant Nr. 17-01-00089 “Rusyns of the Carpatho-Dniestrian Lands (from the 14th century to 1918).”

statehood, political system of the country, legislation, Moldovan culture and language. Although most of the Rusins were later assimilated by Volokhs (Moldavians), many of them continued to maintain their identity, compactly residing in the north of the Moldavian principality.

Keywords: Rusins, Russians, Little Russians, Moldovans, Volokhs, toponyms, hydronyms, comonyms, Moldavia, Moldova, Romania, Bukovina, Bessarabia.

Основным источником изучения топонимики на территории Молдавского средневекового княжества служит молдавская средневековая дипломатика. Вплоть до XVIII в. документы и грамоты писались на языке местного славянского населения – русинов. Акты господарской канцелярии неоднократно издавались в Румынии, Молдавии, России, на Украине. Среди сборников можно отметить двухтомник документов Штефана Великого, опубликованный в 1913 г. И. Богданом (Bogdan 1913), «Документы Буковины», изданные буковинским историком Т. Баланом (Balan 1933–2006). В Социалистической Республике Румыния в 50-е гг. XX в. вышли «Документы по истории Румынии. А. Молдова» (DIRA), изданные Румынской академией. Ясский историк А. Гонца составил перечень топонимов, упоминавшихся в данных сборниках (Gonța 1990). Институт истории Румынской академии продолжает с 1975 г. выпускать серию «Documenta Romaniae Historica. A. Moldova» (DRHA). В Республике Молдова аналогичная серия издается с 1961 г. Институтом истории Академии наук Молдовы – «Молдавия эпохи феодализма = Moldova în epoca feudalismului» (МЭФ).

Вклад в изучение русинской топонимики Карпато-Днестровских земель (территории Молдавского средневекового княжества) внесли труды немецкого балканиста Г. Вейганда (Weigand 1921), румынского филолога и лингвиста И. Иордана (Iordan 1924–1926; Iordan 1963), советского филолога М.В. Сергиевского, одного из основателей изучения романских языков в СССР (Сергиевский 1946; Сергиевский 1959), молдавских исследователей Н.А. Мохова (Мохов 1964; Мохов 1978), А.И. Еремии (Еремия 1978; Еремия 1990), Л.Л. Полевого (Полевой 1979; Полевой 1985), украинского лингвиста Ю.А. Карпенко (Карпенко 1973) и др. Русинской топонимике Румынии посвящены работы ясского профессора М. Штефэнеску (Ștefănescu 1921; Ștefănescu 1922a; Ștefănescu 1922b; Ștefănescu 1922c; Ștefănescu 1924) и румынского академика Э. Петровича (Петрович 1963; Petrovici 1960; Petrovici 1962).

Г. Вейганд в своей статье «Происхождение южнокарпатских названий рек в Румынии» (Weigand 1921: 94), на которую ссылались многие

исследователи, в том числе М.В. Сергиевский (Сергиевский 1946: 334) и А.И. Еремия (Еремия 1978: 28), подсчитал, что на территории Великой Валахии (Мунтении), Малой Валахии (Олтении), исторической Молдавии насчитывается 278 гидронимов. Из них 144 славянских: 71 – русинский, причем 4 русинских гидронима исследователь обнаружил в Мунтении (Г. Вейганд называл их малорусскими (Kleinrussische, сокр. klr. – С.С.), 65 – болгарских и 8 – с невыясненной принадлежностью. В процентном соотношении на долю славянских гидронимов на данной территории приходится 53 % (русинских – 27 %), восточнороманских – 16 %, венгерских – 10 %, тюркских (куманских и татарских) – 15 %. В Запрутской Молдове с Буковиной и Бессарабией зафиксировано 85 славянских гидронимов (67 русинских, 10 болгарских и 8 с невыясненной принадлежностью). Исследователь пришел к выводу, что данная территория была заселена восточными романцами после XIII в., т. к. все большие, средние и малые реки сохранили уже имевшиеся имена, романские наименования получили только речки и большие ручьи (Weigand 1921: 94–95). Русинские гидронимы распространены на севере Карпато-Днестровских земель, татарские – больше на юге. Как отмечал М. Сергиевский, молдавские названия приходятся главным образом на мелкие реки и балки, т. е. овраги, по которым селилось население в этих краях (Сергиевский 1946: 334). Исследуя названия рек бассейна Черемоша (190 речек) и Верхнего Сирета (298 речек), Ю. Карпенко отмечал, что здесь преобладают украинские (русинские. В советской историографии этноним «русин» был табуирован. – С.С.) названия. В бассейне Черемоша всего 10 восточнороманских (молдавских и румынских) названий (менее 6 %), в Верхнем Сирете – 47 (16 %) (Карпенко 1973: 21–23). О гидронимах Буковины см. также работу Г.К. Кожоляно «Славянские топонимы Буковины» (Кожоляно 2014).

Если перейти к названиям населенных пунктов, то здесь складывается схожая картина, которая также указывает на более древнее заселение края восточнославянским населением (русинами) (Сергиевский 1946: 335). В молдавских документах XIV–XV вв. сохранилось более тысячи названий сел (комонимов), из них на территорию нынешней Республики Молдова приходится 178. Из них 62 – славянского происхождения (58 на севере Молдавии, 4 в центре), 47 романских (4 на севере, 38 в центре, 5 на юге) и 69 названий неопределенной принадлежности. Как отмечал Н.А. Мохов, славянские топонимы встречаются чаще на севере и востоке страны, у р. Днестр (Мохов 1964: 99). Из 124 топонимов, зафиксированных на территории нынешней Черновицкой области Украины в XV в., 118 славянских, 3 молдавских и 3 неясного происхождения (Карпенко 1973: 52).

Основная масса русинского населения проживала на севере Молдавского княжества, оно постоянно усиливалось потоками переселенцев из Галицкой Руси, особенно в XV–XVI вв. и позже (Jordan 1924–1926: 244). И. Иордан упоминает, что значительное количество представителей этого населения было ассимилировано. Исследователь приводит ряд фамилий крестьян молдавских сел уездов Дорохой и Ботошань Румынии (имеются в виду жудецы (уезды), существовавшие с 1918 по 1940 г. Сегодня это уезд Ботошань. – С.С.) явно русинского происхождения (Jordan 1924–1926: 248). О наличии в молдавских селах населения с польскими и украинскими (русинскими) фамилиями упоминал и М. Сергиевский (Сергиевский 1959: 77). Ю. Карпенко обратил внимание на то, что уже в Средние века происходил перевод русинских топонимов на молдавский язык и наоборот. Правда, первых случаев было больше (Карпенко 1973: 13).

Из 798 поселений средневековой Молдавии, упомянутых в ранних молдавских грамотах конца XIV – первой половины XV в. под термином «село», 197 (24,7 %) имеют первичный топоним, 126 (15,8 %) – вторичный и 475 (59,5 %) – полный (Полевой 1985: 12). Л. Полевой, изучив данные комонимы, пришел к выводу, что первичные и вторичные топонимы ранних поселений Молдавии, в основу которых положено личное имя, находятся у истоков патронимических (возникли на основе имен, фамилий и прозвищ первопоселенцев, землевладельцев и иных категорий людей) полных топонимов на *-ешть*, *-овцы*, *-инцы* и, вероятно, *-ень* (*-ань*), развившихся впоследствии во владельческие села (Полевой 1985: 13). Он установил, что среди раннего пласта комонимов исторической Молдавии XIV–XV вв. преобладают славянские названия – 30 из 44 (68,2 %). Большинство из них зафиксировано в Буковине (ныне Сучавский уезд Румынии и Черновицкая область Украины), также они встречаются в северо-восточной части и Кодрах Днестровско-Прутского междуречья. Территория распространения этих топонимов практически совпадает с ареалом славянских археологических памятников XIII–XIV вв., особенно в Северной Буковине (Черновицкая область Украины) и Днестровско-Прутском междуречье (Бессарабия). Молдавские топонимы раннего пласта (15 названий, или 32,6 %) занимают подгорные районы между Карпатами и р. Сирет, территорию первоначального расселения волохов в землях к востоку от Карпат. По археологическим данным, здесь к середине XIV в. наблюдался заметный рост числа поселений. Большинство полных названий населенных пунктов исторической Молдавии конца XIV – первой половины XV в. (средний (II) пласт топонимов поселений) составляют топонимы (379 пунктов, около 81 %), которые образуются с помощью молдавских суффиксов *-ешть*, *-ань* (*-ень*), *-и*, *-ць* и сла-

вянских *-овцы (-евцы), -инцы*: Негрилешты (1409 г.), Пашканы (1419 г.), Пурчелешты (1429 г.), Жуматацены (1430 г.), Владимировцы (1392 г.), Вакулинцы (1419–1421 гг.) и др. 325 (86 %; свыше 70 % всех полных топонимов) составляют антропонимные названия, происходящие от личных имен или прозвищ людей. Остальные 54 названия (14,2 % пласта) – неантропонимные топонимы с молдавскими формантами *-ень/-ань* (Полевой 1985: 21).

Подобные комонимы формируются в основном по следующей модели: «село, где есть (имя или прозвище лица)» или «село, расположенное на (около) и другая характеристика места поселения» -> «село, где был (имя или прозвище лица)» -> полный топоним с антропонимной основой (имя или прозвище лица) или характеристикой места заселения, указанием на происхождение его жителей и т. д. + суффикс. Наиболее продуктивным суффиксом этой части топонимов Молдавии XIV–XV вв. был молдавский *-ешть* (44,5 % всех зафиксированных полных названий поселений конца XIV–XV вв.). На втором месте был молдавский суффикс *-ань (-ень)* (18,5 %), далее идут русинские *-овцы (-евцы), -инцы (-енцы)* (12,5 %), молдавские *-ць, -и*, славянский *-и* (8 %), аналогичные молдавскому *-ень*.

Комонимы с суффиксами *-ешть, -овцы/-евцы, -инцы/-енцы* носят патронимический характер, где название указывает на общность происхождения жителей от какого-либо лица и коллективную собственность. Славянские же суффиксы множественного числа *-овцы, -инцы* являются следствием развития принадлежности суффиксов единственного числа *-ов* и *-ин* предыдущего пласта топонимов и отражают переход от первоначально большесемейного характера поселения и собственности к патронимному с коллективной собственностью жителей, связанных общностью происхождения: Бодино (1398 г.) -> Бодинцы (1404 г.), Борисово (1448 г.) -> Борисковцы (1456 г.) и т. д. (Полевой 1985: 22).

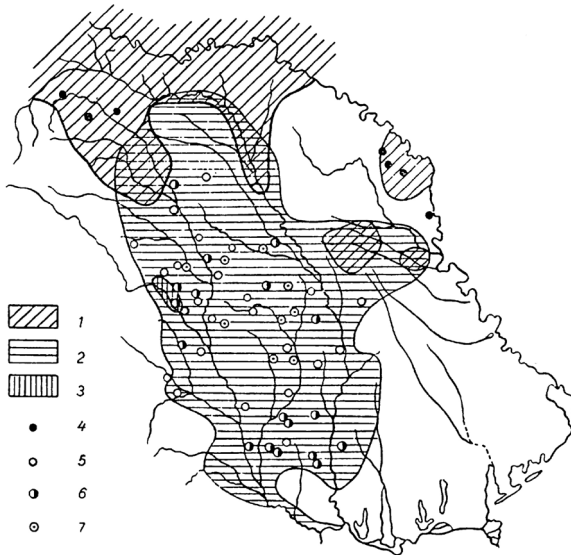
В XV в. молдавский суффикс *-ешть* участвовал в образовании около 15 % всех топонимов поселений Днестровско-Прутского междуречья, а аналогичные ему по функции славянские *-овцы, -инцы* – около 16 %. Общая доля этих патронимических суффиксов составляла более 30 %. Доля продуктивности молдавского суффикса *-ань (-ень)* вместе со славянским *-ань (-янь)* – 14 % (Полевой 1985: 24). На Буковине в XV–XVII вв. функционировал славянский аналог *-ань (-янь)* молдавского суффикса *-ань (-ень)*, который получил там распространение лишь в XVII–XVIII вв. (Полевой 1985: 192). Топонимы второго пласта встречаются по всей территории расселения в Молдавии XIV–XV вв., составляя основной фон топонимии этого времени: молдавские – главным образом в западной и центральной частях страны,

славянские – большей частью в северной и северо-восточной (Полевой 1985: 25).

Исследуя топонимику Молдавского средневекового княжества, Л. Полевой отметил, что хотя большинство (73,8 %) наименований сел Молдавии XIV–XV вв. были восточнороманского происхождения, славянских топонимов – примерно 24,5 %. Многие названия имели суффиксы *-овцы (-евцы), -инцы (-енцы)*. Населенные пункты с этими русинскими суффиксами упоминались в господарских грамотах с XIV в. (например, Букуровцы – 1392 г., Томинцы – 1431 г., Грабовцы – 1443 г. и т.д.). Среди прочих суффиксов, составлявших около 12 % названий населенных пунктов Молдавии XIV–XV вв., встречаются *-ов (-ово, -ова), -ин (-ина), -ица (-ница), -инец (-анец), -авец (-овец, -овица), -и, -чи (-че, -ча), -ье (-ие, -ия), -а, -ка, -на, -ище (-ища), -ок (-ак)* и др. (Садова – 1420 г., Страхотин – 1398–1399 гг., Молдовица – 1408 г., Стынчица – 1472 г., Собранец – 1435 г., Медвежи – 1432 г., Проворотие – 1418 г., Берестия – 1456 г., Хлубока – 1438 г., Хливище – 1413 г. и др.). В славянской топонимике поселений употреблялись словосложения (Суховерх – 1413 г., Миходрей – 1428 г., Великосилцы – 1445 г., Урвиколеса – 1461 г., Громобитная – 1488 г. и др.), словосочетания (Белая Криница – 1436, Белое Озеро – 1442–1443 гг., Высокая Пасека – 1443 г. и др.), простые нарицательные имена (Березка – 1436 г., Гарбузы – 1497 г.), субстантивированные прилагательные прилагательные (Каменное, Красное – 1431 г., Дубовая – 1447 г.) и другие грамматические формы.

Этнотопонимы в рассматриваемый период среди названий сельских населенных пунктов вместе с неясными названиями составили 1,7 % названий. Большинство из них (12) имеют корень *рус-*, свидетельствующий о русинской принадлежности их жителей (Полевой 1979: 103–104). Топонимы с корнем *рус-* (*рушь-*): от Русая (речка в цинуте Сучава) до сел Рушь, Русень, Рускань, Русешть, Русчиорь, Руски брод, Полена Рускова получили распространение на всей северной части Карпато-Днестровского пространства – региона возникновения Молдавского княжества и становления молдавской государственности. В грамотах молдавской канцелярии зафиксировано около 50 ойконимов и гидронимов с данным корнем (Стати, Суляк 2014: 75).

Русинские топонимы в XIV–XV вв. располагались сплошным массивом на севере Молдавского княжества: они занимали всю Буковину и северную часть Днестровско-Прутского междуречья, а также районы вдоль Прута и Днестра до центральных областей Молдавии (карта 1). Причем данная ситуация сохранилась до настоящего времени. В свою очередь русинская топонимика севера Молдавии смыкалась с топонимикой Галичины и Подолии, где, в частности, были распространены названия с суффиксами *-овцы, -инцы* (Полевой 1979: 105).

Карта 1. Топонимическая карта Молдавского княжества XIV–XV вв. (названия населенных пунктов в поземельных актах конца XIV–XV в.): 1 – ареал восточнославянских топонимов; 2 – ареал молдавских топонимов; 3 – ареал южнославянских топонимов; 4 – отдельные молдавские топонимы; 5 – отдельные славянские топонимы; 6 – восточнославянские этнонимные топонимы; 7 – южнославянские этнонимные топонимы.

Источник: Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев: Штиинца, 1979. С. 90.

В то же время русинские топонимы группами или отдельно встречаются и в различных частях молдавского ареала топонимов (в т. ч. и с суффиксом *-овцы*, *-инцы*). Их много в подкарпатской котловине р. Бистрицы и на ее притоках. В центральных районах Молдавии встречаются названия с корнем *рус-* (Полевой 1979: 105–106).

Ясский профессор М. Штефэнеску, изучая в 1920-е гг. русские (русинские) топонимы на территории Румынии, в состав которой после Первой мировой войны были включены Трансильвания, Буковина и Бессарбия, установила в румынской топонимике большое количество русских слов (в оригинале – *rusești*. М. Штефэнеску обшнованно считала русинов частью русского народа. – С.С.), которые представляют собой специфический русский фонетический феномен, называемый полногласием. Оно выражается в наличии одной из групп *-оро-*, *-оло-*, *-ере-*, *-еле-* в тех словах, где в западнославянских языках им соответствуют *-ро-*, *-ло-*, *-ре-*, *-ле-*, в южнославянских: *-ра-*, *-ла-*, *-ре-*, *-ле-* (Ștefănescu

1921: 218). Причем географические названия русского характера находятся только в Молдове (речь идет об исторической Молдавии – территории между Карпатами и Днестром. – С.С.) до уездов Путна, Фэлчуи и Бендеры. Топонимика страны свидетельствует о населявших ее земли русинах (*ruteni*). В связи с древностью явления полногласия в русском языке можно утверждать, что появились они не ранее XII в. (М. Штефэнеску считала, что полногласие в русском языке появилось с XII в. На самом деле о полногласии в древнерусском языке можно говорить с VIII–IX вв. Поэтому можно предположить более древнее происхождение топонимов с полногласием на данной территории. – С.С.) (Ştefănescu 1921: 228).

Русинским названиям, бытовавшим на территории Молдавского княжества между Карпатами и Днестром, соответствуют в Мунтении и Трансильвании топонимы южнославянского происхождения. Это указывает на то, что в заселении Мунтении участвовали болгары, а Молдавского княжества – русины (*rutenii*) (Ştefănescu 1922a: 74).

М. Штефэнеску, говоря о распространении топонимов, в которых представлено явление, характерное для русского языка (переход *e* в начале или в середине слова в *o*), перечисляет следующие названия: *Ciornaşora*, *Ciornaşal*, *Ciorneiul*, *Ciorna*, *Ciornuleasa*, *Ciornoleuca*, *Pîrjolteni*, *Odocheni*, *Ostafi*, *Ostapi*, *Ostopeni* и, возможно, *Ostopeni*. Они распространены по всей территории Молдовы – от Буковины (*Ciornaşora*) до Путны (*Ciorna*), а также в Мунтении, в отдельных случаях (дважды) в уезде Илфов (*Ciornuleasa*), в Бессарабии по направлению к югу, в уезде Кишинэу (*Pîrjolteni*) (ныне село в Каларашском районе Молдавии) (Ştefănescu 1922b: 384).

Широко распространенный в топонимике Румынии славянский суффикс *-овци* (форма мн. ч. для *-овец*), который, претерпев переход *-в-* в *-у-*, преобразовался в *-эуць* (*-ăuți*), находится в конце многих слов румынской географической номенклатуры (Ştefănescu 1922c: 499).

К сожалению, многих сел, носивших названия с суффиксом *-ăuți*, уже нет. Одни исчезли без следа (общее число таких сел в Молдове, Буковине и Бессарабии составляет более 2 000). У других изменилось название. Например, в реестре всех документов монастыря Путна архимандритом Вартоломеу Мэзэрянэ в 1764 г. на 25-й странице рукописи сделана запись, в которой отмечается следующее: «В копии списка Стефана-Водэ, написанного на сербском языке, говорится обо всех селах, пожалованных и находящихся во владении вистерника Гавриила, среди которых и Михаиловций, где сходились все узы и где находился воевода Петрик (чье село теперь называется Петречений), истинная жалованная грамота находится у Петре Кяшко с 7025 г. (1518)». Клишкэуций (*Clîşcăuții*), село, дарованное монастырю Путна

жалованной грамотой от 6 (2) марта 6998 г. (т. е. 1490 г.), сегодня называется Острица (Ostrița); село Баласинешть (Balasinești) в грамоте 1444 г. носило наименование Баласиновций-пе-Сучава (Balasi-povții-pe-Suceava) (Баласиновцы-на-Сучаве), а в грамоте 1490 г. именовалось Мачикатовций-пе-Сучава (Măciatovții-pe-Suceava); село Леукушений (Leucușeni, уезд Роман) в 1400 г. называлось Леукушоуць (Leucușouți). М. Штефэнеску считала, что изменение произошло из-за того, что жители села Леукушоуць носили коллективное имя *леукушень* (leucușeni), которое могло перейти в наименование населенного пункта, где они проживали. Это село одно время так и называлось – Леукушень вместо Леукушоуць. Еще одна причина уменьшения количества названий с суффиксом *-ăuți* связана с деятельностью бояр, создававших более крупные поместья, скупая и помещая в одних границах несколько сел, территории которых полностью или частично вошли в новые поместья (Ștefănescu 1922с: 508–509).

Названия с *-ăuți* были распространены в восточной части Буковины, т. е. на тех ее землях, которые соседствуют с Молдовой (в таких районах, как Сучава, Сирет, Черновцы (Cernăuți), Коцман, Заставна, Вэскэуць; в восточных частях районов Рэдэуць и Сторожинец; в районе Вижница находится только одно название – Бэкэуцул (Băcăuțul)), однако они полностью отсутствуют в районах Кымпулунг и Гура-Хуморулуй. В Запрутской Молдове из 34 названий 17 находятся в уезде Дорохой, 4 – в Ботошань, 2 – в Нямц, 2 – в Роман, 3 – в Бакэу, 1 – в Тутова, 6 – в Путна. Одно есть в Мунтении, в уезде Рымнику Сэрат. В Бессарабии из 56 наименований 38 обнаруживаются в уезде Хотин, 4 – в Бэлць, 1 – в Сорока, 3 – в Орхей, 4 – в Кишинэу, при их совершенном отсутствии в других уездах. В Трансильвании таких названий немного, они находятся в ее восточной части. (Если допустить признание явления, содержащегося в наименовании Дрэуц (Drăuț), то за счет этого единственного случая будет сделан скачок на запад Ардяла (Трансильвании)). Таким образом, в состав территории, на которой можно обнаружить большое число подобных наименований, входят районы Сучава, Сирет, Черновцы, Коцман, Заставна, восточные части районов Рэдэуць и Сторожинец, уезды Хотин, Сорока, Бэлць, Орхей, Кишинэу, Дорохой, Ботошань, Роман, Бакэу, Нямц, Тутова, Путна и Рымнику Сэрат (Ștefănescu 1922с: 510).

Поскольку названия с суффиксом *-ăuți* обнаруживаются только в Буковине, Бессарабии и Западной Молдове, т. е. на землях исторический Молдовы, территории, которая соответствует границам государства со времени его образования (эти наименования находятся только в уезде Рымник Сэрат, куда Стефан Великий привел

свои войска, преследуя Раду Красивого (Radu cel Frumos), своего врага, и отсутствуют в Мунтении), можно считать, что данные названия дали не южные славяне (болгары и сербы), а славяне с севера – русские, а особенно русины (rutenii). Переход *v* в *u* имел место в древнерусском языке с XIII–XIV вв., поскольку только с этого времени обнаруживаются примеры слов, в которых появляется *u* вместо *v* (см. Новгородские летописи XIV в. и более древние галицко-волынские литературные памятники XII в.). Следовательно, русины дали именованья этим населенным пунктам не ранее начала XII в. Подобные слова с *-ăuți* используются для названия поселений. К ним, общим числом 149 (в 1920-е гг. на территории Румынского королевства. – С.С.), следует добавить большое количество исчезнувших. Обнаружено всего 12 наименований природных объектов с суффиксом *-ăuți*. Данный факт дает право считать, что они являются более новыми и относятся к эпохе формирования молдавского государства, вклад в создание которого внесли и русины (Ștefănescu 1922с: 514).

Исследуя топонимы с русскими (русинскими) корнями и суффиксами, М. Штефэнеску отмечала, что такие слова обнаруживаются почти на всей территории Молдавского средневекового княжества. Так, из 869 слов указанного происхождения (к которым она добавила еще 29, относительно этимологии которых была не полностью уверена) в Молдове между Карпатами и Прутом распространены в 312 случаях корни (плюс 24 – те, в связи с которыми у нас есть сомнения), в 70 – суффиксы; в Бессарабии – в 45 случаях корни (плюс 2 сомнительных), в 119 – суффиксы. Остальные 107 распространены на других румынских землях: в Добрудже – 11 корней и 2 суффикса; в Мунтении – 50 корней, 3 сомнительных корня и ряд суффиксов; в Трансильвании – 12 корней и 4 суффикса (Ștefănescu 1924: 202).

Наличие большого количества топонимов русско-русинского характера на землях исторической Молдовы служит доказательством того, что здесь жил русско-русинский элемент (так у автора: *elementul rus-rutean*. М. Штефэнеску считала русинов частью русского народа. – С.С.), от которого румыны-молдаване (так у М. Штефэнеску: *Romîniî-Moldoveni*. – С.С.) унаследовали эти топонимы и некоторые слова, бытующие в разговорной речи. Все названия, о которых было упомянуто, существовали в XV в., что подтверждает существование русских-русинов здесь в те времена, когда в этих краях только происходило становление государственности. Так или иначе, проживая в этих местах ранее или придя сюда после основания государства, они здесь проживали компактно. В качестве доказательства того, что русские-русины (анты) (у М. Штефэнеску – *Rușii-Ruteni (Ante)*. – С.С.) способствовали прежде всего освоению земель, находящихся к

востоку от Карпат по направлению к Днестру, а затем и становлению страны, мы располагаем русско-руси́нскими названиями, которые были даны природным объектам – горам, водам, долинам, холмам. Они были первыми, кто заселял данные регионы, поскольку, придя позднее, не могли навязать эти наименования народу, который их ассимилировал. Эти названия, данные природным объектам, являются очень древними и по времени совпадают с той эпохой, когда русины осели здесь. Давность этого можно приблизительно установить, исследуя давность русско-руси́нских фонетических явлений, которые отражены в рассматриваемых топонимах. Известно, что у восточных славян (у М. Шэфанеску – русских (*ruşii*). – С.С.) были *ч, ж* вместо *шт, жд* в V или в VI в. Наличие столь древних фонетических явлений русско-руси́нского характера в румынской топонимии показывает, что русские-русины могли населять эти места еще в IV в. (даже такие названия, как *Cernăuți*, в которых корень *cern-* обладает южнославянским звучанием, можно было бы считать русизмами, но совершенно древними, предшествовавшими эпохе перехода *е* в *о*) (Ştefănescu 1924: 204–205).

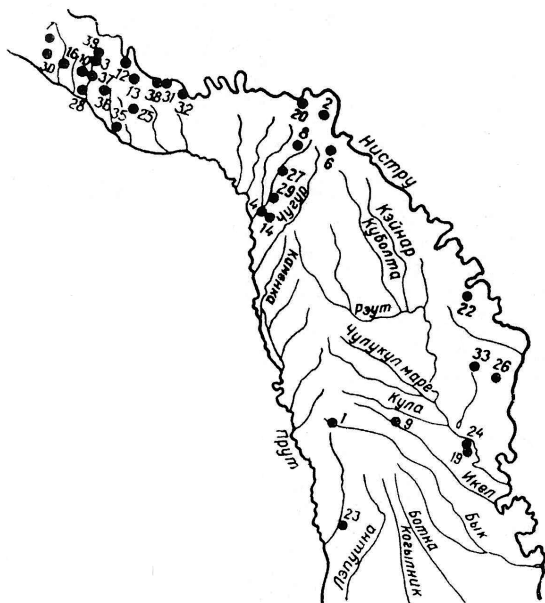
Славянская топонимика Республики Молдова, которая является частью исторической Молдовы, тоже носит в основном восточнославянский характер. Она включает в себя языковые черты, характерные для русского и украинского языков, например полногласие и переход *г* в *х*. Топонимы с произношением *г* как *х* проникли и в молдавские топонимы (Захарна, Похоарна, Хлиная, Халахора, Хулбуака, Хулбучок, Хырбовэц и т. д.), причем их ареал совпадает с ареалом топонимов с полногласием (Еремия 1990: 45).

В населенных пунктах севера и центра современной Молдавии со славянскими названиями встречаются и микротопонимы славянского происхождения: Волоака, Скоринка, Тырнэжок, Хулбучок (Садова Каларашского района), Ницкова, Хулбоку (Вэлчинец Каларашского района), Захородня, Иванчок, Сарнаука, Ходолина, Холбошица (Пересечина Оргеевского района), Коростова, Кошярна, Лопатна (Кодрянкя Страшенского района), Волоака, Мэритова, Рэкэтэу (Лозова Страшенского района) и др. Причем многие жители этих сел имеют фамилии славянского происхождения: Воронюк, Горобец, Гурский, Долгий, Заворотный, Лознюк, Поповский, Стрелецкий, Тиховский, Ткачук (Тырнова Единецкого района), Кушнир, Максимчук, Попович, Татарчук, Шуманский (Теребна Единецкого района), Гончар, Коваленко, Колесник, Королецкий, Любович, Ткач (Темелеуць Каларашского района) и т. д. (Еремия 1990: 46–47).

В 70-е гг. XX в. в МССР насчитывалось 1 860 населенных пунктов, 540 из них (29 %) имели названия славянского происхождения.

На северные районы приходилось 15 % таких населенных пунктов, 10 % – в центральной части, 4 % – на юге. Большинство славянских топонимов юга Молдавии – официальные названия, возникшие в XIX в. Названия же, встречающиеся на севере и в центре, появились значительно раньше. Некоторые из них упоминаются в молдавской средневековой дипломатике с XV в. (Еремия 1970: 29). Большинство славянских названий имеют характерные черты восточнославянских языков (полногласие, изменение $z > x, o(он) > u$ и т.д.) (Еремия 1970: 31).

В Карпато-Днестровских землях, особенно на севере, распространены топонимы с суффиксом *-эуць (-еуць), -инць* (карта 2).

Карта 2. Топонимы с суффиксом *-овцы (-оуцы)* на территории Республики Молдова по документам XV в.: 1 – Бахматовци; 2 – Билосовци; 3 – Бугаичовци; 4 – Вашковци; 5 – Вербовци; 6 – Вишневци; 7 – Гавриловци; 8 – Гвоздовци; 9 – Грабовци; 10 – Давидовци; 11 – Демьяновци; 12 – Замковци; 13 – Зиновци; 14 – Зубриковци; 15 – Иванковци; 16 – Иванковци; 17 – Иванчиковци; 18 – Калиновци; 19 – Козаровци; 20 – Колешевци; 21 – Кошиловци; 22 – Кохаревци; 23 – Левашевци; 24 – Майковци; 25 – Милияновци; 26 – Михайловци; 27 – Михайловци; 28 – Неполоковци; 29 – Няговци; 30 – Погорилловци; 31 – Рашковци; 32 – Рашковци; 33 – Синашевци; 34 – Стануловци; 35 – Терешевци; 36 – Топоривци; 37 – Широци; 38 – Ширьюци; 39 – Юрковци.

Источник: Еремия А. Нуме де локалитэць. Студиу де топонимие молдовеняскэ. Кишинэу, 1970. П. 221.

Древнеславянский суффикс *-овцы (-евцы), -инцы* превратился в XV в. в русинские *-оуцы (-еуцы)*, а в XVI–XVII в. трансформировался в производный от него молдавский вариант *-эуць (-еуць)*, например Вербовцы (1448 г.) – Вербэуць (1669 г.) и т.д. (Еремия 1970: 145–146; Раевский: 1988: 244). Нередко суффикс *-овцы* менялся на *-ешть*, например Гавриловцы – Гаврилешть, Давыдовцы – Давидешть (Карпенко 1973: 14–15). В МССР насчитывалось 55 населенных пунктов с русинскими суффиксами *-эуць (-еуць)* и 5 с *-инць*. Большинство их находится на севере Молдавии: в Единецком, Рышканском, Дондюшанском районах и на территории между Прутом и Днестром (Еремия 1970: 144). Сегодня на территории республики насчитывается 56 населенных пунктов с суффиксами *-эуць (-еуць, -иуць), -инць* (см. Приложение). Расположены они в 17 районах республики (всего 32 района), в основном на севере страны (Закон № 764).

Названия с данным суффиксом распространены также на севере Запрутской Молдовы (между Прутом и Карпатами), Западной Украине, юге Польши и востоке Словакии (Еремия 1970: 145). Названия 26 населенных пунктов Румынии с суффиксом *-ăuți* приводит И. Иордан (Iordan 1963: 421–424).

На территории современной Румынии (сегодня в ее состав входит и часть Молдавского княжества, так называемая Запрутская (Западная) Молдова (уезды Бакэу, Васлуй, Вранча, Галац, Нямц, Яссы, часть уездов Ботошань и Сучава. – С.С.) Э. Петрович выделил четыре славянских топонимических ареала. Коренное восточнославянское население он называет украинцами, следуя политическим установкам того времени. На востоке (северо-востоке) находится ареал, где славянские топонимические названия представляют полногласие (Dorohoi, Horodiștea, Horodnic, Soloneț, Solonț, Vorona, Voroneț, Voronu), переход *g* в *h* (Hliboca, Hordou, (H)rozavlea, Hulubăț, Hupca, Zalha), рефлекс *u* на место **o* (Lușca, Putna, Huși), рефлекс *i* (*i*) на место **ě* (Bilca, Rîșca), передача через *-ău (-îu), -ăuți* славянских суффиксов **-овъ, *-овьси* (Sadău, Bașiu, Dălhăuți). Этот ареал охватывает Западную Молдову, румынскую Буковину, Марамуреш, небольшую территорию на севере Добруджи и северо-восток Мунтении, а также узкую полосу, расположенную на западе от Восточных Карпат, в Трансильвании. В южном ареале, включающем Мунтению (за исключением северо-восточного угла), Олтению (за исключением крайнего запада), Добруджу (за исключением северной полосы) и Южную Трансильванию, местные имена (в том числе и названия рек) представляют восточноболгарские фонетические черты. В продолжении южного ареала находится северо-западный ареал, который охватывает Центральную Трансильванию и Кришану, с топонимическими названиями,

представляющими перестановку плавных (Bălgrad < Beľgradъ, Crai(o) va < Kral'ëvo, Moigrad < Moľgradъ, Zlatna < *Zlatъna), рефлекс *e* или *i* на месте *ě* (Deva < *Děva, венг. Szécs, рум. Sici < сл. *Sěčъ, Clit < сл. Kletь, Rica < сл. *Rěka, Rîșca (Rîșca) < сл. *Rěčka, šč < *skj (венг. Szelicse, рум. Sălicea < сл. *Selišće). И четвертый ареал, западный, представляет славянскую топонимику западно-южнославянского типа.

Внутри каждого из этих четырех ареалов есть топонимические названия, фонетические черты которых не совпадают с фонетическими чертами данного ареала. В северо-восточном ареале топонимические названия типа Blaga, Breazuł, Dragomirna, Grajduri, Grădiștea, Slatina, Slănic и др. как будто подтверждают тезис о двух славянских пластах – южном и восточном. Но подобные местные имена были созданы либо румынами на основе румынских нарицательных имен южнославянского происхождения (grajd, grădiște, slatină), или же на основе румынских личных имен южнославянского происхождения (Blaga, Breazu < рум. breaz 'белолобый' < болг. брыз), либо славянами на основе румынских личных имен южнославянского происхождения, как, например, Dragomirna, которое в прошлом имело и румынский вариант Dragomirești.

Ареалы славянских топонимов XIV и XV вв. примерно совпадают с современными. Э. Петрович писал: «Мне представляется ошибочным объяснение этих ареалов сравнительно поздними миграциями славянского населения из соседних стран или созданием книжных славянских топонимических названий администрацией Валахии и в особенности Молдавии, где канцелярии румынских воевод употребляли как язык администрации и дипломатических сношений среднеболгарский в Валахии и древнеукраинский в Молдавии» (Петрович 1963: 9–12).

Э. Петрович отметил, что на территории Румынии встречается множество топонимов славянского происхождения (или имеющих славянский вид), в которых представлено *h*, восходящее к более древнему *g* (например, Horodiștea (Хородиштя), название села в Ясском уезде (ср. русск. городище, болг. градище, рум. grădiște)). Он полагал, что данное слово имеет украинское происхождение (ср. укр. городище), хотя произношение более древнего *g* как *g* фрикативного (или *h*) существует и в южнорусских говорах, а также в чешском и словацком языках. В регионах, где зафиксированы подобные топонимические названия, следует предположить наличие в прошлом украинского населения (как уже указывалось, Э. Петрович вместо *русины*, *русинский язык* везде употреблял *украинцы*, *украинский*, *древнеукраинский язык*, тем самым в угоду политике переноса политические реалии своего времени в далекое прошлое. Также спорно его утверждение об ассимиляции

славянского населения северо-востока Румынии (Западной Молдовы) к XIV в. и что славянские топонимы после румынизации населения просто не были изменены (Petrovici 1960: 61). – С.С.) (Petrovici 1960: 41–42).

Большинство топонимов с *h* (< *g*) встречается в Молдове (имеется в виду находящаяся в составе Румынии часть средневекового Молдавского княжества – Западная Молдова. – С.С.). Многие из перечисленных топонимов обнаруживаются вне ареала, представленного на карте. Они образованы с помощью румынских суффиксов (*-ască*, *-aș*, *-easa*, *-easca*, *-eni*, *-ești*, *-oiaia*) или же личное имя просто использовано в качестве топонима без суффикса (Petrovici 1960: 46).

На приводимой Э. Петровичем карте (карта 3) показан ареал распространения восточнославянских топонимов, в которых представлено *h* вместо *g*. В список топонимов с *h* (< *g*) исследователем были включены и топонимические названия недавнего происхождения, и указанный на карте ареал демонстрирует ситуацию 60-х гг. XX в., связанную с распространением этих топонимов. Комонимы с *h* (< *g*) зафиксированы в документах молдавской господарской канцелярии с XV в.: Bohotin (1431 г.), Dorohoi (1421 г.), Horincea (1436 г.), Horodnic (1439 г.), Horoiata (1480 г.), Hulubăț (1469 г.), Huși (1487 г.), Zahorna (1447 г.), Zalha (1378 г.) и т. д.

С XIV в. до настоящего времени, как отмечал Э. Петрович, ареал распространения этих топонимов почти не изменился. В связи с этим можно сделать вывод, что на протяжении последних пяти веков не было столь массовых перемещений украинского (русинского. – С.С.) населения в западном направлении, которые повлекли бы за собой образование новых наименований населенных пунктов. Этим населением создано и большое количество микротопонимов. Возможно, название села Hordou, документально зафиксированное в 1523 г., также обязано своим происхождением этому населению. Села, которые основаны украинцами (русинами) и находятся вне ареала перехода *g* в *h*, носят имена, данные румынами или венграми, например Rusu, Ruși, Oroszfalva, Oroszmező и др. (Petrovici 1960: 53).

В Западной Молдове существует большое количество топонимов, созданных из личных имен славянского происхождения, в которых представлен гласный звук *g*, не перешедший в *h*. Они образованы с помощью различных суффиксов (Blăgești, Bogdănești, Dragomirești, Gîrcinești, Glăvănești, Grădești, Negoiești, Negulești, Pogănești, Pogonești < Pogan + *-ești*, Dragosloveni, Drăgușeni, Drăgoiaș и т. д.) или используются в качестве топонимов без суффиксов (Blaga, Bogdana, Dragomir, Gîrbovăț, Gîrcina, Negoaia, Pogana и др.). В ряд последних можно включить и такие, как Draga, Podraga. Draga – название двух долин

(небольших речек) в районе Ясс и Пашкань (города в Ясском уезде Румынии. – С.С.). Академик И. Иордан считал, что данный гидроним имеет южнославянское происхождение: драга ‘долина’, ср. восточнослав. дорога. Но название Драга в Ясском уезде в Средние века имело значение ‘речка Драгоша’. Нынешняя форма Драга – не что иное, как деформация (очень привычная в топонимии) более древней формы Драгоша. Сказанное относится и к речке Драга в районе Пашкань. Название речки, села и леса в районе г. Сэвень (уезд Ботошань) Podriga или Podagra, которое появляется в документах в 1434 г. в форме на Подрасть, было по своему происхождению также личным именем, а именно женской формой от мужского имени, сохранившегося в названии горы и высокогорного озера Podragul в горном массиве Фэгэраш. В качестве топонима Podraga сегодня в искаженной существует в форме Podriga как название села в уезде Ботошань, также и Bogdana, Dragoşa, Negoaia, Pogana (Petrovici 1960: 54–55).

Существует часть топонимов, которые славянами Молдовы до их ассимиляции произносились с *g* взрывным. Это топонимы, образованные с помощью славянских суффиксов, а следовательно, несомненно созданные славянами. И все же в них и в прошлом было представлено и сейчас произносится *g* (а не *h*). Вот несколько таких наименований: Bagău, Cernegura, Dragomirna, Dragova, Gîdintî, Ghitcăuți.

Также славянское население Молдовы во время совместного проживания с волохами создало множество топонимических названий с помощью славянских суффиксов от румынских личных имен, например Бэдеуць (Bădeuți < Badea), Броскэуць (Broscăuți < Broască), Куцитна (Cuțitna < Cuțit), Фалкэу (Falcău < Falcă), Фрэтэуць (Frătăuți < Frate), Мэнеуць (Măneuți < Manea), Рэдэуць (Rădăuți < Radu), Шербэуць (Șerbăuți < Șerbu) и т. д. Это надо принимать во внимание при объяснении этимологии славянских топонимов с *g* (Petrovici 1960: 55).

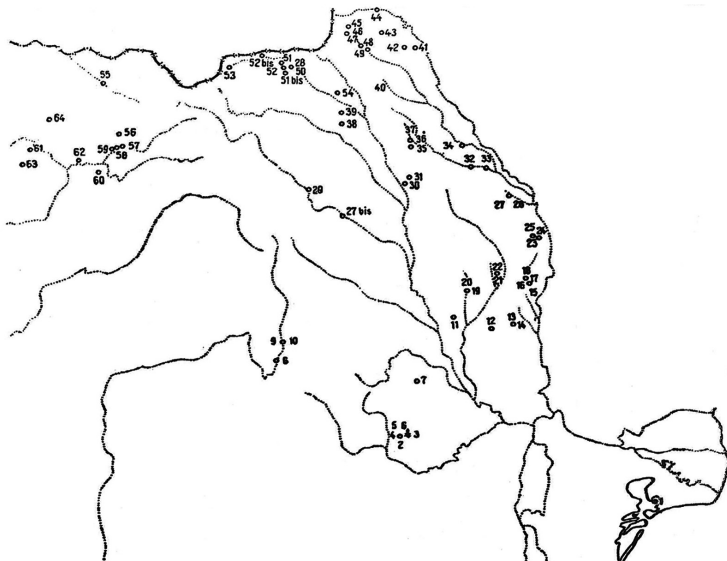
Славянские топонимы с *h* (< *g*) или с сохранившимся *g* на северо-востоке Румынии (Западной Молдове), по мнению Э. Петровича, не указывают на два славянских этнических и языковых пласта. Один из видов этих топонимов (с сохранившимся *g*) является румынским или отражает румынское влияние. Исследуя способ передачи в славянской топонимике на северо-востоке страны общеславянских гласных **e*, **ě* и групп **or*, **ol*, **er*, **ьr*, **ьl* между согласными, румынский академик пришел к выводу, что в Западной Молдове бытует топонимика восточнославянского типа, поскольку вышеупомянутым гласным и общеславянским группам в топонимах, бесспорно, славянского происхождения соответствуют: *u* (Putna < рѣтна), *i* (Bilca < *bělca), *oro* (Horodnic < *gordьnicь), *olo* (Soloneț < *solньсь), *ere* (Berezeni < *berzjane), *or* (Hordou < *Гьрдовь), *ol* (Dolha < *dьlga). В славянской же

топонимике Мунтении вместо *u, i, oro, olo, ere, or, ol* присутствуют *în, îm* (Dîmbova < *dǫbova), *ea, a* (Bala < *bĕla), *ra* (Drajna < *dorjina < *dorga + -ĕna), *la* (Slănic < *solnikъ), *rea* (Breazova < *berzova), *îr* (Gîrdanovăț < Gьrdanovъсь, Bîrza < *bьrza), *îl* (Dîlga < *dьlga). Если мы встречаем и в топонимике Молдовы такие же явления, это говорит, считал Э. Петрович, или о топонимике румынского происхождения, или о румынском влиянии на славянскую топонимику (обычно благодаря народной этимологии) (Petrović 1960: 59–61).

Сравнивая карту топонимов с полногласием (карта 4) с той, где отражен переход *g* в *h* (карта 3), видим, что на них отображены два топонимических ареала, которые перекрываются, представляя вследствие этого один ареал (карта 1), охватывающий территорию северо-востока Румынии, – полногласие и переход *g* в *h* (Petrović 1962: 11).

Российский исследователь П.А. Украинский, используя картографический интернет-ресурс Open Street Map, при помощи программы ArcGIS 10.1 выполнил анализ и картографирование размещения населенных пунктов Румынии и Республики Молдова со славянскими суффиксами. На исследуемой территории обнаружено 27 суффиксальных формантов славянского происхождения. Общая доля славянских топонимов составляет 28,7 % от числа населенных пунктов на исследуемой территории. Локальная доля славянских топонимов нарастает (от 10 до 70 %), расходясь концентрическими кругами от верховьев реки Тротуш к северной и восточной периферии Карпато-Днестровья. Наиболее распространены славянские топонимы в румынской Южной Буковине и северо-востоке Республики Молдова (Украинский 2016: 9, 22).

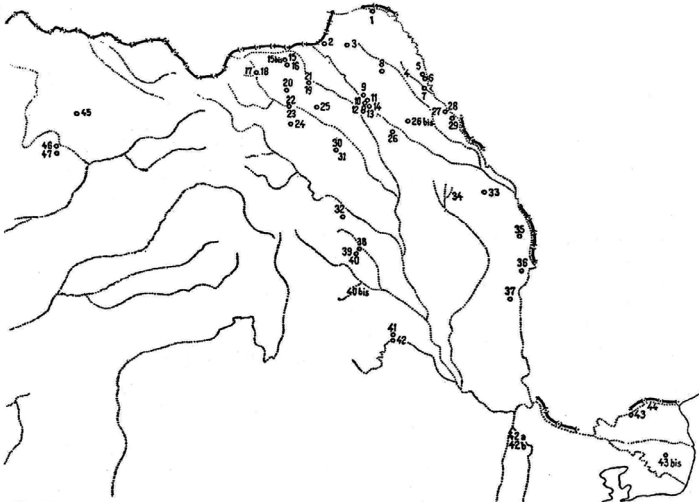
Распространение русинской топонимики на территории Карпато-Днестровских земель (исторической Молдавии, включающей в себя нынешние Западную Молдову Румынии, Республику Молдова, Черновицкую область и часть юга-запада Одесской области Украины) дает представление о регионах компактного расселения русинов в Средние века, об их присутствии на данной территории до начала волошской колонизации (которую правильнее назвать волошко-русинской). Основание Молдовы (Descălecatul Moldovei) произошло в результате переселения большого количества населения из Марамуреша (Мармароша), комитата Венгерского королевства, где также компактно проживали вместе с волохами и русины. В настоящее время большая его часть находится в Закарпатской области Украины (Хустский, Межгорский, Тячевский и Раховский районы), а меньшая – в составе Румынии (уезд Марамуреш).

Карта 3. Славянские топонимы с переходом *g* на *h* на территории Румынии: 1 – Холбина (Holbina), залив на озере Разельм; 2 – Хырбока (Hîrboca), назв. села; 3 – Хырбока (Hîrboca), назв. леса; 4 – Хырбока (Hîrboca), назв. реки; 5 – Хырбока (Hîrboca), назв. холма; 6 – Хырбока (Hîrboca), назв. ручья; 7 – Дэлхэуць (Dălhăuți), назв. села; 8 – Херек (Herec), назв. холма, крепости; 9 – Херек (Herec), назв. холма; 10 – Херек (Herec), назв. реки; 11 – Хуштиу (Huștiu), назв. села; 12 – Хрушка (Hrușca), изолированное жилище; 13 – Хоринча (Horiginea), назв. бывш. пласы; 14 – Хоринча (Horiginea), назв. притока Прута; 15 – Хулубэцул (Hulubățul), назв. долины, притока реки Елан; 16 – Дялул Хулубэцулуй (Dealul Hulubățului), назв. холма между реками Елан и Хулубэц; 17 – Хулубэцул (Hulubățul), назв. хутора; 18 – Хулубэцул (Hulubățul), назв. притока реки Елан; 19 – Хряшка (Hreașca), назв. села; 20 – Хряшка (Hreașca), назв. реки; 21 – Хороета (Horoeta), назв. реки; 22 – Хупка (Hурса), назв. села; 23 – Хушь (Huși), назв. города; 24 – Хрушка (Hrușca), назв. пруда; 25 – Хушь (Huși), назв. реки; 26 – Бохотин (Bohotin), назв. реки; 27 – Бохотин (Bohotin), назв. села; 27 bis – Хородиштя (Horodiștea), назв. села; 28 – Хородникул (Horodnicul), назв. реки; 29 – Бухалница (Buhalnița), назв. села; 30 – Буханка (Buhanca), назв. села; 31 – Хряшка (Hreașca), местный топоним; 32 – Хлинча (Hlincea), назв. села; 33 – Холбока (Holboca), назв. села; 34 – Захорна (Zahorna), назв. села; 35 – Хородиштя (Horodiștea), назв. села; 36 – Бухалница (Buhalnița), назв. села; 37 – Бухалница (Buhalnița), назв. долины; 38 – Хушь (Huși), назв. села; 39 – Хряцка (Hreațca), назв. села; 40 – Хлибока (Hliboca), назв. реки; 41 – Захорень (Zahoreni), назв. села; 42 – Захорна (Zahorna), назв. горного озера; 43 – Хавырна (Havîrna), назв. села; 44 – Хородиштя (Horodiștea), назв. села; 45 – Хлибока (Hliboca), назв.

холма; 46 – Хлибока (Hliboca), назв. села; 47 – Хлибокул (Hlibocul), назв. долины; 48 – Дорохой (Dorohoi), назв. города; 49 – Дорохой (Dorohoi), назв. озера; 50 – Хырбовец (Hîrboveţ), местный топоним; 51 – Хородникул де Сус (Horodnicul de Sus), назв. села; 51 bis – Хородник (Horodnic), назв. монастыря; 52 – Хородникул де Жос (Horodnicul de Jos), назв. села; 52 bis – Долха (Dolha), назв. села; 53 – Ехреште (Ehreşte), назв. села; 54 – Хатна (Hatna), назв. села; 55 – Хозавля (Hozavlea), назв. села; 56 – Хордоу (Hordou), назв. села; 57 – Хрядя (Hreada), местный топоним; 58 – Ын Хылбокь (În Hîlbochi), местный топоним; 59 – Долхая (Dolhaia), местный топоним; 60 – Хурка (Hurca), местный топоним; 61 – Хородиште (Horodişte), местный топоним; 62 – Холоже (Holoje), местный топоним; 63 – Залха (Zalha), назв. села; 64 – Рушор (Ruşor), назв. села.

Источник: Petrovici E. Toponimice slave de est pe teritoriul Republicii Populare Române. P. II. Toponimice cu polnoglasie // Romanoslavica, Filologie, VI. Bucureşti, 1962. P. 13

Карта 4. Славянские топонимы с полногласием на территории Румынии: 1 – Хородиштя (Horodiştea), назв. села; 2 – Березна (Berezna), местный топоним; 3 – Дорохой (Dorohoi), назв. города; 4 – Короджа (Corogea), назв. речки; 5 – Короджа (Corogea), назв. холма; 6 – Короджа (Corogea), назв. холма; 7 – Короджа (Corogea), назв. пруда; 8 – Сорочень (Soroceni), назв. села; 9 – Ворона Ноуэ (Vorona Nouă), назв. коммуны; 10 – монастырь Ворона (mănăsterea Voronei); 11 – скит Ворона (sihăstria Vorona); 12 – Ворона Доброволски (Vorona Dobrovolschi), назв. села; 13 – Ворона Теодору (Vorona Teodoru), назв. села; 14 – Ворона Маре (Vorona Mare), назв. села; 15 – Хородник (Horodnic), назв. ручья; 15 bis – Хородникул де Жос (Horodnicul de Jos), назв. села; 16 – Хородникул де Сус (Horodnicul de Sus), назв. села;

17 – Середна (Seredna), назв. ручья; 18 – Середна (Seredna), назв. леса; 19 – Солонец (Soloneț), назв. реки; 20 – Солонецул Ной (Solonețul Nou), назв. села; 21 – Солонец (Soloneț), назв. коммуны; 22 – Воронеж (Voroneț), назв. коммуны; 23 – Воронеж (Voroneț), назв. долины; 24 – монастырь Воронеж (mănăstirea Voroneț); 25. Хородничень (Horodniceni), назв. коммуны; 26 – Хородиштя (Horodiștea), назв. села; 26 bis – Королеука (Coroleuca), местный топоним; 27 – Солонец (Soloneț), назв. села; 28 – Солонец (Soloneț), назв. долины; 29 – Заболотень (Zaboloteni), назв. села; 30 – Куруджа (Curugea), назв. источника; 31 – Куруджа (Curugea), назв. ручья; 32 – Хородиштя (Horodiștea), назв. холма; 33 – Коропчень (Cororcenii), назв. села; 34 – Коропка (Cororca), назв. реки; 35 – Волосень (Volosenii), назв. села; 36 – Березень (Berezeni), назв. села; 37 – Березана (Berezana), назв. села; 38 – Солонц (Solonț), назв. коммуны; 39 – Солонц (Solonț), назв. села; 40 – Солонц (Solonț), назв. реки; 40 bis – Солонц (Solonț) = Слэник (Slănic), назв. реки; 41 – Волошканий Марь (Voloșcanii Mari), назв. коммуны; 42 – Волошканий Мичь (Voloșcanii Micii), назв. села; 42 а – Коротишка (Corotișca), назв. речного острова, бывш. жуд. Брэила; 42 б – Коротишка (Corotișca), назв. небольшого рукава реки, бывш. жуд. Брэила; 43 – Середнай (Cerednai), назв. рукава Дуная; 43 bis – Коротка Плеша (Corotca Pleșa), назв. кургана; 44 – Солонец (Soloneț), остров в Килийском гирле Дуная; 45 – Ворон (Voron), местный топоним; 46 – Хородиште (Horodiște), местный топоним; 47 – Волозка (Volozca), местный топоним.

Источник: Petrovici E. Toponimice slave de est pe teritoriul Republicii Populare Române. P. II. Toponimice cu polnoglasiе // Romanoslavica, Filologie, VI. București, 1962. P. 12

Данные топонимики совпадают со сведениями о расселении русинов, изложенными в древней молдавской легенде об основании княжества (подробнее см.: Суляк 2017).

Подтверждают это и многочисленные письменные и археологические источники. Молдавский археолог Г.Б. Фёдоров писал, что если сравнить карту восточнославянских поселений по обоим берегам р. Прут и в Прутско-Днестровском междуречье в IX–XIII вв. с картой поселений Молдавского средневекового княжества, составленной на основании письменных источников XV–XVII вв., то эти две карты в основном совпадают (Фёдоров 1999: 15).

Немецкий филолог Г. Брюске (1883–1951), защитивший в 1920 г. докторскую диссертацию по русским и польским элементам в румынском языке, в аналогичной статье, опубликованной в редактируемом Г. Вейгандом «Jahresbericht des Institut für rumänische Sprache zu Leipzig» («Годовой отчет Института румынского языка в Лейпциге»), считал, что начало политической организации румын (волохов) поло-

жили не только болгары, в этом участвовали и рутены (автор называет русинов Ruthenen, Kleinrussen (малороссы (сокращенно – klruss.)) – С.С.). Их влияние просматривается в Марамароше (Марамуреше). В качестве основной области влияния русинского языка и культуры, по мнению ученого, должна рассматриваться Молдавия в ее исторических границах, включая Буковину и Бессарабию (Brüske 1921: 49–50).

Н.А. Мохов констатировал, что славяне могли дать названия рекам, селам и городам только в том случае, если они занимали в этих землях господствующее (в политическом отношении) положение (Мохов 1978: 41).

ЛИТЕРАТУРА

Еремия 1970 - *Еремия А.* Нуме де лоцалитэць. Студиу де топонимие молдовенеаскэ. Кишинэу, 1970. 223 п.

Еремия 1990 - *Еремия А.И.* Географические названия рассказывают. 2-е изд, перераб. и доп. Кишинев, Штиинца, 1990. 198 с.

Закон № 764 - Закон № 764 от 27.12.2001 г. Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова. URL: <http://lex.justice.md/ru/312874> (дата обращения: 30.11.2017).

Карпенко 1973 - *Карпенко Ю.С.* Топонімія Буковини. Київ: Наукова думка, 1973. 238 с.

Кожолянюк 2014 - *Кожолянюк Г.К.* Славянские топонимы Буковины // Русин. 2014. № 2 (36). С. 192–200.

МЭФ - Молдавия эпохи феодализма = Moldova în epoca feudalismului. Chişinău, 1961–2012. Vol. 1–12.

Мохов 1964 - *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. От древнейших времен до начала XIX в. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1964. 440 с.

Мохов 1978 - *Мохов Н.А.* Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1978. 131 с.

Петрович 1963 - *Петрович Э.* Географическое распределение славянских топонимов на территории Румынии // Romanoslavica. 1963. Vol. IX. P. 5–12.

Полевой 1979 - *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев: Штиинца, 1979. 204 с.

Полевой 1985 - *Полевой Л.Л.* Раннефеодальная Молдавия. Кишинев: Штиинца, 1985. 222 с.

Раевский 1988 - *Раевский Н.Д.* Контактеле романичилор рэсэритень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. Кишинэу: Штиинца, 1988. 288 р.

Сергиевский 1946 - *Сергиевский М.В.* Топонимика Бессарабии и процесс заселения ее территории // Известия Академии наук СССР (отдел литературы и языка). 1946. Т. V, вып. IV. С. 333–350.

Сергиевский 1959 - *Сергиевский М.В.* Молдаво-славянские этюды. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 212 с.

Стати, Суляк 2014 - *Стати В.Н., Суляк С.Г.* Русины в молдавской историографии // Русин. 2014. № 1 (35). С. 64–81.

Суляк 2017 - *Суляк С.Г.* Русины в молдавском летописании // Русин. 2017. № 4 (50). С. 10–37.

Украинский 2016 - *Украинский П.А.* Анализ современной географии топонимов славянского происхождения в Карпато-Днестровском пространстве: геоинформационный подход к исследованию // Русин. 2016. № 4 (46). С. 9–25.

Фёдоров 1999 - *Фёдоров Г.Б.* Этногенез волохов, предков молдаван, по данным археологии (историографический аспект) // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 1999. № 5. С. 14–74.

Balan 1933–2006 - *Balan T.* Documente bucovinene. Vol. 1. 1507–1653. Cernăuți, 1933; Vol. 2. 1519–1662. Cernăuți, 1934; Vol. 3. 1573–1720. Cernăuți, 1937; Vol. 4. Cernăuți, 1938; Vol. 5. 1745–1760. Cernăuți, 1939; Vol. 6. 1760–1833, București, 1942; Vol. 7. 1464–1740. Iași, 2005; Vol. 8. 1741–1799, Vol. 9. 1800–1899. Iași, 2006.

Bogdan 1913 - *Bogdan I.* Documentele lui Ștefan cel Mare. Vol. 1. Hrisoave și cărți domnești (1457–1492); Vol. 2. Hrisoave și cărți domnești (1493–1503), tractate, acte omagiale, solii, privilegii, comerciale (1457–1503). București, 1913.

Brüske 1921 - *Brüske H.* Die russischen und polnischen Elemente des Rumänischen // XXVI–XXIX Jahresbericht des Instituts für rum. Sprache zu Leipzig. Leipzig, 1921. P. 1–69.

Gonța 1990 - *Gonța A.* Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacurile XIV–XVII (1384–1625). Indicele numelor de locuri, București, 1990.

DIRA - Documente privind istoria României. A. Moldova: veacul XIV–XV, vol. 1 (1384–1475); veacul XV, vol. 2 (1476–1500); veacul XVI, vol. 1–4 (1501–1550, 1551–1570, 1571–1590, 1591–1600); veacul XVII, vol. 1–5 (1601–1605, 1606–1610, 1611–1615, 1616–1620, 1621–1625). București, 1952–1957.

DRHA - Documenta Romaniae historica. A: Moldova. București, 1975–2006. Vol. 1–28.

Iordan 1924–1926 - *Iordan I.* Rumänische Toponomastik, Bonn & Leipzig, Kurt Schroeder Verlag, 1924–1926. Vol. 1–3.

Iordan 1963 - *Iordan I.* Toponimia românească, București: Editura Academiei Republicii Populare Române, 1963. 584 p.

Petrovici 1960 - *Petrovici E.* Toponimice slave de est pe teritoriul Republicii Populare Române. P. I. Toponimice prezentînd h provenit din g // *Romanoslavica*. București, 1960. Vol. IV. P. 41–63.

Petrovici 1962 - *Petrovici E.* Toponimice slave de est pe teritoriul Republicii Populare Române. P. II. Toponimice cu polnoglasiie // *Romanoslavica*, Filologie. București, 1962. Vol. VI. P. 5–17.

Ștefănescu 1921 - *Ștefănescu M.* Elemente rusești în toponimia românească // Arhiva. Organul Societății istorico-filologice din Iași. Anul XXVIII. Iași. 1921. Octombrie. № 2. P. 218–228.

Ștefănescu 1922a - *Ștefănescu M.* Alte cuvinte rusești, de nuanță ruteană, în toponimica românească // Arhiva. Organul Societății istorico-filologice din Iași. Iași. 1922. Ianuarie. № 1. P. 64–75.

Ștefănescu 1922b - *Ștefănescu M.* Cuvinte rusești de nuanță ruteană în toponimia românească // Arhiva. Organul Societății istorico-filologice din Iași. Anul XXVIII. Iași. 1922. Iulie. № 3. P. 372–384.

Ștefănescu 1922c - *Ștefănescu M.* Toponimice românești cu terminațiunea -ăuți // Arhiva. Organul Societății istorico-filologice din Iași. Anul XXVIII. Iași. 1922. Octombrie. № 4. P. 499–514.

Ștefănescu 1924 - *Ștefănescu M.* Rusismele-rutenismele din toponimia românească // Arhiva. Organul Societății istorico-filologice din Iași. Anul XXVIII. Iași. 1924. Iulie–Octombrie. № 3–4. P. 199–206.

Weigand 1921 - *Weigand G.* Ursprung der südkarpatischen Flußnamen in Rumänien // XXVI–XXIX. Jahresbericht des Instituts für rumänische. Sprache zu Leipzig. Leipzig, 1921. S. 70–103.

REFERENCES

Eremia, A. (1970) *Nume de localități. Studii de toponimie moldovenească* [Names of localities. Studies of Moldovan toponymy]. Chișinău: [s.n.].

Eremia, A.I. (1990) *Geograficheskie nazvaniya rasskazyvayut* [Geographical names tell]. 2nd ed. Chișinău: Știința.

The Republic of Moldova. (2001) *Zakon № 764 ot 27.12.2001 g. Ob administrativno-territorial'nom ustroystve Respubliki Moldova* [Law Nr. 764 of December 27, 2001, on the Administrative and Territorial Structure of the Republic of Moldova]. [Online] Available from: <http://lex.justice.md/ru/312874> (Accessed: 30th November 2017).

Karpenko, Yu.S. (1973) *Toponimiya Bukovini* [Toponymy of Bukovina]. Kyiv: Naukova dumka.

Kojolianko, G.K. (2014) Slavonic toponyms of Bukovina. *Rusin.* 2 (36). pp. 192–200 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/36/11

Cherepnin, L.V. et al. (eds) (1961–2012) *Moldova yn epoka fedodalizmuluy* [Moldova in the era of feudalism]. Chișinău: Știința.

Mokhov, N.A. (1964) *Moldaviya epokhi feodalizma (Ot drevneyshikh vremen do nachala XIX v.)* [Moldova in the era of feudalism (From ancient times to the early 19th century)]. Chișinău: Cartea Moldovenească.

Mokhov, N.A. (1978) *Ocherki istorii formirovaniya moldavskogo naroda* [Essays on the history of the formation of the Moldovan people]. Chișinău: Cartea Moldovenească.

Petrovici, E. (1963) Geografichesкое raspredenie slavyanskikh toponimov na territorii Rumynii [The geographical distribution of the Slavic toponyms in Romania]. *Romanoslavica*. IX. pp. 5–12.

Polevoy, L.L. (1979) *Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii XIII-XV vv.* [Essays on historical geography of Moldova of the 13th – 15th centuries]. Chişinău: Ştiinţa.

Polevoy, L.L. (1985) *Rannefeodal'naya Moldaviya* [The Feudal Moldova]. Chişinău: Ştiinţa.

Raevskiy N.D. (1988) *Kontaktele romanichilor reseriten' ku slaviy. Pe baze de date lingvistice* [On the basis of the linguistics]. Chişinău: Ştiinţa.

Sergievskiy, M.V. (1946) Toponimika Bessarabii i protsess zaseleniya ee territorii [Toponymy of Bessarabia and the process of settling its territory]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. 5(4). pp. 333–350.

Sergievskiy, M.V. (1959) *Moldavo-slavyanskije etyudy* [Moldova Slavic essays]. Moscow: USSR Academy of Sciences.

Stati, V.N. & Sulyak, S.G. (2014) Rusins in Moldavian Historiography. *Rusin*. 1 (35). pp. 64–81 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/35/6

Sulyak, S.G. (2017) Rusiny v moldavskom letopisanii [Rusins in the Moldovan chronicle]. *Rusin*. 4 (50). pp. 10–37 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/50/2

Ukrainskiy, P.A. (2016) Modern Geography of Slavic Toponyms in the Carpathian-Dniester Region: a Geoinformation Approach. *Rusin*. 4 (46). pp. 9–25 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/2

Fedorov, G.B. (1999) Etnogenez volokhov, predkov moldavan, po dannym arkheologii (istoriograficheskiy aspekt) [Ethnogenesis of Volokhs, the ancestors of Moldavians, according to archeology (the historiographical aspect)]. *Stratum plus*. 5. pp. 14–74.

Balan, T. (1933–2006) *Documente bucovinene* [Bukovinian Documents]. Chernovtsi, Bucharest, Iaşi.

Bogdan, I. (1913) *Documentele lui Ştefan cel Mare* [Documents of Stephen the Great]. Vol. 1. Bucharest: [s.n.].

Brüske, H. (1921) Die russischen und polnischen Elemente des Rumänischen [The Russian and Polish Elements of Romanian]. In: *XXVI–XXIX Jahresbericht des Instituts für rum. Sprache zu Leipzig* [Annual report of the Institute of Romanian Language in Leipzig]. Leipzig: [s.n.]. pp. 1–69.

Gonţa, A. (1990) *Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacurile XIV–XVII (1384–1625). Indicele numelor de locuri* [Documents on the history of Romania. A. Moldova. Ages XIV–XVII (1384–1625). Index of Place Names]. Bucharest: [s.n.].

Documente privind istoria României. A. Moldova: veacul XIV–XV [Documents on the history of Romania. A. Moldova: the 14th–16th centuries]. (1952–1957) Bucharest: [s.n.].

Jordan, I. (1963) *Toponimia românească* [Romanian Toponymy]. Bucharest: Editura Academiei Republicii Populare Romîne.

Petrovici, E. (1960) Toponimice slave de est pe teritoriul Republicii Populare Române [Toponymy of the Eastern Slav on the territory of the Romanian People's Republic]. Part 1. *Romanoslavica*. 4. pp. 41–63.

Petrovici, E. (1962) Toponimice slave de est pe teritoriul Republicii Populare Române [Toponymy of the Eastern Slav on the territory of the Romanian People's Republic]. Part 2. *Romanoslavica*. 6. pp. 5–17.

Ștefănescu, M. (1921) Elemente rusești în toponimia românească [Russian elements in Romanian toponymy]. *Arhiva. Organul Societății istorico-filologică din Iași*. 2. pp. 218–228.

Ștefănescu, M. (1922a) Alte cuvinte rusești, de nuanță ruteană, în toponimica românească. *Arhiva. Organul Societății istorico-filologică din Iași*. 1. pp. 64–75.

Ștefănescu, M. (1922b) Cuvinte rusești de nuanță ruteană în toponimia românească [Russian words of Rusin nuance in Romanian toponymy]. *Arhiva. Organul Societății istorico-filologică din Iași*. 3. pp. 372–384.

Ștefănescu, M. (1922c) Toponimice românești cu terminațiunea -ăuți [Romanian toponyms with the ending -ăuți]. *Arhiva. Organul Societății istorico-filologică din Iași*. 4. pp. 499–514.

Ștefănescu, M. (1924) Rusismele-rutenismele din toponimia românească [Russian-Rusin words in Romanian toponymy]. *Arhiva. Organul Societății istorico-filologică din Iași*. 3–4. pp. 199–206.

Weigand, G. (1921) Ursprung der südkarpatischen Flußnamen in Rumänien [Origin of the Southern Carpathian River Names in Romania]. In: *XXVI–XXIX Jahresbericht des Instituts für rum. Sprache zu Leipzig* [Annual report of the Institute of Romanian Language in Leipzig]. Leipzig: [s.n.]. pp. 70–103.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Приложение

Населенные пункты Республики Молдова
с суффиксами *-эуць (-еуць, -иуць), -инць*

(Согласно Постановлению № 3757 Верховного Совета Молдавской ССР «Об упорядочении написания официальных наименований населенных пунктов и административно-территориальных единиц» «в целях упорядочения написания официальных наименований населенных пунктов и административно-территориальных единиц Молдавской ССР, исправления неточностей и ошибок их правописания на молдавском языке, точной передачи национального звучания молдавских топонимов при транскрипции на русский язык» было изменено написание ряда населенных пунктов).

Бричанский район (район Бричень) – 13

Белявинць
Берлинць
Бэлкэуць
Бочкэуць
Коликэуць
Коржеуць
Дрепкэуць
Гримэнкэуць
Мэркэуць
Мэркэуций Ной
Ширэуць
Слобозия-Ширэуць
Требисэуць

Дондюшанский район (район Дондушень) – 2

Климэуць
Кришкэуць

Дубоссарский район (район Дубэсарь) – 1

Маркэуць

Единецкий район (район Единец) – 5

Чепелеуць
Ванчикэуць
Ханкэуць
Хинкэуць
Клишкэуць

Каларашский район (район Кэлэрашь) – 1

Темелеуць

Криулянский район (район Криулень) – 1

Машкэуць

Окницкий район (район Окница) – 7

Корестэуць
Гринэуць

Гринэуць-Молдова

Гринэуць-Рая

Хэдэрэуць

Ленкэуць

Гринэуць

Оргеевский район (район Орхей) – 1

Вышкэуць

Резинский район (район Резина) – 5

Чинишеуць

Екимэуць

Матеуць

Пэпэуць

Цахнэуць

Рышканский район (район Рышкань) – 6

Ретень-Василеуць

Гринэуць

Хилиуць

Пэскэуць

Почумбэуць

Василеуць

Сорокский район (район Сорока) – 6

Балинць

Косэуць

Дэркэуць

Дэркэуций Ной

Мэлкэуць

Трифэуць

Страшенский район (район Стрэшень) – 1

Микэуць

Сынжерейский район (район Сынжерей) – 1

Клишкэуць

Фалештский район (район Фэлэшть) – 2

Хилиуць

Белеуць

Флорештский район (район Флорешть) – 2

Темелеуць

Вэскэуць

Шолданештский район (район Шолдэнешть) – 1

Климэуций де Жос

Рыбницкий район (Приднестровье) – 1

Офатинць (Выхватинцы)

Источник: Закон № 764 от 27.12.2001 г. Об административно-территориальном устройстве Республики Молдова. URL: <http://lex.justice.md/ru/312874> (дата обращения: 30.11.2017).

УДК 94(477.85)"1422/1774"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/11

БУКОВИНСКОЕ СЕЛО ВЕЛИКИЙ КУЧУРОВ И ЕГО ЖИТЕЛИ В МОЛДАВСКИЙ ПЕРИОД*

Б.М. Боднарюк¹, М.К. Чучко²

Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича
Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2

¹E-mail: slavikk06@rambler.ru

²E-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

Авторское резюме

Публикация посвящена истории буковинского села Великий Кучуров и его жителям в молдавский период. Рассмотрено прошлое этого поселения, расположенного над рекой Дерелуй, в свете молдавских документов первой половины XV – третьей четверти XVIII в. Первое письменное упоминание о Кучурове относится к 1422 г., когда господарь Молдавии Александр Добрый подарил его в вотчинное владение боярину Богушу. В начале XVI в. господарыня Руксандра, дочь воеводы Михни, купила село и пожертвовала его монастырю Путна. Подобно жителям других монастырских имений, селяне стали пользоваться со стороны государства рядом налоговых и судебных иммунитетов, которые неоднократно подтверждались молдавскими господами вплоть до второй половины XVIII в. В то же время монастырские крестьяне вынуждены были исполнять определенные феодальные повинности в пользу монахов Путнянской обители, которая была известным церковно-религиозным и культурно-образовательным центром Молдавского княжества и владела Великим Кучуровом более двух с половиной веков, до 1783 г., когда монастырские владения перешли в собственность Православного религиозного фонда Буковины. Население села в молдавский период было полиэтничным. Наряду с молдаванами в нем проживали русины.

Ключевые слова: Великий Кучуров, село, Путна, монастырь, Молдавское княжество, Буковина, молдаване, русины.

* Публикация включает результаты исследований, проведенных при грантовой поддержке Государственного фонда фундаментальных исследований по конкурсному проекту Ф-77-38991.

BUKOVINIAN VILLAGE VELYKYI KUCHURIV AND ITS RESIDENTS IN THE MOLDAVIAN PERIOD*

B.M. Bodnaryuk¹, M.K. Chuchko²

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University
2 Kotsyubynsky Street, Chernivtsi, 58012, Ukraine

¹E-mail: slavikkk06@rambler.ru

²E-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

Abstract

The paper is devoted to the history of the village Velykyi Kuchuriv in Bukovina in the Moldovan period. The past of this settlement, located above the Derelui River, is considered in the light of the Moldovan documents of the first half of the 15th – third quarter of the 18th centuries. Kuchuriv was first mentioned in written sources in 1422, when the Prince of Moldavia Alexander the Good presented it to Boyar Bogush. In the early 16th century, Princess Ruxandra, the daughter to Prince Mihnia, bought the village out to donate to the Putna monastery. Like residents of other monastic estates, the villagers began to use a number of tax and judicial immunities, repeatedly confirmed by the princes of Moldavia until the second half of the 18th century. However, the monastic peasants were to perform certain feudal duties in favour of the monks of the Putna monastery, an outstanding religious, cultural and educational centre of the Moldavian principality. The monastery owned the village of Velykyi Kuchuriv for more than two and a half centuries, until 1783, when the monastery estate was taken over by the Bukovina Orthodox Religious Foundation. The population of the village in the Moldovan period was polyethnic, with Moldovans and Rusins living side by side.

Keywords: Velykyi Kuchuriv, village, Putna, monastery, Principality of Moldavia, Bukovina, Moldovans, Rusins.

Селение Великий Кучуров, ныне – центр одноименной объединенной территориальной общины Черновицкой области, издавна принадлежало к наиболее крупным сельским населенным пунктам исторической Буковины (*Буковина 1956*: 881). Однако прошлое этого села, которому в 2017 г. исполнилось 595 лет (со времени первого письменного упоминания), изучено недостаточно. На данный момент

* The research is supported by the State Fund For Fundamental Research under Grant Nr. F-77-38991.

освещение его истории ограничивается несколькими небольшими заметками и рядом упоминаний в обобщающих историко-краеведческих изданиях, опубликованных в конце XIX – начале XXI в. (Dan 1905; Nistor 1915; Буковина 1956; Історія 1969; Нариси 1980; Буковина 1998; Die Bukowina 2004; Dragușanul; Monteoru 2004; Купчанко 2008; Чучко 2008; Історія 2014; Чучко 2015) и отображающих прошлое села, в основном в хронологических рамках конца XVIII – XX в. Молдавский период истории Великого Кучурова по-прежнему остается наименее узученным.

Несмотря на наличие на территории общины археологических древностей, датированных III тыс. до н. э. и III–VI вв. н. э., письменная история Великого Кучурова, как и ряда других древних поселений исторической Буковины, начинается именно в период пребывания края под властью молдавских господарей, а именно в годы правления воеводы Александра I Доброго (1400–1432 гг.) (Історія 1969: 569–570). В грамоте именно этого авторитетного правителя Молдавии, датированной 25 декабря 1422 г., содержится первое письменное упоминание о Кучурове и определены его территориальные границы.

В документе, в частности, говорится: «Милостию Божією, Мы, Александръ воевода, господар Земли Молдавской, чинимъ знаменито, ис сямъ листом Нашимъ, оустьмъ кто на не оузритъ иле его оуслышитъ чтучи, аже тотъ истинный слуга Нашъ вѣрный панъ Богушь, служиль Нам правую и вѣрною службою. Тѣмъ Мы, видѣвши его правую и вѣрную службою до насъ, жаловали есмы его особною Нашею милостию и дали есмы ему едно село оу Нашей земли, оу Молдавской, Кучуровъ, где былъ ватаманъ Германъ. То, ему оурикъ, со усім доходом, на вѣки, и отцу его пану Нестяку, и дѣтемъ ихъ, и братіямъ ихъ, и оунучатомъ ихъ, и праонучатомъ ихъ и пращуретомъ ихъ, непорушено николи, на вѣки. А хотарь тому селоу да будете по старымъ хотаромъ, куда из вѣка оживали» (Documenta 1975: 76; Documente 1931: 151). Таким образом, как сообщается в грамоте Александра Доброго, первоначально село Кучуров принадлежало к домену господаря и во главе общины стоял ватаман Герман, а затем, вследствие пожалования воеводой своему верному слуге данного удела, стало боярской вотчиной.

Во второй раз поселение упоминается под 3 апреля 1488 г. в донаторской грамоте Штефана III Великого (1457–1504 гг.) монастырю Путна. Воевода определил границы соседнего монастырского села Козмин в Черновицкой волости; граница последнего шла «чересь долину на столпу, та на дуб(ъ) знаменанъ, що есть, на немъ буору, на Яблуневицу отъ Кучура» (Documenta 1980: 62).

15 марта 1490 г. в грамоте господаря Штефана Великого, содержащей перечень церквей Черновицкой волости, подчиненных Ра-

довецкому епископству, в числе других упомянуты и 3 «цркъвы от Кучюра» (Documenta III 1980: 136).

В грамоте молдавского воеводы Петру VI Хромого (1574–1577, 1578–1579, 1582–1591 гг.) от 30 марта 1575 г. упомянуты обстоятельства, при которых состоялась передача села Кучуров от прежних светских землевладельцев в собственность Путнянского монастыря, который уже владел рядом соседних поселений. Документ свидетельствует о том, что сначала «село что оу волост черновскои по имь Кучюрул съ усима своими прикутками и съ млинами что тое село был правое выкупление титкюци г[осподст]вами покоиньи Роксанди г[оспод]жи покоиному г[ос]п[о]доу Богдану Воеводе за свои правыи и питоміи пинънзи и потом она дала тот село монастыру путенскои въ [задуше] себе и въ зад [у]шіе с[въето] почившим родителем еи, яко да будет еи памет и родителем своим непоручено на вьки вьчнія» (Documente 1933: 69–70).

Итак, первой выкупила и пожертвовала Путнянской обители Кучуров Роксанда (или Руксандра) – жена господаря Богдана III (1504–1517 гг.), сына Штефана Великого. Эта боголюбивая господарыня была дочерью валашского воеводы Михни Злого (1508–1509 гг.) и приходилась теткой Петру Хромому – сыну ее брата, господаря Валахии Мирчи III Дракулы (1508–1510 гг.) (Giurescu 2003: 100, 107).

Дарение она сделала, вероятнее всего, в промежутке между 1517 и 1518 гг., т. е. после смерти мужа. Однако сын господаря Молдавии Петра Рареша (1527–1538, 1541–1546 гг.) Штефан VI Рареш (1551–1552 гг.), нуждаясь во время своего кратковременного правления в средствах, отменил дарственную Руксандры и заставил братию обители выкупить у него право на владение Кучуровом. В грамоте, в частности, об этом сказано, что «коли был при дни Стефана Воеводи Петрович, а Стефан Воевода всхотъл оузати из монастыр един спензи что знал их, таже оузял тот село от монастыр и рек аж ест тот село прав г[ос]п[о]д[арскыи] от изсьданію землю, також м[о]л[е]бными наши калугери от Путнои съвътовашес купнось ігумена и невсхотъли оставити въ погибъл памят т[и]ткюци г[о]сподств[а]ми покоиньи г [оспод]жи Роксанді покоиному Богдану Воеводи ня нали вышеписанному Стефану Воеводи Петрович чотири сот уг жолтих из монастырских пинънзи» (Documente 1933: 70).

Племянник Руксандры, упомянутый воевода Петру Хромой, со своей стороны подтвердил монастырю дарение тети: «Ино и Мы съ нашими больрами искахом съ съсем нашим съвътом и обрътохом съ нашими д[у]шами, а был то село правое выкупленные за прави пинънзи т[и]ткюци г[осподст]вами г[оспод]жи Роксанди и дааніе с[въ]тъи монастыр и потом и искупление с[въ]тъи монастыри из монастырских

пиньзи, а Мы також дере и от нас дадахом naszej с[въ]тъи м[о]лби монастири путенской одеж ест храм оуспение б[огороди]це и пр[ис]нод[я]вьи Маріи, одеж ест игумен Еустати, вышеписанныи село что оу волост черновской по имь Кучюрул и съ оусими своими прикутками и съ млинами, и оутвердихом с[въ]тъи монастир от Нас оурик и съ вьсем доходом непорушено николиж на вьки вьчнія» (Documente 1933: 70).

Этот господарь также подтвердил давние границы Кучуровской общины, отметив, что «хотар тому вышеписанному село что оу волост черновской по имь Кучюрул и съ оусими своими прикутками и съ млинами поченше от к Сторожинец на польну на крива посрьд польну, а оттоль на Доманенской на Хородище срьд скрух, та на Трестіянец на поток Каменныи, та на Липки та на ясенъи Кърницу, та на Іаблуновец, а оттоль долу потоком на ныжны друм <...> от къ Михалчю, а оттоль починается долу от къ Козмин поченши за каменною Стинку, та на верх Хлобака <...> на поток за Волокою <...> та на поток за пасикою <...> оттоль паки на Дерехлюю гори потоком, та на Бурсу тиж гори потоком, та на Стримбол на пасику на Ардановскою от къ Сторожинец, тое вес хотар послід по где хотарил и потокмил пан Теутул велики логофет при дни старого Стефана Воевода» (Documente 1933: 70).

Во время третьей Польско-турецкой войны (1683–1699 гг.), когда польский король Ян Собеский (1676–1696 гг.) аннексировал северную часть Молдавской земли, по свидетельству летописца Иона Некулче, в 1687 г. «в Кучуре разместился Туркулец Младший с молдаванами» (Neculce 1959: 106). Пребывая на службе короля, корпус Туркульца совершал рейды под Каменец-Подольский и в глубь Молдавии (Масан 2005: 122).

В грамоте от 5 февраля 1707 г., выданной в Яссах, господарь Молдавии Антиох Кантимир (1695–1700, 1705–1707 гг.) предоставил жителям Великого Кучурова как подданным Путнянского монастыря ряд налоговых и судебных привилегий. В акте, в частности, указывалось, что воевода вслед за другими правителями «освобождает село Кучуров, которое [принадлежит] монастырю Путна, Черновицкого цинута, от десятины с ульев и налога с овец и домашней птицы; пусть облагается это [село] только игуменом монастыря Путна, чтобы были [средства] на воск и ладан, и лампадное масло; зато относительно барщины [повинности] телегами, тягловыми лошадьми, налога на соль («солерие». – Б.Б., М.Ч.), чтобы не имели [до села] дела черновицкие старосты или сборщики штрафов, или сборщики взысканий [путем] суда или штрафования; однако в случае убийства человека за дело пусть берется великий ворник» (Documente 1937: 136).

Из-за случившегося в селе в 1707 г. убийства еврея великий ворник от имени господаря наложил на жителей Кучурова штрафные санкции

и наказал виновных. В связи с этим новый молдавский воевода Михай Раковицэ (1703–1705, 1707–1709, 1715–1726 гг.) написал 11 декабря 1707 г. ко «всем крестьянам из села Кучуров Черновицкого цинута, что [принадлежит] монастырю Путна, которые были оштрафованы за смерть еврея, который был убит там [в селе], и обложены взысканиями и другими штрафами», что «поскольку убийцы привлечены [к ответственности], Мое величество освобождает деревню от [этих] взысканий и призывает крестьян [которые разбежались] вернуться в свои дома» (Documente 1937: 136; Nistor 1915: 52).

В подтверждение этого того же числа воевода издал соответствующую грамоту, в которой отмечалось следующее: «Мое величество предпочитает продолжить добрые и славные дела, осуществленные и сделанные другими благочестивыми покойными правителями, которые были перед нами, возвели храмы Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу Божьи дома, монастыри и церкви, и подтвердили их [владения], и явили им [свою] милость пышными облачениями и ценною утварью, и традиционно [окружили] милостями и благами, будучи достойными как известные обладатели этой земли Молдавской; по указанному праву и Мое величество считает, что ни одно дело на свете не остается без пользы и со смертью [нашей] не исчезает, как вот цветок [что] отцветает и как тень [что] скрывается, и [как] угасает каждый человек; поэтому Мое величество, вместе с нашими Преосвященными отцами, в частности Мисаилом, архиепископом и митрополитом Сучавским, а также Лаврентием, епископом Романским, а также Гедеоном, епископом Радовецким, а также Варлаамом, епископом Хушским, и всем нашим советом, боярами государства великими и малыми взяла под контроль ряд святых монастырей, потому что они возведены покойными правителями и наделены [привилегиями], и ухожены их ктиторами согласно доброго обычая, и деревнями с [приписными] крепостными (*вечинами*. – Б.Б., М.Ч.), и цыганами, и другими милостями [опекаемые], чтобы осталась в дальнейшем [о ктиторах] вечная память.

Ныне во времена, в которых [мы] пребываем, поскольку государственность отсутствует и многими бедами припорошена, и святые обители лишены [в значительной степени] крепостных и цыган, от которых была польза и помощь, и хотя остаемся в тяжелой нужде теперь, Мое величество смилостивилось относительно святого монастыря Путна, который создан уважаемым и благочестивым правителем Штефаном Воеводой, и подтвердил обители [владение] одним селом с крепостными, а именно Кучуровом, что находится в Черновицком цинуте; пусть [село] пребывает в покое относительно десятины с ульев, и налога (*горштины*. – Б.Б., М.Ч.) с овец и домашней

птицы; сколько бы наделов не имели те крепостные этого святого монастыря с указанного села Кучуров, пусть [они] остаются в покое относительно десятины и налога; сам [их] облагает [пусть] игумен с того святого монастыря [Путна], чтобы были [средства] на воск и ладан, и деревянное (лампадное. – Б.Б., М.Ч.) масло в паникадило в святой обители.

Также пусть пребывают в покое те крепостные того монастыря относительно барщины, [повинности] телегами, тягловыми лошадьми, [долга] уплаты соляного налога (*солерие.* – Б.Б., М.Ч.); ни черновицкие старосты, или сборщики штрафов (*дешузубинары.* – Б.Б., М.Ч.), или сборщики судебных взысканий (*глобники.* – Б.Б., М.Ч.) чтобы не искали повода войти в ту деревню, учинять [там] суд или штрафовать [жителей], за исключением разве что случаев, когда произойдет убийство человека; тогда чтобы к делу [дознания] приступал великий ворник; поэтому все [чиновники] должны обеспечивать им (крестьянам. – Б.Б., М.Ч.) мир и покой, потому что кто соблазнится сделать против них что-то вопреки [охранной] грамоте Моего величества, будет подвергнут суровому наказанию.

Также, после Нашей жизни и правления, кого Господь Бог вам выберет [и кто] станет владельцем этой земли Молдавской, пожалуйста, пусть не имеет [желание] отменять Нашу милость [обители] и подтверждение [права на владение], поскольку и Мое величество не отменяет [такой же] милости и подтверждения других властителей, которые тоже [давали] свое подтверждение и милость святому монастырю; пусть самую твердую имеет [преемник] волю давать и подтверждать, и [дарить] милость, чтобы [у него] осталась и по ним [предшественникам] далее вечная память, а по-другому чтобы не было» (Documente 1937: 135–136).

Аналогичный по содержанию налоговый и судебный иммунитет гарантировался жителям села Кучурул Маре в грамоте молдавского воеводы Николае Александра Маврокордата (1709–1710, 1711–1715 гг.), изданной в Яссах 9 февраля 1710 г., в коей было записано: «Мое величество предпочитает продолжить добрые и славные дела, осуществленные и сделанные другими благочестивыми покойными правителями, которые были перед Нами, возвели храмы Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу, Божьи дома, монастыри и церкви, и утвердили их, и явили им [свою] милость пышными облачениями и ценной утварью, традиционно [околожили] милостями и благами, будучи достойными как известные правители этой земли Молдавской; по указанному праву и Мое величество считает, что ни одно дело на свете не остается без пользы и со смертью [нашей] не исчезает, как вот цветок [что] отцветает, и как тень [что] скрывается, и [как]

угасает каждый человек; для того Мое величество, вместе с нашими Преосвященными отцами, в частности Гедеоном, архиепископом и митрополитом Сучавским, а также Пахомием, епископом Романским, а также Калистратом, епископом Радовецким, а также Саввой, епископом Хушским, и всем нашим советом, боярами государства великими и малыми взял под контроль ряд святых монастырей, потому что они возведены покойными правителями и наделены [привилегиями], и ухожены их ктиторами согласно доброго обычая, и деревнями с [приписными] крепостными (*вечинами*. – Б.Б., М.Ч.), и цыганами, и другими милостями [наделены], чтобы осталась в дальнейшем [о ктиторах] вечная память.

Ныне во времена, в коих [мы] пребываем, поскольку государственность отсутствует и многими бедами припорошена и святые обители лишены [в значительной степени] крепостных и цыган, от которых была польза и помощь, и хотя остаемся в тяжелой нужде теперь, Мое величество смилостивилось к святому монастырю Путна, который создан уважаемым и благочестивым владетелем Штефаном Воеводой, и подтвердил обители [владение] одним селом с крепостными, а именно Кучуровом, что находится в Черновицком цинуте; пусть [село] пребывает в покое относительно десятины с ульев и налога (*горштинь*. – Б.Б., М.Ч.) с овец и домашней птицы; сколько бы наделов не имели те крепостные этого святого монастыря с указанного села Кучуров, пусть [они] остаются в покое относительно десятины и налога; сам [их] облагает [пусть] игумен с того святого монастыря [Путна], чтобы были [средства] на воск и ладан, и деревянное (лампадное. – Б.Б., М.Ч.) масло в паникадило в святой обители.

Также пусть пребывают в покое те крепостные того монастыря относительно барщины, [повинности] телегами, тягловыми лошадьми, [долга] уплаты соляного налога (*солерие*. – Б.Б., М.Ч.); ни черновицкие старосты, или сборщики штрафов (*дешугубинары*. – Б.Б., М.Ч.), или сборщики судебных взысканий (*глобники*. – Б.Б., М.Ч.) чтобы не искали повода войти в ту деревню, учинять [там] суд или штрафовать [жителей], за исключением разве что случаев убийства человека; тогда чтобы к делу [дознания] приступал великий ворник; поэтому все [чиновники] должны обеспечивать им (крестьянам. – Б.Б., М.Ч.) мир и покой, потому что кто соблазнится сделать против них что-то вопреки грамоте Моего величества, будет подвергнут суровому наказанию.

Также, после Нашей жизни и правления, кого Господь Бог вам выберет [и кто] станет владетелем этой земли Молдавской, пожалуйста, пусть не имеет [желание] отменять Нашу милость [обители] и подтверждение [права на владение], поскольку и Мое величество не отменяет [такой же] милости и подтверждения других властите-

лей, которые тоже [давали] свое подтверждение и милость святому монастырю; пусть самую твердую имеет [преемник] волю давать и подтверждать, и [дарить] милость, чтобы [у него] осталась и по ним [предшественникам] далее вечная память, а по другому чтобы не было. Это записано Господарем» (Documente 1937: 152–153).

Когда во время Северной войны между Россией и Швецией (1700–1721 гг.) на территории Молдавии укрылись остатки разгромленной под Полтавой армии короля Карла XII (1697–1718 гг.), а также союзные шведам польские конфедераты Ю. Потоцкого, проводившие из подвластных Порте земель вылазки против русских войск, шведский лейтенант немецкого происхождения Э.Г. Шнайдер фон Вайсмантель упомянул в «Журнале кампании 1710–1714 гг.» о передвижении в январе 1713 г. со стороны Черновцов «через с. Кучурул Маре и лесной массив Буковина» шведских и польских отрядов в направлении Бендер (Calatori 1983: 333).

В последующие годы перед сельской общиной Великого Кучурова (и, соответственно, монастырем Путна как владельцем имения) возникла проблема самоселов из соседних Черновцов. Учитывая протесты по этому поводу путнянского настоятеля, воевода Молдавии Григорий II Гика (1726–1733, 1735–1739, 1739–1741, 1747–1748 гг.) в грамоте от 17 апреля 1729 г. приказал черновицкому старосте Думитрашку Макри принять меры относительно их выселения с монастырской земли: «Мое величество пишет тебе, боярин наш Думитрашко Макри, бывший великий бан, староста Черновицкий, ставя тебя в известность, что жаловался Моему величеству молебник наш Мисаил, игумен в святом монастыре Путна, извещая, что люди из Черновцов ставят дома в пределах имения монастыря в Кучурове и скот их делает потраву сенокосов, наносят вред селу, а деньгами убытки кучурян не возмещают, и они [крестьяне] терпят нужду от пришедших из города Черновцы. Игумен предоставил грамоты господарей. Поэтому, для мира в той монастырской местности, пишем тебе, чтобы ты отправил тех немногих из Черновцов, которые находятся в местности Кучуров и там домами и участками [самовольно] обзавелись, назад в город Черновцы, поскольку они не приносят никакой пользы монастырю, до сих пор терпящему ущерб в дани» (Documente 1938: 86).

12 января 1734 г. по просьбе путнянских монахов воевода Константин Маврокордат (1733–1735, 1741–1743, 1748–1749, 1769 гг.) подтвердил права братии на монастырскую собственность в Великом Кучурове и иммунитетные привилегии его жителей, сделав об этом запись в соответствующей грамоте и отметив, что «прибыл [к нам] игумен Макарий и вся братия монастыря Путна относительно села Кучуров Черновицкого цинута, принеся привилегии предыдущих [мол-

давских] властителей, чтобы люди этого села [и впредь] оставались в покое относительно барщины, [повинности] телегами, тягловыми лошадьми, налога на соль, [и чтобы] не имели дела относительно них [ни] черновицкие старосты, [ни] сборщики штрафов, [ни] сборщики взысканий; [а также] не могли судить их, штрафовать их, лишь в случае убийства человека за дело [дознания] чтобы брался великий ворник; [послушники] имеют [охранную] грамоту от [взымания] налога с пастбища (*фоларие. – Б.Б., М.Ч.*). Это Господарь подтверждает» (Documente 1937: 136–137).

В документе, датированном 14 февраля 1741 г., монахи Путнянской обители заявляли, что некоторые из зависимых послушников из Кучурул Маре являются монастырскими крепостными (Dan 1905: 94).

15 февраля 1755 г. господарь Матей Гика (1753–1756 гг.) издал грамоту о подтверждении прав Путнянской обители на владение Великим Кучуровом и привилегий его жителям, констатируя, что «игумен Калистрат и вся братия монастыря Путна относительно села Кучуров Черновицкого цинута показали соответствующие грамоты; село освобождено от налога с пастбища, налога на соль, барщины, от повинности телегами и тягловыми лошадьми, штрафных выплат. Господарь [земли Молдавской] подтверждает освобождение послушников из того села [Кучурова] от налога на соль, налога за пастбище, барщины, повинности телегами и тягловыми лошадьми, штрафных взысканий; несмотря на то, что Мое величество законом повысило судебные штрафы во всем государстве, чтобы [для них этих взысканий] не было» (Documente 1937: 137).

В грамоте воеводы Иоанна Теодора Каллимаки (1758–1761 гг.) от 15 января 1759 г., адресованной Енакию, бывшему великому чашнику (*пахарнику. – Б.Б., М.Ч.*) и старосте Черновицкому, дается указание разобрать жалобу игумена Путны «на село Кучуров, где живут некоторые люди в бурдеях (т. е. в землянках, и домов как таковых не имеют. – Б.Б., М.Ч.), а не в общине села, [и] которые в поле вместо того, чтобы насытиться [урожаем], наносят [ему] вред, как записано» (Dan 1905: 97; Documente 1937: 154).

11 июля 1760 г., в связи с территориальными спорами между монастырем Путна и соседними землевладельцами относительно существующих смежных границ владений тот же молдавский господарь Иоанн Теодор Каллимаки подтвердил за обителью имения Дубова, Терблече, Каменка, Петричень, Томешть, Карапчив, Купка, Великий Кучуров, Клишковцы и Ропча. В документе, в частности, было записано следующее: «Дарую грамоту Моего величества преподобному игумену и всей братии святого монастыря Путна; пусть пользуются правом согласно грамоты Моего величества владеть и этими десятью

имениями, а именно Дубова, Терблече, Каменка, Петричень и Каменка, что имеет тяжбу с [панами] Волчинскими; [также] Томешть, и Карапчив, и Купка, и Кучуров, и Клишковцы, и Ропча, поскольку все эти имения в настоящее время согласно документам, имеющимся в монастыре, находятся в [его] владении.

Ныне, в связи с тем, что одни и другие [имения] тесно граничат с имениями, расположенными вокруг указанных поместий, и поскольку [окружающие] имения так же имеют у себя грамоту Моего величества, чтобы [скорее] договорились [между собой] все эти имения, Мое величество позволило отцам монахам из монастыря Путна – пусть пока договорятся и определятся [с территориями] этих имений [светские господа], чтобы [эти имения] перешли во владение [самих] монахов и чтобы [монахи] взяли из всех десяти те имения, где будут работать, [кроме тех] которые им уже принадлежат, и где осели теперь и пребывать будут в дальнейшем; после того, как выберут себе имения, откуда бы ни были приняты (т. е. призваны из других обитателей. – Б.Б., М.Ч.) монахи, которые [уже] имели [там] владение, [здесь им] будут [они] возмещены в большей степени. Иначе чтобы не было, поскольку таково волеизъявление Моего величества; также налог (*дежма*. – Б.Б., М.Ч.), который будет собираться обителю, пусть остается [в ней], пока [все окончательно] договорятся о тех местностях, кои стали предметом тяжбы» (Documente 1939: 221).

В грамоте от 9 февраля 1769 г. господарь Григорий Иоанн Каллимаки (1761–1764, 1767–1769 гг.) поручил Георгию, бывшему великому рукомойнику (*медельничеру*. – Б.Б., М.Ч.) и старосте Черновицкому разобрать жалобу Пахомия, игумена Путны, «на людей с Кучурова, не желающих выполнять повинности в [монастырском] имении и унижающих [послушников] словами оскорбительными и похабными, как записано». Документ фиксирует, что господарь дал распоряжение старосте «наказать виновников и обеспечить выполнение [крестьянами] предписанных повинностей [монастырскому] поместьем» (Documente 1937: 154; Dan 1905: 99–100).

В течение XVIII в. Великий Кучуров неоднократно упоминался и в актах о разграничении соседских общин, в частности в пограничных грамотах, предоставленных селам Михальча Черновицкого цинута (1732 и 1752 гг.), а также Йорданешты и Глубока Сучавского цинута (1757 и 1762 гг.), с которыми он имел общие границы (Documente 1937: 63; Documente 1938: 109–110; Documente 1939: 174–175).

По сведениям подворной переписи населения Молдавской земли 1772–1774 гг., проведенной местными чиновниками в соответствии с указанием российской военной администрации во время Русско-турецкой войны (1768–1774 гг.), узнаем о количестве жителей

села Великий Кучуров в третьей четверти XVIII в. Так, в переписных ведомостях Черновицкого цинута за 1772–1773 г. указано, что в селе Кучурул Маре, которое было собственностью монастыря Путна и административно относилось к «стану Тыргулуй», зафиксировано: 198 заселенных дворов и 6 пустых; 183 чел., которые платили подати; 13 вдов, освобожденных от податей, и 2 священника (Молдавия 1975: 117).

Более информативными относительно состава населения села стали сведения переписи за июнь 1774 г. Из них узнаем, что в селе Кучурул Маре было 180 домов. 155 жителей принадлежали к податному населению – *бырникам*. В их числе: «Урсул Митенку, Ион сын Маковею, Василе Кындибалэ, Ион сын Лунгул, Антон Лецканул, Штефан Бербеничук, Хрихор Хуцул, Григораш Митенко, Костин сын Крэчун, Симион Микулеску, Андриеш Братко, Ион Братко, Тэнасэ Микляк, Некулаю сын Ионуц, Пантели Спынул, Андриеш Микляк, Симион Крэчун, Игнат Крэчун, Василе Крэчун, Василе сын Некулаэесий, Георгий Спынул, Юрий Хуцул, Андриеш Онуцул, Георгий Онуцул, Симион Спынул, Антон зет Белий, Георгий Спынул, Григораш кожокар, Аксэнтый Дэмьян, Андриеш Маковею, Тэнасэ Митенко, Василе сын его, Тоадер Маковею, Григораш Фусул, Григораш сын Штефу, Кирилэ Дэмьян, Тоадер Маковею, Григораш Илаш, Штефка, Андрунаки сын его, Андриеш Маковею, Михалаш Илко, Тимофей Раду, Думитрашку Раду, Ион сын его, Ион Гэлан, Думиру зет его, Ион Хондрагэ, Кирилэ Микичеле, Илаш брат его, Ион брат его, Ион зет Дэнилэ, Григораш зет его, Василе Хрихорчук, Ион Хрихорчук, Истрате Бэндас, Гаврил Шушинкей, Василе сын Руской, Григораш Рушынский, Тодераш сын Истрате, Штефан Павлюк, Гаврилаш Цигэнаш, Василе брат его, Григораш Мороз, Ион сын Гаврилэ, Георгий брат его, Василе Коржоляк, Тоадер Павлюк, Истрате Павлюк, Василе брат его, Хрихор Крайник, Косташку Будник, Ион Панте, Горда Панте, Тоадер сын Онулуй, Тэнасэ Онул, Штефан сын вэкеричий, Василе Панте, Ион Василе Панте, Ифтеми Кринко, Тоадер Будник, Георгий Панте, Василе Цигэнаш, Василе сын Павло, Хрихор сын Рушчий, Василе унгуриян, Якуб рус, Михалаш Панте, Иrimiца Панте, Иван зет Нахринюк, Федор ротар, Антон лях, Хрихор бутнар, Ион Хриневич, Иван, бутнар, Георгий Чепешка, Ион сын присэкар, Тоадер Мороз, Тоадер Шушынский, Думитрашку Панте, Андриеш Панте, Иван олар, Василе вэрзар, Петре Кафечук, Василе Хлибочан, Василе Тевелюк, Игнат Карче, Пантелею Карче, Аксенти Карчя, Ион сын Метенкул, Василе Митенка, Думитру сын Андони, Ион сын Андони, Михалаш Спыну, Урсул брат его, Костин Будник, Иван Христик, Василе сын Игнат, Арсэни Геба, Тоадер, Василе сын Демьян, Александрю брат его, Илаш Исаенко, Василе сын попа, Георгий Богюл,

Остафи зет Павло, Штефан Очуненко, Тоадер сын Илий, Андриеш сын присэкар, Штефан сын попий, Михалаш сын Штефан, Василе Штивка, Штефка морар, Ион Хупкэ, Тэнасэ сын Крайник, Михаил рус, Истрате сын Маковею, Ион сын Крайник, Антон Бэсэрабэ, Василе Душчак, Тоадер Павлюк, Ион Душчак, Ион Якобчук, Василе Чепшика, Ион сын его, Василе сын Оксэнти, Симион брат его, Некулаю Душчак, Тэнасэ Соломон, Истрате сын его, Штефан Душчак, Сандул Гава, Тэнасэ сын Григораш, Василе Маковей, Ион Ионуцул» (Молдавия 1975: 377, 378–379).

25 жителей села были освобождены от податей: Тэнасэ, маркитан; «попа Георгий, попа Симеон, диякон Ион, Георгий, даскал»; скутельники: Ион, чуботар (скутельник Тэнасэ, маркитан), Штефан Тикианук (его же), Василе Битнюк (его же), Петре Нахриняк (его же), Максим (его же), Василе Теслюе (его же), Рацэ (его же), Михалаке (дырвар старосты Хереску), Хрихор (скутельник попа Симеона), Иван (скутельник попа Георгия), Некефор (скутельник пахарника Лимбо); вдовы: Иляна, Параскива, Мэрнуца, Настасья, Марица, Аксиния, Василка; «Лейзер, жидов, зет Ицкул» (Молдавия 1975: 377, 378–379).

Как видно из поименного перечня жителей Великого Кучурова, в конце молдавского периода в населенном пункте проживали в основном представители восточнороманской (молдаване) и восточнославянской (русины) этнических общностей. Причем принадлежность к последней у некоторых крестьян маркируется не только антропонимами (как, например, Иван зет Нахринюк, Григораш Мороз, Хрихор Хуцул, Юрий Хуцул, Штефан Очуненко, Тоадер Павлюк, Ифтеми Кринко, Иван, бутнар), но и этнонимом *рус*, который в разных формах фигурировал в виде прозвищ. К примеру: Михаил, рус; Якуб, рус; Василе сын Руской; Хрихор сын Рушчий; Григораш Рушынский. Характерно, что этноним *рус* в рассматриваемый исторический период был наиболее распространен в виде имени или прозвища в Молдавской земле, в отличие от других славянских антропонимов (например, *шкей* и *сырбу*) (Суляк 2017: 81–87).

Таким образом, буковинское село Великий Кучуров, первое упоминание о котором относится к 1422 г., было довольно значительным по размерам и количеству жителей поселением. Сначала оно принадлежало светским землевладельцам, а затем, в начале XVI в., в результате дарения государыни Руксандры, дочери воеводы Михни, перешло в собственность Путнянского монастыря. Подобно жителям других монастырских владений, селяне пользовались со стороны государства рядом налоговых и судебных иммунитетов; последние неоднократно подтверждались молдавскими господарями вплоть до второй половины XVIII в. В то же время монастырские крестьяне

вынуждены были выполнять фиксированные повинности в пользу монахов Путнянской обители, которая была известным церковно-религиозным и культурно-образовательным центром Молдавского княжества и владела Великим Кучуровом более двух с половиной веков – вплоть до присоединения Буковины после Русско-турецкой войны к империи Габсбургов и создания австрийскими властями в 1783 г. из церковно-монастырских владений края Буковинского православного религиозного фонда. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в молдавский период население села было полиэтничным. Наряду с молдаванами в селении проживали русины, евреи, цыгане (ромы), незначительный процент составляли венгры. В дальнейшем именно полиэтничность, культурно-бытовое многообразие и бытовые различия стали характерными чертами населения не только Великого Кучурова, но и многих других сел буковинского края.

ЛИТЕРАТУРА

Буковина 1956 - Буковина – її минуле і сучасне / під ред. Д. Квітковського, Т. Бриндзана, А. Жуковського. Париж; Філадельфія; Дітройт: Зелена Буковина, 1956.

Буковина 1998 - Буковина: історичний нарис / ред. кол. С.С. Костишин, В.М. Ботушанський, О.В. Добржанський, Ю.І. Макар, О.М. Масан, Л.П. Михайлина. Чернівці: Зелена Буковина, 1998.

Історія 1969 - Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. К.: Головна ред. УРЕ АН УРСР, 1969. Т. 23: Чернівецька область.

Історія 2014 - Історія розвитку органів влади на території Чернівецької області / за заг. ред. О.В. Добржанського, А.М. Круглашова, М.В. Ярмистого. Чернівці: Букрек, 2014.

Купчанко 2008 - *Купчанко Г.* Некоторые историко-географические сведения о Буковине = Деякі історико-географічні відомості про Буковину. Чернівці: Золоті литаври, 2008.

Масан 2005 - *Масан О.М.* Буковина як об'єкт міжнародних відносин з давніх часів до 1774 р. // Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини ХХ ст.) / В.М. Ботушанський, С.М. Гакман, Ю.І. Макар та ін; за заг. ред. В.М. Ботушанського. Чернівці, 2005. С. 9–168.

Молдавия 1975 - Молдавия в эпоху феодализма: Переписи населения Молдавии в 1772–1773 и 1774 гг. Кишинев: Штиинца, 1975. Т. VII, ч. 1.

Нариси 1980 - Нариси з історії Північної Буковини / Ф.П. Шевченко (відп. ред.) та ін. Київ: Наукова думка, 1980.

Суляк 2017 - *Суляк С.* Этноним *рус* в антропонимике средневековой Молдавии // Русин. 2017. № 1 (47). С. 80–91.

Чучко 2008 - Чучко М.К. «И взят Бога на помощь»: соціально-релігійний чинник в житті православного населення північних волостей Молдавського воєводства та встрійської Буковини (епоха пізнього середньовіччя та нового часу). Чернівці: Книги – XXI, 2008.

Чучко 2015 - Чучко М.К. У горнилі випробувань: Православна Церква на Буковині в 1914–1919 рр. Чернівці: Друк Арт, 2015.

Calatori 1983 - Călători străini despre Țările Române. București: Editura științifică și enciclopedică, 1983. Vol. VIII.

Dan 1905 - Dan D. Mănăstirea și comuna Putna. București: Göbl, 1905.

Die Bukowina 2004 - Die Bukowina. Eine allgemeine Heimatkunde=Буковина. Загальне краєзнавство / переклад з нім. Ф.С. Андрійця, А.Т. Квасецького. Чернівці: Зелена Буковина, 2004.

Documente 1931 - Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare / Publicate de M. Costăchescu. Iași: Viața Românească, 1931. Vol. I.

Documente 1933 - Documente bucovinene de Teodor Bălan. Cernăuți: Institutul de Arte grafice și Editură «Glasul Bucovinei», 1933. Vol. I.

Documente 1937 - Documente bucovinene de Teodor Bălan. Cernăuți: Editura consiliului eparhial al Mitropoliei Bucovinei, 1937. Vol. III.

Documente 1938 - Documente bucovinene de Teodor Bălan. Cernăuți: Editura Mitropoliei Bucovinei, 1938. Vol. IV.

Documente 1939 - Documente bucovinene de Teodor Bălan. Cernăuți: Editura Mitropoliei Bucovinei, 1939. Vol. V.

Documenta 1975 - Documenta Romaniae Historica. Seria A. Moldova (1384–1448). București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1975. Vol. I.

Documenta 1980 - Documenta Romaniae Historica. Seria A. Moldova (1487–1504). București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1980. Vol. III.

Dragușanul - *Dragușanul I. Povestea Așezărilor Bucovinene: Cuciurul Mare*. URL: <http://dragusanul.ro/category/povestea-asezarilor-bucovinene-i-si-ii/page/2> (дата обращения: 25.09.2017).

Giurescu 2003 - Giurescu C. Istoria românilor. București: Alleducațional, 2003. Vol. II.

Monteoru 2004 - Monteoru N. Bucovina. Pagini de enciclopedie. Suceava: Editura Archiepiscopiei Sucevei și Rădăuților, 2004. Vol. II.

Neculce 1959 - *Neculce I. Letopisețul Țării Moldovei și o samă de cuvinte*. București: Editura de stat pentru literatură și artă, 1959.

Nistor 1915 - *Nistor I. Români și rutenii în Bucovina. Studiu istoric și statistic*. București: LIBRĂRIILE SOCEC & Comp. și C. SFETEA, 1915.

REFERENCES

Kvitkovsky, D., Brindznan, T. & Zhukovsky, A. (eds) (1956) *Bukovina – її minule i suchasne* [Bukovina - its past and present]. Paris; Philadelphia, Detroit: Zelena Bukovina.

Kostishin, S.S., Botushanskiy, V.M., Dobrzanskiy, O.V., Makar, Yu.I., Masan, O.M. & Mikhaylina, L.P. (1998) *Bukovina: istorichniy naris* [Bukovina: A historical essay]. Chernivtsi: Zelena Bukovina.

Tronko, P.T. (ed.) (1969) *Istoriya mist i sil Ukraïns'koï RSR: v 26 t.* [History of the cities and villages of the Ukrainian SSR: In 26 vols]. Vol. 23. Kyiv: AS URSSR.

Dobrzanskiy, O.V., Kruglashov, A.M. & Yarmistiy, M.V. (2014) *Istoriya rozvitku organiv vladi na teritorii Chernivets'koï oblasti* [History of the development of the authorities on the territory of Chernivtsi region]. Chernivtsi: Bukrek.

Kupchanko, G. (2008) *Nekotoryya istoriko-geograficheskie svedeniya o Bukovine* [Some historical and geographical information about Bukovina]. Chernivtsi: Zoloti litavri.

Masan, O.M. (2005) Bukovina yak ob'ekt mizhnarodnikh vidnosin z davnikh chasiv do 1774 r. [Bukovina as an object of international relations from ancient times to 1774]. In: Botushanskiy, V.M. (ed.) *Bukovina v konteksti evropeys'kikh mizhnarodnikh vidnosin (z davnikh chasiv do seredini XX st.)* [Bukovina in the context of European international relations (from ancient times to the middle of the twentieth century)]. Chernivtsi: Ruta. pp. 9–168.

Moldavian SSR Academy of Sciences. (1975) *Moldaviya v epokhu feodalizma: Perepisi naseleniya Moldavii v 1772–1773 i 1774 gg.* [Moldova during feudalism: Censuses of Moldavia in 1772–1773 and 1774]. Vol. 7. Chişinău: Ştiinţa.

Shevchenko, F.P. (ed.) (1980) *Narisi z istorii Pivnichnoï Bukovini* [Essays on the history of Northern Bukovina]. Kyiv: Naukova dumka.

Sulyak, S. (2017) The ethnonym *rus* in the anthroponymics of Medieval Moldavia. *Rusin.* 1 (47). pp. 80–91 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/7

Chuchko, M.K. (2008) “*I v'zyat Boga na pomoshch'*”: *sotsial'no-religiyinyi chinnik v zhitti pravoslavnogo naseleennyia pivnichnikh volostey Moldavs'kogo voevodstva ta vstriys'koï Bukovini (epokha pizn'ogo seredn'ovichchya ta novogo chasu)* [“And they will take God for help”: a social and religious factor in the life of the Orthodox population of the northern volosts of the Moldavian Voivodeship and the Vistrian Bukovina (the late Middle Ages and modern times)]. Chernivtsi: Knigi – XXI.

Chuchko, M.K. (2015) *U gornili viprobuvan'*: *Pravoslavna Tserkva na Bukovini v 1914–1919 rr.* [In a crucible test: The Orthodox Church in Bukovina in 1914–1919]. Chernivtsi: Druk Art.

Holban, M. (ed.) (1983) *Călători străini despre Țările Române* [Foreign travelers about the Romanian Countries]. Vol. 8. Bucharest: Editura stiinţifică şi enciclopedică.

Dan, D. (1905) *Mănăstirea şi comuna Putna* [Putna Monastery and Commune]. Bucharest: Göbl.

Bukowyna-Zentrum an der nationalen Juri-Fedkowysch-Universität Tscherniwzi. (2004) *Die Bukowina. Eine allgemeine Heimatkunde* [Bukovina. General Local History]. Translated from German by F.S. Andriyts, A.T. Kvasetsky. Chernivtsi: Zelena Bukovina.

Costăchescu, M. (1931) *Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare* [Moldovan Documents Before Stephen the Great]. Vol. 1. Iași: Viața Românească.

Bălan, T. (1933) *Documente bucovinene de Teodor Bălan* [Bukovinian Documents by Teodor Balan]. Vol. 1. Cernăuți: Institutul de Arte grafice și Editură "Glasul Bucovinei."

Bălan, T. (1937) *Documente bucovinene de Teodor Bălan* [Bukovinian Documents by Teodor Balan]. Vol. 3. Cernăuți: Editura consiliului eparhial al Mitropoliei Bucovinei.

Bălan, T. (1938) *Documente bucovinene de Teodor Bălan* [Bukovinian Documents by Teodor Balan]. Vol. 4. Cernăuți: Editura Mitropolie Bucovinei.

Bălan, T. (1939) *Documente bucovinene de Teodor Bălan* [Bukovinian Documents by Teodor Balan]. Vol. 5. Cernăuți: Editura Mitropolie Bucovinei.

Cihodaru, C., Caproșu, I. & Șimanschi, L. (1975) *Documenta Romaniae Historica. Seria A. Moldova (1384–1448)*. Vol. 1. Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Cihodaru, C., Caproșu, I. & Ciocan, N. (1980) *Documenta Romaniae Historica. Seria A. Moldova (1487–1504)*. Vol. 3. Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

Dragușanul, I. (n.d.) *Povestea Așezărilor Bucovinene: Cuciurul Mare* [The Story of the Bukovinian settlements: Velikiy Kuchuriv]. [Online] Available from: <http://dragusanul.ro/category/povestea-asezarilor-bucovinene-i-si-ii/page/2>. (Accessed: 25th September 2017).

Giurescu, C. (2003) *Istoria românilor* [History of Romanians]. Vol. 2. Bucharest: Alleducațional.

Monteoru, N. (2004) *Bucovina. Pagini de enciclopedie* [Bucovina. The Encyclopedia pages]. Vol. 2. Suceava: Editura Archiepiscopiei Sucevei și Rădăuților.

Neculce, I. (1959) *Letopisețul Țării Moldovei și o samă de cuvinte* [The Chronicle of the Land of Moldavia and a word of words]. Bucharest: Editura de stat pentru literatură și artă.

Nistor, I. (1915) *Românii și rutenii în Bucovina. Studiu istoric și statistic* [Romanians and Rusins in Bucovina. Historical and statistical study]. Bucharest: LIBRĂRIILE SOCEC & Comp. și C. SFETEA.

Боднарюк Богдан Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и музееведения Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича (Украина).

Bogdan Bodnaryuk – Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine).

E-mail: slavikkk06@rambler.ru

Чучко Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и музееведения Черновицкого национального университета им. Юрия Федьковича (Украина).

Mykhailo Chuchko – Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine).

E-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

УДК 94 (41/99)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/12

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СТАРОСТИНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЧЕРВОННОЙ РУСИ И ПРИКАРПАТЬЕ В НАЧАЛЕ XVII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ ЮРИЯ МНИШКА СИГИЗМУНДУ III)

Н.В. Эйльбарт

Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена
Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
E-mail: ejlbart@mail.ru

Авторское резюме

Система административного управления в Первой Речи Посполитой представляет немалый интерес с точки зрения ее эффективности в условиях сильно ограниченной королевской власти. Часть исследователей склоняется к тому, что экономическое положение государства на рубеже XVI–XVII вв. характеризовало последний период «золотого века», другая же часть полагает, что налицо имелись признаки экономического кризиса и упадка. Основываясь на ценном историческом источнике – личной переписке сандомирского воеводы Юрия Мнишка (отца московской царицы Марины Мнишек) с польским королем Сигизмундом III, мы можем реконструировать множество тех трудностей и перипетий, с которыми он как администратор и представитель короля сталкивался в таких специфических регионах, как Червонная Русь и Прикарпатье (их специфика была обусловлена прежде всего полиэтничностью и приграничным положением этих территорий). Анализируя письма Мнишка королю, можно заключить, что данные территории, несмотря на наличие ценных природных ресурсов (соль и нефть), а также благоприятный для ведения сельского хозяйства климат, находились в состоянии все усугублявшегося экономического упадка. Причиной этой постепенной деградации служили неэффективные методы управления, а также частые военные вторжения с юга, включая взбунтовавшихся солдат, которым королевская казна не могла своевременно и в полном объеме обеспечить жалованье. Кроме того, данная переписка красноречиво характеризует личность сандомирского воеводы Юрия Мнишка и его отношения с королем Сигизмундом III.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Юрий Мнишек, Сигизмунд III, Смутное время, Червоная Русь, Прикарпатье, староство.

THE DAILY ROUTINE OF THE STAROSTWO ADMINISTRATION IN RED RUS AND SUBCARTHIA IN THE EARLY 17TH CENTURY (BASED ON THE LETTERS FROM YURY MNISZEK TO SIGISMUND III)

N.V. Eylbart

Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika River Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russia
E-mail: ejlbart@mail.ru

Abstract

The system of administrative management in the First Polish-Lithuanian Commonwealth is of considerable interest from the point of view of its effectiveness under severely limited royal power. Some researchers are inclined to believe that the economic situation of the state at the turn of the 17th century could be described as the last period of the “golden age”, while others believe that there were signs of an economic crisis and decline. The personal correspondence of the Sandomierz Voivode Yury Mniszek (the father of the Moscow Queen Marina Mniszek) to Polish King Sigismund III is a valuable historical source that allows reconstructing many of the difficulties and vicissitudes Yury Mniszek faced as the administrator and representative of the king in such regions as Red Rus’ and Subcarpathia, whose specificity was determined by the polyethnic population and border position. The analysis of the correspondence leads to the conclusion that, despite available natural resources (salt and oil) and favorable conditions for agriculture, these territories were in a state of ever increasing economic decline caused by ineffective management, frequent military incursions from the south, including rebellious soldiers underpaid by the royal power. In addition, this correspondence eloquently characterises the personality of Yuri Mniszek and his relationships with King

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, Yuri Mniszek, Sigismund III, Time of Troubles, Red Rus’, Subcarpathia, starostwo.

Червоная Русь и Прикарпатье были, без преувеличения, наиболее полиэтничными и поликонфессиональными регионами Речи Посполитой, причем регионами приграничными, и подобное обстоятельство, соответственно, накладывало определенную печать на деятельность здесь королевской администрации. Прежде чем переходить к частностям, скажем несколько слов об особенностях системы старостинского управления в Речи Посполитой в исследуемый период.

Должности в Первой Речи Посполитой (как перед этим в Польском королевстве) делились на земские, придворные и коронные. Старосты, будучи носителями высших земских должностей, практически безраздельно властвовали на определенной территории, не подчиняясь воеводам, положение которых в тот период, в отличие от Средневековья, уже ограничивалось номинальным влиянием и скорее представляло собой почетное признание заслуг. Если рассматривать категории старост в этот период, то они делились на так называемые городские и негородские. И если первые были сопряжены с почти неограниченной светской властью над данной территорией, то вторые давали право на сборы налогов с крестьян и мещан, т. е. приносили немалые доходы (только на содержание старост подданные платили, например, десятую часть денежных доходов, отдавали третий сноп при сборе урожая, десятую рыбу при спуске пруда, а также самые разнообразные штрафы: 12 грошей за девицу, которая выходила замуж в другую деревню, гривну за порчу граничной межи и пр.). Четверть собранных средств (так называемую кварту) старосты отдавали королю. При пожаловании «негородских» старост сумма арендной платы, как правило, заранее обговаривалась в жалованной грамоте на ту или иную должность (Skrzetuski 1782).

«Городские» старосты имели в своих руках судебную власть не только над «низшими сословиями», но и над шляхтой. Гродский суд занимался уголовными делами и обладал так называемым «правом меча», т. е. правом вынесения смертных приговоров. При каждом таком суде, располагавшемся, как правило, в замке, была тюрьма (обычно находившаяся в подвалах или башне). Смертный приговор в коронных землях, на которых и располагались рассматриваемые нами староства, выносился за разбой, поджог, изнасилование и мужеубийство, причем само исполнение приговора также возлагалось на «городское» староство («право меча» распространялось и на решения, вынесенные церковным судом, а посему угрозы старосты «повесить попа или ксендза» выглядели вполне в рамках закона). Однако старосты, от чьего имени выносились решения, редко лично присутствовали на судах. Чаще всего они пользовались услугами подстаросты – шляхтича, безусловно, лично преданного, которому и препоручали

ведение дел, оставляя ему право подписи под приговором, или же собственноручно подписывали готовые решения.

Если говорить о «негородовых» старостах, то фактически староста в них становился арендатором королевских земель. Причем в таких случаях, владея чужим, он не отличался справедливостью и гуманностью. Наряду с крестьянами налогоплательщиками тут были и городские мещане. Из-за слабого по сравнению с Западной Европой развития торговли и ремесел в городах Речи Посполитой мещане вынуждены были заниматься сельским хозяйством. «Даже в больших городах, – писал польский историк Феликс Конечный, – мещане владели земледельческими хозяйствами за городскими стенами, находящимися на городской земле; в малых городах сельское хозяйство часто становилось главным источником существования для мещанина, гражданина города, которому не удалось развиться» (Konieczny 1924). Таким образом, городские мещане выполняли почти крестьянские повинности, предписанные им старостами, и платили налог с лана. В целом экономическое состояние городов Речи Посполитой уже в XVI в. было довольно сложным. Польский исследователь Д. Зубжицкий следующим образом характеризовал этот процесс: «В то время уже начались несчастливые времена для городов, некогда щедро одариваемых польскими королями. Пожизненные старосты стали одно за другим присваивать себе городские права, а именно право винокурения, которое во всех королевских городах принадлежало общине. Пока город был в состоянии проводить дорогостоящие судебные процессы при королевском дворе, до тех пор еще оставался при своих правах, как Львов; если же не имел ни денежных средств, ни способных мужей, кои бы защищали его вольности при дворе, то был вынужден покориться. Городу приходилось искать справедливости в судах за пределами королевского двора, потому как на месте именно этот самый староста, на которого подавали иск, был городским судьей, а посему одновременно и судьей, и стороной процесса» (Zubrzycki 1884: 210). Однако почти всегда собранных налогов старостам казалось мало, и они шли на самые невероятные измышления для их увеличения, нарушая ранее принятые права. Например, в 1586 г. львовские мещане обратились к королю с жалобой на тогдашнего львовского старосту Яна Гербурта за то, что он произвольно требовал с них налоги, запрещал выпас скота и свободную вырубку деревьев в старостинских лесах, что ранее им дозволялось королевским декретом.

Кто же становился от имени короля безраздельным властителем на этих землях? В Речи Посполитой, в отличие, например, от Франции, не существовало открытой продажи государственных должностей,

однако нередко наиболее доходные староства передавались тем, кто предлагал королю бóльшую компенсацию. В то же время случались прецеденты, когда монарх передавал доходную должность наименее состоятельному соискателю в надежде на его верность или же в награду за оказанные услуги. Недаром старостинскую должность в то время называли «куском хлеба за заслуги» («*panis bene merentium*») (Góralski 1988).

Скорее, ко второму типу королевских назначенцев принадлежал верховный управитель Львовской и Саноцкой земель сандомирский воевода Юрий (Ежи) Мнишек (1548–1613) (львовский, самборский, озиминский, саноцкий, сокальский, меденицкий и рогатинский староста), более известный в российской и польской истории как отец московской царицы Марины Мнишек и патрон самозванцев Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Все вышеперечисленные староства (за исключением «городового» Саноцкого) были пожалованы ему в конце 80 – начале 90-х гг. XVI в. и должны были стать основой для создания одного из самых крупных денежных состояний среди польско-литовской политической элиты. В польском Главном архиве древних актов (AGAD) сохранились две жалованные грамоты Мнишку на Самборское и Озиминское староства, а также на солеварни в Червонной Руси (обе датированы 20 июня 1588 г.). В первой из них отмечается, что король Сигизмунд III жалует Мнишку в пожизненную аренду Самборское и Озиминское староства с уплатой за это в королевскую казну 30 тыс. злотых, причем платеж разбивается на три части: 10 тыс. злотых – на св. Варфоломея (24 сентября), 10 тыс. злотых – на Рождество (24 декабря) и 10 тыс. злотых – на Зеленые Святки (конец мая – начало июня) (AGAD: 86–88). Вторая грамота, после перечисления заслуг назначаемого (где, кроме всего прочего, подчеркивается его роль охранителя за собственный счет польско-венгерской границы во время предшествовавшего вступлению на польский престол Сигизмунда III бескорольевья), гласит, что Мнишку передается в пожизненную аренду добыча соли в Дорогобыче и Коломые с ежегодной уплатой в королевскую казну 20 тыс. злотых (10 тыс. злотых – на Зеленые Святки и 10 тыс. злотых – на праздник Очищения Пресвятой Девы Марии (2 июля)) (AGAD: 86–88). Доходы с Самборского староства и солеварен поступали не в государственную, а именно в королевскую казну, т. е. составляли личные доходы его величества и употреблялись на содержание государя и его двора. Посему король очень щепетильно относился к поступлению этих платежей, а с целью проверки состояния своего имущества раз в пять лет назначал комиссию для так называемой люстрации, т. е. тщательной проверки и описи имущества староства.

До наших дней дошло (по крайней мере, обнаружено) около десяти писем Юрия Мнишка, адресованных Сигизмунду III. Из них четыре, датированные 1600, 1602 и 1603 г., перевод которых мы полностью приводим в приложении к настоящей статье, представляют его деловую корреспонденцию в качестве администратора. Мнишек посвящает государя в текущее положение дел в управляемых им от королевского имени землях. Письмо от 1600 г. и два письма от 1603 г. – это оригиналы за подписью и печатью сандомирского воеводы, хранящиеся в Курницкой библиотеке Польской академии наук. Весьма любопытное письмо от 1602 г. обнаружено нами в Российском государственном историческом архиве в фонде Н.И. Костомарова. Знаменитый историк, работая над фундаментальным трудом «Смутное время Московского государства», переписывал для себя с польских оригиналов наиболее интересные материалы. Среди них оказалось и вышеназванное письмо, о котором он никак не упоминает в опубликованном труде (Костомаров 1994) (отметим также, что и о местонахождении оригинала в черновых записях Костомарова ничего не сказано).

Письма, датированные 1600 и 1603 г., написанные напыщенным и крайне льстивым придворным слогом, рисуют безрадостную картину многочисленных убытков на управляемых Мнишком землях и полны просьб отсрочить хотя бы на несколько месяцев платежи в королевскую казну. «Пишу об этом с великой скорбью и стыдом, поскольку неотсылкой этих денег оскорбляю и доброту [ко мне] вашего королевского величества, и на себя навлекаю ославление и трудности. Но причина тому не что иное, как [плохие] времена, кои весьма мучат людей, а посему и я терплю убытки... Воистину не знаю, что мне делать из-за обнищания подданных вашего королевского величества», – сетует воевода в июле 1600 г. (ВК: 227–228). В одной из польских старинных рукописей нам довелось обнаружить «Хронику катаклизмов в Польше», которая повествует о том, что сильная засуха действительно имела место в Червонной Руси в рассматриваемое время. Например, под датой «1600 год» отмечено следующее: «Великая сухость, по причине чего корзина жита стоила 50 грошей» (BNIO 1: 230). Засуха и вызванное ею мелководье мешали отправке соли водным путем по обмелевшему Сану и, соответственно, спровоцировали срывы поставок «белого золота» на запад страны и простои. Два же предшествовавших года были, напротив, весьма влажными, однако не менее неудачными: «1598 год. После большого наводнения сильный голод, люди ели хлеб из желудей. 1599 – год с влажной зимой, не сеяли озимые», – повествует та же хроника. Таким образом, представляется сложным достоверно определить, была ли причина отсрочки платежей в неурожаях или же в расточительности

администратора и нерадивости его подчиненных, которым он, в свою очередь, мелкими частями сдавал в аренду земли, арендуемые им же самим у короля, что являлось на протяжении многих столетий достаточно типичным для крупных землевладельцев методом снятия с себя бремени управления (в письме от 24 мая 1603 г. Мнишек жалуется, что «был обманут многими своими арендаторами» (ВК: 319–320)). Во всяком случае, он не мог не понимать, в насколько затруднительное положение ставит себя перед «шведом» Сигизмундом, который, невзирая на услуги, ранее оказанные ему Мнишкой, не желал ждать и прощать долги и, как видно из корреспонденции, при малейшей задержке платежей грозил судебными исками и конфискацией данных в управление земель экономии. Судя по всему, причина создавшегося положения была неоднозначной и заключалась не только и не столько в неумелом и недобросовестном управлении и природных катаклизмах, но и в приграничном положении этих земель, часто подвергавшихся нападению татар, а также разграблению со стороны солдат-конфедератов, возвращавшихся из заграничных походов. По крайней мере, из того же письма от 1600 г. мы узнаем, что еще несколькими годами ранее ситуация не отличалась подобным драматизмом. «Я не сомневаюсь, – пишет Мнишек, – что ваше королевское величество изволите помнить и то, что в прежнее время немалые суммы я давал наперед» (ВК: 227–228). Кроме того, для скорейшего покрытия долгов перед казной он делал очень тяжелые для себя шаги: продавал наследственные имения или же закладывал их за крупные суммы (например, в 1602 г. для срочных выплат королю он заложил одно из самых крупных своих имений – замок в Заложцах на Волыни с прилегающими деревнями – своей невестке Ефросине Дочи де Нагилюче за огромную сумму в 90 тыс. злотых) (Szamanska 2007). Практически в каждом письме сандомирский воевода просит короля прислать комиссию, «дабы удостовериться в здешних убытках», масштабы которых, вероятно, были очень ощутимы. Следует упомянуть, что и после того, как со смертью Мнишки эти земли перешли в управление другим лицам, ситуация в них изменилась только к худшему: сокращались доходы, безлюдели деревни, постепенно превращались в руины старостинские замки (например, на варшавском сейме 1623 г. много говорилось о татарских набегах, поджогах деревень, уменьшении добычи соли, что вызвало ее резкое подорожание во всем королевстве) (ВНИО 2: 265–266).

Однако во многих обстоятельствах Юрий Мнишек показывает себя как энергичный администратор, тем более в тех ситуациях, когда появляется угроза пополнению его казны. Интересен прецедент, возникший осенью 1603 г. вокруг основания в Меденицах, находящихся

в Львовской земле, первого в ее истории католического прихода и приезда туда ксендза-настоятеля (плебана). Как следует из текста письма, прибывшая от короля комиссия была настроена на передачу какой-то части земли для нужд нового католического прихода, и, конечно же, в таком случае она вышла бы из юрисдикции старосты и приносила доход не ему, а церкви. Мнишек, лично прибывший в Меденицы, занял довольно жесткую позицию и, несмотря на общеизвестную исключительную благосклонность Сигизмунда III к католической церкви, так писал государю в ноябре 1603 г.: «Там прежде никогда не было плебана, и если бы я склонился к тому, чего требует ксендз плебан, была бы эта вещь к великому ущербу доходов вашего королевского величества» (ВК: 331–332). Таким образом, мы видим, что собственные финансовые интересы были для сандомирского воеводы куда важнее, нежели пропаганда католицизма на восточных землях Речи Посполитой. Еще более он неумолим в отношении мещан, которые пытались смягчить свое положение через королевский суд и, по выражению Мнишка, «уклонялись от предписанных работ» (в частности, согласно декретам прежних королей, они обязаны были возить дрова на солеварни, чего категорически не хотели делать). В письмах он выступает против даже малейшей уступки и не принимает никаких доводов: «Теперь они настаивают на послаблениях, – пишет Мнишек Сигизмунду. – Насколько я знаю, они обеднели вследствие неурожайных лет, но, если изменить те повинности, которые издавна были им предписаны, это повлечет за собой большой ущерб доходам вашего королевского величества» (ВК: 331–332).

Из писем становится ясно, что о многих вещах воевода предпочитал говорить с государем лично и довольно часто, не менее трех раз в год посещал монарха в Кракове, лишь однажды оправдавшись перед ним за отсрочку приезда: «Придется мне сохранить силы свои и остаться для сбора денег», – пишет он в ноябре 1603 г., будто зная уже, что вскоре от короля последует приглашение прибыть ко двору вместе с таинственным московским самозванцем (в дальнейшем Мнишек утверждал, что случайно ехал по делам в Краков весной 1604 г. и ничего не знал о миссии сопровождавшего Лжедмитрия князя Константина Вишневецкого) (Эйльбарт 2015).

Наконец, характеризуя старосту как военного охранителя вверенной ему территории, можно сказать, что Юрий Мнишек, когда он этого действительно хотел, действовал весьма оперативно. Обстоятельства одной подобной акции по поимке предводителя конфедератов полковника Тенгоборского он не без самодовольства описывал королю в мае 1602 г. В то время из Валашского похода против господаря Михаила Храброго возвращались отряды польских наемников,

приведенных туда еще в конце 1600 г. гетманами Я. Замоиским и С. Жолевским, а также люблинским воеводой М. Собеским. Перейдя обратно границы Речи Посполитой и, видимо, не получив всей обещанной платы, они занялись разбоем и грабежами сначала близ Львова, а затем перешли на Перемышльскую и Саноцкую земли. В письме к королю Мнишек тонко намекает на ответственность за это своеволие бывшего командующего Марка Собеского (вероятно, своего давнишнего недруга) и, конечно, косвенно, не называя имен, гетманов Замоиского и Жолкевского. Благодаря деятельной помощи его сына Яна Мнишка, саноцкого старосты, посланным из Санока отрядам у самой венгерской границы удалось ночью напасть на лагерь конфедератов и выкрасть предводителя, некоего полковника Тенгоборского. Его заключили в тюрьму Саноцкого замка и, судя по всему, потребовали для него смертного приговора (помимо текста письма, нам не удалось обнаружить дополнительной информации по этому делу) (РГИА: 10–12). В то же время, когда в 1603 г. подо Львовом вновь появились занявшиеся разбоем солдаты, которые, по выражению Мнишка, «действуют “по-наливайковски”», он даже не попытался воспротивиться их нападениям, предпочитая жаловаться королю и лишней раз оправдывать этими событиями убытки и задержку сбора средств: «Рад бы я был спасти подданных вашего королевского величества, но сделать это (из-за большого их числа и нерассмотрения этих дел на сейме) нелегко и отважиться трудно. Эти своевольники распустили (невзирая на ваше королевское величество, государя своего) хоругви и с военной музыкой [идут] по землям вашего королевского величества. Плач бедных людей взывает к вашему королевскому величеству о спасении, дело идет о будущей опасности с этой стороны для Речи Посполитой. Советую и прошу ваше королевское величество обратить свое государево внимание на это дело во избежание дальнейшего зла» (ВК: 319–320).

В целом можно заключить, что система старостинского управления (будь то староства «городовые», как Саноцкое, или «негородовые», как Самборская экономия) в условиях бессилия как королевской власти, так и городов являлась пусть и слабым, но, по крайней мере, хоть немного действенным инструментом стабильности прежде всего в удаленных от столицы регионах. Жизнь в них ни в коем случае нельзя было бы назвать спокойной, процветанию не способствовали и многочисленные угрозы как чужеземного нашествия, так и собственных солдат-конфедератов или казацких бунтов (вспомним хотя бы крупные по своим масштабам и устрашающие по последствиям восстания Косинского и Наливайко или же конфедератов из «квартирного» войска, возвращавшихся из походов через юго-восток

страны и грабивших местное население). Что касается экономического управления, то оно было довольно близоруким и велось традиционными силовыми способами, а желание ввести какой-либо иной вид доходной деятельности если и присутствовало, то не находило продолжения. В то время, например, в Прикарпатье близ Кросно в Саноцком старостве (как, впрочем, и во многих других местах этого региона) были известны многочисленные выходы нефти, которую местное население называло «земным маслом» и использовало в качестве лекарственной мази и горючего вещества, однако дело так и не дошло до скольких-нибудь серьезных масштабов извлечения прибыли из торговли ценным ресурсом.

В приложении представляем выполненный нами полный перевод упомянутых писем Ю. Мнишка Сигизмунду III.

Приложение

№ 1

Письмо Юрия Мнишка Сигизмунду III от 11 июля 1600 г.

Наияснейший милостивый король, всемилостивейший государь и господин мой.

Верные и нижайшие услуги мои препоручаю милостивой любви вашего королевского величества, моего милостивого государя.

Коморник вашего королевского величества, моего милостивого государя, пан Наперковский отдал мне письмо с мандатом вашего королевского величества касательно тех денег, которые я должен отдать вашему королевскому величеству. Пишу об этом с великой скорбью и стыдом, поскольку неотсылкой этих денег оскорбляю и доброту [ко мне] вашего королевского величества и на себя навлекаю ославление и трудности. Но причина тому – не что иное, как [плохие] времена, кои весьма мучат людей, а посему и я терплю убытки. Как недавно я просил ваше королевское величество, моего милостивого государя в письме, дабы из милостивой любви своей на короткое время изволили мне попустить, так и теперь покорно прошу ваше величество, моего милостивого государя, дабы ваше королевское величество не изволили приказывать начинать против меня этот иск, а я за несколько недель буду стараться, чтобы доплатить вашему королевскому величеству сумму в шестнадцать тысяч четыреста восемьдесят восемь злотых и двадцать грошей, причитающиеся на прошлого святого Яна¹ (я полагаю, что до сего времени мой служка, взявши от одного моего арендатора в Люблине четыре тысячи злотых, отвез их в казну вашего королевского величества). С той же выплатой, которая

приходится на святого Варфоломея, ваше королевское величество изволили подождать до святого Мартина [11 ноября]. Со стороны выплаты с солеварен, я полагаю, что коморник вашего королевского величества сполна забрал те восемь тысяч злотых, которые причитаются от меня вашему королевскому величеству, хотя сверх того и из [денег, полагающихся] на оплату фрахта [соли], мой слуга недовез мне более тысячи злотых. Также выплата с солеварен в десять тысяч злотых выпадала на прошлые [Зеленые] Святки, за вычетом из нее кварты причитается заплатить восемь тысяч семьсот восемнадцать злотых и пятнадцать грошей. Из Медениц также на [Зеленые] Святки приходится две тысячи, за вычетом из коих кварты причитается заплатить в казну вашего королевского величества тысячу восемьсот пять злотых и три гроша. Также из выплаты с Самбора, приходящейся на святого Варфоломея, за вычетом кварты и иных вещей, что мне утверждены казной вашего королевского величества, причитается мне заплатить в казну вашего королевского величества семь тысяч сто тринадцать злотых и десять грошей. Так покорно прошу ваше королевское величество, моего милостивого государя, дабы ваше королевское величество со всем этим до учинения моего расчета с казной вашего королевского величества изволили повременить, с сим [расчетом] если не будет сейма, еще до Рождества буду у вашего королевского величества. А поскольку ваше королевское величество остаток из суммы прошлой выплаты изволите желать иметь сполна, то я прошу ваше королевское величество для подтверждения убытков, прежде чем будет собран остаток, изволили кого-нибудь прислать. Потому как воистину не знаю, что мне делать из-за обнищания подданных вашего королевского величества. Поскольку и во всем этом всецело полагаюсь на милостивую любовь вашего королевского величества, моего милостивого государя, которую сполна жажду себе сохранить, нежели этим расстроить ваше королевское величество, только и повторю вашему королевскому величеству, моему милостивому государю, нижайше прося, дабы ваше королевское величество не изволили на меня гневаться из-за этих проволочек и не приказывали подавать этот иск, и без того, Господь Бог даст, во всем оправдаюсь перед вашим королевским величеством. Я не сомневаюсь, что ваше королевское величество изволите помнить и то, что в прежнее время немалые суммы я давал наперед. Посему и до смерти буду стараться заслужить своими услугами это милостивое снисхождение вашего королевского величества, как и иные ласки и благодеяния вашего королевского величества.

Я получил и второе письмо вашего королевского величества о том, чтобы не пропускать людей из государств вашего королевско-

го величества на службу другим государям, потому и в этом случае буду придерживаться инструкции вашего королевского величества. По моим сведениям, через Самборщину никто не проходил, кроме пана Юрия Стадницкого² весной.

О Михаиле³ после отъезда его посланца к вашему королевскому величеству ничего нового нет, кроме того, что слышно, как Михаил, прослышав о каких-то изменениях в Семиградской земле, с более чем тысячью всадников бежал в Семиградье, оставив свое войско в Валахии.

Засим повторно нижайшие услуги мои препоручаю милостивой любви вашего королевского величества, моего милостивого государя.

Дан в Самборе дня 11 июля лета 1600.

Вашего королевского величества, моего милостивого государя, верный и нижайший слуга Юрий Мнишек, воевода сандомирский.

Источник: Biblioteka Kórnicka 01403. Kk. 227–228.

№ 2

Письмо Юрия Мнишка Сигизмунду III от 11 мая 1602 г.

В настоящее время [к городу] подступило немало казаков, коих большая часть, воротившись из Валахии и Семиградской земли, не остается на честной рыцарской службе, но своевольно становится [лагерем] около Львова и, после моего отъезда из Львова выслал от своего полка членам магистрата какую-то записку (копию которой посылаю вашему королевскому величеству), предались грабежам и своеволию, о чем, я полагаю, вашему королевскому величеству уже успел дать знать его милость пан воевода люблинский [Марк Собеский], коему я об этом писал. Не знаю, из их ли числа или нет, но сейчас вновь там же, подо Львовом, собралось до трехсот всадников, в то время, когда я выезжал сюда в Прикарпатье, и, думая идти в Венгрию, пустились через Самбор. Имея на сей счет универсалы вашего королевского величества, я послал к ним с напоминанием, чтобы они оставили эту дорогу, протестацию о сем посылаю вашему королевскому величеству из Перемышльской крепости. Когда этого выполнить не хотели, я принял меры к тому, чтобы создать им трудности в переходе самборских гор, почувствовав это, они было хотели повернуть на Леско, но и там, почувствовав опасность, идя военным строем, повернули на Санок. Там в то время сын мой [Ян] проводил гродский суд, послал к ним узнать, куда они идут, и, когда дали знать, что в Венгрию, напомнил им, чтобы они это оставили. Однако почти ничего на это не сказав (что ваше королевское величество изволите понять из протестации, посланной из Саноцкого града), они пошли

мимо Кросно и ночевали недалеко от Дукли, в деревне Робач, принадлежащей вашему королевскому величеству. Там их настигли слуги моего сына и, не имея иного способа, напали на них ночью, захватили одного их полковника, некоего Тенгоборского, и отослали его для заключения в Санок. С ним на сей час власти в Саноке поступили именно так, как ваше королевское величество изволите уразуметь из письма от них. Я же тем временем, дабы обезопасить от этой угрозы, послал во Львов сына своего, старосту саноцкого, взяв на себя то, чтобы дать знать о том вашему королевскому величеству. Отсылая вашему королевскому величеству решение на их счет саноцких властей, прошу, дабы ваше королевское величество по милостивой ласке своей и ради успокоения этого своеволия изволили дать свою монаршую инструкцию о справедливом над ним постановлении, поскольку многие люди с великой радостью ожидают приговора вашего королевского величества и наказания этого поступка, дабы обезопаситься от такового своеволия. Тем более что все его товарищество с другим полковником, неким Липским, хочет идти на Жмигород, другие же и большая часть ушли в Венгрию. Повторно при сем препоручаю всяческие нижайшие услуги мои милости вашего королевского величества, моего милостивого государя.

Дан в Дембовце дня 11 мая Anno Domini⁴ 1602.

Вашего королевского величества, милостивого моего государя верный и нижайший слуга Юрий Мнишек, воевода сандомирский.

Источник: РГИА. Ф. 1603. Оп. 1. Д. 12. Л. 10–12.

№ 3

Письмо Юрия Мнишка Сигизмунду III от 24 мая 1603 г.

Наияснейший милостивый король, милостивый государь и господин мой.

Нижайшие и верные услуги мои препоручаю милостивой любви вашего королевского величества, моего милостивого государя.

Испытывая столь частыми проволочками со стороны внесения мною причитающейся платы терпение вашего королевского величества, не знаю, что теперь написать, кроме того, как повиниться перед вашим королевским величеством за эту задержку. Однако невозможно не сказать вашему королевскому величеству и то, какова причина того, что и теперь еще не отсылаю денег вашему королевскому величеству. Опускаю то, что, выезжая из Кракова, был обнадужен одним приятелем моим в получении двадцати тысяч злотых, которые до меня не дошли. Теперь же разошлись у меня и те десять с чем-то тысяч злотых, которые были отложены во Львове, посему не имею

иной надежды, кроме как на те деньги, которые дадут мне во Львове от продажи одного моего имения через две недели от будущей среды. А более не знаю, что еще сделать в этом затруднении моем, кроме как не переставать молить о милости вашего королевского величества и просить повременить, смиренно прошу ваше королевское величество по щедрой милости своей продлить мне время для этой оплаты. Сам Господь Бог видит, что я не оставляю всяческих стараний, дабы собрать причитающиеся от меня вашему королевскому величеству суммы и как можно скорее отослать их (хотя Господь Бог так управил, что из-за мелководья не мог отправить соль и был обманут многими своими арендаторами). Даст Господь Бог выполнить эти обязательства перед вашим королевским величеством, и я буду стараться о том, чтобы и эту милость вашего королевского величества, оказанную мне в сей задержке, как можно скорее заслужить.

От комиссии ксендза Помаского и пана подкомория перемышльского [Килиана Дрогоевского] имею тяжбу перед судом вашего королевского величества с самборскими мещанами, на предмет которой их милости [комиссары] не обозначили мне и срока. А поскольку дело это такого свойства, которое содержит в себе значительное умаление доходов в экономии вашего королевского величества, то прошу ваше королевское величество приказать отложить его до моего приезда к вашему королевскому величеству; и без того господа мещане задержались [в Кракове] надолго, могут и еще подождать.

Те же господа комиссары перепутали мои окрестности солеварен из декрета вашего королевского величества с некоторыми деревнями ординации⁵. Правду сказать, в том терплю убыток до нескольких тысяч бочек соли по той причине, что не возят мне дерева. Прошу ваше королевское величество приказать и это отложить до моего приезда, а в то время чтобы до дальнейшего решения вашего королевского величества, согласно давнему декрету вашего королевского величества, как и в прежние времена они к месту работ в солеварни возили дрова.

Не рад буду занимать ваше королевское величество дальнейшим писанием, но, разумея в том необходимость предостеречь ваше королевское величество, постараюсь быть кратким. Прошу ваше королевское величество приказать внимательно следить за солдатами, часть которых уже перешла в Венгрию, другие и сейчас направляются туда, а часть к этому готовится. Поверьте тому, ваше королевское величество, что этих солдат насчитывается до нескольких тысяч и едва ли не все они поступают по-наливайковски, более всего их в предгорьях. Люди oinantur⁶ что-то злое от этой толпы, не может быть такового без какого-либо вождя, имя которого они не хотят от-

крыть. Был здесь у меня коморник вашего королевского величества пан Голковский (который также с этой целью поехал ко Львову) и некоторые учиненные ими обиды и безбожные своеволия описал, о чем и я был бы рад упомянуть в этом письме, но не хочу занимать этим благородный слух вашего королевского величества, вкратце, однако, коснусь сего, сердце болит, глядя на таковые не только убытки, но и скверные их дела. Рад бы я был спасти подданных вашего королевского величества, но сделать это (из-за большого их числа и нерассмотрения этих дел на сейме) нелегко и отважиться трудно. Эти своевольники распустили (невзирая на ваше королевское величество, государя своего) хоругви и с военной музыкой [идут] по землям вашего королевского величества. Плач бедных людей взывает к вашему королевскому величеству о спасении, дело идет о будущей опасности с этой стороны для Речи Посполитой. Советую и прошу ваше королевское величество обратить свое государево внимание на это дело во избежание дальнейшего зла.

О господах солдатых квартирных и лифляндских также слышно, что, не удовлетворившись расчетом, данным вашим королевским величеством, они грозят какой-то конфедерацией. Но я не сомневаюсь, что ваше королевское величество изволите от кого-либо другого иметь об этом достаточные известия. При сем повторно препоручаю нижайшие и верные услуги мои милостивой любви вашего королевского величества, моего милостивого государя.

Дан в Самборе die 24 Mai Anno 1603⁷.

Вашего королевского величества, моего милостивого государя, верный и нижайший слуга Юрий Мнишек, воевода сандомирский.

Источник: Biblioteka Kórnicka 01403. Кк. 319–320.

№ 4

Письмо Юрия Мнишка Сигизмунду III от 20 ноября 1603 г.

Наияснейший милостивый король, милостивый господин и государь мой!

Верные и нижайшие услуги мои препоручаю милостивой доброте вашего королевского величества, милостивого моего государя.

Зная, что ваше королевское величество занят важнейшими делами Речи Посполитой, осмеливаюсь занять сими малыми вещами уши вашего королевского величества, моего милостивого государя, и я поведал бы об этом деле лично, если бы прибыл к вашему королевскому величеству. Видя, что придется мне сохранить силы свои и остаться для сбора денег, причитающихся от меня вашему королевскому величеству, и принимая во внимание то, чтобы из-за

молчания или из-за проволочек этих дел не дать повода к умалению доходов вашего королевского величества, сообщаю о сих делах вашему королевскому величеству, милостивому моему государю. Прежде всего то, что после присылки нового плебана в Меденицы и прибытия комиссии вашего королевского величества я сам поехал в Меденицы. Не дожидаясь того, как я отдам ей свою контроверсию, не вполне в комиссарском акте описаны мои объяснения [в защиту себя], я вынужден был сделать то, чтобы подать их в гродский [суд], делая известным вашему королевскому величеству то, что там прежде никогда не было плебана, и если бы я склонился к тому, чего требует ксендз плебан, была бы эта вещь к великому ущербу доходов вашего королевского величества. А то, что приближается мне срок [расчетов] с ксендзом плебаном, все сие предоставляю решить вашему королевскому величеству, моему милостивому государю, не желая занимать ваше королевское величество долгим письмом.

Я намеревался также информировать ваше королевское величество, какой великий *deminutio*⁸ произошел на соляных копях вашего королевского величества, в Нагойовцах, соляной деревне вашего королевского величества, после свежеполученного декрета. Однако, если Господь Бог позволит, предпочитаю устно о том дать ответ вашему королевскому величеству. Если бы на сей счет я бы не имел давнишнего декрета вашего королевского величества, то меня не беспокоили бы эти обращения к вашему королевскому величеству. Но имею первый декрет вашего королевского величества, а речь идет о немалом ущербе для вашего королевского величества, даст Господь Бог, лично предстану с этим делом перед вашим королевским величеством.

Я также имею мандат вашего королевского величества в отношении меденичан, которые уже с ним были несколько раз отпущены от вашего королевского величества, что справедливо должны остаться при всех тех повинностях, описанных ксендзом Маковецким при передаче мне Медениц. Теперь они настаивают на послаблениях. Насколько я знаю, они обеднели вследствие неурожайных лет, но, если изменить те повинности, которые издавна были им предписаны, это повлечет за собой большой ущерб доходам вашего королевского величества.

Также и подданные Роповской аренды принесли декрет вашего королевского величества, а они уклоняются как от межевания, так и от предписанных им работ. Прошу, дабы ваше королевское величество изволили прислать своего комиссара для межевания, который бы, присмотревшись к качеству земельных участков и взяв меру длины из прилегающих деревень, учинил бы справедливое межевание.

Как и прежде, так и теперь призываю ваше королевское величество, моего милостивого государя, и покорнейше прошу о присылке комиссара дабы удостовериться в здешних убытках. Когда же, даст Бог, прибуду к вашему королевскому величеству, счастлив буду во всем оправдаться и произвести достаточный денежный расчет. При сем повторно препоручаю низжайшие мои услуги милостивой доброте вашего королевского величества, моего милостивого государя.

Дан в Самборе дня 20 ноября лета Господня 1603.

Вашего королевского величества, моего милостивого государя, верный и низжайший слуга Юрий Мнишек, воевода сандомирский.

Источник: Biblioteka Kórnicka 01403. Кк. 331–332.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идет о празднике Яна Купалы.
2. Юрий Стадницкий герба Шренява – родственник супруги Юрия Мнишка Ядвиги Тарло, родной брат Станислава Стадницкого («Ланьцутского дьявола») и Мартина Стадницкого, гофмейстера двора царицы Марины Мнишек.
3. Речь идет о валашском господаре Михаиле Храбром.
4. Лета Господня (лат.).
5. Речь идет о Ляшецкой ординации – латифундии, принадлежавшей Юрию Мнишку, где располагались в том числе его частные солеварни.
6. Предчувствуют (лат.).
7. Дня 24 мая лета 1603 (лат.).
8. Ущерб (лат.).

ЛИТЕРАТУРА

РГИА - Российский государственный исторический архив. Ф. 1603. Оп. 1. Д. 12. Л. 10–12.

AGAD - Archiwum Główne Akt Dawnych. MK 135. Kk. 86–88.

BK - Biblioteka Kórnicka 01403. Kk. 227–228, 319–320, 331–332.

BNIO 1 - Biblioteka Narodowa im. Ossolińskich. Rkps. 1453. F. 5. D. 1. K. 230.

BNIO 2 - Biblioteka Narodowa im. Ossolińskich. II 3552. Kk. 265–266.

Костомаров 1994 - *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства. М., 1994. 800 с.

Эйльбарт 2015 - *Эйльбарт Н.В.* Семья Марины Мнишек: несостоявшиеся правители России. СПб., 2015. 232 с.

Góralski 1988 - *Góralski Z.* Urzędy i godności w dawnej Polsce. Warszawa, 1988. 284 с.

Koneczny 1924 - *Koneczny F. Dzieje administracji w Polsce w zarysie*. Wilno, 1924. URL: http://www.nonpossumus.pl/biblioteka/feliks_koneczny/adm/II_8.php (дата обращения: 10.09.2017).

Skrzetuski 1782 - *Skrzetuski W. Prawo polityczne narodu polskiego*. Warszawa, 1782. Т. 1. 448 s.

Szamanska 2007 - *Szamanska I. Wiśniowieccy*. Monografia rodu. Wydawnictwo Poznańskie. Poznań, 2007. 552 s.

Zubrzycki 1884 - *Zubrzycki D. Kronika miasta Lwowa*. Lwów, 1884. S. 210.

REFERENCES

The Russian State Historical Archive. (n.d.) Fund 1603. List 1. File 12. pp. 10–12.

The Central Archives of Historical Records in Warsaw. (n.d.) MK 135. pp. 86–88. Kórnik Library 01403. Kk. 227–228, 319–320, 331–332.

The Ossolineum National Library. Man.1453. Fund 5. File 1. K. 230.

The Ossolineum National Library. II 3552. pp. 265–266.

Kostomarov, N.I. (1994) *Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva* [The Time of Troubles in the Moscow State]. Moscow: Moscow State University.

Eylbart, N.V. (2015) *Sem'ya Mariny Mnishek: nesostoyavshiesya praviteli Rossii* [The family of Marina Mniszech: Unaccomplished rulers of Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Góralski, Z. (1988) *Urzędy i godności w dawnej Polsce* [The offices and dignities in Old Poland]. Warsaw: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza.

Koneczny, F. (1924) *Dzieje administracji w Polsce w zarysie* [History of administration in Poland]. [Online] Available from: http://www.nonpossumus.pl/biblioteka/feliks_koneczny/adm/II_8.php (Accessed: 10th September 2017).

Skrzetuski, W. (1782) *Prawo polityczne narodu polskiego* [Political law of the Polish nation]. Vol. 1. Warsaw: [s.n.].

Szamanska, I. (2007) *Wiśniowieccy. Monografia rodu* [The Wiśniowieckis. The family monograph]. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

Zubrzycki, D. (1884) *Kronika miasta Lwowa* [Chronicle of the City of Lviv]. Lviv: Nakładem autora.

Эйльбарт Наталия Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Россия).

Nataliya Eylbart – Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

E-mail: ejlbart@mail.ru

УДК 94(47)"1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/13

КРАСНЫЙ ТЕРРОР И ЛИКВИДАЦИЯ КИЕВСКОГО КЛУБА РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ (ВЕСНА – ЛЕТО 1919 г.): ФАКТЫ И ВЕРСИИ

Т.В. Кальченко¹, А.А. Чемакин²

¹Киевский национальный экономический университет
им. Вадима Гетьмана

Украина, 03680, г. Киев, пр. Победы, 54/1

E-mail: timur20101@yandex.ua

²Россия, г. Санкт-Петербург

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

Авторское резюме

Киевский клуб русских националистов (ККРН) был ведущей консервативной организацией в юго-западном регионе Российской империи. Расстрел действующих и бывших членов клуба, произведенный киевской Чрезвычайной комиссией весной-летом 1919 г., является достаточно известным эпизодом гражданской войны. Но, к сожалению, данное событие до сих пор не было подробно изучено. Обычно все сводится к тексту В.В. Шульгина о том, что киевская Чрезвычайная комиссия раздобыла список членов клуба за 1911 г. и расстреляла всех не успевших бежать; из-за этого пошли разговоры о том, что евреи-чекисты расстреливают русских по алфавиту, главным же виновником расправы считали Троцкого. Благодаря работе с мемуарной литературой и материалами Государственного архива Российской Федерации и Центрального государственного архива общественных объединений Украины, удалось реконструировать ход событий и подробно изучить протоколы допросов арестованных. Так, было установлено, что Троцкий не имел прямого отношения к произошедшему, а расстрелы производились по списку клуба не за 1911 г., а за 1913 г. Несмотря на значительную роль евреев и украинских левых эсеров в Чрезвычайной комиссии, прямых доказательств того, что они уничтожили ККРН по «национальным» мотивам, нет. Главной причиной репрессий против клуба русских националистов было то, что в глазах большевиков он являлся организацией «буржу-

азной», «империалистической» и «контрреволюционной», и поэтому вряд ли ККРН мог избежать своей судьбы. Но при этом отдельные чекисты вполне могли руководствоваться чувством «национальной» мести в неменьшей степени, чем большевистской идеологией или желанием ограбить арестованных.

Ключевые слова: Киевский клуб русских националистов, Чрезвычайная комиссия, гражданская война в России, красный террор, В.В. Шульгин, А.И. Савенко, Л.Д. Троцкий, Н.В. Краинский, Ю.А. Яворский.

RED TERROR AND THE LIQUIDATION OF THE KIEV CLUB OF RUSSIAN NATIONALISTS (THE SPRING AND SUMMER OF 1919): FACTS AND VERSIONS

T.V. Kalchenko¹, A.A. Chemakin²

¹Vadym Hetman Kyiv National Economic University

54/1 Pobedy Avenue, Kyiv, 03680, Ukraine

E-mail: timur20101@yandex.ua

²Russia, Saint Petersburg

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

Abstract

The Kiev Club of Russian Nationalists (KCRN) was the leading conservative organisation in the South-Western region of the Russian Empire. The shooting of the current and former members of the Club by the Kiev Cheka in the spring and summer of 1919 is a well-known episode of the Civil War. However, unfortunately, it has not been studied thoroughly enough yet. It all usually comes to V.V. Shulgin's report, which states that the Kiev Cheka obtained the 1911 list of the Club members and shot everyone who had not been able to escape immediately. This provoked the talks that the Jews from Cheka shot Russians in the alphabetical order, with Trotsky considered the main person responsible for the bloodbath. While reading memoirs and materials from The State Archive of the Russian Federation and The Central State Archive of Public Organisations of Ukraine, the authors managed to recreate the course of events and study carefully the records of interrogation. It has been revealed that Trotsky was not involved directly in what happened and the shootings was based not on the Club member list for 1911, but on that for 1913. Though the Jews and the Ukrainian Left Socialists-Revolutionaries

played an important role in the Cheka, there are no direct proofs that the KCRN was liquidated due to the "national" reasons. The main reasons for the repressions against the Club of Russian Nationalists was that the Bolsheviks considered it a "bourgeois", "imperialist" and "counter-revolutionary organisation", so the KCRN could hardly avoid its fate. However, some chekists might have been driven by "national" revenge feelings as much as by Bolshevism ideology and desire to rob the prisoners.

Keywords: Kiev Club of Russian Nationalists, Cheka, Russian Civil War, Red Terror, V.V. Shulgjin, A.I. Savenko, L.D. Trotsky, N.V. Krainsky, Yu.A. Yavorsky.

В 1910-е гг. Киевский клуб русских националистов (ККРН) был ведущей русской организацией в юго-западном регионе Российской империи, хотя большинству наших современников эта организация известна лишь в связи с репрессиями, обрушившимися на него в 1919 г. Редактор «Киевлянина» и член клуба В.В. Шульгин в одной из своих книг сообщал о том, что «чрезвычайка раздобыла печатный список членов клуба русских националистов, список, относящийся еще к 1911 году, и всех не успевших умереть или бежать членов клуба, занесенных в сей список, расстреляла. Разумеется, это произвело сильнейшее впечатление. И отсюда пошла молва, что "жиды расстреливают русских по списку". Или еще, как говорили некоторые: "по алфавиту"» (Шульгин 1929: 91).

В единственной на данный момент работе, посвященной ККРН, основное внимание уделено преимущественно предвоенному периоду, а также биографиям членов клуба (Кальченко 2008). При этом история гибели членов клуба в 1919 г. до сегодняшнего дня практически не изучена и именно поэтому остается полем для разнообразных спекуляций.

Необходимо отметить, что к весне 1919 г. ККРН фактически не существовал. Еще в 1913–1914 гг. из организации вышли многие члены, придерживавшиеся крайне правых взглядов, остальные же во главе с председателем клуба А.И. Савенко постепенно сдвигались влево. В марте 1917 г. ККРН поддержал новую власть и переименовался в Клуб прогрессивных русских националистов (РГИА: 5). В дальнейшем он стал основой для Внепартийного блока русских избирателей, в январе 1918 г. занявшего первое место по Киеву на выборах в украинское Учредительное собрание (25 428 голосов, т. е. 29,53 %) (Наслідки 1918: 9–10). В конце 1918 и начале 1919 г. в связи с приходом петлюровцев почти весь действующий актив клуба во главе с А.И. Савенко был вынужден бежать из Киева в Одессу. Последние сведения о подпольной деятельности организации относятся к январю 1919 г. (НИА). В Киеве в основном остались

бывшие члены клуба, вышедшие из него из-за разногласий с Савенко или по иным причинам. Решение остаться в родном городе, власть в котором вскоре сменилась на большевистскую, стало для них роковым.

В мае 1919 г. прошли массовые аресты бывших и действующих членов ККРН. Чекисты (рис. 1) в спешке брали всех тех, кого удалось обнаружить согласно найденному ими списку членов клуба, о котором будет сказано ниже (рис. 2).

В газете «Большевик» были опубликованы два списка расстрелянных в ходе красного террора членов монархических организаций, в том числе Союза русского народа и Клуба националистов. В первом списке (от 24 мая) было 44 чел. (Расстрел 1919а: 2), во втором (от 12 июля) – 7 (Расстрел 1919б: 2). Данные о погибших несколько разнятся. Так, например, в справке из коллекции С.П. Мельгунова в Гуверовском архиве указано, что погибли 82 члена клуба (КГТО: 80). А.И. Савенко писал, что было замучено около 70 чел. (Савенко 1919б: 1). Адвокат А.А. Гольденвейзер упоминал о 68 погибших (Гольденвейзер 1922: 251). Профессор Н.В. Краинский сообщал про 45 чел., расстрелянных «в два приема» (Краинский 2016: 259). На наш взгляд, достоверно можно говорить о 53 погибших, хотя число арестованных Чрезвычайной комиссией (ЧК) членов клуба было больше (письмоводитель управления Юго-Западных железных дорог М.И. Бурдынский, счетовод того же управления Д.П. Головушкин, купец А.И. Писарев,

Рис. 1. Киевская губернская ЧК. Весна 1919 г. Слева направо: в первом ряду четвертый – Дегтяренко; во втором ряду: первый – Рубинштейн, третий (№ 8) – Сорин, четвертый (№ 7) – Яковлев, пятый – Лашкевич; стоят в третьем ряду: первый – Шварцман, второй – Угаров, девятый – Савчук (ГАРФ: 28 об.).

кондитер С.Т. Нечаев, зубной врач Л.И. Горощенко и др. были в разное время освобождены из-под стражи).

Все аресты, сопровождавшиеся обысками, проводились представителями ЧК Рубинштейном и Павловым за полночь или ранним утром в присутствии председателей домовых комитетов. Задержанные препровождались в здание ЧК на Елизаветинской улице на Печерске и размещались в общей камере. Первая группа членов ККРН (здесь и далее мы будем для удобства говорить о членах клуба, хотя многие таковыми уже не являлись) в количестве 8 чел. оказалась в застенках ЧК 12 мая 1919 г., некоторые были арестованы на следующий день. Большинство же членов клуба были взяты под стражу в ночь с 13 на 14 мая 1919 г. Несколько человек попали в ЧК в ночь с 16 на 17 мая и один (Б.Н. Левестам) по доносу – 26 июня.

Большинство подробных протоколов обысков отсутствует. Это объясняется фактами банального грабежа потенциальных жертв. В некоторых случаях известно, что были изъяты следующие вещи: документы и переписка у Д.П. Андреева (ЦГАООУ 4: 1–1 об.); 7 600 руб., часы и портсигар у М.И. Бурдынского (ЦГАООУ 7: 33–33 об.); 100 руб. и бутылка вина у Б.Н. Левестама (ЦГАООУ 5: 21–21 об.); монета, три ключа и нож у М.П. Минникова (ЦГАООУ 8: 45–45 об.); шкаф с имуществом и книгами у Г.Г. Молодовского (ЦГАООУ 6: 16–16 об.); 200 руб., часы с золотой цепочкой, ключи у Н.С. Неминского (ОГА СБУ 2: 10–10 об.); старинное кольцо-печатка, три золотые шпильки,

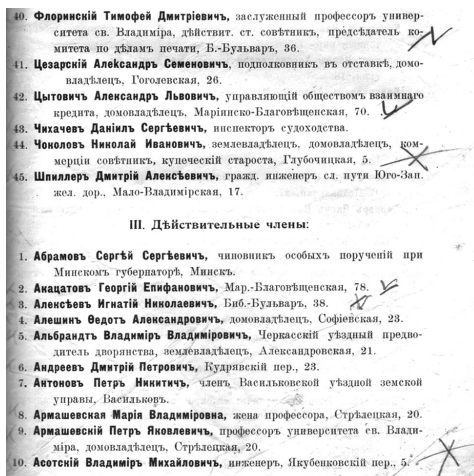

Рис. 2. Фрагмент «расстрельного» списка с пометками чекистов. Май 1919 г. (ГАРФ: 91).

32 фунта серебра, золотые турецкая и французская монеты, 4 печати у Н.Н. Раича (ОГА СБУ 1: 1–1 об.); 1 200 руб. у А.А. Тоболина (ЦГАООУ 7: 20–20 об.). Наиболее полным представляется список отобранного у И.Ф. Молодовского. В него вошли многочисленные серебряные предметы (ножи, вилки, ложки, соусники, рюмки, солонки, кошелек с тремя серебряными брелоками, шкатулка, пояс с пряжкой и брелоком и кинжалом, 11 позолоченных женских коробочек, более 150 монет, 40 руб. серебром, 3 медали); золотые ювелирные изделия; коробочки с эмальями (ЦГАООУ 6: 16–16 об.). Допросами занимались дежурные следователи (Лазурнина, Равер, Тартаковский, Берман, Гринштейн, Алексеев, Сидоренко). На последних четырех приходится основная масса протоколов.

Протоколы допросов содержали в первую очередь описание социального и имущественного положения арестованных, давали информацию о наличных средствах и банковских счетах. Кроме того, бывшие члены клуба с той или иной степенью детализации выявляли свои прошлые убеждения и отношение к новой власти. Показательно, что большинство из них тщательно скрывали свои взгляды и затушевывали активное участие в заседаниях клуба. Практически никто не признался в симпатиях к монархии; единственное, что роднило многих, это неприятие украинской самостоятельности и того хаоса, который творился на окраинах бывшей Российской империи. Характерными примерами трансформации взглядов бывших членов ККРН являются протоколы допросов некоторых влиятельных его участников.

Так, бывший товарищ председателя ККРН П.Я. Армашевский утверждал: «Состоял членом Клуба русских националистов в 1910 или 1911 году, пробыл около года, вступил членом по предложению профессора Чернова, бывал редко на докладах, активного участия не принимал. Выбыл из членов клуба, не желая участвовать в организации, имеющей националистический характер, так как вообще политикой не интересуюсь, всецело работая в области науки...» (ЦГАООУ 8: 35–35 об.).

В свою очередь, действительный член клуба И.Я. Павлович показал: «В 1907 году я был выбран в 3-ю Государственную Думу от мелких собственников Минской губ[ернии], где примкнул к блоку русских националистов. В то время я полагал, что для России необходима конституционная монархия. В настоящее время считаю себя б[ес]-п[артийным] республиканцем. К украинскому движению отношусь резко отрицательно, считаю, что Россия должна быть в целом едина. Всей душой сочувствую государственному строительству, проводимому Советской властью, ибо она стремится соединить отдельные части России, а не раздроблять, как петлюровцы или гетман» (ОГА СБУ 2: 20).

Действительный член ККРН и известный специалист по украинскому вопросу С.Н. Щеголев дал такие показания: «В 1907 г. я возвратился в Киев после тринадцати лет службы в провинции для воспитания своих детей. В члены Клуба русских националистов я вступил в 1908 г., в котором состоял до 1913 г., до дела Ющинского. Активного участия в работе клуба не принимал. За пять лет посетил три-четыре заседания членов клуба, посвященных украинскому вопросу, над которым я работал как публицист. Уход мой из клуба был вызван негодованием по адресу председателя клуба Савенко, который в суде по делу Бейлиса стремился к погромной агитации, завидуя Кишиневу и Белостоку. Советской власти не только сочувствую и не только состою на советской службе (сотрудник Губкомздрава), но готов посвятить ей свои силы на укрепление этой власти» (ЦГАООУ 3: 3).

Учредитель ККРН и Крещатикского отдела Союза русского народа А.П. Слинко также стремился всячески отмежеваться от деятельности организации, заявляя: «В Клуб русских националистов я записался просто для посещения клуба как любитель игры в винт и никакой политикой никогда не занимался. Даже не могу сказать, что за цель имел этот клуб. В настоящее время я подчиняюсь всякой власти, какая существует. Но желал бы такую власть, которую бы поддерживали массы и которая могла бы поддержать порядок» (ЦГАООУ 8: 9–9 об.).

Значительная часть арестованных действительно не имела после февраля 1917 г. никакого отношения к политике. А.А. Гольденвейзер вполне справедливо отмечал, что большинство жертв «было политически бесцветно и состояло в клубе националистов только потому, что того требовало их служебное положение и господствовавшие в этих кругах правила приличия и тона» (Гольденвейзер 1922: 252). А.И. Савенко и В.В. Шульгин рассказывали о героическом поведении на допросе одного из основателей клуба Е.А. Дворжицкого, который, понимая, что подписывает себе этим смертный приговор, якобы демонстративно заявил чекистам: «Я националист и монархист и жду спасения России только от генерала Деникина и Добровольческой армии» (Савенко 1919b: 1; Шульгин 1924a: 2). В показаниях же нет ничего подобного. Дворжицкий не отрицал членства в организации, говоря, что его привлекал лозунг «Единая, неделимая Россия», но при этом добавлял, что сам активно никогда не выступал, а в ККРН ничего черносотенного не видел. Также он сообщил, что к гетману и Петлюре относится отрицательно из-за насильственной украинизации, и что, по его мнению, «должно быть то правительство, которое осуществило бы на деле все свободы, предоставило работу всем трудящимся» (ЦГАООУ 4: 16).

Каждый следователь оставлял свое особое мнение об арестованном, иногда выдвигая предложения в отношении его дальнейшей

судьбы: «...безусловно, националист, очень яркий черносотенец» (ЦГАООУ 4: 27) – после допроса Д.П. Андреева; «человек по характеру вedomый, чем в качестве руководителя... безусловно, необходимый для государственного строительства» (ЦГАООУ 8: 37) – после допроса П.Я. Армашевского; «спекулянт, но мелкий. Пусть посидит. Член-сотрудник. Расстрелять?» (ЦГАООУ 7: 8) – после допроса К.Г. Данилова; «производит впечатление недалекого монархиста, по своей глупости говорит всю правду, не понимая значения» (ЦГАООУ 1: 9) – после допроса В.Р. Рыжковского. Совершенно фантастическая характеристика была дана следователем Лазурниной бывшему секретарю ККРН, вице-директору Лесного департамента во времена гетмана А.Ф. Никифорову: «Дворянин, окончил кадетский корпус. Счастлив был при Николае II, когда ему так хорошо жилось. Определенно контрреволюционер» (ЦГАООУ 2: 32).

Через несколько дней после допроса следовало заседание Особой комиссии при Киевской губернской ЧК. Так, например, заседание ЧК 19 мая, на котором были приговорены к смерти С.Н. Щеголев, А.П. Бобырь, И.Ф. Моссаковский, Н.Н. Раич, Г.И. Приступа, П.Я. Армашевский и ряд других членов ККРН, проходило в следующем составе: глава Киевской губернской ЧК Дегтяренко (председатель), Шуб (секретарь), глава Всеукраинской ЧК Лацис, Яковлев, Шварцман, Савчук, Угаров, Гринштейн (НЧС 1924: 205 – 207). На заседании 21 мая 1919 г., на котором приговорили к расстрелу П.А. Гомоляку, не было Яковлева, но зато дополнительно присутствовали заведующий юридическим отделом Валер и инспектор Лашкевич (ГАРФ: 121).

В подавляющем большинстве членам клуба в порядке проведения в жизнь красного террора были вынесены приговоры о применении высшей меры наказания (расстрела) с конфискацией имущества. Расстрелы производились через несколько дней (обычно в три часа ночи), а в отдельных случаях в 24 часа после вынесения приговора. Большинство участников ККРН погибли 22 мая 1919 г. Расстрелянных можно условно разделить на четыре группы: *элита клуба и городского общества* (14) – бывший вице-губернатор И.М. Неклюдов, ученые П.Я. Армашевский, Т.Д. Флоринский, публицист С.Н. Щеголев, член-учредитель клуба Е.А. Дворжицкий, казначей ККРН Н.В. Мальшин, директора гимназий И.Я. Павлович и Д.П. Янковский и др.; *предприниматели, торговцы и банковские работники* (14) – купцы В.В. Коноплин, А.С. Новиков, А.П. Слинко, директор Киевского земельного банка А.А. Тоболин, заведующий облигационным отделом того же банка Н.С. Неминский и др.; *служащие* (16) – конторщик Т.А. Брояковский, инженер Н.Ф. Купчинский, преподаватель реального училища И.П. Матченко, присяжные поверенные М.П. Минников и Г.И. Приступа и др.; *мещане и домовладельцы* (9) – дворянин

И.Ф. Моссаковский, слесарь А.Я. Буравкин, мещанин И.А. Башин, домовладелец Н.Г. де-Векки и др.

Чем же была вызвана расправа с клубом и кто был ее инициатором?

Сами представители советской власти объясняли произошедшее следующим образом: «Ожесточенное сопротивление буржуазии всем мероприятиям рабоче-крестьянской власти, подлая организация восстаний темных людей под предводительством проходимцев вроде Григорьева или Зеленого и при благосклонном участии городского хулиганья – все это заставило нашу власть принять исключительные меры – красный террор». Именно поэтому Киевская губернская ЧК приступила к работе, в которой «есть известная планомерность (как оно и должно быть при красном терроре)». Отмечалось, что «в первую голову пошли господа из стана русских националистов», и выбор этот сделан очень удачно: «Клуб русских националистов с Шульгиным и Савенко во главе был самой мощной опорой царского трона, в него входили помещики, домовладельцы и купцы правобережной Украины. Клуб был центром всероссийской реакции и вожаком ее империалистических стремлений. Выражая грабительские интересы пихновского помещичества, клуб играл не последнюю роль в нарастании конфликта между царскою Россией и императорскою Австро-Венгрию; перспектива выжимания соков из галицийских крестьян непреодолимо тянула савенковское панство к "освобождению" "подъяремной Прикарпатской Руси". За одно это, за подстрекательство царского правительства к войне, клуб должна была постигнуть справедливая кара со стороны власти тех, кто должен был положить свою голову на этой войне за помещицкие карманы. Расстрел монархической организации в значительной степени лишает господ Колчака, Деникина, Клемансо и Ллойд-Джорджа возможности иметь тут свой штаб, свою разведку и т.п. Сколько ни было правительств после революции, ни одно из них не трогало пихновского гнезда. Поэтому вся масса черносотенной буржуазии, голосовавшая за "русский список" <...>, чувствовала себя в Киеве очень спокойно. Теперь ей придется ту же...» (Красный террор 1919: 1).

Выходившая в Екатеринодаре газета «Великая Россия» объясняла случившееся тем, что «в Киеве в это время находился Троцкий. Киевская чрезвычайка, желая показать Троцкому свою энергию и деятельность, произвела массовые аресты членов клуба». Поводом же для арестов якобы стал список членов клуба, найденный при обыске в квартире профессора Т.Д. Флоринского (Киевская Гекатомба 1919: 2). Этой же версии придерживался и В.В. Шульгин, считавший расправы над русским населением Киева следствием приезда Троцкого.

Особенно он отмечал расправы над деятелями суда, каковые, по его мнению, являлись мстью за процесс Бейлиса (Шульгин 1924b: 2). Шульгин писал, что «Бронштейн-Троцкий перечислил намечаемые жертвы по сословиям и профессиям. И когда слушатели расходились с этой страшной лекции, у них за сгорбленной спиной трепетало жуткое чувство: *призыв Троцкого означал избиение русской интеллигенции*. Да, потому что перечисленные им сословия и профессии насчитывали в своих рядах подавляющее число русских» (Шульгин 1929: 92). Но на самом деле Шульгин, отсутствовавший в Киеве в те дни, опирался на рассказы других людей.

Так, в «Киевлянине» была опубликована статья некоей дамы под псевдонимом «Вендетта», которая рассказывала о посещении Киева Троцким во второй половине июля 1919 г. (хотя она тут же оговорила: «не скажу с уверенностью, когда это было»). По ее словам, Троцкий заявил: «Чиновники, лакеи старого режима, судейские, издевавшиеся в судах, педагоги, развращавшие в своих школах, помещики и их сынки-студенты, офицеры, крестьяне-кулаки и сочувствующие рабочие – все должны быть зажаты в кровавую рукавицу, все пригнаты к земле». «Кого можно – уничтожить, а остальных прижать так, чтобы они мечтали о смерти, чтобы жизнь была хуже смерти». По словам «Вендетты», «в огромном русском городе – матери русских городов, перед многосотенной толпой шла жгучая проповедь "русского погрома" – потому что к перечисленным категориям принадлежали только русские, и запуганные пулеметами люди – молчали» (Vendetta 1919: 1).

На самом же деле Троцкий выступал на рабочем митинге в Киеве не в июле, а 20 мая 1919 г. Его речь была посвящена вопросам организации советской власти, укрепления армии и фронта, борьбе с мятежом Григорьева. Он заявил, что «буржуазия как класс должна быть уничтожена», что с ней «мы должны продолжать отчаянную борьбу на жизнь и на смерть и не дать ей поднять голову» (Троцкий 1926: 176). Несмотря на это, ничего похожего на цитаты, приведенные в «Киевлянине», в его речи не было. К тому же в то время аресты русских националистов были уже в самом разгаре. Таким образом, Троцкий вряд ли являлся организатором репрессий против клуба, хотя нельзя исключать, что киевские чекисты хотели отличиться перед высоким гостем из Москвы. Про киевский визит Троцкого вообще ходило довольно много слухов: например, он якобы заявил, что «Киев ему напоминает редиску – снаружи она красна, а внутри бела. Надо, чтобы Киев сделался совершенно красным» (КТГО 2010: 68).

«Еврейской» версии (но без каких-либо отсылок к Троцкому) придерживался профессор Н.В. Краинский, в 1919 г. бывший чле-

ном Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков и работавший с документами киевской ЧК. По словам Краинского, в мае 1919 г. происходит первая серия убийств в рамках красного террора: «Убивались, без разбора виновности, все находившиеся в арестных помещениях Чеки. Но так как их, очевидно, было недостаточно, то "комиссия по выполнению красного террора" в составе Рубинштейна, Лашкевича (именуемого российским Маратом) и Яковлева-Демидова, воспользовавшись киевским календарем издания Оглоблина 1911 г., выловила и перебила всех тех, кто числился тогда в списке Клуба националистов. Хотя выполняла эти деяния Чека, но действовала она по санкции Раковского» (Краинский 1924: 2). При этом непосредственным организатором уничтожения клуба он считал председателя Киевской губернской ЧК Сорина (Блувштейна), который «был фанатиком еврейского национализма» и «соблюдал исключительно еврейские интересы». Именно Сорин, по его мнению, перенес деятельность ЧК с «борьбы против бандитизма на борьбу с врагами еврейства» (Краинский 2016: 256). Когда были уничтожены все лица, связанные с процессом Бейлиса по так называемому делу Союза русского народа, Сорин «обратил внимание на существующий в Киеве клуб националистов. Быть русским националистом в глазах еврейства было величайшим преступлением. Постановлено было уничтожить всех членов» (Краинский 2016: 258).

Стоит отметить, что к свидетельствам Краинского надо относиться достаточно осторожно. Нет никаких сомнений, что он работал с реальными документами ЧК, но его собственные радикальные монархические и антисемитские взгляды приводили к тому, что он даже и не пытался в своих работах сохранить хоть какую-то объективность. Есть в его работах и различные мелкие погрешности, которые, впрочем, можно объяснить давностью лет и особенностями человеческой памяти. Так, например, в реальности в руках у чекистов были не «киевский календарь издания Оглоблина 1911 г.» и не список членов клуба за 1911 г., как писал об этом Шульгин. В фонде Особой следственной комиссии в ГАРФ сохранились документы киевской ЧК, среди которых есть и часть того самого алфавитного списка членов ККРН, по которому производились аресты (ГАРФ: 90–91 об.). На левой части списка буквой «к» помечено, кто из членов ККРН живет непосредственно в Киеве, а на правой – различные отметки (буква «н», крест, галочка), являющиеся, по всей видимости, результатом посещения указанных адресов. Из нумерации страниц списка можно сделать однозначный вывод, что он взят из «Сборника Клуба русских националистов», вышедшего в 1913 г. (Сборник 1913: 391–420).

Тем более что, похоже, «расстрельных» списков было несколько. В сентябре 1919 г. газета «Русь» сообщала, что обнаружены списки лиц, «подлежащих розыску и аресту». Первый из них был списком киевских кадетов, которые, кстати, всегда отличались филосемитизмом. Большинству руководителей местных кадетов удалось спастись, перейдя на нелегальное положение или покинув город. «Не менее любопытен и другой список, фигурировавший рядом с кадетским, – говорилось в статье. – Назывался он списком "беспартийного общества русских избранников" и включал пестрый ряд киевских общественных деятелей самых различных политических оттенков и направлений. Сюда вошли не только кадеты. Здесь наряду с Д.Н. Григоровичем-Барским и В.В. Шульгин, и проф[ессор] Г.В. Демченко, и Н.В. Стороженко, и много других менее известных имен. Воспользовалась ли чрезвычайка готовым списком или он представляет собою плод ее собственного измышления и творческих изысканий – неизвестно» (Чрезвычайка 1919: 3). Скорее всего, «Русь» перепутала кадета Д.Н. Григоровича-Барского с националистом К.П. Григоровичем-Барским, и речь идет про предвыборную листовку «Внепартийного блока русских избирателей», выпущенную в конце декабря 1917 г. или начале 1918 г. во время кампании в Учредительное собрание УНР (по фамилиям этот список частично пересекался со списком ККРН).

Кроме «еврейской», существовала и другая версия того, что стало причиной страшной участи клуба – условно ее можно назвать «боротьбистской». Связана она с украинскими левыми эсерами, членами Украинской партии социалистов-революционеров (коммунистов), некоторое время спустя преобразованной в Украинскую коммунистическую партию (боротьбистов). Сторонником этой версии был известный галицко-русский деятель и член ККРН Ю.А. Яворский, в 1919 г. находившийся в Киеве и избежавший участи своих одноклубников. Спасло его лишь то, что почему-то его фамилии не оказалось в том роковом списке за 1913 г., хотя он участвовал в деятельности клуба, как минимум, до начала 1914 г. Яворский писал в некрологе, посвященном его погибшему другу профессору Т.Д. Флоринскому, что тот был замучен «по коварному "украинскому" наущению темными и дикими большевицкими руками». Яворский полагал, что «украинская месть» настигла Флоринского в «большевицком кошмаре, когда по случаю восстания "украинского" эсера Григорьева его тайными единомышленниками в киевской "чрезвычайке" был коварно подтасован "красный террор" против... русских националистов, с Т.Д. Флоринским и П.Я. Армашевским во главе» (Яворский 1922: 7–8). Несмотря на некоторую конспирологичность данной версии (например, указание на связь чекистов с «григорьевцами»), нельзя отрицать того, что бу-

душие «боротьбисты» в 1919 г. играли заметную роль в киевской ЧК и действительно могли повлиять на то или иное решение.

О роли украинских национал-коммунистов в деятельности ЧК есть и другие свидетельства. В июле 1919 г. киевской ЧК был расстрелян В.П. Науменко, в прошлом один из лидеров умеренного крыла украинского движения, бывший министр народного просвещения в последнем гетманском правительстве. Бывший ученик Науменко Ю.К. Рапопорт отмечал, что «на аресте и расстреле Науменки настояли украинские большевики-боротьбисты. Для этих двоерушников по призыванию, лукавых и похотливых, самое существование Владимира Павловича (все они его знали) было непрерывным оскорблением» (Рапопорт 1930: 239). Этой же версии придерживался основатель и президент Украинской академии наук В.И. Вернадский, считавший настоящими виновниками убийства Науменко «украинских националистов – большевиков-боротьбистов и укр[аинских] с.-р.» Сделали же они это потому, что Науменко мешал «их самостоятельности» (Вернадский 1997: 24). Нельзя исключать, что подобная мотивация могла быть и при ликвидации Клуба националистов. Кстати говоря, редакция «Киевлянина», тесно связанного с ККРН, была захвачена как раз левыми эсерами, издававшими в ней свои газеты «Борьба», «Боротьба» и «Красное знамя» (редактором последней некоторое время был видный чекист и украинский левый эсер В.И. Яковлев).

В официальном большевистском заявлении по поводу красного террора говорилось, что «расстрел клуба русских националистов, разбивая организацию "хлеборобов-собственников" – протофисовских Голицыных, Кочубеев и т. п., дает хороший урок и украинской черной сотне. Ударяя по помещичеству, он попадает в самое сердце кулацких бунтов, он выбивает фактическое руководство из рук лакейской партии незалежников и эсеров-активистов, "социалистов" Директории и т.п. сволочи, которая ведет вооруженную борьбу против Советской власти в интересах финансового капитала Украины и Антанты. Красный террор должен показать всей этой компании, что пролетариат, оказавшись в состоянии уничтожить барина, уничтожит и его слугу» (Красный террор 1919: 1).

Таким образом, клуб связывался и с «хлеборобами», бывшими опорой для гетмана, и с представителями левых украинских партий. Связь с «гетманцами» у отдельных членов клуба, очевидно, была, зато второе обвинение выглядит совершенно фантастическим и надуманным. Это заявление может частично и опровергать, и подтверждать «боротьбистскую» версию. С одной стороны, основной его посыл был все-таки направлен против украинских левых (но не тех, что сотрудничали с большевиками и работали в киевской ЧК, а тех,

что выступали на стороне УНР или пытались балансировать между петлюровцами и коммунистами – речь идет в первую очередь о «незалежниках», т. е. независимых украинских социал-демократах), с другой стороны, очень странно выглядит ситуация, когда, стремясь припугнуть этих самых украинских социалистов, расстреливают не их сторонников, а их заклятых врагов – русских националистов. Таким образом, вероятно, заявления Яворского имели под собой какие-то основания.

Если посмотреть на тех, кто руководил красным террором в Киеве в мае 1919 г., то там можно обнаружить и евреев (Сорин-Блувштейн, Рубинштейн), и украинских левых эсеров (Яковлев, Лашкевич). Краинский, как уже говорилось выше, отмечал в качестве членов комиссии по красному террору Лашкевича, В.И. Яковлева (Демидова) (1892–1935) и Н.Л. Рубинштейна (1890–1937), а как инициатора репрессий – И.И. Сорина (Блувштейна) (1893 – не ранее 1920). Лашкевич и Рубинштейн в том же статусе упомянуты в статье из газеты «Пролетарская правда» (Илюшін 1927: 3). При этом чекист М.И. Болеросов (Валер), арестованный белыми и давший обширные показания, утверждал, что в комиссию по проведению красного террора входили Рубинштейн, Большаков (от Всеукраинской ЧК) и неизвестное ему лицо от партии боротьбистов, редко бывавшее на заседаниях (НЧС 1925: 140). По его данным, весной 1919 г. всей деятельностью руководила комиссия ЧК, состоявшая из «Блувштейна (“Сорина”), Цвибака Самуила, Шуба, Фаермана, Кагана, Шварцмана Якова, Моти Гринштейна и четырех неевреев - Петра Дегтяренко, Савчука, Яковлева и, краткое время, Ковалева» (НЧС 1925: 121). «Я не ошибусь, если скажу, – сообщал Валер следователю, – что процентное соотношение евреев к остальным сотрудникам “чека” равнялось 75:25, а командные должности находились почти исключительно в их руках». По его словам, за этот период не было ни одной казни еврея (за исключением некоего сотрудника ЧК Каца), зато он был богат «особым оттенком работы (Союз русского народа, составление списков для проведения в жизнь красного террора) и благодушным отношением к делам евреев, по мнению большинства членов комиссии, по недоразумению не понимающих революции и ее задач» (НЧС 1925: 132). Кроме того, Валер утверждал, что Сорин ранее участвовал в расстреле Николая II и его семьи, что создавало вокруг него «особый революционный ореол» (НЧС 1925: 118). При этом все же стоит отметить, что если Сорин и был инициатором арестов членов клуба, то к вынесению смертных приговоров он отношения не имел, т.к. как был заменен на посту председателя губернской ЧК на Дегтяренко.

На наш взгляд, все-таки основной причиной уничтожения клуба стала та заметная роль, которую он играл на политической арене Киева последнее десятилетие перед революцией, а не национальная принадлежность тех или иных чекистов, хотя и этот фактор ни в коем случае нельзя отбрасывать. Ю.К. Рапопорт, кадет и сотрудник шульгинской «Азбуки», писал в своих воспоминаниях, что Киев был чуть ли не самым «правым» городом в России, и отмечал успешное выступление русского списка на выборах в Учредительное собрание. Кроме того, «Киев не был еще подточен тем, что разрушает жизнь глубже революции: голодом. В пестрых кирпичных домах при всех режимах семьи жили так же, как прежде, или старались так же жить и только крепче цеплялись за старые привычки, пока волны перекатывались через головы». Именно поэтому, по его мнению, «Киев решено было почистить» (Рапопорт 1930: 236). В подобном духе однажды высказался и сам Шульгин: «Среда "Клуба русских националистов" вообще была русско-купеческая. Может быть, поэтому-то и торчала она бельмом на глазу. Впрочем, "Клуб русских националистов" имел много прегрешений. Не он ли всеми силами поддерживал Столыпина? Не по его ли почину поставлен был памятник Петру Аркадьевичу против Киевской городской думы? <...> Разве это можно было простить? Разве можно простить людям, в XX веке вспомнившим, что в X Киев был колыбелью Руси и что обязанность – хранить национальную идею – не снята с него и до сих пор, через тысячу лет. Такое упрямство должно было быть наказано. И вот – "по списку"...» (Шульгин 1924а: 2).

В первом номере «Киевлянина», возрожденного после прихода в Киев белых войск, была напечатана статья Савенко «Памяти замученных», в которой он писал, что члены клуба «погибли за то, что любили Россию и русских. Убивая их, палачи-социалисты стремились убить Россию. Но убить Россию нельзя» (Савенко 1919а: 2). Он отмечал, что «недаром теперь наш клуб в русских кругах в г. Киеве называют "клубом русских мучеников"». Невольно скорбная мысль говорит: отчего они не бежали из Киева, не скрылись? Но это объясняется непроборимостью их веры в человека: они недооценили всей глубины того падения, до которого доводит торжествующий социализм, не поняли, что в душах социалистов-властителей, захвативших власть, человек и все человеческое вытравлено без остатка» (Савенко 1919b: 1).

Была произведена эксгумация тел из массовых захоронений, в результате которой многие жертвы были опознаны родными и похоронены на разных кладбищах Киева – Аскольдовой могиле (Т.Д. Флоринский), Покровского монастыря (Н.В. Мальшин), Старо-Вознесенской церкви (И.П. Матченко), Лукьяновском (А.П. Слинко), Байковом. В настоящее время уцелело лишь захоронение К.Ф. Стан-

кова на Байковом кладбище (см. рис. 3). На протяжении нескольких недель на страницах «Киевлянина» практически ежедневно публиковались некрологи погибшим членам клуба и сообщения об очередных похоронах, на которых непременно выступал с памятными речами Савенко. Работа клуба возобновлена не была, хотя некоторые из оставшихся в живых его членов не прекратили политическую деятельность, сотрудничая с возглавляемым Савенко киевским отделением Отдела пропаганды при главнокомандующем ВСЮР.

Рис. 3. Могила К.Ф. Станкова на Байковом кладбище (Киев).

В готовившемся выпуске журнала «Малая Русь» планировалось сделать особый раздел «Книга русской скорби», «в котором будут помещены портреты и некрологи замученных русских людей и будет дано описание их мученичества» (От редакции 1919: 2). Изначально даже была идея похоронить всех расстрелянных членов клуба в одном месте, а над их могилами построить храм-памятник (К погребению 1919: 2). В конце концов было решено совершать ежегодно 18 августа (в день освобождения Киева) поминальные службы во всех православных и инославных храмах, молельнях и синагогах, а после православных служб проводить крестный ход из храмов на Софийскую площадь. Кроме того, у зданий бывших чрезвычайек пла-

нировалось поставить кресты с именами погибших (Увековечение 1919: 2). Ничего из запланированного так и не было реализовано – белым пришлось оставить Киев 16 декабря 1919 г.

Подведем итоги. ККРН, благодаря успеху «русского списка» на выборах, а также своей деятельности прошлых лет (поддержка Столыпина, дело Бейлиса, сотрудничество с галицко-русским движением и призывы присоединить Галичину к России и т. д.), был в глазах большевиков организацией, несомненно, враждебной, «империалистической», «буржуазной» и «контрреволюционной». Утверждения, что уничтожение клуба было санкционировано Троцким или стало результатом целенаправленной и осознанной деятельности еврейства как такового, избравшего своим орудием чекистов и мстящего клубу за дело Бейлиса, выглядят не очень убедительно, т. к. репрессиям подвергались и кадеты, которые до революции были партией абсолютно проеврейской. Скорее дело в том, что Клуб националистов был самой заметной «контрреволюционной» организацией в Киеве и во всем юго-западном регионе (пусть к тому времени фактически не действующей, но являющейся важным символом), поэтому самый мощный удар пришелся именно по нему, и вряд ли его можно было избежать. Если бы даже киевская ЧК целиком состояла из русских, итог не мог быть иным. Но при этом специфика этнического состава киевской ЧК, несомненно, сыграла свою зловещую роль. Напряженные межэтнические отношения в регионе и желание отомстить за старые обиды привели к тому, что чекисты выполняли свою кровавую «работу» со всем рвением и старанием. Клуб оказался идеальной мишенью и для большевиков-евреев, и для украинских левых эсеров: можно было, оставаясь в полном русле большевистской идеи уничтожения классовых врагов, заодно уничтожить и врагов национальных, тем самым расчистив площадку для реализации собственных «национал-коммунистических» проектов. К тому же нельзя исключать и значение более низменных мотивов рядовых чекистов, желавших просто-напросто ограбить арестованных, многие из которых были обеспеченными людьми.

ЛИТЕРАТУРА

HIA - Hoover Institution Archives. P.N. Vrangal Collection. Box 30. Folder 6. Сообщение «Аза» от 2 января 1919 г.

Vendetta 1919 - Vendetta. Так было // Киевлянин. 1919. 13 сентября. № 20.

Вернадский 1997 - *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921. Январь 1920 – март 1921. Киев: Наукова думка, 1997.

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 201.

Гольденвейзер 1922 - *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний (1917–1921 гг.) // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1922. Т. VI.

Илюшин 1927 - *Илюшин.* Революційна путь Київської ЧК (Спогади) // Пролетарська правда. 1927. 18 грудня. № 289 (1902).

Кальченко 2008 - *Кальченко Т.В.* Киевский клуб русских националистов. Историческая энциклопедия. Киев: Киевские ведомости, 2008.

К погребению 1919 - К погребению жертв социалистического террора // Киевлянин. 1919. 24 августа. № 4.

Киевская Гекатомба 1919 - Киевская Гекатомба (Список жертв киевской чрезвычайки) // Великая Россия. 1919. 13 (26) июля. № 255.

Краинский 2016 - *Краинский Н.В.* Психофильм русской революции. М.: Институт русской цивилизации, 2016.

Краинский 1924 - *Краинский Н.* Кое-что о Раковском и Иоффе // Новое время. 1924. 30 ноября. № 1080.

Красный террор 1919 - Красный террор // Большевик. 1919. 24 мая. № 35.

КТГО 2010 - Красный террор глазами очевидцев. М.: Айрис-Пресс, 2010.

Наслідки 1918 - Наслідки голосування по Київській виборчій окрузі // Вісти Головної комісії по справах виборів до Установчих зборів Української Народньої Республіки. 1918. 4 квітня. № 16. Стб. 9–10.

НЧС 1924 - Материалы и документы из деятельности Ч.К. (По данным Деникинской комиссии) // На чужой стороне. 1924. № 4.

НЧС 1925 - Чекист о Ч.К. // На чужой стороне. 1925. № 9.

ОГА СБУ 1 - Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Д. 37872-ФП.

ОГА СБУ 2 - ОГА СБУ. Д. 73850-ФП.

От редакции 1919 - От редакции сборника «Малая Русь» // Киевлянин. 1919. 29 августа. № 8.

Рапопорт 1930 - *Рапопорт Ю.К.* У красных и белых // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1930. Т. XX.

Расстрел 1919а - Расстрел контрреволюционеров // Большевик. 1919. 24 мая. № 35.

Расстрел 1919б - Расстрел бандитов и провокаторов // Большевик. 1919. 12 июля. № 75.

РГИА - Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1301.

Савенко 1919а - *Савенко А.* Памяти замученных // Киевлянин. 1919. 21 августа. № 1.

Савенко 1919б - *Савенко А.* Заметки. V // Киевлянин. 1919. 11 сентября. № 18.

Сборник 1913 - Сборник Клуба русских националистов. Выпуск четвертый и пятый. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1913.

Троцкий 1926 - *Троцкий Л.* Речь на рабочем митинге в Киеве 20 мая 1919 г.

//Троцкий Л. Сочинения. Т. XVII: Советская республика и капиталистический мир, ч. II: Гражданская война. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.

Увековечение 1919 -Увековечение памяти мучеников // Киевлянин. 1919. 29 августа. № 8.

ЦГАООУ 1 -Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 263. Оп. 1. Д. 68578.

ЦГАООУ 2 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 68588.

ЦГАООУ 3 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 68644.

ЦГАООУ 4 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 68652.

ЦГАООУ 5 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 68777.

ЦГАООУ 6 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 69301.

ЦГАООУ 7 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д.69303.

ЦГАООУ 8 - ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 72513.

Чрезвычайка 1919 - «Чрезвычайка» и киевские кадеты // Русь. 1919. 26 сентября (9 октября). № 38.

Шульгин 1924а - Шульгин В. Слезы и цветы (1919 г.). II // Новое время. 1924. 7 сентября. № 1008.

Шульгин 1924б - Шульгин В. Слезы и цветы (1919 г.). III // Новое время. 1924. 12 сентября. № 1012.

Шульгин 1929 - Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...». Об антисемитизме в России. Париж: Russia Minor, 1929.

Яворский 1922 - Яворский Ю.А. Из галицко-русского помянника. Шесть некрологов. Львов, 1922.

REFERENCES

Hoover Institution Archives. (1919) *P.N. Vrangal Collection*. Box 30. Folder 6. Message "Aza" by January 2, 1919.

Anon. (1919) Vendetta. Tak bylo [Vendetta. So it was]. *Kievlyanin*. 13th September.

Vernadskiy, V.I. (1997) *Dnevniky 1917–1921. Yanvar' 1920 – mart 1921* [The Diaries of 1917–1921. January 1920–March 1921]. Kyev: Naukova dumka.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-470. List 2. File 201.

Goldenweiser, A.A. (1922) Iz kievskikh vospominaniy (1917–1921 gg.) [From the Kiev memoirs (1917–1921)]. In: Rodzyanko, M.V. et al. *Arkhiv russkoy revolyutsii* [The Archive of the Russian Revolution]. Vol. 6. Berlin: Slovo.

Ilyushin. (1927) Revolyutsiyana put' Kiivs'koï ChK (Spogadi) [The revolutionary way of the Kiev Cheka (Memories)]. *Proletars'ka pravda*. 18th December.

Kalchenko, T.V. (2008) *Kievskiy klub russkikh natsionalistov. Istoricheskaya*

entsiklopediya [The Kiev Club of Russian Nationalists. A Historical Encyclopedia]. Kyiv: Kievskie Vedomosti.

Anon. (1919a) K pogrebeniyu zhertv sotsialisticheskogo terrora [To the burial of victims of socialist terror]. *Kievlyanin*. 24th August.

Anon. (1919b) Kievskaya Gekatomba (Spisok zhertv kievskoy chrezvychayki) [The Kiev Hecatombs (The List of victims of the Kiev Cheka)]. *Velikaya Rossiya*. 13th (26th) July.

Krainskiy, N.V. (2016) *Psikhofil'm russkoy revolyutsii* [Psychofilm of the Russian Revolution]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.

Krainskiy, N. (1924) Koe-chno o Rakovskom i Ioffe [Something about Rakovsky and Ioffe]. *Novoe vremya*. 30th November.

Anon. (1919) Krasnyy terror [Red Terror]. *Bol'shevik*. 24th May.

Volkova, S. (ed.) (2010) *Krasnyy terror glazami ochevidtsev* [Red Terror Eye Beholder]. Moscow: Ayris-Press.

Anon. (1918) Naslidki golosovannykh po Kiivs'kiy voborchiy okruzi [Voting results for the Kiev electoral district]. *Visti Golovnoi komisii po spravakh voboriv do Ustanovchikh zboriv Ukraïns'koï Narodn'oi Respubliki*. 4th April. Col. 9–10.

Anon. (1924) Materialy i dokumenty iz deyatelnosti Ch.K. (Po dannym Denikinskoy komisii) [Materials and documents from the activities of Cheka (According to the Denikin Commission)]. *Na chuzhoy storone*. 4.

Anon. (1925) Chekist o Ch.K [The Chekist about Cheka]. *Na chuzhoy storone*. 9.

The State Archive of the Security Service of Ukraine. (n.d.) D. 37872-FP.

The State Archive of the Security Service of Ukraine. (n.d.) D. 73850-FP.

Anon. (1919) Ot redaktsii sbornika "Malaya Rus'" [From the editorial board of the collection "Little Russia"]. *Kievlyanin*. 29th August.

Rapoport, Yu.K. (1930) U krasnykh i belykh [With the Red and the White]. In: Rodzyanko, M.V. et al. *Arkhiv russkoy revolyutsii* [The Archive of the Russian Revolution]. Vol. 20. Berlin: Slovo.

Anon. (1919a) Rasstrel kontrrevolyutsionerov [The shooting of counterrevolutionaries]. *Bol'shevik*. 24th May.

Anon. (1919b) Rasstrel banditov i provokatorov [Shooting bandits and provocateurs]. *Bol'shevik*. 12th July.

The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1278. List 5. File 1301.

Savenko, A. (1919a) Pamyati zamuchennykh [In memory of the tortured]. *Kievlyanin*. 21st August.

Savenko, A. (1919b) Zametki. V [Notes. V]. *Kievlyanin*. 11th September.

The Club of Russian Nationalists. (1913) *Sbornik Kluba russkikh natsionalistov* [The Collection of the Club of Russian Nationalists]. Issues 4–5. Kyiv: Tipografiya S.V. Kulzhenko.

Trotsky, L. (1926) *Sochineniya* [Works]. Vol. 17. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.

Anon. (1919) Uvekovechenie pamyati muchenikov [Perpetuation of the memory of martyrs]. *Kievlyanin*. 29th August.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOOU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 68578.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOOU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 68588.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOOU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 68644.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOOU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 68652.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOOU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 68777.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOOU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 69301.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOOU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 69303.

The Central State Archives of Public Associations of Ukraine (TsGAOOU). (n.d.) Fund 263. List 1. File 72513.

Anon. (1919) “Chrezvychayka” i kievskie kadety [Cheka and the Kiev Cadets]. *Rus'*. 26th September.

Shulgin, V. (1924a) Slezы i tsvety (1919 g.). II [Tears and flowers. II]. *Novoe vremya*. 7th September.

Shulgin, V. (1924b) Slezы i tsvety (1919 g.). III [Tears and flowers. III]. *Novoe vremya*. 12th September.

Shulgin, V.V. (1929) “*Chto nam v nih ne nraivitsya . . .*” *Ob antisemitizme v Rossii* [“What we do not like about them . . .” About anti-Semitism in Russia]. Paris: Russia Minor.

Yavorskiy, Yu.A. (1922) *Iz galitsko-russkogo pomyannika. Shest' nekrologov* [From the Galician-Russian necrology. Six obituaries]. Lviv: Stauropegion Institute.

Кальченко Тимур Валерьевич – доктор экономических наук, профессор кафедры международного менеджмента Киевского национального экономического университета им. Вадима Гетьмана (Украина).

Timur Kalchenko – Vadym Hetman Kyiv National Economic University (Ukraine).

E-mail: timur20101@yandex.ua

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, Санкт-Петербург (Россия).

Anton Chemakin – Saint Petersburg (Russia).

E-mail: chemakinanton@rambler.ru

УДК 94(47+436)"1916/1917"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/14

ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ РУСИНОВ И ДРУГИХ СЛАВЯН В 1916–1917 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАМЫШИНСКОГО КАЗЕННОГО ПИТОМНИКА)

Б.В. Колесников

Волгоградский государственный университет
Россия, 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, 100
E-mail: boryanVolg34@mail.ru

Аннотация

В данной статье на основе документов, хранящихся в Государственном архиве Волгоградской области и ГАРФ, рассматриваются положение военнопленных русинов и представителей других славянских народов в 1916–1917 гг., использование их труда на сельскохозяйственных предприятиях. Особое внимание уделяется региональной компоненте – содержанию военнопленных славян на Камышинском казенном питомнике Камышинского уезда Саратовской губернии. Изучены условия труда и проживания, выяснено, что дешевый труд пленных иногда использовался даже в выходные и праздничные дни, имели место суровые наказания. Сделана попытка оценить этнический состав пленных. Установлено, что национальную принадлежность проследить трудно, поскольку перепись военнопленных и прочая документация велись недобросовестно. В Камышинском питомнике, как и на других предприятиях, содержались и работали вместе русины, чехи, словаки, поляки, евреи, немцы, венгры. Прослеживается влияние общероссийских политических и экономических процессов на положение военнопленных, на их численность в лагерях и сельскохозяйственных предприятиях – Камышинском и Котовском питомниках. Делается вывод о том, что тяжелое положение русинов, чехов и словаков сплотило их, способствовало их объединению. Дается оценка роли военнопленных в деятельности чехословацких национальных организаций в России и в чехословацком национальном движении. Выявляется взаимосвязь положения военнопленных славян, их политической активности и роста национального движения за создание независимых государств.

Ключевые слова: военнопленные, русины, Первая мировая война, славяне, обложение, экономика в военных условиях.

THE SITUATION OF RUSIN AND OTHER SLAVIC PRISONERS OF WAR IN 1916–1917 (A CASE STUDY OF KAMYSHIN STATE FOREST NURSERY)

B.V. Kolesnikov

Volgograd State University
100 Universitetsky Avenue, Volgograd, 400062, Russia
E-mail: boryanVolg34@mail.ru

Abstract

The paper analyses archival documents from the State Archive of Volgograd Region and the State Archive of Russian Federation to investigate the situation of Rusin and other Slavic prisoners of war in Russia in 1916–1917 and their work for agricultural enterprises. Particular attention is paid to the regional component – the conditions in which Slavic prisoners of war lived at the Kamyshin state nursery, Kamyshin district, Saratov province. The author studies the living conditions and working environment of prisoners of war to find out that they could suffer severe punishment and their cheap labour was sometimes used even on weekends and holidays. The ethnic composition of prisoners can hardly be traced due to the inaccurate census of prisoners of war and other documents. The Kamyshin forest nursery, like other enterprises, housed representatives of many nations – Rusins, Czechs, Slovaks, Poles, Jews, Germans and Magyars, who lived and worked together. The research demonstrates the influence of Russian political and economic processes on the regional situation with prisoners of war and their number in the camps and agricultural enterprises – Kamyshin and Kotovsky nurseries. The author also focuses on how the plight of the Rusins, Czechs and Slovaks rallied them and what role the role of prisoners of war played in the activities of Czechoslovak national organizations and Czechoslovak national movement in Russia. He sheds light on the interrelation of the position of Slavic prisoners of war, their political activity and the growing national movement for the independent states.

Keywords: prisoners of war, Rusins, World War I, Slavs, forestation, wartime economy.

Военнопленные славяне были одной из важнейших движущих сил в борьбе за создание национальных славянских государств в годы Первой мировой войны. Исследование положения военнопленных в 1916–1917 гг. позволяет выявить взаимосвязь ситуации на местах и общероссийских процессов.

Первая мировая война была крайне непопулярна среди русинов и других славян. Представители славянских народов, насильно одетые в военные мундиры, стали массово сдаваться в плен армиям стран Антанты или просто переходили на их сторону. Только в России насчитывалось 200–250 тыс. чешских и словацких пленных, из них примерно 100 тыс. чел. – словаки (История Словакии 2003: 22). Кроме них в плену на территории России находилось более 200 тыс. югославян, а также множество русинов, украинцев, поляков, болгар (Солнцева 2002: 144). Точные сведения о количестве русинов отсутствуют.

Военнопленные чехи, словаки, поляки, русины и представители других славянских народов направлялись на промышленные и сельскохозяйственные работы, в том числе для укрепления оврагов с помощью лесопосадок в г. Камышин.

Камышинский казенный питомник был основан в 1903 г. Константином Павловичем Красильниковым, младшим таксатором корпуса лесничих Министерства земледелия и государственных имуществ. В Камышинском уезде Саратовской губернии возникла необходимость принять меры против надвигавшихся на Камышин песков для предотвращения эрозии плодородных почв и песчаных бурь. На склонах оврагов требовалось создать для этого лесополосы. Облесение оврагов проводилось вручную, по откосам делали узкие террасы, на них высаживались деревья и кустарники.

Во время Первой мировой войны для выполнения этих работ в питомнике стали использовать военнопленных. В плену находились военнослужащие австро-венгерской и германской армии. Военнопленных славян, в том числе и русинов, направляли преимущественно в центральные и южные губернии европейской части России (Базанов 2013: 177).

Сведения о военнопленных, участвовавших в песчано-овражных работах на Камышинском казенном питомнике, сохранились в ГАВО (Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 1–118). К документам, содержащим эти сведения, относятся рапорты, предписания, отношения, циркуляры и др. Участие пленных чехов и словаков в национальном движении отражают официальные письма, содержащиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Анализ и систематизация подобных документов сопровождаются определенными проблемами. В условиях военного времени

было затруднительно наладить и вести учет попавших в плен людей. Военнопленные отправлялись военными властями в места их размещения (лагеря или предприятия) без составления подробных именных списков. Регистрация на местах значительно упрощалась из-за отсутствия работников, знавших иностранные языки. Поэтому центральные органы, занимавшиеся учетом военнопленных, нередко не получали точных сведений с мест (Смирнов 2016: 136). Все это затрудняет истолкование документов, особенно определение национального состава пленных.

Национальная принадлежность и имена записывались с их слов, поэтому не всегда представлялось возможным разделить массу пленных на славян и представителей других национальностей. Венгерские словаки или румыны часто называли себя либо венграми, либо русинами, а поляки и словенцы – австрийцами (Нахтигаль 2014: 148). Например, пленный Даниил Блажко в одних документах упоминается как русин, а в других документах называется мадьяром (ГАВО 6: 39). Пленный Федор Денис в одном документе называется поляком, а в другом – русином (ГАВО 12: 81).

Труд военнопленных начали использовать практически с самого начала войны. В то время в сельском хозяйстве, строительстве, промышленности работали главным образом военнопленные из славянских народов, австрийцы, венгры и немцы считались менее надежными. 28 февраля 1915 г. Совет министров установил правила использования военнопленных на сельскохозяйственных работах (в том числе лесных) (ГАВО 2: 6).

Расходы по содержанию и охране военнопленных возмещались за счет чрезвычайных кредитов, ассигнованных на потребности военного времени, по нормам, установленным Военным министерством. Необходимые средства переводились по мере надобности в распоряжение губернатора (ГАВО 1: 3). Дешевый труд военнопленных в Камышинском казенном питомнике позволял значительно экономить средства на укрепление сети оврагов и за счет экономии увеличивать объем работы.

При отправке на песчано-овражные работы военнопленные переводились из ведения Военного министерства в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ. Они передавались военным начальством в руки земских управ, которые распределяли их между предприятиями.

Начальники земских управ руководили приемом военнопленных, доставкой их на место работы, размещением, снабжением продовольствием, одеждой, оказанием врачебной помощи. Они исполняли распоряжения губернского начальства, касавшиеся надзора за плен-

ными. Общее руководство охраной военнопленных осуществляла местная полиция.

Пленные жили во временных бараках, землянках, палатках, в лучшем случае допускалось использование наемных или имевшихся казенных помещений. Жилые помещения были тесные, не приспособленные для проживания большого количества людей.

Каждый пленный имел две рубахи, две пары кальсон, одну шинель, одну тужурку, пару брюк, пару сапог, пару валенок, одну фуражку. Новые вещи выдавались только при острой необходимости, если что-то сильно изнашивалось (ГАВО 10: 60).

За работу военнопленным предусматривалось вознаграждение. Половина суммы покрывала расходы по их содержанию, а вторая половина выдавалась им в виде заработной платы и служила стимулом к работе. В случае нерадивости эта половина полностью или частично удерживалась. Денежные выдачи и удержания обязательно отмечались в рабочих книжках, имевшихся у каждого пленного (ГАВО 1: 5). Например, в декабре 1917 г. военнопленный русин Евгений Михайлечко за работу по заготовке дров получил 7 руб. 90 коп. (ГАВО 4: 13).

Циркуляром от 18 февраля 1916 г. военнопленным предоставлялся обязательный воскресный отдых, но, согласно документам, в Камышинском питомнике отдыхала лишь часть людей, другие работали. Каждое воскресенье (включая 1 января) 60 % пленных отдыхали, 40 % были заняты на работах (ГАВО 3: 9). Судя по всему, работа в питомнике организовывалась посменно. В случае нарушения дисциплины или отказа от работы пленные подвергались наказаниям и аресту. Например, упомянутый Даниил Блажко за многократный отказ от работы в феврале 1917 г. дважды находился под арестом и, наконец, был сдан в Камышинское уездное земство. Часто в качестве наказания применялось удержание заработной платы.

Количество пленных, задействованных на песчано-овражных работах, постоянно менялось. Камышинский питомник считался многочисленным. В марте 1917 г. в нем содержалось 76 чел. (ГАВО 9: 49). Поэтому, согласно документам, часть пленных переводили в Котовский казенный питомник (ГАВО 7: 45) и сдавали местному уездному земству (ГАВО 8: 45).

Вновь прибывшим в Камышинский питомник сначала предоставляли трехдневный отдых. Согласно документам, даже после отдыха многие пленные не могли сразу приступить к работам из-за плохой одежды и плохой обуви и ждали выдачи им необходимых вещей (ГАВО 9: 49).

В зимние месяцы многие болели. Например, в декабре 1916 г. половина всех пленных не принимали участие в работах из-за болезни

(ГАВО 5: 18). Распространены были простудные заболевания, многие из пленных с трудом переносили сильные морозы. На заболеваемость влияли отсутствие теплой одежды, скудное питание, недостаточное отопление жилых помещений, несвоевременное оказание медицинской помощи.

По предписанию Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) требовалось принимать меры для улучшения положения военнопленных славян с целью укрепления среди них привязанности и симпатии к России. Но данное предписание не получило надлежащего исполнения. В жалобах пленных отмечались издевательства над русинами и другими славянами за чешские и русофильские убеждения, грубое и унижительное, доходящее до побоев обращение (ГАВО 15: 92). Кроме того, были жалобы на изнурительные работы, плохое питание, несоблюдение санитарных требований, недостаток одежды, белья и обуви, отсутствие необходимого медицинского обслуживания, принудительное привлечение больных и слабосильных к работам, низкий уровень заработной платы и задержку ее выдачи. Пленные возмущались, что им запрещали получать газеты, игнорировали их просьбы, отказывали в отправке родным сообщений, о чем свидетельствуют содержащиеся в архивных материалах неотправленные письма. Они протестовали против совместного содержания в лагере славян и враждебно настроенных к ним немцев и мадяров. Согласно документам, так было и в Камышинском питомнике, где работали вместе немцы, поляки, венгры, русины, чехи, евреи (ГАВО 12: 81). В России к 1917 г. насчитывалось более 400 лагерей для австро-венгерских военнопленных, отдельных лагерей для славянских народов не существовало (Остроухов 2011: 19).

В 1916 г. положение военнопленных было тяжелым, но в первые два года войны оно было гораздо хуже. Тогда царил произвол в отношении пленных, никто не заботился об их обеспечении питанием, жильем, одеждой, их труд вообще не оплачивался, они нередко работали вместе с уголовниками (Смирнов 2016: 137). Российскими властями было сделано крайне мало для улучшения бытовых условий жизни русинов и чехословацких военнопленных в лагерях европейской части страны. Благодаря принятию ряда правительственных постановлений об использовании пленных на работах и деятельности земств намечилось относительное улучшение положения военнопленных в 1916 и начале 1917 г. Однако революционные события 1917 г. повлекли за собой новые изменения в жизни пленных – и отнюдь не в лучшую сторону.

До июня 1917 г. на содержание и охрану военнопленных в Камышинском казенном питомнике выделялось из казны по 10 руб.

В дальнейшем на положение пленнх повлияли политические события и углублявшийся экономический кризис. Значительно сократились денежные средства на их содержание. 16 мая 1917 г. заведующему Саратовским песчано-овражным округом было отказано в переводе в его распоряжение до 40 тыс. руб. на содержание и окарауливание военнопленных в связи с неимением таких сумм (ГАВО 11: 79).

Согласно документам, требовалось уменьшить число военнопленных, занятых на работах (ГАВО 11: 78–79). В Камышинском питомнике остались работать 12 чел. (ГАВО 13: 85). Остальные из Камышинского казенного питомника были отданы в распоряжение Камышинской уездной земской управы.

Например, 11 июня из Камышинского питомника были отправлены русин Евгений Михалечко 23 лет, поляк Карл Кавалек 40 лет, поляк (предположительно русин) Антон Мазяш 38 лет, русин Федор Денис 33 лет, немец Георг Гуммель 40 лет, немец Карл Фляйшер 34 лет, немец Иоган Риб 41 года, немец Вендемин Ляммер 29 лет, еврей Мартон Блюм 24 лет, мадьяр Теодор Ваймула 31 года, мадьяр Иштван Варга 34 лет, мадьяр Иштван Балаш 35 лет, мадьяр Лаюш Дерфи 35 лет (ГАВО 12: 81).

Подобную картину сокращения численности занятых на работах пленнх дает и общероссийская ситуация. Всего, по неполным данным, в России на 1 апреля 1917 г. работало 1 648 317 пленнх, на 1 июля 1917 г. – 1 000 241, на 1 октября 1917 г. – 895 491 пленный (Смирнов 2016: 137).

Ухудшение материального положения военнопленных в России, занятых на различных работах, вызвало увеличение числа побегов. Этому способствовали небрежное отношение руководителей работ и беспорядочность железнодорожного движения. Серьезной проблемой в лагерях стал массовый отказ военнопленных от работы. В связи с этим ГУГШ потребовало от Министерства земледелия принять строгие меры по усилению наблюдения за ними. Меры воздействия на непокорных военнопленных, занятых на принудительных работах, ужесточились. Бунтовавших и недовольных отправляли в ближайшие лагеря, где был самый суровый режим и применялись строгие наказания (ГАВО 17: 100).

Наиболее сложные условия проживания были в Тоцком лагере и лагере «Царицын» (Остроухов 2011: 25). Там пленнх отправляли на самые тяжелые работы, селили в переполненных, развалившихся бараках.

В июле 1917 г. Центральный комитет по делам военнопленных при главном управлении Российского общества Красного Креста постановил клеймить одежду пленнх солдат (но не офицеров). Знак

«В.П.» должен был ставиться на левом рукаве масляной краской. Это было принято из-за того, что подобное практиковалось в Германии и Австро-Венгрии (ГАВО 14: 89). Нанесение клейма на одежду подлежало обязательному исполнению. Военнопленных, не имевших клейма, следовало отправлять в лагерь.

Интересно, что среди военнопленных русины были представлены в основном рядовым составом, офицеров среди них было очень мало. Это объясняется слабой лояльностью русинов по отношению к Австро-Венгрии (Суляк 2016: 76). Так было и в Камышинском питомнике, где не находилось ни одного профессионального военного и где трудились в основном бывшие рядовые. В то же время известно, что там содержались офицеры и унтер-офицеры, в том числе и русины. Даниил Блажко был фельдфебелем (ГАВО 6: 39), а Евгений Михалечко – младшим унтер-офицером (ГАВО 12: 81).

Согласно предписанию ГУГШ, военнопленных австрийской армии, умерших в русских лагерях, хоронили подобающим образом с указанием на могиле имени, фамилии и религии. Решение об этом было принято после соответствующего ходатайства австро-венгерского правительства через особый комитет помощи военнопленным (ГАВО 16: 94).

Сокращение средств на содержание военнопленных в Камышинском питомнике и на других предприятиях обострило многие проблемы. Военнопленных, освобожденных от трудовых обязанностей, стали передавать в распоряжение Военного министерства, привлекать к работам оборонного характера. По распоряжению ГУГШ военнопленные, подлежавшие отправке в концентрационные пункты, по своему желанию могли вступать в различные добровольческие формирования. Стимулом для этого должно было служить разрешение Временного правительства от 17 июня 1917 г. принимать русское подданство, вступать в русскую армию или добровольческие формирования. Для этого требовались подача личного заявления, наличие рекомендации от начальника части и поручительство от национальной славянской организации (Солнцева 2002: 145).

Крупнейшими добровольческими формированиями, созданными в России из военнопленных-славян, были Чешская дружина (с февраля 1916 г. – стрелковый полк, с июня 1917 г. – дивизия, с сентября – Чешско-словацкий корпус), Польский запасный стрелковый полк, 1-я Польская стрелковая дивизия (с июня 1917 г. – 1-й Польский корпус легионеров) и сербские дивизии (сведенные в 1917 г. в Югославянский добровольческий корпус). В общей сложности в со-

ставе этих корпусов было не менее 100 тыс. чел. Создавались также и другие, более мелкие части и подразделения из военнопленных славян. Таким образом, каждый седьмой-восьмой пленный славянин добровольно вступил в воинские формирования в составе русской армии, чтобы с оружием в руках бороться за независимость своей родины (Базанов 2013: 182).

Активно проявили себя патриоты из числа военнопленных русинов. Они вступали в ряды Чехословацкого корпуса, в составе которого была сформирована Карпаторусская дивизия, набранная из добровольцев из Галиции и Подкарпатской Руси (Суляк 2006: 54).

Чехи и словаки были активно вовлечены в чехословацкое движение в стране. Об этом свидетельствуют официальные письма, приходившие министру иностранных дел П.Н. Милюкову от организаций чехословацких военнопленных из Тобольской, Екатеринославской, Новгородской, Черниговской губерний (ГАРФ: 1). Прислала свое письмо и Царицынская организация (Обращение организации 2013: 674–675). Все они осуждали деятельность Й. Дюриха, прибывшего ранее в Россию для урегулирования военных и политических вопросов, и просили поддержать создание в России отделения Чехословацкого национального совета. Такая широкая политическая активность организаций военнопленных была вызвана, на наш взгляд, усилиями М.Р. Штефаника и его сторонников, которые содействовали вовлечению военнопленных чехов и словаков, а вместе с ними и русинов в национальное движение и формированию из их числа Чехословацкого корпуса. Тяжелый труд, плохие условия жизни, бесправие в решении своих проблем стали тем стимулом, который привлекал военнопленных к участию в национальном движении.

В дальнейшем усилившаяся разруха снова изменила положение военнопленных. Большевистский переворот в октябре 1917 г. повлек за собой резкое ухудшение надзора за пленными, обеспечения их продуктами питания. Многие стали бросать свои рабочие места и переселяться в западные губернии (Нахтигаль 2014: 151). Органы управления пленными остались лишь на местном уровне, во внутренних районах с большим сосредоточением пленных, каким был, например, Казанский военный округ, на территории которого располагался Камышинский питомник.

Таким образом, в 1916–1917 гг. на песчано-овражных работах в Камышинском казенном питомнике были задействованы военнопленные австро-венгерской и германской армий. Условия труда были тяжелые, порой изнурительные, бытовые условия – недостаточные, что вызывало многочисленные жалобы. Русины и представители других

славянских национальностей находились рядом с пленными немцами, часто терпели унижения. Все это вызывало возмущение, протесты. Неоднократно в документах регистрировались случаи неповиновения, отказа от работы, наказания пленных. Обострение политической и экономической ситуации в стране неизбежно привело к сокращению средств на содержание военнопленных. Многие работы, в которых они принимали участие, были свернуты. Значительно уменьшилось число пленных и в Камышинском питомнике.

Трудное положение военнопленных русинов, чехов и словаков сплотило их ряды, способствовало их объединению, вовлечению в чехословацкое движение. Из освобожденных от работ пленных чехов и словаков стали формироваться отряды. Они впоследствии стали частью армии нового государства – Чехословакии, в состав которого вошли также земли Подкарпатской Руси, населенные русинами. Галицкая Русь отошла к Польше, Буковина перешла под власть Румынии, некоторая часть русинов осталась на территории Венгрии.

ЛИТЕРАТУРА

Базанов 2013 - *Базанов С.Н.* Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны // Труды Института российской истории. Вып. 11. Российская академия наук, Институт российской истории / отв. ред. Ю.А. Петров; ред.-коорд. Е.Н. Рудая. М., 2013. С. 171–184.

ГАВО 1 - *Государственный архив Вологодской области* (далее ГАВО). Циркулярное распоряжение главы Управления землеустройства и земледелия 22 апреля 1915 г. начальникам Управлений земледелия и государственных имуществ, заведующим переселенческими районами и начальникам работ и изысканий // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 3–5.

ГАВО 2 - Положение Совета министров от 28 февраля 1915 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 6.

ГАВО 3 - Сведения о военнопленных состоявших на п-о. работах на Камышинском казенном питомнике в январе 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 9.

ГАВО 4 - Предписание // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 13.

ГАВО 5 - Сведения о военнопленных, состоявших на песчано-овражных работах на Камышинском казенном питомнике в декабре 1916 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 18.

ГАВО 6 - Именной список военнопленного Даниеля Бляжка. ГАВО // Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 39.

ГАВО 7 - Рапорт 30 декабря 1916 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 11, 45.

ГАВО 8 - Предписание заведующему Камышинским песчано-овражным районом. Март 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 45.

ГАВО 9 - Сведения о военнопленных за март 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 49.

ГАВО 10 - Арматурный список военнопленных // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 60.

ГАВО 11 - Предписание заведующему Камышинским песчано-овражным районом // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 78–79.

ГАВО 12 - Именной список военнопленных австрийцев, откомандированных 11 июня 1917 г. из Камышинского казенного питомника в распоряжение Камышинской уездной земской управы // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 81.

ГАВО 13 - Сведения о военнопленных, состоявших на Камышинском казенном питомнике в июне 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 85.

ГАВО 14 - Телеграмма // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 89.

ГАВО 15 - Телеграмма ГУГШ 4 мая 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 92.

ГАВО 16 - Предписание ГУГШ 26 июля 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 94.

ГАВО 17 - Циркулярная телеграмма от 19 апреля 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 100.

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1592–1595.

История Словакии 2003 - История Словакии / под ред. Ю.В. Богданова. М.: Евролинц, 2003. 436 с.

Нахтигаль 2014 - *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *QUAESTIO ROSSICA*. 2014. № 1. С. 142–156.

Остроухов 2011 - *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 2011. 32 с.

Смирнов 2016 - *Смирнов Ю.И., Скрипникова М.И.* Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны // *Вестник Международного института экономики и права*. 2016. № 1 (22). С. 135–139.

Солнцева 2002 - *Солнцева С.А.* Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) // *Вопросы истории*. 2002. № 1. С. 143–149.

Суляк 2006 - *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // *Русин*. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

Суляк 2016 - *Суляк С.Г.* Русины в воспоминаниях участников Великой войны // *Русин*. 2016. № 2 (44). С. 73–92. DOI: 10.17223/18572685/44/6

Чешско-словацкий корпус 2013 - Обращение организации чешско-словацких военнопленных офицеров и солдат г. Царицына к министру иностранных дел П.Н. Милюкову // Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1: Чешско-словацкие военные формирования в России. 1914–1917 гг. М.: Новалис, 2013. С. 674–675.

REFERENCES

Bazanov, S.N. (2013) Voennoplennyye-slavyane v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Slavic prisoners of war in Russia during WWI]. In: Petrov, Yu.A. (ed.) *Trudy Instituta rossiyskoy istorii* [Proceedings of the Institute of Russian History]. Issue 11. Moscow: RAS. pp. 171–184.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1915a) *Tsirkulyarnoe rasporyazhenie glavy Upravleniya zemleustroystva i zemledeliya 22 aprelya 1915 g. nachal'nikam Upravleniy zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv, zaveduyushchim pereselencheskimi rayonami i nachal'nikam robot i izyskaniy* [Circular Order of Head of the Department for Land Management and Agriculture of April 22, 1915, to the heads of the Directorate of Agriculture and State Property, the head of the resettlement districts and the chiefs of work and research]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 3–5.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1915b) *Polozhenie Soveta ministrov ot 28 fevralya 1915 g.* [The position of the Council of Ministers of February 28, 1915]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 6.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917a) *Svedeniya o voennoplennykh sostoyavshikh na p-o. rabotakh na Kamyshinskom kazennom pitomnike v yanvare 1917 g.* [Information on prisoners of war on works at the Kamyshin state forest nursery in January 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 9.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (n.d.) *Predpisanie* [Prescription]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 13.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1916a) *Svedeniya o voennoplennykh, sostoyavshikh na peschano-ovrazhnykh rabotakh na Kamyshinskom kazennom pitomnike v dekabre 1916 g.* [Information on prisoners of war on anti-erosion works at the Kamyshin state forest nursery in December 1916]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 18.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (n.d.) *Imennoy spisok voennoplennogo Danielya Blyazhka* [The nominal roll of the prisoner of war Daniel Bljazhek]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 39.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1916b) *Raport 30 dekabrya 1916 g.* [Report on December 30, 1916]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 11, 45.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917b) *Predpisanie zaveduyushchemu Kamyshinskim peschano-ovrazhnym rayonom. Mart 1917 g.* [Order to the Head of the Kamyshin sand and ravine area. March 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 45.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917c) *Svedeniya o voennoplennykh za mart 1917 g.* [Information on prisoners of war for March 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 49.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (n.d.) *Armaturnyy spisok voennoplennykh* [Camping gear list of prisoners of war]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 60.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (n.d.) *Predpisanie zaveduyushchemu Kamyshinskim peschano-ovrazhnym rayonom* [Order to the Head of Kamyshin sand-ravine area]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 78–79.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917d) *Imennoy spisok voennoplennykh avstriytsev, otkomandirovannykh 11 iyunya 1917 g. iz Kamyshinskogo kazennogo pitomnika v rasporyazhenie Kamyshinskoy uezdnoy zemskoy upravy* [Nominal roll of Austrian prisoners of war seconded on June 11, 1917 from the Kamyshin state forest nursery to the disposal of the Kamyshin Uezd Zemstvo]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 81.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917e) *Svedeniya o voennoplennykh, sostoyavshikh na Kamyshinskom kazennom pitomnike v iyune 1917 g.* [Information about prisoners of war at the Kamyshin state forest nursery in June 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 85.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (n.d.) *Telegramma* [Telegram]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 89.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917f) *Telegramma GUGSh 4 maya 1917 g.* [Telegram of the Main Intelligence Directorate on May 4, 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 92.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917g) *Predpisanie GUGSh 26 iyulya 1917 g.* [Prescription of the Main Intelligence Directorate on July 26, 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 94.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917h) *Tsirkulyarnaya telegramma ot 19 aprelya 1917 g.* [Circular telegram of April 19, 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 100.

The State Archives of the Russian Federation. (n.d.) Fund 579. List 1. File 1592–1595.

Bogdanov, Yu.V. (2003) *Istoriya Slovakii* [History of Slovakia]. Moscow: Evrolints.

Nachtigal, R. (2014) Prisoners of War in Russia during World War I. *QUAESTIO ROSSICA*. 1. pp. 142–156 (In Russian).

Ostroukhov, A.I. (2011) *Voennoplennyye chekhi i slovaki v Rossii perioda Pervoy mirovoy voyny* [Czechs and Slovaks prisoners of war in Russia during WWI]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

Smirnov, Yu.I. & Skripnikova, M.I. (2016) Voennoplennyye na territorii Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Prisoners of war in Russia during WWI]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava*. 1(22). pp. 135–139.

Solntseva, S.A. (2002) Voennoplennyye v Rossii v 1917 g. (mart–oktyabr') [Prisoners of war in Russia in 1917 (March–October)]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 143–149.

Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty [Rusins during WWI and the Russian Troubles]. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65.

Sulyak, S.G. (2016) Rusiny v vospominaniyakh uchastnikov Velikoy voyny [Rusins in the memoirs of the participants of the Great war]. *Rusin*. 2 (44). pp. 73–92 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6

Artizov, A. et al. (eds) (2013) *Cheshsko-slovatskiy (Chekhoslovatskiy) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy* [Czech-Slovak (Czechoslovak) corps. 1914–1920. Documents and materials]. Vol. 1. Translated from Czech by N. Kiselkova et al. Moscow: Novalis. pp. 674–675.

Колесников Борис Валерьевич – аспирант кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета (Россия).

Boris Kolesnikov – Volgograd State University (Russia).

E-mail: boryanVolg34@mail.ru

УДК (437.7)"1918/1939"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/15

ГРЕКО-КАТОЛИЦЬКА ЦЕРКВА ПІДКАРПАТСЬКОЇ РУСІ ОЧИМА ДИПЛОМАТИЧНОЇ ЗВІТНОСТІ (НА МАТЕРІАЛАХ АРХІВУ МЗС ЧР В ПРАЗІ)

В.В. Кічера

Ужгородський національний університет
Україна, 88000, м. Ужгород, пл. Народна, 3
E-mail: vkichera@ukr.net

Авторське резюме

Основний зміст дослідження складається з документальних матеріалів з архіву Міністерства закордонних справ Чехословаччини. Автор намагався вивчити греко-католицький Василіянський орден в Чехословаччині, ченців якого постійно контролювала державна виконавча влада. У Чехословаччині греко-католицька церква діяла в межах двох єпархій – Мукачівська (Підкарпатська Русь) та Пряшівська (переважно Східна Словаччина). У Першій світовій війні важке становище греко-католицької церкви було в Австро-Угорській монархії, коли церква повинна була постачати продукцію армії, позичити гроші та навіть дзвони для переплавки на зброю. Складні воєнні часи змінилися державним модернізмом та секуляризацією в Чехословаччині після 1918 р. Автор зауважує, що чиновники чехословацького уряду, намагаючись обмежити вплив культурного середовища Угорщини в 1920-х рр. ХХ ст., протиставляли його українському культурному середовищу, про що свідчать численні архівні документи. Однак ця політика згодом призвела до поширення українських ідей з Польщі на Підкарпатті, які намагалися лімітувати чиновники уряду Чехословаччини на основі консульських та дипломатичних заходів в 1930-х рр., обмежуючи прибуття духовенства греко-католицької церкви з Галичини та контролю його політичної лояльності.

Ключові слова: адміністративні обмеження, василіани, греко-католицька церква, модернізм, Підкарпатська Русь, секуляризація.

ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ ГЛАЗАМИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ АРХИВА МИД ЧР В ПРАГЕ)

В.В. Кичера

Ужгородский национальный университет
Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная, 3
E-mail: vkichera@ukr.net

Авторское резюме

Исследованы документальные материалы архива Министерства иностранных дел Чехословакии. Предпринята попытка изучить греко-католический Василианский орден в Чехословакии, монахов которого постоянно контролировала государственная исполнительная власть. В Чехословакии греко-католическая церковь действовала в пределах двух епархий – Мукачевской (Подкарпатская Русь) и Пряшевской (преимущественно Восточная Словакия). В годы Первой мировой войны положение греко-католической церкви в Австро-Венгерской монархии было тяжелым: церковь должна была поставлять продукцию армии, занимать деньги и даже колокола для переплавки на оружие. Сложные военные времена изменились государственным модернизмом и секуляризацией в Чехословакии после 1918 г. Автор отмечает, что чиновники чехословацкого правительства, пытаясь ограничить влияние культурной идеи Венгрии в 1920-х гг. XX в., противопоставляли ее украинской культурной среде, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы. Однако эта политика впоследствии привела к распространению украинских идей из Польши на Подкарпатье, которые пытались лимитировать чиновники правительства Чехословакии на основе консульских и дипломатических мер в 1930-х гг., ограничивая прибытие духовенства греко-католической церкви из Галичины и контролируя его политическую лояльность.

Ключевые слова: административные ограничения, василиане, греко-католическая церковь, модернизм, Подкарпатская Русь, секуляризация.

GREEK-CATHOLIC CHURCH OF SUBCARPATHIAN RUS BY EYES OF DIPLOMATS (ON ARCHIVAL MATERIALS OF THE CZECHOSLOVAK REPUBLIC MFA)

V.V. Kichera

Uzhhorod National University
3 Narodna Square, Uzhgorod, 88000, Ukraine
E-mail: vkichera@ukr.net

Abstract

The author analyses the documents from the archives of the Ministry of Foreign Affairs of Czechoslovakia to study the Greek-Catholic Basilian Order, whose monks were under constant administrative control by the state executive power. The Greek Catholic Church in Czechoslovakia operated within two dioceses – Mukachevo (Subcarpathian Rus) and Prešov (mainly Eastern Slovakia). In WWI, the position of the Greek Catholic Church in the Austro-Hungarian monarchy was difficult: the church was supposed to supply products for the army, lend money and even bells for melting into weapons. After 1918, the difficult wartime was followed by state modernism and secularisation in Czechoslovakia. As evidenced by numerous archival documents, the officials of the Czechoslovak government tried to limit the influence of the cultural idea of Hungary in the 1920s by opposing it to the Ukrainian cultural environment. However, this policy subsequently led to the spread of Ukrainian ideas from Poland to Subcarpathia, though the officials in the Czechoslovak government tried to limit them on the basis of consular and diplomatic measures in the 1930s by limiting the clergy of the Greek Catholic Church from Galicia and controlling its political loyalty.

Keywords: administrative restrictions, Basilians, Greek Catholic Church, modernism, Subcarpathian Rus, secularisation.

У Чехословаччині греко-католицька церква (ГКЦ) діяла в межах двох єпархій – Мукачівської (Підкарпатська Русь) та Пряшівської (переважно Східна Словаччина). Важке становище греко-католицької церкви в Австро-Угорській монархії в Першій світовій війні, коли церква мала постачати до армії продукти, позичати гроші, а навіть реквізувались дзвони для переплавки на зброю (Coranič 2016: 174–175; Кічера 2016b: 205–206) змінюється не менш складними часами державного модернізму і секуляризації в Чехословаччині

після 1918 р. Станіслав Голубец подає досить цікаву концепцію бачення Прагою модернізації Підкарпатської Русі, котра, на думку автора, здійснювалася без урахування традицій і особливостей регіону (Holubec 2014: 246).

Дане дослідження на основі документальних матеріалів Архіву МЗС Чехословаччини стосується вивчення греко-католицького ордену василіан в Чехословаччині, ченці якого зазнавали постійного контролю та адміністративних обмежень з боку виконавчої влади. Останніми роками з'являються дослідження історії Підкарпатської Русі, де використовуються саме документальні і статистичні матеріали. Так, в одному з досліджень вивчено унікальні документи, котрі вперше введено в науковий обіг з історії церкви (Данилець 2011: 52–69). Наприклад, в одному з колективних розвідок, на основі статистичних джерел вивчено коефіцієнт смертності (в тому числі дитячої) серед основних національностей східних теренів Чехословаччини, котрий, на думку авторів був найвищим у русинів, які належали переважно до греко-католиків (Шпроха та ін. 2016: 219). Тобто до державних обмежень церкви додавалися ще й соціальні проблеми периферійних територій. Про статистичні джерела соціальної історії греко-католицької церкви детально описано також в іншій розвідці (Кічера 2016а: 115–122).

На сучасному етапі відбувається критика теорії секуляризації, позаяк у суспільстві відбувається повернення до релігії. Проте, як аргументує Марк Баніш, не завжди варто поєднувати секуляризацію із модернізмом, як у випадку з арабськими країнами ісламського світу й Північної Африки, де соціальні й політичні інститути були загалом слабкі, тобто не було світських інституцій, щоби проводити модернізацію (Bahnisch 2003: 3–4). Натомість в Чехословаччині починаючи із 1918 р. навпаки – молода держава мала повний карт-бланш для проведення секуляризації. Саме католицька церква в оцінці чиновників молодій Чехословацькій державі вважалася антидержавною силою, як вказує Володимир Бурега (Бурега 2011: 231–236). Відомим послідовником критики католицизму був Томаш Г. Масарик, котрий невдовзі стає президентом Чехословаччини. Проте поняття секуляризації навіть у ХХ ст. не є чітко визначеною константою і залежить від ряду факторів: яка релігія за конфесією, політична система і культура суспільства – внаслідок чого він відрізнявся в різних епохах і країнах (Arya Rina: 85). Найбільш повне дослідження основних критичних зауваг щодо теорії секуляризації представив Хорхе Ботельйо Моньєс (Botelho Moniz 2017: 74–96).

Існують цікаві статистичні дані за якими історично держави намагалися в різних формах контролювати релігію. На Європейському

континенті, зокрема в Європі та Євразії, така цифра становить 51 % за всю історію, тобто переважали спроби державного контролю за релігією (Cosgel Metin, Miceli Thomas). А тому варто дослідити, наскільки Чехословацька держава намагалася контролювати греко-католицьку церкву, незважаючи на існування демократичних інститутів з їх імперативами свободи у всіх сферах, включаючи свободу віросповідань.

Перш ніж перейти до характеристики документів варто коротко зупинитися на дослідженні чину св. Василя Великого (ЧСВВ), чернечого ордену на греко-католицької церкви на Підкарпатській Русі, монахи якого обіймали престоли єпископів, наприклад Діонісій Нарядій чи Павло Гойдич, а Андрій Шептицький – митрополита. Справа в тому, що у попередні роки мадяризації чину втрачалися традиційний етос ченців-василіан, що вимагало змін, котрі відбулися після реформи Галицької провінції. Реформа ЧСВВ Угорської провінції розпочалася 4 вересня 1920 р., котру мали здійснити реформовані єзуїтами галицькі ченці василіани. У Мукачівському монастирі підписано «меморандум» реформи ЧСВВ на Підкарпатській Русі, з підписами і печатками галицького протоігумена о. Анастасія Калиша, з одного боку, та протоігуменом о. Йоакимом Хомою - з іншого, і підписами двох дефініторів провінції – оо. Атанасія Максима та Леонтія Долгої. В «меморандумі» наголошувалося на тому, що угорська провінція ЧСВВ об'єднується з Галицькою провінцією, вони стають нероздільними, а монастирі, які опинилися в кордонах сусідніх держав, Маріяповчанський (Угорщина) та Біксадський (Румунія), утворювали субпровінції (автономії), залишаючись Складовою провінції, котра вступила в реформу. Обителі залишалися у складі провінції, що вступила у реформу, але отримують іншу церковну єпархіяльну юрисдикцію. Сама реформа мала здійснюватися на взірць галицької реформи, започаткованої буллою папи Лева XIII від 12 травня 1882 р. (ДАЗОа: 21).

Після цих декретів виникли певні проблеми з підпорядкуванням обителів. Наприклад, Маріяповчанський монастир мав право не змінювати ігумена. Що стосувалося Біксадського, то у відписі від 4 травня 1932 р. до галицького керівництва біксадський ігумен о. Атанасій Максим, вказуючи різні причини ігнорував капітулу, на якій мало обиратися керівництво новоутвореної провінції св. Миколая. Отець А. Максим апелював на рішення місцевого конкордату, який забороняв підпорядковуватися закордонній провінції. Так, реформа перейшла в заключну стадію, а завершення її повинно було відбутись із обранням провінційного керівництва. 7 червня 1932 р. архімандрит отець Діонісій Ткачук був повідомлений про призначення капітули на 11 липня 1932 р. (ДАЗОб: 87, 106, 129).

Почергово було реформовано усі обителі провінції за виключенням Бороняєвського монастиря, який до 1938 р. залишався резиденцією нереформованих монахів, котрих було вислано з Карпатської України за проугорські погляди (Мороз 2017: 71). Відповідно до правил почали обиратися представники від монастирів. На це вказує протокол мукачівських виборів 11 червня 1932 р., де були присутні представники Мукачівського, Імстичівського та Ужгородського монастирів. У результаті волевиявлення 9 голосів отримав о. Йосафат Мартинець, який став першим представником від Мукачівського монастиря. На виборах цього ж дня у Маріяповчанському монастирі, де були представники із Загребу, Малоберезнянського і Біксадського монастирів (з них ніхто не з'явився), 3 голоси на представника отримав отець Йосафат Шандор. 11–14 липня 1932 р. відбувся провінційний собор, де було обрано нове керівництво. На ньому були присутні 10 чол., які мали право вибору: отці Гліб Кінах, делегат, візитатор і настоятель провінції; Петро Булик, протоконсультор; Атанасій Максим, консультор та ігумен Біксадського монастиря; Леонтій Долгої, консультор та ігумен Маріяповчанського кляштору; Іван Вишошевич, консультор і представник із Загребу; Мирон Калинець, ігумен Ужгородського монастиря; Онуфрій Бурдяк, ігумен монастиря на Чернечій Горі біля Мукачева; Петро Котович, ігумен Імстичівської обителі; Йосафат Шандор, делегат Маріяповчанського монастиря, та Йосафат Мартинець, делегат із Мукачівського (ДАЗОС: 1, 17). Головував на соборі отець Гліб Кінах. У результаті капітули новим протоігуменом провінції Святого Миколая став отець Петро Булик, який із самого початку реформи виконав надзвичайно велику працю на Підкарпатській Русі. Отець Гліб Кінах став консультором для українців, отець Атанасій Максим – представником румунських монастирів, а отець Леонтій Долгої – угорських (Нарис 1992: 398). Обрання консульторів за національною ознакою демонструвало національні протиріччя, які існували всередині чину. Таким чином, з обранням керівництва провінції остаточно було завершено реформу василіан, наслідком чого стала поява незалежної провінції.

Отже, реформа монастирів ЧСВВ на Підкарпатті завершилася успішно. При Мукачівському монастирі був створений новіціат, який став центром виховання молоді з Чехословаччини, Угорщини, Румунії, Югославії і навіть з Бразилії (Йосафат Рога виїхав у рідний Прудентополіс 25 квітня 1934 р.) (Лист 1934: 108). При Ужгородському монастирі була створена друкарня, яка сприяла поширенню християнських ідей і вихованню місцевого населення у християнському дусі. Поряд з цим проводились місії. Найбільший успіх досяг проповідник отець Стефан Решетило, котрого з різних боків переслідували за його активну місіонерську та проукраїнську діяльність. Більш того, монахи,

за порівняно невелику плату, утримували інтернат для світських дітей, які не могли отримати повноцінну освіту самостійно.

Найбільш цікаві документи Міністерства закордонних справ Чехословацької республіки (МЗС ЧСР) стосуються саме чину василіан греко-католицької церкви. Уже 14 листопада 1922 р. існує інформація Міністерства закордонних справ Чехословацької республіки до Міністерства шкіл і народної освіти (МШіНО), що 5 монашок-василіанок мали би оселитися в Пряшеві на прохання нунціатури в Празі. Аргументи поселення василіанок: є русинської народності, не знають ні слова по-угорськи, будуть опікуватися дітьми слов'янського походження. 16 січня 1923 р. консульство у Львові таємно інформує МЗС про відсутність перешкод у наданні віз монашкам-василіанкам для добродійної діяльності в ЧСР (AMZV ČR 1923b). Перші опрацьовані документи засвідчують побоювання влади угорських впливів та відповідний контроль переселення сестер-василіанок. Уже 5 лютого 1923 р. довідуємося про рішення юридичного відділу, що Ієронім Малицький змінив власне громадянство на чехословацьке, а Пражська апостольська нунціатура звернулася до МЗС ЧСР про уділення проживання в Пряшеві сестрам-василіанкам (AMZV ČR 1922). Позитивне рішення про переселення сестер напевно залежало від МШіНО, бо 20 квітня 1923 р. надіслано прохання до МЗС про побут сестер-василіанок в Чехословаччині (AMZV ČR 1923a). Таким чином, поселення сестрам надано після тривалої переписки між різними міністерствами з упевненістю, що вони не можуть принести шкоду державі, а натомість принесуть користь в опікунській діяльності над дівочою молоддю.

Не все так просто було з чоловічою гілкою василіан та контролем з боку влади. 20 вересня 1924 р. МШіНО інформує МЗС ЧСР, що ЧСВВ на Підкарпатській Русі має такі монастирі і їх насельників: в Ужгороді – 4, всі народності руської, 3 – громадянства ЧСР; у Мукачеві – 35 монахів і новіціат, всі народності руської, 26 мають громадянство ЧСР, 5 – польське, 2 – угорське, 2 – румунське; Малий Березний – 1 монах народності руської, громадянства ЧСР; Імстичово і Бороняво – по 2 ченці народності руської і всі громадяни ЧСР. До провінції, зазначається в інформації, відносяться Марія Повч – 5 монахів і Бікад – 2 ченці. Основне питання даної інформації полягало у складанні списку кому духовних осіб надано дозвіл на приїзд до ЧСР з Польщі (Галичини). Цікаво, що 2 жовтня 1924 р. МШіНО подає звіт, за яким більшість монахів, що йшли вчитися до Галичини, повертаються з великоукраїнськими ідеями (AMZV ČR 1924c). Тобто, влада почала відслідковувати не лише вплив угорського культурного середовища в греко-католицькій церкві, але й поширення українського культурного середовища.

4 липня 1923 р. МШіНО інформує МЗС про необхідність обмежувати приїзди духовенства з-за кордону, так як багато людей, в деяких селах 40–100 % перейшли на православ'я. При цьому багато греко-католицьких священників з великими сім'ями залишаються без роботи. Крім того, існує 156 священничих вдів і сиріт, які живуть в крайній нужді, а тому необхідно лімітувати приїзд священників, поки не буде забезпечено існуюче духовенство. Далі у документі констатується, що необхідно дозволяти перебування таких світських духовних чи ченців лише на термін 3–6 місяців для можливості контролю їх політичної лояльності. Тут же зазначається, що віце-губернатор Підкарпатської Русі взагалі наполягає, щоб рух ченців-василіан максимально обмежили, а візи надавати лише у вигляді коротких перебувань (AMZV ČR 1924b). Отже, інколи обмеження приїзду чи дозвіл перебування духовенства з Галичини мало виключно соціальні причини і не варто шукати виключно національні протиріччя того часу.

19 грудня 1924 р. МШіНО інформує МЗС, що оскільки василіани не мають власного богословського закладу, то місцеві чехословацькі громадяни з чину вчать за кордоном: семеро в Польщі, а двоє в Угорщині. Причому жоден кандидат не навчається в Ужгороді і Пряшеві, де такі заклади існують, а тому це треба виправити (AMZV ČR 1924a). За інформацією МШіНО акцентується увага на тому, що формація духовенства відбувається за кордоном, незважаючи на існування богословських навчальних закладів у межах ЧСР, що необхідно, на думку урядовців, виправити.

Ще одна особлива ситуація склалася довкола монаха Степана Решетила, котрий відзначався особливою активністю в місіонерському русі. 18 січня 1926 р. канцелярія віце-губернатора в Ужгороді повідомляє консульство в Львові, що нема жодних підстав видати візу для Степана Решетила і повернення його до ЧСР (AMZV ČR 1926b). Інколи це стосувалося й інших ченців. Так, 25 березня 1926 р. консульство у Львові інформує МЗС, що до чиновників надійшли дві заяви на отримання візи до ЧСР від двох монахів з Крехова Стефана Сильвестра Савалі та Олексія Антонія Садзеніца. 17 квітня 1926 р. МШіНО у відповіді до МЗС вказує, що надати візи для монахів ЧСВВ Савалі і Садзеніца не можна; це саме інформує Міністерство внутрішніх справ (МВС) 29 квітня 1926 р., а 24 квітня і президія Політичної управи Підкарпатської Русі. Окремо існувала інформація про друкарню василіан. Президія політичного управління Підкарпатської Русі в Ужгороді від 3 квітня 1926 р. до президії Міністерства внутрішніх справ інформує, що друкарня василіан в Ужгороді почала працювати 2 жовтня 1925 р. і є власністю ЧСВВ. Відповідальним за технічний стан є Владімір Дозорцов, а працюють Ян Ціфранець,

Ян Фатула, Міхал Поліщук Гордейович, Алжбета Маджерова та Анна Пастеляк (AMZV ČR 1926a).

Проте у 20-х рр. ХХ ст. найбільший контроль приділявся небезпеці поширення проугорських впливів. У розширеному звіті президії Політичної управи Підкарпатської Русі в Ужгороді від 30 квітня 1926 р. до президії МВС говориться, що нереформовані василіани в Бороняві, Малому Березному й Імстичеві, як і протоігумен Йоаким Хома розмовляють виключно по-угорськи, маючи надію, що Підкарпатська Русь належатиме Угорщині. В Мукачеві центром угорського мислення є Теофан Скиба, котрий гнівається дотепер, що не став ще ігуменом. Леонтій Долгої, як зазначено у звіті, наполягає, що він працює для реформи, а не для політики. Петро Котович має прямий контакт з Празькою нунціатурою і Орденом редемптористів з Стрпковца, котрі походять з Галичини. Те, що угорська влада використовувала ЧСВВ для політичних цілей, як вказано у звіті, засвідчує праця Антонія Гудинки про Підкарпатську Русь, котра за професором господарськи належить Угорщині. У звіті поліція інформує, що вищезгадану брошуру василіани перевозять на Підкарпаття і поширюють. Лояльність реформованих василіан Будапешт обміняв на передачу частки капіталу Маріяповчанського монастиря на друкарню, котра була важливим елементом реформи (AMZV ČR 1926d).

Схожа інформація існує про переважаючі угорські ідеї в Бороняві. 18 жовтня 1926 р. МВС інформує МЗС, що Бартоломей Мотринець з Бороняви є проугорськи налаштований та проти православних, політично підтримує Рух куртяковців, організатор протестував з місцевими мешканцями проти забудови православної церкви, яке підтримувала влада ЧСР. Деталізується, що ієромонах має зв'язки з Іваном Куртяком, а також говорить виключно по-угорськи. З іншої сторони, деякі монастирі виключно проукраїнські, а тому приїзд і видача віз для них був обмежений (AMZV ČR 1926f). Тобто, з документів простежується контроль не лише за проугорськи, але згодом і за проукраїнськи налаштованих монахів після випадку 1926 р. з о. Стефаном Решетилком.

18 жовтня 1926 р. МВС інформує МЗС, що Микола Твердило, інженер агрономії, підлягає кримінальній справі – арешту та суду (AMZV ČR 1926с). Пізніше подано детальнішу інформацію. 8 листопада 1926 р. з Ужгороду є детальний опис для МВС. Згідно звіту поліцейського управління в Ужгороді від 5 жовтня 1926 р. з'ясовано, що автором книги «Державні змагання Підкарпатської Русі» є Микола Твердило, до створення якої долучалися доктор В. Бірчак та професор О. Пачовський. До цієї брошури мали причетність Михайло та Юлій Брашайко, депутат Августин Волошин та секретар Соціал-демократичної партії Степан

Клочурак. Українська революційна організація у Львові має свій відділ на Підкарпатській Русі «Місцевий комітет Української революційної організації», куди входять Бірчак, Пачовський, Клочурак, Волошин і Брацайки. Згідно звіту відомо, що до Львова відійшов з Ужгородського монастиря Роман Бойчик, котрий вийшов із священничого сану, натомість на його місце повернувся Йосафат Шандор, по-угорськи мислячий монах з Мукачева. Втіхою для василіан є призначення пряхівським владикою Павла Гойдича, заслугою в чому, вважають, є діяльність Петра Котовича та єпископа Гебея; саме Котович говорить, що то стала винагорода василіанам за їх постійні утиски в пресі останнім часом. Натомість Гойдич продовжує залишатися в Ужгороді. Котович подав скаргу на Івана Вислоцького і «Підкарпатські гласи», останній не любить єпископа Гебея, зазначають урядовці. Щодо брошури в Мукачеві «Державні змагання...» висловлювався дуже позитивно, але чи приймав участь у написанні не відомо. Котович підтримує українство і впливає на молоде покоління, виховуючи його в українському дусі, часто контактує з Брацайко, Волошином Бірчаком, котрий має і тепер відносини із Миколою Твердилом. Саме через причетність до даної брошури ієромонаха Степана Решетила депортували в Польщу. А тому 9 грудня 1926 р. посольство Польщі у Празі просить МЗС ЧСР дати роз'яснення причин заборони перебування о. Степанові Решетилі в ЧСР (AMZV ČR 1926h).

Інша інформація існує довкола василіанина Петра Котовича. 10 грудня 1926 р. Цивільна управа Підкарпатської Русі ознайомлює МЗС, що отець Петро не має жодних документів на перебування в ЧСР, а після того, як перетнув ЧСР з польським паспортом знищив його, аби міг видавати себе за емігранта і отримав на цій підставі 8 березня 1922 р. дозвіл на проживання, чим до тепер користується і не має жодних інших документів; він український націоналіст, згідно звіту урядовців, виховує молодь в тому ж дусі. Налаштований вороже до ЧСР і то публічно, до того ж протезується депутатом отцем Августином Волошином, котрий посередництвом міністра Шрамка, добився для нього чехословацького громадянства (AMZV ČR 1926j). Як наслідок 27 жовтня 1926 р. президія МВС в Празі подає заборону для МЗС у виданні візи і для василіанина доктора Йозефа Лабая на посаду префекта, який мав прибути на місце Павла Гойдича, котрий відбув в Пряшів, так як мають призначити на цю посаду громадянина Чехословаччини. Навіть на прохання нереформованого протоігумена Йоакима Хоми ця справа так і не завершилася вирішенням на користь реформованих василіан (AMZV ČR 1926g). Більше того, 29 квітня 1927 р. МВС у таємній інформації до МЗС повідомляє, що не може погодити надання жодних дозволів і документів на подальше перебування

Петра Котовича в ЧСР. Схожий таємний документ існує із 22 лютого 1927 р. від МШіНО до МЗС, за яким чиновники не можуть погодитися на продовження перебування Петра Котовича в ЧСР (AMZV ĆR 1927b). 25 січня 1927 р. МВС таємно інформує МЗС, що Степан Решетило депортований і виїхав з ЧСР 11 січня 1927 р. (AMZV ĆR 1927a).

Зондувала влада також питання освіти, яку здобували василіани з ЧСР. 9 липня 1926 р. МШіНО просить канцелярію віце-губернатора в Ужгороді подати інформацію, де вчать філософії і теології василіани з Підкарпатської Русі, а також звернути увагу на прихід галицьких богословів і не давати їм візи (AMZV ĆR 1926b). Тобто були навіть прямі вказівки обмежити в'їзд до ЧСР галицьких монахів. 2 квітня 1928 р. існує прохання президії Цивільної управи Підкарпатської Русі до МШіНО про допомогу у реставрації Малоберезнянського монастиря в розмірі 60 тис. крон ч., інакше студії схоластичні треба розпочати в Маріяповчі (Угорщина). Наскільки таке прохання реальне, важко говорити, бо держава не володіє інформацією про фінанси василіан, зазначають урядовці. Але чиновники припускають, що заради ірреденти угорська влада могла би навіть підтримувати необхідність навчання нових учнів в Угорщині. А тому було би добре якби ЧСР дала 45–50 тис. крон ч. на потреби ордену. Наголошувалося також, що ченців не можуть висилати на навчання за кордон без попередньої згоди з владою, що перешкоджає освітньому процесові (AMZV ĆR 1928).

Надалі чехословацька влада продовжувала зондувати діяльність василіан навіть за кордоном власної держави. 18 березня 1929 р. існує таємна інформація Чехословацького консульства зі Львова до МЗС ЧСР в Празі про відвідини отця Стафана Решетила, на той час консультора ЧСВВ в Польщі, який скаржився на упередженість щодо василіан українського спрямування із Галичини в ЧСР. Зокрема, як зазначається у звіті, отець Степан вказує, що земський уряд в Ужгороді звинувачує василіан в ірреденті і комунізмі, переконуючи, що навпаки василіани намагаються оберігати народ від комунізму. Дипломати пишуть, що в Галичині василіани мають основний вплив на світське духовенство, задаючи тон усій політичній ситуації. Щодо Чехословаччини, то проти василіан земський уряд, зокрема губернатор Розсипал, Республіканська партія, яка радше підтримує великоруський вплив, намагаючись обмежити вплив Волошина. Натомість ієромонах розповів, пишуть консули, що проти нього найбільш негативно налаштовані МШіНО та МВС ЧСР, про що він (тобто отець Решетило) є добре поінформований (AMZV ĆR 1929a).

Як наслідок посилення українського культурного впливу в середовищі василіан, а отже і всієї греко-католицької церкви в Чехословаччині 29 квітня 1929 р. МВС просить МЗС не давати візу монаху

Теодору Хулі. 19 червня 1929 р. навіть існує детальний звіт МШіНО до МЗС про становище з українізацією ЧСВВ, зокрема й несправедливій звинувачення в бік уряду щодо перетворення руських шкіл на чеські. Піком протистояння уряду з українським культурним впливом з Галичини є документ від 21 вересня 1929 р., згідно якого МВС у Празі подає заборону для Міністерства закордонних справ у виданні візи для Стефана Решетила на Святовацлавські святкування, у зв'язку із забороною МШіНО. 19 червня 1929. МШіНО інформує, що Степан Решетило був висланий в кінці 1926 р. і покинув ЧСР 11 січня 1927 р., духовенство в цілому не є політичним, а от василіани інколи це роблять. Раніше консул у Львові 19 серпня 1929 р. інформує МЗС, що участь у вищевказаному святкуванні о. Решетила додала би ваги українському духовенству дуже сильно, як і його проукраїнська діяльність на Підкарпатській Русі загалом. Ще 12 вересня 1929 р. Міністерство шкільництва інформує, що згідно припису МВС від 15 липня 1929 р. візу виділяти небажано, адже ще в червні 1926 р. як неугодний чужинець був з Чехословаччини поліцейським урядом депортований, бо в 1924 р. висловився проти Чехословацької держави у Мукачівському монастирі, за що було відкрито кримінальну справу, а як доказ існує його письмова участь в деяких іноземних часописах із протичеськими висловами, а деякі монахи є виключно розповсюдниками українізму. Є навіть підозра у сприянні комунізму монахами, який також поширює ідею приєднання до Великої України, як і василіани (AMZV ČR 1929b). Безумовно, поширення думки ніби василіани могли підтримувати комунізм є неточністю чехословацьких урядовців. Можливо, злий жарт зіграла суха дипломатична аналітика, згідно якої на Підкарпатській Русі, де активно діяли василіани з Польщі, на виборах постійно перемагали комуністи, а тому їх підозрювали в поширенні великоукраїнських, на той час комуністичних ідей УРСР, а не проукраїнських.

Інший випадок з отцем Стефаном Решетилом пов'язаний з Варшавським консульством ЧСР. 4 березня 1932 р. існує таємна інформація чехословацьких дипломатів з Варшави про прийом протоігумена Решетила, який інформував консула про становище монастирів в Галичині та Підкарпатті. Отець Решетило, зазначає консул, відомий добрими зв'язками з підкарпатськими василіанами та українським політичним рухом на Підкарпатській Русі, як і з Народною партією, Празьким архієпископством та Оломоуцькою капітулою. На зустрічі він висловився позитивно про єпископа Стойку, котрий займає аполітичну позицію і своєрідний «домашній напрямок», але це лише прикриття, а насправді він небезпечний і підтримує угорське спрямування. А на думку отця Решетила, протоігумен Булик або редемпто-

рист Трчка, згідно звіту консула, добре би підійшли на мукачівського єпископа, котрі були би більш лояльні до Чехословацького уряду. Щодо провінції василіан на Підкарпатті, то він просить про сприяння виділенню віз для монахів з Югославії, Угорщини і Румунії, котрі підпорядковані Булику в Мукачеві і мали би навчатися в рідному монастирі (AMZV ČR 1932a). З цього зрозуміло, що вирішуючи консульські питання, отець Стефан намагався вплинути на вибір єпископа в Мукачівській єпархії, не маючи доступу на в'їзд до ЧСР.

Цікаво, що 4 травня 1932 р. за інструкцією МШіНО монахів галичан в монастирях не мало бути більше ніж громадян Чехословаччини (AMZV ČR 1932b). 11 травня 1933 р. Міністерство внутрішніх справ подає інформацію Міністерству закордонних справ, що питання виділення віз для членів ЧСВВ має бути в кожному випадку узгоджено з центральними органами влади. Так існує прохання про візу для Маріана Повча від 23 листопада 1933 р. (AMZV ČR 1933b) та Василя Ваврика від 17 листопада 1933 р., котрі би мали навчати молоде покоління на Підкарпатській Русі, незважаючи на те, що угорські василіани мають богословські студії, посилати клериків до Галичини з чехословацького Підкарпаття не хочуть (AMZV ČR 1938). 16 лютого 1934 р. прохання підкріплено запитом від протоігумена Петра Булика про необхідність двох професорів з Галичини до МЗС. 25 квітня 1934 р. у МЗС існує ціла таємна справа про прохання видачі візи для Маріана Повча та Василя Ваврика. Повідомляється, що МШіНО виступило проти приходу українсько орієнтованих монахів з викладацькою метою, але Міністерство внутрішніх справ перешкод у видачі віз не бачило, як і земський уряд в Ужгороді, адже прихід викладачів з Галичини вважався меншим злом, ніж від'їзд молоді і студентів на навчання до іншої держави. 5 листопада 1934 р. консульство у Львові таємно інформує Міністерство закордонних справ про надання візи для доктора Василя Ваврика, з метою викладання в монастирях ЧСВВ на Підкарпатті. 30 серпня таке саме повідомлення зустрічається про монаха галичанина Яна Маріяна Повча (AMZV ČR 1934). Упереджене ставлення до громадян Польщі підтверджується відповідним документом, що знаходиться в державному архіві Пряшева за 1936 р., де аргументувалося, що польським громадянам не варто надавати чехословацьке громадянство (SAP 1936). Навіть після видачі віз для монахів доктор Василь Ваврик прибув у консульство у Львові від імені Ставропігійського інституту у Львові просити про передачу книг, котрі лише літургійного змісту і перебувають на митниці в Ужгороді уже 3 місяці, пише львівський консул 27 січня 1938 р. зі Львова (AMZV ČR 1938a). Тобто, затримка книг на митниці виглядала як додаткова перешкода в навчальному процесі, адже для вивчен-

ня предметів богословського змісту необхідна була відповідна література.

Досить цікаво, що вже у 1938 р. отцю Стефану Решетилу надали можливість в'їзду до ЧСР. 5 лютого 1938 р. існує детальний звіт «pro domo» МЗС в Празі про надання о. Стефанові Решетилі візи на 15 днів, але лише за активними наполяганнями нунція доктора Ріттера, котрий, як зазначають чиновники, вимагав від МШІНО і МВС продовжити перебування в Чехословаччині, проте отець Решетило, згідно урядників, характеризується як український націоналіст, а потім священик, і однозначно його перебування це підтримка проукраїнських організацій та їх фінансування. В звіті вказується, що отець Стефан добрий проповідник і використовує ці якості для пропагування українізму. Перебування отця протягом 15 днів надано з умовою явки в Ужгород у поліцію (AMZV ČR 1939). Дійсно відомо, що 19 лютого 1938 р. існує таємна справа МЗС в Празі, що 4 лютого празький нунцій Саверіо Ріттер попросив пана міністра доктора Крофту, щоб той посприяв виділити Степанові Решетилі хоч 3 місячне перебування в ЧСР, бо є великі спори між греко-католиками, які би як досвідчений монах Решетило міг вирішити, хоч він і специфічний і має проукраїнське спрямування. Міністерський радник доктор Новак повідомив, що Міністерство внутрішніх справ і земський уряд погоджуються на 14 днів перебування (AMZV ČR 1938b). Маючи досвід контролю за угорським культурним впливом, чехословацькі урядовці поступово зрозуміли поширення великого впливу українських ідей, намагаючись балансувати між різними культурами, а отже втручаючись у внутрішнє життя Церкви різними адміністративними і консульськими обмеженнями.

Таким чином, намагаючись обмежити вплив угорського культурного середовища в 20-х рр. ХХ ст., чехословацький уряд намагався його протиставити українському культурному середовищу в ГКЦ на Підкарпатській Русі. Проте така політика згодом призвела до активного поширення українських ідей з Польщі на Підкарпатті, котрі чехословацькі урядові кола намагалися лімітувати консульськими і дипломатичними кроками у 30-х рр. ХХ ст. обмежуючи в'їзд духовенства ГКЦ з Польщі та контролюючи його політичну лояльність.

ЛІТЕРАТУРА

Бурега 2011 - *Бурега В.* Власть и православная Церковь в Чехословацкой республике в 1920–1930-е годы. Государство и церковь в ХХ в.: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 231–265.

ДАЗОа - Державний архів Закарпатської області (ДАЗО). Ф. 64. Монастырь ордена василиан г. Мукачево. Оп. 3. Спр. 950. Циркуляр епископа Мукачевской епархии об освобождении монахов некоторых монастырей, об освобождении Мария-Повчанского и Биксадского монастырей от юрисдикции протоигумена Мукачевского монастыря и по др. административным вопросам. На 34 арк.

ДАЗОб - ДАЗО. Ф. 64. Оп. 3. Спр. 1551. Преписка генерального настоятеля ордена василиан с настоятелями монастырей по церковным и административным вопросам. На 256 арк.

ДАЗОс - ДАЗО. Ф. 64. Оп. 3. Спр. 1554. Протоколы собраний монахов монастырей ордена василиан на Чернечей горе, в с. Мария-Повч и Добромыле по перевыборам монастырских настоятелей. На 22 арк.

Данилець 2011 - *Данилець Ю.* Нові документи про діяльність єпископа Веніаміна (Федченков) на Підкарпатській Русі у 1923–1924 рр. // Русин. 2011. № 2 (24). С. 52–69.

Кічера 2016а - *Кічера В.* Источники социальной истории греко-католической церкви Чехословакии (1918–1939 г) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 115–122.

Кічера 2016б - *Кічера В.* Тематика «війни і миру» в листуванні та діловій документації василіан Угорської Русі (1914–1918) // Русин. 2016. № 2 (44). С. 200–211.

Лист 1934 - Лист з Бразилії // Благовестник. 1934. № 7. С. 107–109.

Мороз 2017 - *Мороз В.* Світильник віри: історія Боронявського монастиря на тлі епох. Львів: Видавництво Українського католицького університету, 2017, 288 с. + 88 с. іл.

Нарис 1992 - Нарис історії василіянського чину Святого Йосафата. Рим: Видавництво ОО. василіян. 1992. 640 с.

Шпроха та ін 2016 - *Шпроха Б., Тышляр П., Шмигель М.* Демографическое развитие русинов в Словакии в межвоенный период (20–30-е гг. XX в.) // Русин. 2017. № 1 (47). С. 213–231.

AMZV ČR 1922 - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 144.650/1922.

AMZV ČR 1923a - Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky (AMZV ČR). Sekce II. Kart.64. Církevní věci. Řády církevní, mužské a ženské. Č. 94.975/1923.

AMZV ČR 1923b - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 11746/1923.

AMZV ČR 1924a - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 49349/1924.

AMZV ČR 1924b - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 73.337/1924.

- AMZV ČR 1924c - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 167952/1924.
- AMZV ČR 1926a - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 47426/1926.
- AMZV ČR 1926b - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 96.421/1926.
- AMZV ČR 1926c - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 145369/1926.
- AMZV ČR 1926d - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 145649/1926.
- AMZV ČR 1926f - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 155.936/1926.
- AMZV ČR 1926g - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 162.258/1926.
- AMZV ČR 1926h - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 184379/1926.
- AMZV ČR 1926j - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 186360/1926.
- AMZV ČR 1927a - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 17701/1927/
- AMZV ČR 1927b - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 33566/1927.
- AMZV ČR 1928 - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 7847/1928.
- AMZV ČR 1929a - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 40319/1929.
- AMZV ČR 1929b - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. č. 107589/1929.
- AMZV ČR 1932a - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 31.475/1932.
- AMZV ČR 1932b - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 59527/1932.
- AMZV ČR 1933a - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 134.068/1933.
- AMZV ČR 1933b - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 134.704/1933.
- AMZV ČR 1934 - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 44.734/1934.
- AMZV ČR 1938a - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Církevní věci. Řády církevní, mužské a ženské. Č. 9218/1938.
- AMZV ČR 1938b - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 183.038/1938.

AMZV ČR 1939 - AMZV ČR. Sekce II. Kart.64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé. Č. 939/1939.

Arya Rina - *Arya Rina*. Religion, Spirituality and Secularism. P. 85. URL: https://www.academia.edu/9026352/Religion_Spirituality_and_Secularism_in_The_Years_Work_in_Critical_and_Cultural_Theory (останній перегляд: 20.11.2017).

Bahnisch 2003 - *Bahnisch M*. Sociology of Religion, Secularization and Social Theory // TASA 2003 Conference, University of New England, 4–6 December 2003. P. 3–4. URL: https://www.academia.edu/2031386/Sociology_of_Religion_Secularization_and_Social_Theory (останній перегляд: 20.11.2017).

Botelho Moniz 2017 - *Botelho Moniz J*. As falácias da secularização: análise das cinco críticas-tipo às teorias da secularização // *Política & Sociedade*. 2017. Is. 36, Vol. 16. P. 74–96.

Coranič 2016 - *Coranič Ja*. The status of Greek catholic Rusyns in Slovakia during world war I (economic, cultural and religious aspects) // *Русин*. 2016. № 2 (44). P. 171–186. DOI: 10.17223/18572685/44/11

Cosgel Metin, Miceli Thomas - *Cosgel Metin, Miceli Thomas*. State and Religion. URL: https://www.academia.edu/4320854/State_and_Religion (останній перегляд: 20.11.2017).

Holubec 2014 - *Holubec S*. We bring order, discipline, Western European democracy, and culture to this land of former oriental chaos and disorder // *Mastery and Lost illusions. Space and Time in the Modernization of Eastern and Central Europe* / eds by Włodzimierz Borodziej, Stanislav Holubec, Joachim von Puttkamer. Oldenburg; Wissenschaftsverlag; Munchen: Publication of the Imre Kertész Kolleg Jena, 2014. Vol. 5. P. 221–250.

SAP 1936 - Štátny archív v Prešove (SAP). Oddelenie služieb verejnosti. F. Okresný úrad v Prešove OU v PO. Rok 1936. Inv. č. 204. Kr. 12. Šetrenie činnosti duchvných, gréckokatolícky sirotinec Prešov.

REFERENCES

Burega, V. (2011) *Vlast' i pravoslavnyaya tserkov' v Chekhoslovatskoy respublike v 1920-1930-e gody* [Power and the Orthodox Church in the Czechoslovak Republic in the 1920-1930s]. In: Filimonova, A.I. (ed.) *Gosudarstvo i tserkov' v XX v.: evolyutsiya vzaimootnosheniy, politicheskii i sotsiokul'turnyy aspekty. Opyt Rossii i Evropy* [State and Church in the Twentieth Century: Evolution of Relationships, Political and Socio-Cultural Aspects. Russian and European Experience]. Moscow: LIBROKOM. pp. 231–265.

State Archives of the Transcarpathian Region (DAZO). (n.d.) *Monastery' ordena vasilian g. Mukachevo* [Monastery of the Basilian Order in Mukachevo]. Fund 64. List 3. File 950.

State Archives of the Transcarpathian Region (DAZO). (n.d.) *Monastyr' ordena vasilian g. Mukachevo* [Monastery of the Basilian Order in Mukachevo]. Fund 64. List 3. File 1551.

State Archives of the Transcarpathian Region (DAZO). (n.d.) *Monastyr' ordena vasilian g. Mukachevo* [Monastery of the Basilian Order in Mukachevo]. Fund 64. List 3. File 1554.

Danilets, Yu. (2011) New documents on the activities of Bishop Benjamin (Fedchenkov) in Subcarpathian Rus' in 1923-1924. *Rusin*. 2 (24), pp. 52–69 (In Ukrainian).

Kichera, V. (2016a) Social history sources of the Greek-Catholic Church of Czechoslovakia (1918–1939). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 115–122 (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/18

Kichera, V. (2016b) The theme of “war and peace” in the correspondence and business documents of the Basilians in Hungarian Rus' (1914-1918). *Rusin*. 2 (44), pp. 200–211 (In Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/44/13

Anon. (1934) List z Braziliï [A Letter from Brazil]. *Blagovestnik*. 7. pp. 107–109.

Moroz, V. (2017) *Svitil'nik viri: istoriya Boronyavs'kogo monastirya na tli epoch* [Luminaire of faith: The history of Boronavia monastery against the background of the epochs]. Lviv: Ukrainian Catholic University.

Wojnar, M. et al. (1992) *Naris istorii vasilijans'kogo chinu Svyatogo Yosafata* [Essay on the History of the Basilian Order of St. Josaphat]. Rome: Vidavnistvo OO. Vasiliyan.

Shprokha, B., Tyshlyar, P. & Shmigel, M. (2017) Demographic development of Rusins in Slovakia in the interwar years (1920–1930). *Rusin*. 1 (47), pp. 213–231 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/16.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1922) *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 144.650/1922.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1923a) *Section II. Card 64. Church things. Church, male and female orders*. 94.975/1923.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (n.d.). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 11746/1923.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1924a). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 49349/1924.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1924b). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 73.337/1924.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1924c). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 167952/1924.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1926a). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 47426/1926.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1926b). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 96.421/1926.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1926c). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 145369/1926.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1926d). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 145649/1926.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1926e). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 155.936/1926.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1926f). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 162.258/1926.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1926g). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 184379/1926.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1926h). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 186360/1926.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1927a). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 17701/1927.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1927b). *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 33566/1927.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1928) *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 7847/1928.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1929a) *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 40319/1929.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1929b) *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 107589/1929.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1932a) *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 31.475/1932.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1932b) *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 59527/1932.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1933a) *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 134.068/1933.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1933b) *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 134.704/1933.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1934) *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 44.734/1934.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1938a) *Section II. Card 64. Církevní věci. Řády církevní, mužské a ženské* [Church things. Church, male and female orders]. 9218/1938.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1938b) *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 183.038/1938.

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic (AMZV ČR). (1939) *Section II. Card 64. Řecko-katolická organisace. Řády církevní, různé* [Greek-Catholic organization. Church orders, miscellaneous]. 939/1939.

Arya, R. (2014) Religion, Spirituality and Secularism. *The Years Work in Critical and Cultural Theory*. 22(1). pp. 83–103. DOI: 10.1093/ywct/mbu004

Bahnisch, M. (2003) Sociology of Religion, Secularization and Social Theory. *TASA 2003 Conference*. University of New England, December 4–6, 2003. pp. 3–4. [Online] Available from: https://www.academia.edu/2031386/Sociology_of_Religion_Secularization_and_Social_Theory (Accessed: 20th November 2017).

Botelho Moniz, J. (2017) As falácias da secularização: análise das cinco críticas-tipo às teorias da secularização. *Política & Sociedade*. 36 (16). pp. 74–96. DOI: 10.5007/2175-7984.2017v16n36p74

Coranič, Ja. (2016) The status of Greek catholic Rusins in Slovakia during WW I (economic, cultural and religious aspects). *Rusin*. 2 (44). pp. 171–186. DOI: 10.17223/18572685/44/11

Cosgel, M. & Miceli, T. (2008) *State and Religion*. [Online] Available from: https://www.academia.edu/4320854/State_and_Religion (Accessed: 20th November 2017).

Holubec, S. (2014) We bring order, discipline, Western European democracy, and culture to this land of former oriental chaos and disorder. In: Borodziej, W., Holubec, A. & Puttkamer, J. von (eds) *Mastery and Lost illusions. Space and*

Time in the Modernisation of Eastern and Central Europe. Vol. 5. Oldenburg: Wissenschaftsverlag. Vol. 5. pp. 221–250.

State Archive in Prešov (SAP). (1936) *Štetrenie činnosti duchvných, gréckokatolícky sirotinec Prešov* [Investigation of the spiritual activities of Greek-Catholic orphanage in Prešov]. Public service department. Fund of the District Office in Prešov. 204. Card 12.

Кічера Віктор Васильович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Державного вищого навчального закладу «Ужгородський національний університет» (Україна).

Кичера Виктор Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета (Украина).

Victor Kichera – Uzhhorod National University (Ukraine).

E-mail: vkichera@ukr.net

УДК 94(477.87)"1957/1958"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/16

ПОЧАТОК ДРУГОЇ ХВИЛІ АНТИРЕЛІГІЙНОЇ ТА АТЕЇСТИЧНОЇ ПРОПАГАНДИ НА ЗАКАРПАТТІ В 1957–1958 рр.

Ю.В. Данилець

Ужгородський національний університет
Україна, 88000, м. Ужгород, пл. Народна, 3
E-mail: jurij.danilec@uzhnu.edu.ua

Авторське резюме

Розглядається питання посилення антирелігійної та атеїстичної пропаганди на Закарпатті в 1957–1958 рр. Автором проаналізовано основні міроприємства, що здійснювалися партійними, комсомольськими та іншими організаціями. Окремо виділено ряд засобів, котрі застосовувалися для виконання завдань партії та уряду щодо релігії і церкви. Значна увага приділена аналізу особливостей реалізації антирелігійної політики в окремих містах та районах області. Наводяться приклади критики місцевих органів влади та комуністичних організацій за недоліки в антирелігійній та атеїстичній роботі.

Ключові слова: атеїзм, духовенство, комсомольці, комуністи, релігія, партія, пропаганда.

НАЧАЛО ВТОРОЙ ВОЛНЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ И АТЕИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ЗАКАРПАТЬЕ В 1957–1958 гг.

Ю.В. Данилец

Ужгородский национальный университет
Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная, 3
E-mail: jurij.danilec@uzhnu.edu.ua

Авторское резюме

Рассматривается вопрос усиления антирелигиозной и атеистической пропаганды в Закарпатье в 1957–1958 гг. Автором проанализированы основные мероприятия, которые проводились партийными, комсомольскими и другими организациями. Отдельно выделен ряд средств, которые применялись для выполнения задач партии и правительства по вопросам религии и церкви. Значительное внимание уделено анализу особенностей реализации антирелигиозной политики в отдельных городах и районах области. Приводятся примеры критики местных органов власти и коммунистических организаций за недостатки в антирелигиозной и атеистической работе.

Ключевые слова: атеизм, духовенство, комсомольцы, коммунисты, религия, партия, пропаганда.

THE BEGINNING OF THE SECOND WAVE OF ANTI RELIGIOUS AND ATHEISTIC PROPAGANDA IN TRANSCARPATHIA IN 1957–1958

Ju.V. Danilets

Uzhhorod National University
3 Narodna Square, Uzhhorod, 88000, Ukraine
E-mail: jurij.danilec@uzhnu.edu.ua

Abstract

The article discusses the intensification of anti religious and atheistic propaganda in Transcarpathia in 1957–1958 and outlines several stages of anti religious policy. The author describes the main anti religious activities carried out by the party, Komsomol and other organisations, focusing on a number of tools, including lectures, exhibitions, posters, movies, radio programmes and periodicals. The implementation of the anti religious decrees required from regional and district organisations of the Communist party of Ukraine and Komsomol to participate in the propagation of political and scientific knowledge through cultural and educational institutions. There were preparatory courses, clubs and seminars arranged to study atheistic literature, classics of Marxism-Leninism, government regulations and anti religious legislation. The article describes the attempts by the Communists to replace the celebration of religious holidays with the new Soviet analogues: Komsomol weddings, spring and harvest festivals. The author also focuses on the peculiarities of anti religious policies in certain cities and districts of the region, providing examples of criticism of local authorities and Com-

munist organisations for their failures and passive attitude to anti religious propaganda and atheistic events.

Keywords: atheism, clergy, members of the Komsomol, Communists, religion, party, propaganda.

Період хрущовської «відлиги» характеризувався відновленням наступу на релігію і церкву. Антирелігійну кампанію умовно можна розділити на два етапи. Перший розпочався із постанови ЦК КПРС від 7 липня 1954 р. «Про великі недоліки в науково-атеїстичній пропаганді і заходи з її поліпшення» (Постановление 1971а). За словами українських вчених П. Бондарчука та В. Даниленка, антирелігійна діяльність викликала гостре невдоволення не лише духовенства та віруючого активу, але й широких мас населення. У зв'язку з цим керівництво КПРС намагалося перекласти відповідальність на нижчі компартійні та державні органи (Бондарчук, Даниленко 2012: 167). Наслідком стало прийняття постанови ЦК КПРС від 10 листопада 1954 р. «Про помилки у проведенні науково-атеїстичної пропаганди серед населення» (Постановление 1971b). Даний документ припинив на деякий час активну антирелігійну діяльність, хоч і не згорнув її зовсім.

Другий етап розпочався із доповідної записки відділу пропаганди й агітації ЦК КПУ від 3 серпня 1957 р., яка наголошувала, що партійні застереження щодо адміністративного втручання у релігійну сферу були хибно сприйняті і призвели до посилення позицій і впливу церкви (Релігійна 2010: 13). На даний документ оперативно відреагували в Закарпатській області. 17 вересня 1957 р. бюро обкому КПУ ухвалило постанову «Про серйозні недоліки в науково-атеїстичній пропаганді серед населення Закарпатської області». У наступні роки було прийнято ще ряд постанов, які посилили антирелігійну діяльність.

Проблематика наступу на релігію та церкву в радянську добу вивчається сучасними дослідниками. Слід відзначити монографії та наукові статті О. Бажана і Ю. Данилюка (Бажан, Данилюк 2000), П. Бондарчука (Бондарчук 2009), В. Войналовича (Войналович 2005), Ю. Данильця та В. Міщанина (Данилець 2016; Данилець, Міщанин 2013), В. Кічери (Кічера 2016), В. Пащенко (Пащенко 2005), М. Шкаровського (Шкаровский 2000), Н. Шліхти (Шліхта 2011), П. Штурака (Šturák 2016), В. Якуніна (Якунин 2002, 2003). Проблема, що порушено нами у заголовку, розглядалося авторами лише фрагментарно.

Метою дослідження є аналіз міроприємств, які були реалізовані на виконання постанови Закарпатського обкому від 17 вересня 1957 р. Черговий документ аналогічного змісту був прийнятий 27 березня 1959 р. Таким чином, більше півтори року місцеві партійні та радянські

органи користувалися названою вище постановою. Окремо автором досліджується специфіка та методи реалізації антицерковної політики в окремих районах, містах та селах області, поведінка місцевих чиновників різного рівня, партійних активістів і т. д.

У Державному архіві Закарпатської області збереглися документи, що дають можливість проаналізувати діяльність обласної та районних парторганізацій КПУ, обласного відділення Товариства по поширенню політичних і наукових знань, культосвітніх та комсомольських організацій. Всі вони були залучені до виконання антирелігійної політики, допомагаючи та підсилюючи міроприємства. Зокрема, у нашому розпорядженні є інформація про роботу культурно-освітніх установ Закарпатської області по науково-атеїстичній роботі, узагальнюючі дані обкому ЛКСМУ про атеїстичне виховання молоді, довідки про пропаганду обласної та районних організацій Товариства по поширенню політичних і наукових знань. Виявлено відомості про виконання постанови від 17 вересня 1957 р. всіма 13 районними парторганізаціями КПУ. Більшість документів мають гриф «таємно» та готувалися в 2–3 примірниках.

У звіті начальника обласного управління культури О. Ваша від 5 липня 1958 р. вказувалося, що робота культурно-освітніх установ області спрямовувалася на виховання «трудящих в комуністичному дусі, на подолання пережитків буржуазної ідеології і підвищення соціалістичної свідомості радянських людей» (ДАЗО 2: 99). На виконання постанови «Про серйозні недоліки в науково-атеїстичній пропаганді серед населення Закарпатської області» культосвітні установи розгорнули пропаганду при допомозі різних форм і методів роботи: лекцій, бесід, вечорів запитань і відповідей, тематичних вечорів, наглядної агітації тощо. Найбільш поширеною формою в організації пропаганди науково-атеїстичних знань були лекції. Протягом п'яти місяців 1958 р. було прочитано 16 510 лекцій, із яких 2 581 була присвячена науково-атеїстичним і науково-природничим темам. Зміст лекцій характеризується їх назвами: «Походження і суть релігійних свят і обрядів», «Марксизм-ленінізм про релігію», «Як виникло життя на землі» і т. д. (ДАЗО 2: 100). До читання лекцій залучали викладачів університету, працівників партійних і радянських органів, вчителів, лікарів, агрономів. Окремо у звіті подано характеристику тематичних вечорів та семінарів у містах і селах області. Наприклад, на семінарі культурно-освітніх працівників Мукачівського району у квітні 1958 р. було заслухано питання про роботу клубів та бібліотек по пропаганді науково-атеїстичних знань. Присутніх ознайомили з формами і методами пропаганди, забезпечили примірними списками рекомендованої літератури і репертуару для художньої самодіяльності.

Значна увага приділялася організації книжкових виставок та підготовці бібліотечних плакатів. Берегівська міська бібліотека для дорослих, яка обслуговувала в основному угорське населення, в 1958 р. організувала книжкову виставку та плакати на теми: «Походження і реакційна суть релігії», «Викриття реакційної суті релігії в художній літературі», «Штурм космосу». Виноградівська міська і районна бібліотеки підготували аналогічні виставки на теми: «Праця створила людину», «Наука і релігія про виникнення в розвиток життя на землі» і т. д. Крім того, на підприємствах міста бібліотекарі проводили голосні читання уривків із праць Є. Дулумана та О. Ярославського. Загалом в 47 будинках культури Виноградівщини було прочитано 188 лекцій на антирелігійні і науково-популярні теми (ДАЗО 2: 101). О. Ваш особливо відзначав діяльність обласної бібліотеки для дітей і юнацтва. Протягом 1958 р. працівники цієї установи організували 4 книжкові виставки та 2 плакати для дітей різного віку. Біля книжкових виставок проводилися групові бесіди на різні теми, наприклад: «Яку шкоду приносять забобони», «Як виникли релігійні свята і яка від них шкода», «Як виникають різні релігії». Не обійшлося в інформації начальника облуправління і без зауважень. Перевірками було встановлено, що в ряді клубів і бібліотек антирелігійна пропаганда проводилася від випадку до випадку та не носила наступальний характер: «Лекції в клубах іноді читалися сухо і відірвано від життя. В бібліотеках пропаганда літератури не завжди досягає своєї мети, не використовується в повній мірі наявний книжковий фонд науково-популярної і художньої літератури» (ДАЗО 2: 104).

Ряд міроприємств на виконання постанови реалізував Закарпатський обком ЛКСМУ. На базі окремих шкіл в районах були створені гуртки по вивченню атеїзму. У лекторській групі обкому восени 1957 р. була створена спеціальна секція в складі 16 чол., які виступали перед молоддю області із лекціями на антирелігійні та науково-природничі теми. До пропаганди також залучали вчителів фізики, хімії, студентів та викладачів Ужгородського державного університету (УжДУ). Зокрема, вони провели вечори в Мукачівському міськкомі, Тячівському, Іршавському, Свалявському, Перечинському, В. Березнянському та інших районах. Необхідно відзначити, що керівництво обкому ЛКСМУ спрямовувало свою увагу на окремі релігійні центри. Наприклад, в с. Іза Хустського району місцеві комсомольці отримали допомогу в поповненні лекторської групи досвідченими атеїстами-пропагандистами. В сільському клубі була організована виставка Закарпатського обласного музею, проведені вечори запитань і відповідей, комсомольські читання по історії ВЛКСМ, антирелігійні бесіди (ДАЗО 2: 88).

Комсомольців активно залучали до антирелігійної роботи під час релігійних свят. У ці дні в деяких селах області проводилися масові заходи, спортивні змагання, виступи художньої самодіяльності, організовувалися недільники по збору металолому, висадки дерев і т. д. Наприклад, в м. Мукачево в день проведення престольних свят при Свято-Миколаївському жіночому монастирі міськком комсомолу організував день школяра. У рамках цього заходу проводилися масові ігри, спортивні змагання тощо. Подібні заходи у місті проводилися і на Великдень, коли до участі в недільнику по будівництву Комсомольського озера було залучено понад 2 тис. молодих людей.

Щоб зменшити кількість вінчань у храмах, партійні організації почали ініціювати проведення так званих комсомольських весіль. У звіті секретаря обкому ЛКСМУ Лупака від 25 січня 1957 р. подано інформацію про проведення таких заходів в окремих селах та містах Закарпаття. В артілі ім. Крупської м. Мукачева питання про організацію весілля ставилося та обговорювалося на комсомольських зборах. Присутні вирішили зібрати частину коштів на проведення святкування, а більшу частку виділило правління артілі. Церемонія реєстрації шлюбу відбувалася у будинку культури за присутності голови артілі, голови міськвиконкому та секретаря міськкому ЛКСМУ. Молодій родині було подаровано ключі від квартири та різноманітні побутові речі. Всі ці факти свідчать про намагання партійної та радянської верхівки підмінити релігійні обряди і відтягнути молодь від церкви. Аналогічні весілля в другій половині 1957 р., були проведені в с. Іза Хустського району, в с. Грушово, Буштино Тячівського району, в с. Березники Свалявського району (ДАЗО 2: 91). Також комсомольські організації проводили роботу, спрямовану на заміну інших релігійних свят. Наприклад, замість свята «Вербна неділя» планувалося провести для молоді «Свято лісу», «Свято урожаю» і т. д.

Значна роль в антирелігійній та атеїстичній роботі відводилася організаціям Товариства по поширенню політичних і наукових знань. Виконуючи постанову обкому КПУ від 17 вересня 1957 р. ними було проведено цілий ряд міроприємств. Зокрема, було переглянуто склад лекторів-атеїстів та підсилено їх вчителями фізики, хімії, біології, географії; збільшено кількість науково-атеїстичної секції за рахунок вчителів середніх шкіл, викладачів УЖДУ та обласної партійної школи. 27 вересня 1958 р. відбувся пленум обласного відділення товариства, на якому обговорювалося питання про стан і міри по покращенню науково-атеїстичної пропаганди обласними і районними відділеннями. На виконання рішень пленуму в районах відбулося значне збільшення кількості лекторів. Наприклад, в Іршавському районі до лекційної пропаганди на теми атеїзму і суспільно-наукових питань

було додатково залучено 52 вчителів, в Тячівському районі – 34 вчителі, в Перечинському – 30, в Свалявському – 45, Мукачівському – 31 (ДАЗО 1: 2). Збільшення кількості лекторів відбилося на значному зростанні обсягу прочитаних лекцій. Так, у другому півріччі 1956 р. було прочитано 728 лекцій, а в другому півріччі 1957 р. їх кількість зросла до 1513 (ДАЗО 1: 2). З метою надання теоретичної та методичної допомоги лекторам обласне відділення товариства в 1958 р. провело семінари лекторів-атеїстів в містах Мукачево, Хуст, Іршава, Перечин. Виступали члени товариства також на радіо та на сторінках періодики.

У одному із звітів керівництва обласного товариства від 25 березня 1958 р. окреслювалося ряд міроприємств для покращення науково-атеїстичної пропаганди: 1) провести міжрайонні семінари лекторів-атеїстів (м. Ужгород, Мукачево, Хуст); 2) випустити типографічним способом збірник статей і матеріалів на допомогу лекторам; 3) підготувати і розмножити на ротаторі матеріали для допомоги лекторам на теми: «Антинародна діяльність уніатської церкви на Закарпатті», «Ярослав Галан – полум'яний борець проти Ватикану і католицизму», «Що таке релігійне сектантство», «Виникнення і класова суть релігійного свята “Пасха”»; 4) поповнити склад науково-атеїстичних і суспільно-наукових секцій учителями суспільникам и, лікарями і спеціалістами сільського господарства, здатними вести пропаганду по питанням атеїзму; 5) підготувати та розмножити на ротаторі і розіслати в районні відділення і групи членів товариства примірну тематику лекцій по науково-атеїстичним та суспільно-науковим питанням; 6) підготувати і опублікувати в обласних газетах ряд статей по питанням атеїзму, а також ряд статей по питанням обміну досвідом науково-атеїстичної пропаганди; 7) спільно з Облрадіо розробити цикл лекцій по питанням атеїзму і організувати передачі; 8) провести безкоштовні публічні лекції на атеїстичні та суспільно-наукові теми в будинку культури, клубі Облпрофради, клубі письменників, будинку офіцерів і міському парку культури та відпочинку ім. Горького; 9) організувати публічні лекції в Миськлекторії з демонстрацією кінофільмів на суспільно-наукові питання; 10) організувати проведення вечорів питань і відповідей по питанням суспільствознавства і атеїзму на підприємствах, установах та учбових закладах (ДАЗО 1: 5–6).

Керівна та координуюча роль в проведенні атеїстичної пропаганди в Закарпатській області, безперечно, належала КПУ. У фондах ДАЗО виявлені звіти районних та міських партійних організацій, що розкривають роботу в даному напрямку. Проаналізуємо антирелігійну пропаганду діяльність Ужгородського та Мукачівського міських комитів

КПУ. В обласному центрі місцевими комуністами були організовані і працювали при вечірньому університеті марксизму-ленінізму шестимісячні курси пропагандистів-атеїстів по рекомендованій ЦК КПУ програмі. Окремо були прочитані курси лекцій для слухачів вечірнього університету марксизму-ленінізму, вечірньої економічної школи, вчителів середніх шкіл № 1 і 4 (ДАЗО 2: 10–11). В м. Мукачєво 21 листопада 1957 р. було проведено пленум міськкому партії, який обговорив стан і заходи поліпшення науково-атеїстичної пропаганди серед населення. В окремих парторганізаціях також пройшли партійні збори, де намітили конкретні заходи щодо поліпшення атеїстичної роботи серед робітників, службовців і учнівської молоді. Чимало уваги було приділено розгортанню пропаганди на підприємствах та в учбових закладах міста. Зокрема, в сільськогосподарському технікумі була виготовлена спеціальна фотовиставка «Наука і релігія», почала виходити стінгазета «Безбожник». На тютюновій фабриці комуністагітатори проводили бесіди та лекції серед робітників, наголошуючи на шкідливості релігії. У школах міста було організовано ряд гуртків атеїзму, в завдання яких входило розповсюдження матеріалістичного світогляду серед молоді (ДАЗО 2: 14).

31 грудня 1957 р. Мукачівський райком прозвітував про виконання постанови «Про серйозні недоліки в науково-атеїстичній пропаганді...». Зокрема, в колгоспах району було створено 6 гуртків по вивченню основ наукового атеїзму, в яких навчалось 107 слухачів, а при райкомі партії відкрили теоретичний семінар з питань атеїзму. Загалом в районі діяло 65 лекторів-атеїстів, які мали вищу та незакінчену вищу освіту. Завдяки їх роботі протягом вересня – грудня 1957 р. було прочитано 375 лекцій і проведено 5 664 індивідуальні бесіди з віруючими. У середніх школах, клубах, бібліотеках проводилися тематичні вечори, літературні конференції, вечори запитань і відповідей з питань науково-атеїстичної та антирелігійної пропаганди. До агітації було залучено районну газету «Прапор Перемоги» та багатотиражні газети, які протягом 4 місяців опублікували 64 статті та інформації на антирелігійну та атеїстичну проблематику. Разом з тим у звіті вказувалися і на недоліки в роботі райкому партії на Мукачівщині. Серед них – незадовільне атеїстичне виховання серед учнів середніх і семирічних шкіл району та будинків культури: «У проведенні атеїстичної пропаганди багато первинних партійних організацій допускають формалізм. Не всі віруючі обслуговуються доповідями і лекціями на науково-природничу та атеїстичну тематику» (ДАЗО 2: 40). У 1958 р. антирелігійна пропаганда в Мукачівському районі посилилася. До 154 позицій зростає кількість публікацій у періодиці, при клубах і бібліотеках було створено виставки матеріалів «Куток

атеїста», «На допомогу лектору атеїсту», зроблено фотомонтажі по науково-атеїстичній тематиці (ДАЗО 3: 40).

Нищівній критиці було піддано роботу Рахівських районних партійних, комсомольських та інших організацій щодо виконання постанови від 17 вересня 1957 р. У доповідній записці відділу пропаганди і агітації обкому КПУ від 31 січня 1958 р. вказувалося, що Рахівський райком партії названий документ не розглянув на бюро, пленумі партії і партактиві, а також не довів цю постанову до комуністів, не організував обговорення на зборах первинних парторганізацій. Аналогічні звинувачення було висунуто також райкому комсомолу та районному відділенню товариства для поширення політичних і наукових знань (ДАЗО 2: 53). На думку завідувача відділом пропаганди і агітації обкому КПУ В. Белоусова, саме бездіяльність районного керівництва призвела до посилення діяльності «церковників і сектантів» на Рахівщині. У документі наведено ряд цікавих фактів, котрі мали підтвердити думку обласного керівництва. Наприклад, з дозволу голови райвиконкому було відпущено Ясінянським лісгоспом деревину для релігійної громади в с. Лазещина. Аналогічні дії сталися в с. Ділове, де церковній громаді передали деревину, котра мала використовуватися для будівництва сільського клубу. У недолік роботи районного керівництва ставився не вихід частини робітників у релігійні свята на роботу. «В селищах Рахово, Ясіня і інших місцях є факти невиходу на роботу євреїв в суботу. В ці дні закриті окремі торговельні точки, голярні тощо, а керівники цих організацій не реагують на це» (ДАЗО 2: 53). Незадовільний стан виховної роботи серед комсомольців і молоді, за словами В. Белоусова, призвели до того, що п'ять комсомольців із району вінчалися у храмі. Вищеназвані факти у доповідній записці трактувалися як «притуплення політичної пильності і пряме сприяння церковникам» (ДАЗО 2: 54). Рахівська районна партійна організація мусила реагувати на серйозні зауваження та прийняла відповідні міри (ДАЗО 2: 61–63).

Розглянемо документи про антирелігійну пропаганду в Тячівському та Хустському районах. На Тячівщині на кінець 1957 р. кількість лекторів, що читали на антирелігійні теми, збільшилася із 19 до 66 чол. Це призвело до значного зростання числа проведених лекцій та розширення їх тематики. У жовтні та листопаді 1957 р. райком партії провів наради і семінари з керівництвом агітколективів. Загалом за жовтень-грудень того ж року в районі було проведено 118 семінарів із агітаторами та 842 групових та індивідуальних бесід із громадянами (ДАЗО 2: 72). Місцеві комсомольці і комуністи посилили роботу з молоддю, що вилилася в публічній критиці та моральному тиску. Наприклад, в Буштинському ДОКу під впливом парторганізації

відмовився від вступу до духовної семінарії І. Гаврилко. Парторганізація колгоспу ім. Суворова в с. Чумальово на зборах засудила «антипартійний вчинок комуніста, голови колгоспу тов. Паканича, який відвідував церкву». У с. Терново на партійних зборах було піддано аналогічній критиці «молодого комуніста т. Мадярій, який в своєму будинку на стінах кімнати тримав ікони» (ДАЗО 2: 73).

У довідці «Про стан ідеологічної роботи в Тячівському районі» від 10 грудня 1958 р. відзначалося, що протягом поточного року кількість прочитаних лекцій на антирелігійні теми зросла до 300. Окремо в документі наголошувалося на недоліках в агітаційній роботі. Наприклад, автор відзначав, що «мають місце ганебні факти, коли окремі комсомольці, деякі жінки комуністів та частина учнів відвідують церкву та проводять релігійні обряди (ДАЗО 5: 71). В межах району було розгорнуто мережу гуртків по вивченню по вивченню питань наукового атеїзму. На початок 1959 р. в 4 гуртках і двох наукових семінарах навчалося 145 чол., серед яких 60 комуністів та 21 комсомолец. При середніх та семирічних школах питання наукового атеїзму вивчало більше 500 чол. інтелігенції (ДАЗО 6: 25).

Хустський райком партії на виконання постанови від 17 вересня 1957 р. ухвалив ряд рішень, спрямованих на поліпшення масово-політичної і культурно-освітньої роботи. Серед них – «Про стан навчально-виховної роботи в культосвітньому технікумі», «Про участь учителів району в проведенні масово-політичної і антирелігійної роботи серед населення району» «Про роботу піонерських організацій району» та інші. Наступним кроком було проведення в усіх партійних організаціях обговорення питання про стан і заходи поліпшення атеїстичної роботи. На кінець 1957 р. на атеїстичні теми на Хустщині виступало 180 лекторів, які в четвертому кварталі того ж року прочитали 347 лекцій. У листопаді 1957 р. було проведено семінар керівників сільських груп по питанню посилення антирелігійної пропаганди (ДАЗО 2: 82). На допомогу агітколективам парторганізацій до антирелігійної пропаганди залучалися також позаштатні лектори. Протягом 1958 р. вони прочитали загалом 752 лекції, з яких 36 були присвячені атеїстичним темам (ДАЗО 4: 3).

Таким чином, постанова обкому КПУ від 17 вересня 1957 р. «Про серйозні недоліки в науково-атеїстичній пропаганді серед населення Закарпатської області» здійснила значний вплив на активізацію антирелігійної та атеїстичної пропаганди в області. Аналіз документів дає підстави стверджувати, що реалізація положень постанови на місцях проводилася досить інтенсивно та під жорстким контролем обкому КПУ. Міроприємства зводилися до підготовки пропагандистів, активної лекційної роботи серед населення, створення гуртків та

семінарів по вивченню атеїзму, широкого залучення представників інтелігенції та молоді. Значна увага приділялася візуалізації антирелігійної боротьби із залученням мережі бібліотек, кінотеатрів, радіо, періодики. Подальші антирелігійні постанови продовжили та посилили антирелігійну пропаганду, що вилилося в закритті храмів та монастирів, звільнення з роботи за релігійну діяльність, арешти та ув'язнення за опір радянській системі. Автор бачить перспективу дослідження даної проблематики, через виявлення значного обсягу неопрацьованих документів.

У додатках публікуємо ряд документів, котрі ілюструють хід антирелігійної та атеїстичної пропаганди в окремих районах Закарпатської області.

ДОКУМЕНТИ

№ 1

1958 р. (без вказаної дати) – Інформація про стан наукової і антирелігійної пропаганди в Берегівському районі (ДАЗО 1: 34–37)

В недалекому минулому на території Берегівського району діяли представники самих різноманітних релігійних напрямків. До сих пік живучої залишилась католицька, реформатська церкви, різні секти. Тому антирелігійна пропаганда тут (як, можливо, і ще в деяких районах Закарпаття) має певну специфіку. Ця специфіка полягає в тому, щоб вогонь антирелігійної пропаганди направити зразу проти всіх цих різновидностей релігії.

В Берегівському районі ця специфіка врахована, якщо судити по тематиці прочитаних лекцій на антирелігійні теми. В районі прочитані лекції, що викривають роль католицької, реформатської церков, лекції, направлені проти сектантів. Мені вдалося бути присутнім на лекції «Правда про реформатську церкву». Ця лекція була прочитана в с. Гать співробітником редакції районної газети т. Сіксай на угорській мові. На лекції були присутні біля 50 чоловік. Лекція була прослухана з великою увагою.

Важко на основі такого поверхневого знайомства судити про дієвість антирелігійної пропаганди.

У всякому випадку незаперечно, що якщо раніше на такі лекції важко було притягнути рядових колгоспників, то тепер вони вже більш активно слухають їх. Проте, треба сказати, що ще дуже багато віруючих уникають лекцій. Так, в с. Гать живе не менше, як 1 000 чоловік. Як вже згадувалося, на лекції були присутні 50 чоловік, з них колгоспників (рядових) – не більше 30. А в такому селі треба б мати аудиторію в 100–150 чоловік.

Набагато гірше обстоїть справа з читанням лекцій на наукову тематику. Адже, якщо за останній час на антирелігійні теми в районі було прочитано 136 лекцій, то на наукові теми – не більше 30. Гідний подиву той факт, що в поточному році в районному Будинку культури, де лекції читаються в середньому кожний четвер, не було прочитано жодної лекції про радянські штучні супутники Землі, про завдання або досягнення нашої хімії, не було прочитано жодної лекції на наукову тему. В той же час ясно, що такі лекції надзвичайно б цікавили населення. В селах району з лекцією про штучні супутники виступав вчитель СШ № 1 м. Берегова Чіка І.В. Проте, мені не вдалося ознайомитися з текстом цієї лекції, бо автор, невідомо з яких причин, не дав її. Вже в останній час підготувала лекцію на хімічну тему вчителька СШ № 2 м. Берегова т. Михальова, але вона ще не виступила з нею перед населенням.

Із сказаного можна зробити такі висновки: щодо антирелігійної пропаганди, то треба залучати до відвідування лекцій широкі кола рядових колгоспників. Тому, лекції треба читати або у вихідні днів, або краще, на місці роботи – на фермі, на тому і т. д.

При районному відділенні Товариства організувати секцію по науковій пропаганді і організувати читання лекцій на наукові теми.

В. Лендъел, співробітник університету.

№ 2

1958 р., 20 грудня – Інформація Мукачівського міського комітету КП України про виконання постанови бюро Закарпатського обкому КП України «Про серйозні недоліки в науково-атеїстичній пропаганді серед населення Закарпатської області» (ДАЗО 2: 12–14)

Закарпатському обкому КП України
Завідділом пропаганди і агітації
тов. Білоусову В.І.

Виконуючи рішення бюро обкому КП України в напрямку поліпшення науково атеїстичної пропаганди, Мукачівський міськком КП України став більше приділяти уваги атеїстичній роботі серед населення.

21 листопада 1957 року був проведений пленум міськкому партії, який обговорив стан і заходи поліпшення науково-атеїстичної пропаганди серед населення. Цьому питанню був присвячений семінар секретарів парторганізацій. В парторганізаціях пройшли партійні збори, де намічено конкретні заходи поліпшення природничо-наукової і атеїстичної пропаганди серед робітників, службовців і учнівської молоді міста.

Міськком партії провів семінар лекторів-атеїстів, на якому присутні обмінялись досвідом роботи, а також прослухали ряд лекцій на науково-атеїстичні теми. Крім цього 10 лекторів-атеїстів прослухали курс лекцій на науково-природничі та атеїстичні теми при обкомі КП України.

Питанням атеїстичного виховання трудящих буди присвячені також засідання бюро міськкому партії. Зокрема, заслухали парторганізацію кооперативного технікуму, а також відповідального секретаря міського відділення Товариства для поширення політичних і наукових знань тов. Науменко про роботу науково-атеїстичної секції.

Всі ці заходи допомогли поживити антирелігійну роботу на підприємствах, в установах, навчальних закладах. Так, наприклад, в сільськогосподарському технікумі збільшилось число лекцій на науково-атеїстичні теми. Тут за останні два місяці прочитано лекції на такі теми: «Виникнення релігійних обрядів», «Наука і релігія про походження людини», «Класики української літератури в боротьбі проти релігії». З технікумі виготовлена спеціальна фотовиставка «Наука і релігія», почала виходити стінна газета «Безбожник». Партійна і комсомольська організації провели кілька змістовних антирелігійних вечорів «Як виник вогонь», «Чудо без чудес» на яких з доповідями виступив викладач хімії т. Скиба. Бібліотека технікуму проводить читацькі конференції на теми «Письменники про релігію».

Систематично проводить антирелігійну роботу партійна організація тютюнової фабрики. Комуністи-агітатори проводять серед колективу бесіди на атеїстичні теми, за віруючими закріплені комуністичні, які намагаються шляхом індивідуальних бесід виховувати у віруючих матеріалістичний світогляд, переконати їх в тому, що релігія – це опіум для народу. В клубі фабрики є куток атеїста, в якому б висловлення класиків марксизму-ленінізму про релігію. На фабриці вийшов спеціальний номер стінної газети на тему: «Релігія – ворог трудового народу».

Цінну ініціативу проявила партійна організація і правління артілі ім. Крупської, організувавши недавно комсомольське весілля робітничої і робітничі своєї артілі, на яке було запрошено до 300 комсомольців міста. Агітколектив парторганізації постійно проводить атеїстичну роботу з віруючими. Внаслідок індивідуальної роботи комуністів в артілі ім. Крупської з під впливу церкви вирвані робітничі Тягур, Кізман, Сембер, Лукечу, Луцо, які раніше справляли релігійні обряди.

Змістовніше стала проводитись антирелігійна робота з навчальних закладах. Викладачі історії, літератури, хімії, фізики та інших предметів насичую уроки глибоким матеріалістичним змістом, підкреслюючи, яку шкоду релігія приносила людству протягом свого існування. В навчальних закладах організуються гуртки наукового атеїзму, в завдання якого входить розповсюдження матеріалістичного

світогляду серед молоді, а також трудящих міста. Класні керівники стали більше проводити індивідуальну роботу з учнями, вихідцями з релігійних сімей.

В практику роботи комсомольських організацій ввійшла організація антирелігійних вечорів з показом дослідів, які розвінчують релігію. Змістовні вечори пройшли в сільськогосподарському технікумі, педучилищі, тютюновій, трикотажній фабриках та в інших організаціях.

Більше став займатись антирелігійним вихованням молоді міськком комсомолу. Цю роботу комсомольські активісти, Рада старіших, яка працює при міськкомі комсомолу, проводять різними засобами: влаштуванням антирелігійних вечорів, читкою лекцій на науково-природничі та антирелігійні теми, організацією цікавих культурно-масових заходів, проведенням в дві релігійних свят масових фізкультурних змагань і т. д.

В дні релігійного свята проведено загальноміську репетицію хорових гуртків, на якій було до 2 000 юнаків і дівчат. Учні 3–7 класів проводили збір металолому. Комсомольці працювали на розчистці нового парку в районі Підгор'ян. Буди також організовані масові фізкультурні змагання, екскурсії і т. д.

Міськком комсомолу готує на день релігійного свята «різдва» ряд культурно-масових заходів. Наприклад, 24 грудня, на день греко-католицького свята в міському театрі відбудеться вечір зустрічі молоді з артистами театру, в клубах, червоних кутках – демонстрування кінофільмів, гратимуть духові оркестри підприємств, та інші заходи.

Проте антирелігійним вихованням трудящих займаються поки що не всі партійні організації. Зокрема великі недоліки в цій справі є на залізничному вузлі. Тут, крім лекцій на науково-природничі та атеїстичні теми, майже ніяка інша робота в цьому напрямку не проводиться. Недавно бюро міськкому партії заслухало партком залізничного вузла про стан масово-політичної роботи серед залізничників. Бюро намітило конкретні заходи і щодо поліпшення атеїстичної роботи в парторганізаціях залізничного вузла.

Слабо ще працює науково-атеїстична секція міського відділення Товариства для поширення політичних і наукових знань. Лекції, які читаються членами секції, не задовольняють вимог трудящих. В них недостатньо розвінчується релігія, вони слабо зв'язані з життям!

Недостатньо залучаються до проведення атеїстичної роботи інтелігенція міста: вчителі, лікарі і т. д. Міськком партії і первинні партійні організації спрямовують зараз свою увагу на викорінення цих недоліків.

Завідділом пропаганди і агітації МК КП України М. Шкурко.

ЛІТЕРАТУРА

Бажан, Данилюк 2000 - *Бажан О., Данилюк Ю.* Випробування вірою: Боротьба за реалізацію прав і свобод віруючих в Україні в другій половині 1950-х – 1980-і рр. К.: Ін-т історії України НАНУ, 2000. 329 с.

Бондарчук 2009 - *Бондарчук П.* Релігійність населення України в 40-х – 80-х роках ХХ ст.: соціокультурні впливи, особливості, тенденції змін. К.: Ін-т історії України НАНУ, 2009. 382 с.

Бондарчук, Даниленко 2012 - *Бондарчук П., Даниленко В.* Особливості релігійної ситуації в УРСР (середина 1950-х – перша половина 1960-х років) // Науковий вісник МНУ імені В.О. Сухомлинського. Миколаїв, 2012. Вип. 3.33. С. 158–171.

Войналович 2005 - *Войналович В.* Партійно-державна політика щодо релігії та релігійних інституцій в Україні 1940–1960-х років: політологічний дискурс. Київ: Світогляд, 2005. 741 с.

Данилець 2016 - *Данилець Ю.* Православна церква на Закарпатті в перші роки радянської влади (на документах розсекречених фондів ДАЗО) // Русин. 2016. № 4. С. 217–235.

Данилець, Міщанин 2013 - *Данилець Ю., Міщанин В.* Православна церква на Закарпатті в умовах становлення радянської влади (1944–1950 рр.) // Русин. 2013. № 4 (46). С. 88–112.

ДАЗО 1 - Державний архів Закарпатської області (далі ДАЗО). Ф. П. 1. Оп. 1. Спр. 3270. На 45 арк.

ДАЗО 2 - ДАЗО. Ф. П. 1. Оп. 1. Спр. 3276. На 104 арк.

ДАЗО 3 - ДАЗО. Ф. П. 9. Оп. 8. Спр. 51. На 44 арк.

ДАЗО 4 - ДАЗО. Ф. П. 26. Оп. 9. Спр. 61. На 138 арк.

ДАЗО 5 - ДАЗО. Ф. П. 28. Оп. 7. Спр. 47. На 81 арк.

ДАЗО 6 - ДАЗО. Ф. П. 28. Оп. 9. Спр. 40. На 130 арк.

Кічера 2016 - *Кічера В.* Проблеми легального існування іудейської громади в умовах радянської влади на Закарпатті (приклад Берегівської синагоги) // Русин. 2016. № 1. С. 308–319.

Пащенко 2005 - *Пащенко В.* Православна церква в тоталітарній державі. Україна 1940-х – початок 1990-х років. Полтава: АСМІ, 2005. 630 с.

Постановление 1971a - Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» (7 июля 1954 г.) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 502–507.

Постановление 1971b - Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (10 ноября 1954 г.) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 516–520.

Релігійна 2010 - Релігійна політика в Україні у 1960–1980-х роках і сучасна практика міжконфесійних відносин / П.М. Бондарчук, В.М. Даниленко, В.О. Крупина, О.Н. Кубальський; відп. ред. В.М. Даниленко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2010. 210 с.

Шкаровский 2000 - *Шкаровский М.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье; Общество любителей церковной истории, 2000. 400 с.

Шліхта 2011 - *Шліхта Н.* Церква тих, хто вижив. Радянська Україна, середина 1940-х – початок 1970-х рр. Харків: Акта, 2011. 468 с.

Šturák 2016 - *Šturák P.* The legacy of the Greek catholic leading personalities and martyrs in Slovakia and their contribution for the building up of a free Slovak society // *European Journal of Science and Theology*. 2016. Vol. 12, № 4. P. 39–48.

Якунин 2002 - *Якунин В.* Изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны // *Власть*. 2002. № 12. С. 67–74.

Якунин 2003 - *Якунин В.* Правовое положение Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // *История государства и права*. 2003. № 1. С. 17–19.

REFERENCES

Bazhan, O. & Danilyuk, Yu. (2000) *Viprobuvannya viroyu: Borot'ba za realizatsiyu prav i svobod viruyuchikh v Ukraini v drugiy polovini 1950-kh – 1980-i rr.* [Tested by faith: Fighting for the realisation of the rights and freedoms of believers in Ukraine in the second half of the 1950s-1980s]. Kyiv: National Academy of Sciences of Ukraine.

Bondarchuk, P. (2009) *Religijnist' naseleennya Ukraini v 40-kh – 80-kh rokakh XX st.: sotsiokul'turni vplivi, osoblivosti, tendentsii zmin* [Religiousness of the Ukrainian population in the 1940s and the 1980s: Socio-cultural influences, peculiarities, tendencies of changes]. Kyiv: National Academy of Sciences of Ukraine.

Bondarchuk, P. & Danilenko, V. (2012) *Osoblivosti religijnoi situatsii v URSR (seredina 1950-kh – persha polovina 1960-kh rokiv)* [Religious situation in the USSR (the mid 1950s – early 1960s)]. *Naukoviy Visnik MNU imeni V.O. Sukhomlins'kogo*. 3(33). pp. 158–171.

Voynalovich, V. (2005) *Partiyno-derzhavna politika shchodo religii ta religijnikh institutsiy v Ukraini 1940–1960-kh rokiv: politologichnij diskurs* [Party and politics on religion and religious institutions in Ukraine in the 1940–1960s: Political science discourse]. Kyiv: Svitoglyad.

Danilets, Yu. (2016) *Orthodox Church in Transcarpathia in the Early Soviet*

Years (On Documents From Declassified SATR Fund). *Rusin*. 4 (46). pp. 217–235 (In Ukrainian) DOI: 10.17223/18572685/46/14

Danilets, Yu. & Mishchanin, V. (2013) *Pravoslavna tserkva na Zakarpatti v umovakh stanovlennya radyans'koї vladi (1944–1950 rr.)* [The orthodox church in Transcarpathia under the Soviet power in 1944–1950]. *Rusin*. 4. pp. 88–112.

The State Archives of the Transcarpathian Region (DAZO). Fund R 1. List 1. File 3270.

The State Archives of the Transcarpathian Region (DAZO). Fund R 1. List 1. File 3270.

The State Archives of the Transcarpathian Region (DAZO). Fund R 1. List 1. File 3276.

The State Archives of the Transcarpathian Region (DAZO). Fund R 9. List 8. File 51.

The State Archives of the Transcarpathian Region (DAZO). Fund R 26. List 9. File 61.

The State Archives of the Transcarpathian Region (DAZO). Fund R 28. List 7. File 47.

The State Archives of the Transcarpathian Region (DAZO). Fund R 28. List 9. File 40.

Kichera, V. (2016) *Problemi legal'nogo isnuvannya iudeys'koї gromadi v umovakh radyans'koї vladi na Zakarpatti (priklad Beregivs'koї sinagogi)* [Problems of the legal existence of the Jewish community under the Soviet power in Transcarpathia (a case study of Beregovo Synagogue)]. *Rusin*. 1(43). pp. 308–319. DOI: 10.17223/18572685/43/19

Pashchenko, V. (2005) *Pravoslavna tserkva v totalitarniy derzhavi. Ukraina 1940-kh – pochatok 1990-kh rokiv* [Orthodox Church in a totalitarian state. Ukraine the 1940s – early 1990s.]. Poltava: ASMI.

Central Committee of the CPSU. (1971a) *Postanovlenie TsK KPSS "O krupnykh nedostatkakh v nauchno-ateisticheskoy propagande i merakh ee uluchsheniya" (7 iyulya 1954 g.)* [The Resolution of the Central Committee of the CPSU "On Major Flaws in Scientific-Atheistic Propaganda and Measures for Its Improvement" (July 7, 1954)]. In: Egorov, A.G. & Bogolyubova, K.M. (1971) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. 6. Moscow: Politizdat. pp. 502–507.

Central Committee of the CPSU. (1971b) *Postanovlenie TsK KPSS "Ob oshibkakh v provedenii nauchno-ateisticheskoy propagandy sredi naseleniya" (10 noyabrya 1954 g.)* [Resolution of the Central Committee of the CPSU "On Mistakes in Scientific-Atheist Propaganda among the Population" (November 10, 1954)]. In: Egorov, A.G. & Bogolyubova, K.M. (1971) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [CPSU in resolutions and

decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. 6. Moscow: Politizdat. pp. 516–520.

Danilenko, V.M. (ed.) (2010) *Religiynna politika v Ukraïni u 1960–1980-kh rokakh i suchasna praktika mizhkonfesiynnikh vidnosin* [Religious policy in Ukraine in the 1960s–1980s and the modern practice of inter-confessional relationships]. Kyiv: National Academy of Sciences of Ukraine.

Shkarovskiy, M. (2000) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' pri Staline i Khrushcheve (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh)* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (the state-church relations in the USSR in 1939–1964)]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e; Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii.

Shlikhta, N. (2011) *Tserkva tikh, khto vizhiv. Radyans'ka Ukraïna, seredina 1940-kh – pochatok 1970-kh rr.* [The Church of the Survivors. Soviet Ukraine, the mid-1940s – early 1970s]. Kharkiv: Akta.

Šturák, P. (2016) The legacy of the Greek catholic leading personalities and martyrs in Slovakia and their contribution for the building up of a free Slovak society. *European Journal of Science and Theology*. 12 (4). pp. 39–48.

Yakunin, V. (2002) *Izmenenie gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Change in the state-church relations during the Great Patriotic War]. *Vlast'*. 12. pp. 67–74.

Yakunin, V. (2003) *Pravovoe polozhenie Russkoy Pravoslavnoy tserkvi v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [Legal position of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 1. pp. 17–19.

Данилец Юрій Васильович – кандидат історичних наук, докторант, доцент кафедри історії України Державного вищого навчального закладу «Ужгородський національний університет» (Україна).

Данилец Юрий Васильевич – кандидат исторических наук, докторант, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета (Украина).

Jurij Danilets – Uzhhorod National University (Ukraine).

E-mail: jurij.danilec@uzhnu.edu.ua

УДК 316.42

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/17

CONVENTIONALITY AS A FACTOR FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE SOCIETY

E.M. Bobkova

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25 Street, Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: icnew-age@yandex.ru

Abstract

The article discusses the social and conventional mechanisms of the society sustainable development. The author concludes that sustainable development of the society in the considered region is based on the organic solidarity and trust in the conditions of a frozen conflict. She also explains the ratio and mutual influence of subjective factors and objective conditions of the social convention and analyses the main principles of interrelation of conventionality and sustainable development of social systems. According to the author, strengthening the stability of society requires improved democratic mechanism of consolidated public interests and favorable conditions for the development of conventionality.

The author introduces a methodology for measuring conventionality, which includes three areas of measurement: economic, political and social. Some examples from the study of trade interactions in the border are provided to illustrate the developed model. The methodology and the results of the research indicate the ability to control the sustainability of development in this area.

Keywords: conventionality, solidarity, social-conventional mechanism, sustainability, integrity.

КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Е.М. Бобкова

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 октября, 107
E-mail: icnew-age@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматривается социально-конвенциональный механизм устойчивости общества. Осмысливаются соотношение и взаимовлияние субъективных факторов и объективных условий социальной конвенции. Анализируются основные принципы взаимосвязи конвенциональности и устойчивого развития социальных систем. Делается вывод, что условием укрепления устойчивости общества выступают совершенствование демократического механизма консолидации общественных интересов, создание благоприятных условий для развития конвенциональности. Особое внимание уделяется механизму социальной конвенции, который в условиях конфликта позволяет создавать конвенциональную платформу для урегулирования интересов противоборствующих сторон. Молдавско-приднестровский конфликт до настоящего времени не получил системной конвенциональной оценки устойчивости, уровня доверия между сторонами и оценки эффективности применяемых мер по его формированию на экспертном уровне. Вводится в оборот методология измерения конвенциональности, включающая в себя три области измерения: экономическую, политическую и социальную. Для иллюстрации применения разработанной модели на практике приведены некоторые примеры из исследования торговых взаимодействий в сфере пограничья. Методика и полученные результаты исследования свидетельствуют о возможности контролировать устойчивость развития в данной сфере, принимать эффективные управленческие решения и формулировать первоочередные действия, позволяющие нормализовать торговлю между Молдовой и Приднестровьем.

Ключевые слова: конвенциональность, солидарность, социально-конвенциональный механизм, устойчивость, целостность.

The first quarter of the 21st century was marked by a radical growth of the actuality of the sustainable development of the humanity, taking a priority place in the sociological studies. The transformational processes, which are characteristic today for all the domains of knowledge, provide the scientists with new instruments for scientific cognition. Today we

may observe the growing concern of the experts, governments and the community about the worsening of the situation on the planet: global economic and financial crises, local political conflicts (including the military ones), the rise of terrorism, technological and environmental disasters (Aitimov et al. 2016). The contemporary global strategy for a sustainability requires innovation-based approaches, taking into account each society's life standards characteristics and regional peculiarities. In case we view the region as a "a human-sized self-developing system", for which the most characteristic is its openness, then we should consider the danger of losing the "subjectivity" in the current circumstances of the global development. (Lektorskiy 2010: 5–18).

Accordingly, the region may be presented as a system, with certain mechanisms created, which accumulate the experience and peculiarities of the interaction with the environment meaningful for its integrity and sustainability. The functioning of the mentioned system offers a complicated developing complex: the individual – the economic system – the political system – the political system – the ecological system – the cultural and linguistic mediums etc. (Stepin 2003: 5–17) The understanding of this system is based on the knowledge of the learning and acting subjects, interpreted in accordance with their subjective realities.

In our case the system is characterized by a self-organization, openness and non-linearity (Leksin, Shvecon 2012). In the conditions of a synergy we may notice the interweaving of linearity and non-linearity, sustainability and unsustainability, continuity and discreteness, stability and structural changes, defining the self-development the system by extending and deepening the feedback (Zang 1999). One of the issues of the sustainability from the point of view of sociology is the fundamental importance given to the comprehension of the correlation and mutual influence of the subjective factors and objective conditions.

Therefore, the real sustainability of the society, supported by the organical solidarity, is based on a social convention i.e. on the mutually-conditioned and mutually-beneficial social-economical and spiritual-cultural partnership of the regions, countries and social layers of the population. The social convention is regarded by us as a contract of a particular quality between the subjects that pursue a policy of peace, mutual respect, friendship, trust and cooperation. In a narrower sense this social action directed on to the mutually living aimed at resolving the existing controversies. Conventional relations appear as a result of repeating more or less stable conventional interactions. Conventional relationships between people, social groups, social institutions,

authorities form together the social conventionality of the rural and urban communities, working communities, formal and non-formal entities, sides of a conflict.

The social convention is interpreted as the quality of the social subjects to coexist on the basis of all types of agreements. As indicators of the social-conventional sustainability development could be mentioned the values of the individuals, the ensuring of their rights and freedoms, the creation of conditions for the self-fulfillment of the personality, trust, civic engagement of the population, political activity, all taking together describe the essence of the social-conventional mechanism for the sustainable development of the society.

The comprehension of the core principles of the interrelationship between the conventionality and the sustainable development of the social systems would allow to better understand the issues of the consolidation of society, the strengthening of the social unity based on the launching of a national idea.

The most important condition for the consolidation of the sustainable development of the society is represented by the improvement of the democratic mechanism in order to strengthen the social interests, creating an enabling environment for the increasing of conventionality, and the overcoming of the disparities that block solidarity.

The changes in the economic and social spheres, including those linked to the issues of the sustainable regional development, require an institutional support, the insufficiency of which is one of the most striking causes for the hindering of the processes for sustainable development.

Thus, according to our opinion, the social-conventional mechanism of the sustainable development is based on a system conventionally behavioral practices in the interrelation of individuals, groups and social institutions. The sustainability of social development could be supported by an effective institutional platform, based on high-quality regional governance, balanced strategy for development, the awareness of the social responsibility of business agents, a partnership between society, business and authorities. While considering the subjective factors, the area of research is extended to the expectations and concerns of the people living there.

For example, the studies of the economic development revealed the aspects connected with the well-being of the population, which depend not only on the state of the economy, but also on the political stability and security, religious tolerance, the development on the civil society. The focus of the research is oriented on the socially conditioned factors, based on meaningful and vital value standards and the behavioral

practices of the inhabitants of the considered region (Smirnova 2012: 290–302).

In the context of a conflict the mechanisms of the social convention allow to create a conventional platform for the resolving of the perspectives of the belligerent parties, taking into account the subjective component. The Moldovan-Transnistrian conflict did not receive yet a systemic conventional appreciation of sustainability, of the level of credibility between the sides or an effectiveness appreciation of the applied measures in order to form it on an expertise level.

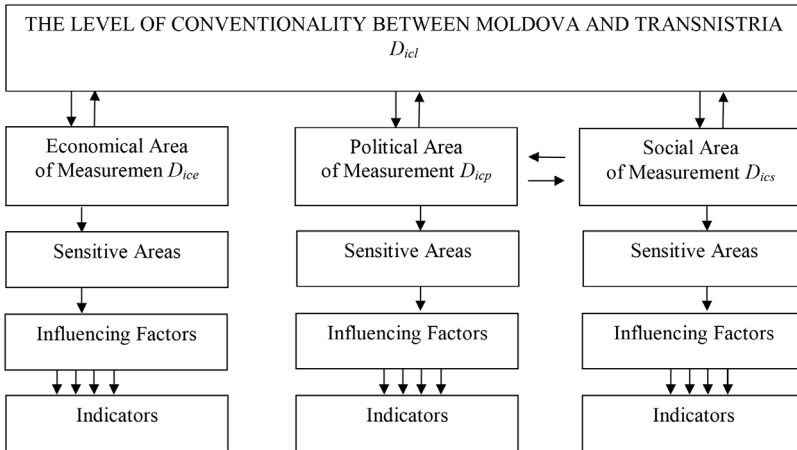

Fig. 1. The measurement chart of the conventionality between Moldova and Transnistria.

The contemporary social practice, regardless of the considerable number of conflicting border regions, lacks an effective methodology of measuring the conventionality. This circumstance makes it actual to develop a methodology of appreciation of the social conventionality between conflicting sides. The elaboration, executed and implemented on the instance of the Moldovan-Transnistrian conflict could serve as a route map to enhance the sustainability in other conflicting border zones.

The research of the mentioned issue is actualized by the following fact. Among the European policies elaborated on the territories of the post-Soviet countries the most significant for a period of time was that of the European Neighborhood Policy. It is continued today by the Program of the Eastern Partnership, including Moldova, Ukraine, Byelorussia, Georgia, Armenia and Azerbaijan. In 2014 when Moldova, Ukraine and Georgia signed the Association Agreement with the EU and the Free

Trade Area Agreement with the EU, these countries faced serious barriers in the accomplishment of the European integrational intentions. The emergence of these difficulties are not only connected with the Russian countersanctions but also with the existing unresolved conflicts on the territory of these countries. The building of trust in the border conflicting regions became the main tool of the European Union in the promoting the current policy. A trustworthy appreciation of the effectiveness of this tool is an object of direct interest both of the conflicting countries, and of the guarantor countries and observer missions.

The methodology of measuring the conventionality which we propose include three areas of measurement: economic, political and social (fig. 1) The appreciation of the state of these areas could be carried out on the basis of the convention indexes of their composing factors.

During the first stage we determine on the analytical basis the most problematic and sensible areas of the interrelationship between the sides. On the next stage the factors which influence the formation of the conventionality are defined. For the analyzing of the conventionality in inter-ethnic relationships and for the building of the body of factors, influencing them and organization of joint expert commissions is advised. The participation of the key experts is required: political scientists, economists, experts regarding security protection, representatives of the civil society, former officials, sociologists and representatives of the community. Moreover, the key questions of the elaboration of the methodology of research, the formation of conclusions and recommendation were all discussed with the assistance of the international expertise in the matters of development, including the zones of frozen conflicts (Bobkova 2017: 141–143).

In order to illustrate the application of the elaborated model in practice we will provide some examples in from the studies of trade relationships in area of border regions. The following research¹ demonstrated that “the communication between the sides of the conflict” was one of the most problematic factors, influencing the trust in trade between the both sides of the river. The problems in communications between the sides of a conflict according to the opinion of the experts has a value of 7,17 (out of 10 possible). But this factor is more important for the Moldovan experts, with a value of 7,64 it is on the third place in the rating of importance. According to the Transnistrian experts, the level of this factor is 6,50, but in the importance rating it is down on the lowest, the eighth place. The trust index of the factor “the communication between the sides of the conflict” is about 0,078 and attests a very high level of mistrust between the sides. Among the businessmen from Moldova this index rates 0,054, and among the Transnistrian businessmen it is equal to 0,103.

The referential factor “The Interpersonal and Institutional Trust” was defined by the experts as to take the sixth rate according to the importance. In the opinion of the Transnistrian counter parts in the survey, the value of this factor is as a whole quite satisfactory – the factor index is 0,502. A rather higher index of criticality was demonstrated by the participating researchers from Moldova – the factor index is 0,314. The average index of the above-mentioned factor is 0,454, which corresponds to the “satisfactory level of trust, much above the lowest admitted value, and requiring actions in improving the situation, the relation develop with difficulties”.

Considering the index of confidence in trade we should mention that all the indicators of this index were placed in the “very badly” column. Thus the state of things in the performing of mutual trade is in a critical phase and according to the authorial scale could be characterized as “distrust, the situation does not correspond to the expected purposes. Absolutely unacceptable level”. All in all, for the further research in the elaboration of confidence measures and trade development between Moldova and Transnistria there were highlighted 14 mostly sensible indicators (Chart 1).

Indicators recommended for the elaboration of confidence building measures and trade development between Moldova and Transnistria

The Basis Indicators, defined by the experts	Index of conventionality		
	Moldova	Transnistria	Average
Absence of mechanism, providing unrestricted movement of persons, good and cargoes both on the territories of Moldova and Transnistria, and beyond their borders	0,012	0,046	0,036
Absence of access for the Transnistrian economic entities to the international financing (credits and grants)	0,048	0,036	0,039
Absence of formalized agreements between the banks of Moldova and Transnistria	0,024	0,046	0,039
Absence of direct telephone communication	0,012	0,064	0,048
Uncertain mode of mutual trade relations	0,036	0,056	0,050
Absence of non-recognition of direct applicability of phyto-sanitary and veterinary certificates of conformity and shipping documents issued by authorized structures of both sides	0,012	0,107	0,079
Absence of renewed agreements between the customs services	0,012	0,107	0,079

The Basis Indicators, defined by the experts	Index of conventionality		
	Moldova	Transnistria	Average
Ambiguous standing of the Transnistrian good for taxation purposes in Moldova	0,012	0,112	0,082
Absence of free shipment of cargoes between the sides when there are customs services and fiscal administration in both regions	0,012	0,148	0.107
The multi-vectorial direction in the harmonization of the standardization, certification, metrology, control and supervision systems in Moldova and Transnistria	0,012	0,184	0,129
Absence of formalized agreements between the authorities of Moldova and Transnistria in the field of norms and regulations about mutual home trade and foreign trade for Transnistrian enterprises	0,119	0,225	0,193
Differences in the fiscal system in Moldova and Transnistria	0,155	0,209	0,193
Shared interest of Moldova and Transnistria in the development of trade with the countries of the European Union	0,155	0,649	0.501
Shared interest of Moldova and Transnistria in the development of trade with the countries of the Commonwealth of Independent States and the Eurasian European Union	0,215	0,751	0,590

In order to achieve the maximum effect for the formation of sustainable social development of both sides and considering the definition of the most sensitive indicators, the research elaborated an agreed position about the priority directions in the development of trade relationships (Bobkova 2016). The methodology and the obtained results demonstrate the possibility of controlling the sustainability of development in this sphere, of taking effective administrative decisions and to formulate propriety actions, which would allow the normalizing of trade between Moldova and Transnistria. The conclusion of the present research could be usefully applied in the building a step-by-step "Sustainability Route Plan".

Note

1. A great importance for the optimization of the process of the social conventionality and building of trust had the studies about the basic stereotypes which the inhabitants of the border region have about each

other. The approval of the methodology was performed in the framework of the project “The Social Interrelationship in the Changing Society: Building of Trust and Stability” implemented by the National Center of Analytical Research “New Age” with the financial support from UNDP in 2012–2013. In 2015 the Non-Commercial Partnership “Sigma-expert” with the support of Conflict, Stability and Security Fund (CSSF) and the British Embassy in Moldova had implemented the project “Index of Confidence in Trade between Moldova and Transnistria”. These studies do need a strict keeping of the methodology rigor and periodicity, as the data about confidence, having a fragmentary character would distort the understanding of the issues in the relationships of the belligerent parties.

REFERENCES

- Aytimov, A.S., Aksenov, V.A., Alekseev, Yu.V. et al. (2016) “*TRIIS*” - *proekt: “Territorial’naya (regional’naya) innovatsionno-investitsionnaya sistema” kak novaya tekhnologicheskaya platforma sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii: Posobie po antikrizisnomu upravleniyu ekonomikoy i obshchestvom* [TRIIS – “Territorial (regional) innovation investment system” as a new technological platform for social and economic development of the regions of Russia: A manual on crisis management of the economy and society]. Moscow: Sputnik +.
- Bobkova, E. (2017) Trust in trade between parties of the conflict as a condition of sus-tainable development of the region: measurement methodology. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel’skiy zhurnal*. 1-3(55). pp. 141-143.
- Bobkova, E. (2016) *Index of confidence in trade between Moldova and Transnistria*. Chişinău: Tiraspol.
- Zang, V.B. (1999) *Sinergeticheskaya ekonomika. Vremya i peremeny v nelineynoy eko-nomicheskoy teorii* [Synergetic economy. Time and changes in nonlinear economic theory]. Moscow: Mir.
- Laksin, V.N. & Shvetsov, A.N. (2012) *Reformy i regiony: Sistemnyy analiz protsessov reformirovaniya regional’noy ekonomiki, stanovleniya federalizma i mestnogo samoupravleniya* [Reforms and regions: System analysis of the processes of reforming the regional economy, the formation of federalism and local self-government]. Moscow: LENAND.
- Lektorskiy, V.A. (2010) Sub’ekt v istorii filosofii: problemy i dostizheniya [Subject in the history of philosophy: problems and achievements]. *Metodologiya i istoriya psikhologii*. 5(1). pp. 5-18.
- Smirnova, R.A. (2012) Sel’skie regiony kak ob’ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Rural regions as an object of sociological research]. *Sotsiologicheskii al’mankh*. 3. pp. 290-302.
- Stepin, V.S. (2003) Samorazvivayushchiesya sistemy i postneklassicheskaya

rational'nost' [Self-developing systems and post-non-classical rationality]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 5-17.

ЛИТЕРАТУРА

Айтимов и др. 2016 - *Айтимов А.С., Аксенов В.А., Алексеев Ю.В. и др.* «ТРИИС» – проект: «Территориальная (региональная) инновационно-инвестиционная система» как новая технологическая платформа социально-экономического развития регионов России: Пособие по антикризисному управлению экономикой и обществом / под общ. ред. А.Ф. Простова. М.: Спутник +, 2016. 135 с.

Bobkova 2017 - *Bobkova E.* Trust in trade between parties of the conflict as a condition of sustainable development of the region: measurement methodology // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 1-3 (55). С. 141–143.

Bobkova 2016 - *Bobkova E.* Index of confidence in trade between Moldova and Transnistria. Chisinau: Tiraspol, 2016. 56 p.

Занг 1999 - *Занг В.Б.* Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. М.: Мир, 1999. 335 с.

Лексин 2012 - *Лексин В.Н., Швецов А.Н.* Реформы и регионы: Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М.: ЛЕНАНД, 2012. 1024 с.

Лекторский 2010 - *Лекторский В.А.* Субъект в истории философии: проблемы и достижения // *Методология и история психологии*. 2010. Т. 5, вып. 1. С. 5–18.

Смирнова 2012 - *Смирнова Р.А.* Сельские регионы как объект социологического исследования // *Социологический альманах / Институт социологии НАН Беларуси (Минск)*. 2012. № 3. С. 290–302.

Степин 2003 - *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопросы философии*. 2003. № 8. С. 5–17.

Бобкова Елена Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, декан факультета общественных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Республика Молдова, Приднестровье).

Elena Bobkova – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria).

E-mail: icnew-age@yandex.ru

УДК 316.61+159.923.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/18

ТИПЫ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ*

М.А. Абрамова^{1,2}, Г.С. Гончарова¹, В.Г. Костюк¹

¹ Институт философии и права СО РАН

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

² Новосибирский государственный университет

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

E-mail: marika24@yandex.ru; socis24@yandex.ru; kostyuk.

vsevolod@yandex.ru

Авторское резюме

Проблема межэтнического пограничья представлена на основе изучения влияния отношения респондентов к этносу, языковой среде, типа их самоидентификации на взаимодействие. Показано, как социокультурная специфика регионов влияет на представленность разных типов молодежи в составе населения. Выявлено, что специфика восприятия русской молодежью границ пространства состоит в совпадении их с границами страны. Для представителей титульных этносов в республиках имеют также большое значение республиканские и этнические маркеры. Сопоставление типов молодежи по предпочтениям полилингвистической и монолингвистической сред показало, что этническая идентичность менее всего значима для всех типов молодежи, индифферентных к этнической и монолингвистической среде проживания, и наиболее ценна для этноцентристов.

Ключевые слова: пограничье, типы идентичности, этническое самосознание, молодежь, межэтническое взаимодействие, аккультурационные стратегии, полилингвистическая и монолингвистическая среды, Республика Саха (Якутия), Республика Хакасия.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 18-011-00223 «Влияние лингвокультурной специфики среды на формирование установок молодежи в межэтнических отношениях».

TYPES OF YOUTH IDENTITY AND INTERACTION IN THE ETHNIC BORDERLANDS*

M.A. Abramova^{1,2}, G.S. Goncharova¹, V.G. Kostyuk¹

¹ Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences

8 Nikolaev Street, Novosibirsk, 630090, Russia

² Novosibirsk State University

2 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: marika24@yandex.ru; socis24@yandex.ru; kostyuk.
vsevolod@yandex.ru

Abstract

The problem of interethnic borderland is represented through the influence of the respondents' attitude to the ethnos, language environment, type of their self-identification for interaction. The "borderland" as a description of the socio-cultural specificity of the region where different ethnic and religious groups interact draws attention to the socio-cultural aspects of socialisation and enculturation of the individual. The process of self-identification is an example of the borderland dynamics in the aspect of intercultural communication. We hypothesised that the nature of interethnic interaction and the choice of identity strategies may depend on social and cultural characteristics of areas of residence and the dominant type of identity (civic, national, ethnic). The authors used a sociological questionnaire to conduct surveys in the republics of Sakha (Yakutia) and Khakassia from 2008 to 2012. It is revealed that the specific perception of Russian space boundaries by Russian youth is that it coincides with the borders of the country. Republican and ethnic markers are also of great importance for representatives of titular ethnic groups. Regional patriotism is more typical for natives of Siberia than for the Russians, whose "little homeland" is the whole Russia. The comparison of youth's types on preferences of nonlinguistic and polylinguistic environments has shown that ethnic identity is less significant for all types of young people who are indifferent to ethnic and nonlinguistic environment, though it is valuable for ethno centrists. The socio-cultural features of the regions influenced the attitude of the youth towards the choice of language for interethnic cooperation and formation of a sense of patriotism. In Yakutia, where the Russian ethnic group is smaller

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research under Grant Nr. 18-011-00223 "The influence of linguistic and cultural specificity of the environment on the formation of attitudes of youth in interethnic relations".

than the titular ethnic group, self-identification as a citizen of Russia for the Russian youth is more significant in comparison with Russian in the Republic of Khakassia.

Keywords: Borderlands, interethnic interaction, types of identity, ethnic identity, acculturation strategies, polylinguistic and nonlinguistic environment, youth, Republic of Sakha (Yakutia), Republic of Khakassia.

Введение. Анализ понятия «межэтническое пограничье» обращает наше внимание на контекст его применения: обозначение территории (территория, находящаяся у границы); указание социокультурной специфики региона (территория, где исторически сформировано пространство для взаимодействия между различными этническими группами); выделение личностных особенностей (формирование особого типа человека).

«Пограничье» как термин, указывающий на особенности территории, активно используется. В данном контексте актуальность его рассмотрения обуславливается лишь изменениями в политической, экономической, демографической ситуациях. Хотя в конце XX – начале XXI в. как территориальный признак он актуален и в связи с миграционными процессами.

«Пограничье» как описание социокультурной специфики территории, на которой взаимодействуют различные этнические, конфессиональные группы, уже несколько снижает актуальность обращения к географии, а скорее фокусирует наше внимание на социокультурных аспектах социализации и инкультурации личности. Как писал М.М. Бахтин, вся культура «расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее» (Бахтин 1974: 265).

Использование термина «пограничье» в контексте описания особенностей личности может быть обусловлено спецификой территории, в целом отражать процесс самоактуализации личности, включающий этапы *самопознания*, *самоконструирования* (формирование человеком собственного образа и стиля жизни, а также достижение им аутентичности как возможности быть самим собой), *самоопределения* (определение человеком перспектив свободного развития и самосовершенствования, сохранение самости в проблемных ситуациях взаимодействия с миром), *самореализации* (мобилизация собственной воли к жизни для решения экзистенциальных проблем) (Резник 2012: 29).

Каждый из данных этапов требует от человека обозначения характеристик, предписывающих границы между «я» – «не я», «свой» – «чужой». Динамика изменения дифференцирующих маркеров придает границам неустойчивость, и, как следствие, то, что еще вчера могло

быть в зоне «не я» или «недопустимого», может завтра оказаться уже приемлемым, а значит, возможным для индивида и, возможно, частью его «я-концепции».

Проблема различий становится предметом исследования в работах постмодернистов Ж. Делези, Ж.Ф. Лиотара, З. Баумана, рассматривающих тождество как «оптический эффект» более глубокой реальности, являющейся бытием различий (Bauman 2004: 589). Острота различий в социальном контексте снимается процессом коммуникации, обеспечивающим пространство для взаимодействия субъектов (Ж. Деррида). Специфика понимания различий в постмодернизме состоит в попытке сгладить характерную для классической диалектики тенденцию к их обострению (Гречко 2012: 85). Так, Г.В.Ф. Гегель отмечает, что «мыслящий разум заостряет притупившееся различие разного, простое многообразие представления до существенного различия, до противоположности» (Гегель 1971: 68). Для постмодернизма приемлемым является единство как квазитожество, т. е. диффузное или рассредоточенное множество, онтологически выделяющееся качественно определенной взаимосвязью своих исходных элементов. Таким образом, личностные особенности индивидов, обуславливающие процесс их самоидентификации, являются не более чем динамичной версией их представления о самих себе. И, соответственно, дифференцирующие признаки, приписываемые как себе, так и другим, не являются статичными, их ценность в выстраивании диалога или поддержании оппозиции может постоянно пересматриваться, и, как следствие, граница, проходящая между «своим» и «чужим», будет постоянно изменяться. Как отмечал Я.Г. Шемякин, «граница перестает быть переходом от одного типа бытия к другому и сама становится бытием особого рода, качественно отличным от иных разновидностей устойчивого социокультурного бытия» (Шемякин 2008).

Постановка проблемы. Одним из ярких примеров динамики изменений пограничных зон в аспекте межкультурного взаимодействия являются процесс самоидентификации личности и использование его результатов, в том числе типов самоидентификации, для выбора стратегий поведения. В рамках нашего исследования мы предположили, что характер межэтнического взаимодействия и выбор личностью стратегий поведения могут быть обусловлены как социокультурными особенностями регионов проживания, так и доминирующим типом самоидентификации личности (гражданской, республиканской, этнической).

Методологические основания исследования. Для устранения бинарных оппозиций постмодернисты прибегают к методу деконструкции, позволяющему выявить и зафиксировать неопределенность,

которая есть как в теоретических, так и практических конструкциях. В результате на первый план в исследованиях выходят не имманентно присущие свойства, а ситуационно изменяющиеся отношения. Опираясь на логику постмодернистских исследований, мы применили социокультурный подход, в фокусе которого всегда находится взаимодействие общества, культуры и личности (Сорокин 2000), позволяющий «определить социокультурные ограничения, неизбежно существующие в каждом обществе, его социетальную природу, которые обуславливают сопротивление или принятие тех или иных культурных образцов» (Кирдина 2002). Продолжением постмодернистской логики рассмотрения индивида в рамках социокультурного подхода является позиция В.С. Щербакова, представляющего «человека как исторически изменчивую форму, которая является не только биологической и онтологической реальностью, но и социокультурной конструкцией, реализуемой в повседневных практиках жизни. В силу этого исследование человека с необходимостью предполагает обращение к социокультурным механизмам его становления, которые осуществляются как эволюция социальной организации, повседневных практик и технологий воспитания» (Щербаков 2008: 4). Теоретико-методологические аспекты социокультурного анализа получили развитие в работах А.С. Ахиезера, Л.Г. Ионина, Н.И. Лапина, С.Г. Кирдиной, Ю.М. Резника, Л.Л. Шпак и др.

Использование междисциплинарного подхода в исследовании проблем социокультурного взаимодействия позволило устранить одностороннее рассмотрение личности как объекта внешних воздействий социальной среды, культуры и, выделяя субъект-субъектный характер взаимодействия общества и человека, культуры и человека, изучить закономерности их развития в диалектическом единстве. Логика анализа общего, особенного и единичного в этих взаимодействиях вывела нас на исследование роли социокультурных типов молодежи в социальных процессах, выявление специфики формирования ее ценностных ориентаций и моделей поведения в зависимости от этничности и региона.

Методы исследования. Для построения содержательной типологии применены формальные методы классификации. Решение исследовательских задач выполнено на основе эмпирической типологизации, т. е. «устойчивость свойств типа находится путем многократного перебора свойств социальных объектов (или явлений), в отличие от теоретической, где критерии свойств выявляются путем логического анализа» (Ядов 1972: 191). Однотипными считались объекты, обладающие устойчивым сочетанием свойств. Инструментарий – социологическая анкета. В эмпирических исследованиях применялся метод

районированной выборки со случайным отбором респондентов на последнем этапе. Основанием для выборки являются материалы переписи населения, данные государственной статистики.

База исследования. Опросы проводились в республиках Саха (Якутия) и Хакасия с 2008 по 2012 г. Выбор республик обусловлен их экономической, геополитической, социальной и культурной спецификой как представляющих, с одной стороны, модель евразийской цивилизации, синтезирующей славянские, тюркские и арктические социокультурные составляющие, а с другой – регионы с разной долей русского населения (81,7 % в Хакасии, 37,8 % в Якутии) (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности титульного и русского этносов с 1970 по 2010 г., тыс. чел. (Население СССР 1990; Всероссийская перепись 2010)

Республика	Этнические группы	Год			
		1970	1979	2002	2010
Саха (Якутия)	Саха (якуты)	43	36,9	45,5	49,9
	Русские	47,3	50,4	41,2	37,8
Хакасия	Хакасы	12,3	11,5	12	12,1
	Русские	78,4	79,4	80,3	81,7

Важно отметить, что тенденции по сокращению доли русских в Якутии сопровождаются и тенденцией по сокращению числа межэтнических браков (табл. 2), которая характерна для всех регионов.

Таблица 2

Состав моноэтнических и межэтнических семей (домохозяйств) в республиках Саха (Якутия) и Хакасия с 1989 по 2010 г., % в населении (Костюк, Гончарова 2015)

Республика	Типы семей							
	Межэтнические		В том числе «русско-титульные»		Моноэтнические семьи титульных этносов		Русские однородные семьи	
	1989	2010	1989	2010	1989	2010	1989	2010
Саха (Якутия)	23,1	19,1*	2,75	2,56	27,0	41,5	42,6	34,1
Хакасия	19,2	14,8*	2,87	2,73	8,3	9,3	69,9	74,0

* Посчитано по модели Г.С. Гончаровой.

Анализ динамики количества межэтнических и моноэтнических семей также был выполнен в рамках исследования. В Республике Саха (Якутия) опрошены 3 830 чел., в Республике Хакасия – 1 843 чел. в возрасте от 14 до 30 лет. Но основные распределения мы пред-

почли рассматривать на выборке от 15 до 25 лет для уравнивания массивов. Опросы проведены в 32 средних общеобразовательных учреждениях, 22 учреждениях начального и среднего профессионального образования, а также колледжах и 16 высших учебных заведениях и их филиалах в республиках Саха (Якутия) и Хакасия.

Результаты. В процессе анализа доминирования типов идентичности (российской, республиканской, этнической) представителям русской молодежи и титульных этносов предлагалось оценить, насколько важно для них осознавать себя: представителем своего этноса; гражданином России; жителем своей республики; сибиряком; представителем Севера (для молодежи Якутии); гражданином мира – по шкале «очень важно», «важно», «не важно». В табл. 3 представлены доли от ответивших, кто считает, что для них данный тип самоидентификации является важным.

Таблица 3

Гражданская, этническая и республиканская самоидентификация молодежи, % по группе

Республика	Этнические группы	Типы самоидентификации		
		российская	этническая	республиканская
Саха (Якутия)	Саха (якуты)	47,5	33,5	48,5
	Русские	72,5	28,5	10,5
Хакасия	Хакасы	49,5	43	35
	Русские	59,5	26,5	13,5

Результаты показали, что независимо от места проживания для русской молодежи более значимой оказалась российская идентификация и менее ценной – республиканская. Значимость республиканской и этнической оказалась более ценной для представителей титульных этносов в республиках. То есть региональный патриотизм более характерен для аборигенов Сибири, чем для русских, у которых «малая родина» – вся Россия.

Этническая самоидентификация более четко проявляется у саха и хакасов. При использовании метода типологии, позволившего нам разделить молодежь на типы со сформированным этническим самосознанием, «частично сформированным» и «не сформированным», было выявлено, что значимость этнической самоидентификации наиболее важна для тех, кто имеет сформированное этническое самосознание. Также важно отметить, что со снижением степени сформированности этнического самосознания значимость всех самоидентификаций во всех этнических и региональных группах, как правило, уменьшается.

Более детальное рассмотрение групп молодежи показало, что если отличия в значимости российской самоидентификации у потомков моноэтнических и полиэтнических семей проявляются незначительно, то разница в ценности республиканской и этнической уже более существенна. Так, среди хакасов, отметивших, что для них важна республиканская самоидентификация, 55 % были из моноэтнических семей и лишь 15 % – из полиэтнических (у саха 53 и 44 % соответственно). Значимость этнической самоидентификации у хакасов отличалась менее существенно – 50 и 36 %, а для саха данный маркер имел большее значение – 43 и 24 %.

Таким образом, представленные данные позволяют заключить, что если для русской молодежи границы пространства совпадают с российскими, то для представителей титульных этносов имеют большое значение республиканские и этнические маркеры. Региональные различия доли предпочитающих республиканскую и этническую типы самоидентификаций мы объяснили разным соотношением численности русской молодежи и молодежи саха и хакасов.

Одним из маркеров границ в рамках социокультурного подхода является, кроме этнической самоидентификации, язык. В ходе исследований респондентам были заданы вопросы: «Насколько важно для Вас жить среди людей своей национальности?» и «Насколько важно для Вас разговаривать на языке своей национальности?», т. е. были выбраны два важных признака этничности: общность этнической среды и общность языка. Сочетания ответов респондентов свидетельствуют о разной степени значимости проявления этничности в повседневной жизни. В итоге все респонденты были распределены по четырем группам:

1) считающие, что для них очень важно жить среди людей своей национальности и разговаривать на языке своей национальности (назовем их *этноцентристы*);

2) считающие, что для них очень важно жить среди людей своей национальности, но при этом не очень важно или вовсе не важно разговаривать на языке своей национальности. Таким образом, значимость этничности для них скорее проявляется в пространственно-средовом аспекте (назовем их *предпочитающие моноэтническую среду*);

3) считающие, что для них не очень важно или совсем не важно жить среди людей своей национальности, но очень важно разговаривать на языке своей национальности, что отражает скорее потребность в вербальном проявлении этничности, совпадении семиотической картины мира с людьми из круга общения (назовем их *предпочитающие монолингвистическую среду*);

4) считающие, что для них не очень важно или совсем не важно жить среди людей своей национальности и разговаривать на языке своей национальности (назовем их *этноиндифферентные*).

Данная классификация ценностных ориентаций в сфере межэтнического общения по степени значимости признаков этничности («этноцентризм – этноиндифферентность») в комбинации с другими проявлениями этничности позволяет, с одной стороны, рассмотреть ее влияние на различные стороны жизнедеятельности, с другой – понять причины, обуславливающие важность ее проявлений (табл. 4). На уровне субъективных факторов, как показали исследования Л.М. Дробижевой (Дробижева 2016), Г.У. Солдатовой (Солдатова 1998) и др., именно этноцентристские установки людей считаются причиной межэтнического напряжения и конфликтов.

При преобладании среди молодежи лиц, индифферентных к этнической и этнолингвистической среде проживания, заметно, что среди хакасов и саха доля таковых существенно выше, чем среди русских. В то же время русские юноши и девушки вдвое чаще, чем их сверстники саха и хакасы, предпочитают общение на родном языке (монолингвистическую среду): соответственно 36 и 17 % – среди русских в Якутии и саха, 40 и 23 % – среди русских в Хакасии и хакасов. Сказывается, по-видимому, тот факт, что русская молодежь в национальных республиках недостаточно хорошо владеет языком титульной этнической группы, в то время как молодежь титульных этнических групп владеет, как правило, и русским, и родным языком.

Таблица 4

Распределение молодежи по типологии «этноцентризм – этноиндифферентность», % по этническим группам и регионам

Социокультурный тип	Этнические группы и регионы					
	хакасы	саха	русские в Хакасии	русские в Якутии	по Хакасии	по РС(Я)
Этноцентристы	10	21	19	21	17	19
Предпочитающие моноэтническую среду	4	4	1	2	2	4
Предпочитающие монолингвистическую среду	23	17	40	36	33	23
Этноиндифферентные	63	57	39	40	49	55

Определенная часть (примерно каждый пятый) среди юношей и девушек саха и хакасов предпочитает монолингвистическую среду общения: из-за трудностей во владении русским языком, недостаточной адаптированности к полиэтнической среде, более

комфортного самоощущения среди людей «своего» этноса и по другим причинам.

В Хакасии социокультурный тип предпочитающих монолингвистическую среду представлен больше, чем в Якутии (33 и 23 % соответственно), т. к. он шире распространен и среди хакасов (чем саха), и среди русских.

Анализ возрастной динамики показал, что число предпочитающих монолингвистическую среду с увеличением возраста среди русских и в Якутии, и в Хакасии увеличивается.

В то же время предпочитающих моноэтническую среду проживания крайне мало – не более 5 %, а среди русских – 1–2 % (Абрамова и др. 2014). В условиях полиэтничной среды во всех уголках Сибири, как правило, трудно представить, как молодежи относительно немногочисленных народов можно реализовать такие предпочтения. Скорее всего, этот социокультурный тип объединяет индивидов, испытывающих определенные проблемы в межэтническом общении.

Тем не менее молодежи еще более радикального социокультурного типа – этноцентристов, для которых очень важно жить среди людей своей национальности и разговаривать на родном языке, – достаточно много: каждый пятый среди русских и саха, каждый десятый – среди хакасов. Мотивы этноцентристской ориентации могут быть разные: и межэтнические конфликты, и сепаратистские политические установки мировоззрения, и просто предшествующий опыт проживания в моноэтнической среде, кажущейся более комфортной и не требующей усилий к адаптации в полиэтничной среде. Но с увеличением возраста когорты этноцентристов становится меньше по всем выделенным этническим группам.

Большая доля русских-этноцентристов объясняется также предпочтением общения на родном языке, что в условиях национальных республик не всегда возможно. И тогда русские как этническая группа оказываются в довольно щекотливой ситуации: находясь вроде бы в своей стране, они имеют затруднения в выстраивании коммуникативного пространства, не зная языка титульного этноса конкретного региона.

Рассмотрим, существует ли взаимосвязь между предпочтениями респондентов определенной коммуникационной среды и их самоидентификацией (см. табл. 5).

Этническая идентичность менее всего важна для всех индифферентных к этнической и монолингвистической среде проживания социокультурных типов молодежи, а наиболее важна, как правило, для этноцентристов. Аналогичный вывод справедлив в целом и для других видов идентичностей – республиканской и общероссийской, за исключением этноиндифферентных русских в Якутии.

Таблица 5

**Виды самоидентификации социокультурных типов молодежи,
% ответов «очень важно»**

Этническая группа	Важно осознавать себя представителем...	Социокультурный тип			
		Этноцентристы	Предпочитающие моноэтническую среду	Предпочитающие монолингвистическую среду	Этноиндифферентные
Хакасы	этноса	68	69	76	35
	республики	78	76	62	42
	России	78	71	61	53
Саха	этноса	60	51	55	29
	республики	66	60	66	41
	России	48	42	53	45
Русские в Хакасии	этноса	50	38	30	18
	республики	23	31	16	8
	России	71	62	64	54
Русские в Якутии	этноса	52	29	34	16
	республики	15	14	13	7
	России	81	62	75	67
Вся Хакасия	этноса	53	55	38	23
	республики	29	50	24	18
	России	70	65	64	53
Вся РС(Я)	этноса	57	46	44	25
	республики	45	48	34	29
	России	61	44	64	52

Максимально высокие показатели значимости общероссийской идентичности – среди русских этноцентристов в Якутии (81 %) и этноцентристов-хакасов (78 %). Для хакасов этническая идентичность во всех типах, за исключением предпочитающих этнолингвистическую среду, менее значима, чем общероссийская и республиканская; у саха – обратная картина (за исключением группы этноиндифферентных). Для русской молодежи общероссийская идентичность во всех типах – самая значимая, а республиканская – наименее значимая, особенно для этноиндифферентных (всего 7–8 %), причем для всех типов русской молодежи Хакасии более значима республиканская идентичность, чем для соответствующих типов Якутии: так, среди этноцентристов показатели этой значимости соответственно 23 и 15 %, среди предпочитающих моноэтническую среду – соответственно 31 и 14 % и т. д. То есть для русской молодежи Хакасии, доминирующей

по численности среди других этнических групп, региональный патриотизм выражен несколько четче, чем в Якутии, где ее доля среди молодежи ниже, чем доля саха. Сказываются и различия в значимости этничности, роли языка и других факторов самоидентификации.

Можно сделать вывод, что если для индивида не очень ценно и жить среди людей своей национальности, и разговаривать на языке своего этноса, то для него не очень значима принадлежность и к своей этнической группе, и к региональному сообществу, и к гражданству России.

Также было выявлено, что этническая идентичность менее всего значима для всех типов молодежи индифферентных к этнической и монолингвистической среде проживания и наиболее ценна, как правило, для этноцентристов.

Исследование специфики взаимодействия личностей разных социокультурных типов с средой (учебный, поселенческий коллектив, круг друзей и т. д.) было выполнено на основе определения избираемых респондентами аккультурационных стратегий (табл. 6).

Таблица 6

**Аккультурационные стратегии социокультурных типов молодежи,
% в группе по типу**

Этническая группа	Аккультурационные стратегии	Социокультурный тип			
		Этноцентристы	Предпочитающие многоэтническую среду	Предпочитающие монолингвистическую среду	Этноиндифферентные
Хакасы	Интеграция	73	81	84	81
	Сепарация	12	6	12	3
	Ассимиляция	15	13	3	15
	Маргинализация	0	0	0	1
Саха	Интеграция	77	75	81	69
	Сепарация	15	13	11	7
	Ассимиляция	8	12	8	21
	Маргинализация	0	0	0	4
Русские в Хакасии	Интеграция	73	62	71	51
	Сепарация	5	5	2	2
	Ассимиляция	22	29	25	41
	Маргинализация	0	5	2	6

Окончание таблицы 6

Этническая группа	Аккультурационные стратегии	Социокультурный тип			
		Этноцентристы	Предпочитающие моноэтническую среду	Предпочитающие монолингвистическую среду	Этноиндифферентные
Русские в Якутии	Интеграция	75	77	69	53
	Сепарация	6	15	3	4
	Ассимиляция	18	8	25	35
	Маргинализация	1	0	3	8
Вся Хакасия	Интеграция	75	79	70	60
	Сепарация	7	9	5	4
	Ассимиляция	17	12	22	29
	Маргинализация	1	0	2	6
Вся РС(Я)	Интеграция	75	70	75	62
	Сепарация	11	14	7	6
	Ассимиляция	14	15	17	28
	Маргинализация	0	2	1	5

Анализ дифференциации респондентов по избираемым аккультурационным стратегиям показал, что молодежь в Хакасии и Якутии близка. Из существенных различий отметим, что в Якутии выше, чем в Хакасии, во всех социокультурных типах процент «сепаратистов» (среди этноцентристов – 11 и 7 % соответственно, среди предпочитающих моноэтническую среду – 14 и 9 % и т. д.). Общим же для республик является самая низкая (60 и 62 %) доля выбирающих стратегию интеграции среди этноиндифферентной молодежи, что в значительной мере определяется ориентацией русской молодежи, у которой этот показатель – самый низкий из всех этнических групп среди индифферентных к этничности (51 % – в Якутии, 53 % – в Хакасии, при 69 % – у саха и 81 % – среди хакасов).

Сравнение данных по стратегии интеграции среди различных социокультурных типов показал, что этноиндифферентность негативно влияет на формирование интеграционных установок у молодежи (т. е. снижает ценность как этнической, так и общероссийской идентичности).

Для хакасов и саха эта аналогия не вполне подходит: здесь среди этноиндифферентных высока доля избирающих стратегию интеграции (соответственно 81, 69 и 71 %) – по всей вероятности, этот факт

можно объяснить результатом осознания необходимости общаться на русском языке в условиях региона.

По мере перехода от этноцентризма к этноиндифферентности у русской молодежи также вдвое растет доля избирающих стратегию ассимиляции (18 и 35 % соответственно в Хакасии, 22 и 41 % – в Якутии) и маргинализации. То есть и в плане этих стратегий этноиндифферентность – фактор дезинтеграции. В то же время сепаратистские стратегии для русской молодежи менее характерны, чем для молодежи саха и хакасов.

Важно отметить, что самое большое количество склонных к интеграции среди молодежи саха и хакасов представлено в социокультурном типе предпочитающих монолингвистическую среду общения (81, 78 и 84 % соответственно). И в то же время для этого социокультурного типа характерна и самая низкая среди всех типов в этих этнических группах доля склонных к ассимиляции (8,4 и 3 %). Это естественно, поскольку приоритет общению на языке своей национальности отдают те, кто им владеет. Т.е. есть роль языка в выборе стратегий аккультурации для аборигенов Сибири – саха и хакасов – очень велика: знает родной язык – склонен к интеграции, а нет – к ассимиляции. Таким образом, мы можем заключить, что владение языком является как одним из важнейших маркеров, определяющих успешность взаимодействия в межэтническом пограничье, так и фактором, обуславливающим выбор аккультурационных стратегий молодежи.

Выводы. На примере исследования взаимозависимости различных типов самоидентификации, установок в отношении круга общения, выбора аккультурационных стратегий молодежью мы попытались проиллюстрировать, как социокультурная специфика регионов, в каком-то смысле представляющая в межкультурном взаимодействии пограничье, влияет на конструирование динамичной версии «я-концепции». Можно сделать вывод, что если для индивида не очень важно жить среди людей своей национальности и разговаривать на языке своего этноса, то для него не очень важны принадлежность и к своей этнической группе, и к региональному сообществу, и к гражданству России. В данном контексте можно утверждать, что его мир не имеет границ, определенных этноязыковой картиной жизни. Но данный вывод не обуславливает отсутствия границ вообще. Можно предположить, что в рамках использования других маркеров мы могли бы получить иную типологию молодежи, в которой границы были бы определены.

Одним из существенных результатов в рамках исследования проблемы межэтнического пограничья стало заключение о совпадении

для русской молодежи границ пространства с российскими и о ценности для представителей титульных этносов также республиканских и этнических маркеров.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова и др. 2014 - *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск, 2014. 197 с.

Бахтин 1974 - *Бахтин М.М.* К эстетике слова. Контекст-1973. М., 1974. С. 258–280.

Всероссийская перепись 2010 - Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.10.2017).

Гегель 1971 - *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики: в 3 т. М., 1971. Т. 2. 248 с.

Гречко 2012 - *Гречко П.К.* Пограничье как социокультурная реальность // Вопросы социальной теории. 2012. Т. VI. С. 81–96.

Дробижева 2016 - Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л.М. Дробижева; Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с.

Кирдина 2002 - *Кирдина С.Г.* Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. URL: <http://kirdina.ru/public/socis2002n/index.html> (дата обращения: 13.10.2017).

Костюк и др. 2015 - *Костюк В.Г., Гончарова Г.С.* Взаимосвязь этнических типов семей и межэтнических взаимодействий в современной России // Вестник Новосибирского государственного университета. 2015. Т. 13, вып. 4. С. 105–111.

Население СССР 1990 - *Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.

Резник 2012 - *Резник Ю.М.* Человек и его пограничье: между экзистенцией и трансценденцией // Вопросы социальной теории. 2012. Т. VI. С. 25–45.

Солдатова 1998 - *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 389 с.

Сорокин 2000 - *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.

Шемякин 2008 - *Шемякин Я.Г.* Цивилизации «пограничного» типа: формирование концепции // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: Междисциплинарное исследование / отв. ред. И.В. Следзевский, А.Н. Мосейко. М., 2008. С. 100–101.

Щербаков 2008 - *Щербаков В.П.* Социокультурные механизмы становления человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2008. 38 с.

Ядов 1972 - Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1972. 240 с.

Bauman 2004 - Bauman Z. Liquid Modernity // Social Theory: The Multicultural and Classic Readings / ed. Ch. Lemert. 3rd ed. Westview Press, 2004. P. 589.

REFERENCES

Abramova, M.A., Goncharova, G.S. & Kostyuk, V.G. (2014) *Sotsiokul'turnye tipy molodezhi: etnicheskii i regional'nyy aspekty* [Socio-cultural types of youth: ethnic and regional aspects]. Novosibirsk: Avtograf.

Bakhtin, M.M. (1974) *K estetike slova* [Aesthetics of word]. Moscow: USSR AS. pp. 258–280.

Russia. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010* [All-Russia Population Census 2010]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm ((Accessed: 10th October 2017).

Hegel, G.W.F. (1971) *Nauka logiki* [Science of logic]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.

Grechko, P.K. (2012) Pogranich'e kak sotsiokul'turnaya real'nost' [Border as a socio-cultural reality]. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 6. pp. 81–96.

Drobizheva, L.M. (ed.) (2016) *Mezhnatsional'noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossiyskogo obshchestva* [Inter-ethnic harmony as a resource for the consolidation of the Russian society]. Moscow: RAS.

Kirdina, S.G. (n.d.) *Sotsiokul'turnyy i institutsional'nyy podkhody kak osnova pozitivnoy sotsiologii v Rossii* [Sociocultural and institutional approaches as basis for positive sociology in Russia]. [Online] Available from: <http://kirdina.ru/public/socis2002n/index.html> (Accessed: 13th October 2017).

Kostyuk, V.G. & Goncharova, G.S. (2015) Vzaimosvyaz' etnicheskikh tipov semei i mezhetnicheskikh vzaimodeystviy v sovremennoy Rossii [Relationships between ethnic types of families and ethnic interactions in contemporary Russia]. *Vestnik Novosibirskogo gosuniversiteta*. 13(4). pp. 105–111.

USSR State Statistics Committee. (1989) *Naselenie SSSR: Po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 g.* [The population of the USSR according to the Soviet census of 1989]. Moscow: Finansy i statistika.

Reznik, Yu.M. (2012) Chelovek i ego pogranich'e: mezhdru ekzistentsiey i transtsendentsiey [People and their borderlands: between existence and transcendence]. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 6. pp. 25–45.

Soldatova, G.U. (1998) *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of interethnic tension]. Moscow: Smysl.

Sorokin, P.A. (2000) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika. Issledovaniya izmeneniy v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnosheniy* [Social and cultural dynamics. Studies of changes in large systems of art, truth, ethics, law and public relations]. St. Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities.

Shemyakin, Ya.G. (2008) *Tsivilizatsii "pogranichnogo" tipa: formirovanie kontseptsii* [Civilisation of the "borderland" type: the formation of concept]. In: Sledzevskiy, I.V. & Moseyko, A.N. (eds) *Sotsiokul'turnoe pogranich'e kak fenomen mirovykh i rossiyskikh transformatsiy* [Sociocultural borderland as a phenomenon of world and Russian transformations]. Moscow: Librokom. pp. 100–101.

Shcherbakov, V.P. (2008) *Sotsiokul'turnye mekhanizmy stanovleniya cheloveka* [Social and cultural mechanisms of human evolution]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. St. Petersburg.

Yadov, V.A. (1972) *Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody* [Sociological research: methodology, program, methods]. Moscow: Nauka.

Bauman, Z. (2004) Liquid Modernity. In: Lemert, Ch. (ed.) *Social Theory: The Multicultural and Classic Readings*. 3rd ed. Westview Press. pp. 589.

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук, заведующая отделом социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН; профессор кафедры социальной философии и политологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Россия).

Mariya Abramova – Department of Social and Law Research, Institute of Philosophy and Law, SB RAS; Novosibirsk National Research State University (Russia).

E-mail: marika24@yandex.ru

Гончарова Галина Савитовна – сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН (Россия).

Galina Goncharova – Department of Social and Law Research Institute philosophy and law SB RAS (Russia).

E-mail: socis24@yandex.ru

Костюк Всеволод Григорьевич – кандидат философских наук, сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН (Россия).

Vsevolod Kostyuk – Department of Social and Law Research, Institute of Philosophy and Law, SB RAS; Novosibirsk National Research State University (Russia).

E-mail: kostyuk.vsevolod@yandex.ru

УДК 81'232

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/19

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ПИСЬМЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЧТЕНИЕ ТЕКСТОВ АЛФАВИТНОЙ И ЛОГОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМ ПИСЬМЕННОСТИ БИЛИНГВАМИ*

Т.Е. Машанло¹, З.И. Резанова²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: mashanlote@gmail.com

² E-mail: rezanovazi@mail.ru

Авторское резюме

Проблемы восприятия и интерпретации иноязычного текста относятся к числу наиболее актуальных в современных гуманитарных исследованиях межэтнического взаимодействия вследствие все увеличивающегося объема информации, передаваемой в письменной форме. Письменность современных славянских языков является алфавитной, в данной системе графема кодирует элементы фонемного уровня языка – односторонние единицы; принципиально другой тип кодирования информации характерен для иероглифической (логографической) письменности, в которой графема обозначает значимую единицу – морфему или слово, что обуславливает значительное увеличение количества и структурной сложности единиц письменности. Тексты логографической системы письменности характеризуются более высокой информационной плотностью, а также отсутствием пробелов, способствующих идентификации слов в процессе чтения текстов алфавитных систем письменности. В данной работе рассматривается проблема чтения алфавитных русскоязычных текстов и текстов китайской логографической письменности учебными билингвами, так как мы полагаем, что проблемы переключения систем чтения наиболее ярко проявляются в процессе освоения языка. Для того чтобы установить, какие изменения происходят в процессе чтения при переключении на новую для читателя систему письменности, мы провели эксперимент, в котором 31 русско-китайский и

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, номер индивидуального плана работ 1.8901.2017/9.10.

28 китайско-русских учебных билингов, протестированных на уровень владения вторым языком, читали тексты на двух языках. Данные движений глаз записывались при помощи системы видеокулографии SMI RED 500. В результате проведенного эксперимента было установлено, что при чтении на русском языке показатели чтения китайско-русских билингов приближались к показателям чтения носителей русского языка. Этот результат свидетельствует о том, что китайские студенты имеют уже сформированные навыки чтения текстов алфавитных систем: при обучении иероглифам используется фонетический алфавит пиньинь, при изучении английского читатели сталкиваются с английским алфавитом. Русские билингвы, не имеющие опыта чтения текстов других систем письменности, продемонстрировали результаты, сильно уступающие результатам носителей языка.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, русский язык, китайский язык, системы письменности, чтение, билингвизм, движения глаз.

INTERCULTURAL WRITTEN COMMUNICATION: BILINGUAL READING OF TEXTS WRITTEN IN ALPHABETIC AND LOGOGRAPHIC WRITING SYSTEMS*

T.E. Mashanlo¹, Z.I. Rezanova²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: mashanlote@gmail.com

² E-mail: rezanovazi@mail.ru

Abstract

Due to the ever-increasing amounts of textual information and the pervasiveness of written communication, the problems of perception and interpretation of foreign texts are getting a lot of attention in today's research of intercultural communication. Fundamentally, the writing systems of modern Slavic languages are alphabetic. In such systems, a grapheme is used to represent a phoneme in writing. On the other hand, in logographic writing systems such as Chinese each grapheme represents a morpheme or a word. That increases the total amount of writing units used. In addition, Chinese

* This research was conducted within Government Task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Project Nr. 1.8901.2017/9.10.

writing is more densely packed and uses no interword spacing that helps direct saccades from one word to another in alphabetic writing systems. The present article examines the subject of bilingual reading of Russian alphabetic and Chinese logographic texts by L2 learners. We suppose that the issue of switching between reading in two writing systems is more pronounced in the context of late L2 acquisition. In order to establish the changes in reading processes that the readers undergo when they switch to reading in a different writing system we set up an experiment in which 31 Russian-Chinese and 28 Chinese-Russian bilinguals with different degrees of proficiency in L2 read both in Chinese and Russian. The eye movements were recorded using an SMI RED 500 eye-tracking system. We found that the eye movement measures of the Chinese participants reading Russian texts approached those of the Russian native speakers. This result indicates that Chinese readers of Russian use their pre-existing skills of reading in alphabetic writing systems that were developed due to early exposure to Latin-based pinyin and the English alphabet. The Russian participants lacking any sort of early exposure to logographic writing systems displayed results largely inferior to those of the Chinese native speakers.

Keywords: intercultural communication, Russian, Chinese, writing systems, reading, bilingualism, eye movements.

Проблемы восприятия и интерпретации иноязычного текста в ситуации межкультурной коммуникации относятся к числу наиболее актуальных в современных гуманитарных исследованиях межэтнического, межкультурного взаимодействия. Актуальность представляемого исследования определяется тем значительным местом, которое занимает письменное общение в общей системе межкультурной коммуникации.

Сложность проблемы определяется тем, что читатель иноязычного текста имеет дело не только с межъязыковым переходом, но и с интерпретацией графического представления исходного текста другой системой графики.

По отношению к устной форме языка графическое представление является вторичной семиотической системой, кодирующей особым образом соответствующую систему. Устная речь, являющаяся первичной для носителя языка, оказывается вторичной для большого числа поздних билингов. Знакомство с языком для них начинается именно с письменных текстов.

Как известно, основным, наиболее существенным признаком, противопоставляющим системы письменности, является отношение графемы к обозначаемому объекту – фрагменту языка, типу маркируемых графемой единиц в урвневой системе языка. По этому основанию

современные письменности делятся на алфавитные системы, в которых графема соотносится с фонемой, слоговые системы – графема соотносится со слогом, и логографические – графема обозначает морфему или слово (Perfetti, Dunlap 2008: 15).

При чтении иноязычного текста воспринимающий информацию сначала «распаковывает» графическое представление языка, и в данном случае представляется важным, совершается ли переход между однотипными системами графики текста или читатель иноязычного текста встречается с иной системой кодирования.

Письменность современных *славянских языков*, как и других индоевропейских, является алфавитной, в которой фонема кодирует элементы фонемного уровня языка – односторонние единицы. Различия в пределах алфавитных систем определяются различиями в орфографии, т. е. в системе правил, регулирующих соблюдение структуры и последовательности письменных знаков. Славянские алфавитные системы относятся к двум подтипам, построенным на основе латинского начертательного стандарта (латиницы) и кириллической системы письменности.

Алфавитным системам письменности в наибольшей степени противопоставлены логографические, наиболее известным представителем которых является *китайская иероглифика*, вследствие принципиального отличия языкового статуса обозначаемой графемой единицы – слово или морфема, являющиеся двусторонними единицами языка. Это приводит не только к значительному увеличению количества графем по отношению к алфавитам, но и к трансформации понятия орфографии, которое включает также правила, регулирующие построение структуры самих знаков-иероглифов как системы начертательных элементов.

Разница в способе кодирования элементов языка находит свое отражение в графических характеристиках китайского текста. Китайские тексты записываются при помощи моноширинного шрифта. Таким образом, иероглифы, состоящие из малого числа черт (например, «一» *ū*, «один»), занимают в тексте столько же места, сколько и сложные иероглифы (например, «鼻» *bí*, «нос»). Более того, в китайских текстах границы слов не выделяются пробелами. Таким образом, китайский текст представляет собой непрерывное сочетание структурно простых и сложных иероглифов.

В данной статье представлены результаты анализа процесса чтения текстов носителями языка в сравнении с их чтением русско-китайскими и китайско-русскими билингвами¹, осуществляющими в процессе чтения переход на другую систему кодирования языковых элементов формально-содержательной структуры языка. Мы исследовали также

зависимость изменения показателей процесса чтения от типа перехода – русско-китайский или китайско-русский билингвизм.

Изучение проблем как монолингвального, так и билингвального чтения в настоящее время опирается на использование окулографических методов, т. е. методов регистрации движений глаз. В процессе чтения наши глаза перемещаются от одного фрагмента текста к другому быстрыми, скачкообразными движениями, называемыми саккадами. Промежуток времени, в течение которого глаза сосредоточены на одном фрагменте, называется фиксацией. Вместе эти два процесса позволяют установить особенности процесса восприятия текста читателем.

В предшествующих исследованиях монолингвального чтения было установлено, что при чтении текстов алфавитных систем письменности средняя продолжительность фиксаций во многом зависит от сложности читаемого текста и находится в пределах от 200 до 300 мс. При этом читающий стремится направить свой взгляд на середину слова, в чем ему помогает информация о длине слова, передаваемая на письме пробелами. Читатель текстов алфавитных систем письменности может извлекать информацию из 3–4 знаков слева и 14–15 знаков справа от точки фиксации. Средняя длина прогрессивных саккад составляет от 7 до 9 знаков (при чтении английского текста), таким образом, часть слов не фиксируется в фовеальном зрении, т. е. в области наибольшей резкости восприятия². Примерно каждая 5–6-я саккада оказывается регрессивной, т. е. направленной назад в текст. (Rayner 1998: 373–385).

Сравнение алфавитной и логографической систем письменности показывает, что между ними имеются как сходства, так и различия.

В ситуации монолингвального чтения средний темп чтения для обеих систем письменности оказывается примерно одинаковым. Средняя продолжительность фиксаций также находится в пределах от 200 до 300 мс и зависит от уровня сложности текста. Каждая 5–6-я саккада также оказывается регрессивной (Sun et al. 1985: 504–505; Yang, McConkie 1999: 212–214; Liversedge et al. 2016: 8).

Существенные различия между системами письменности обусловлены более высокой информационной плотностью китайского текста. Так, носители языка извлекают информацию из одного иероглифа слева и до четырех иероглифов справа от точки фиксации (Inhoff, Liu 1998: 25; Yan et al. 2015: 216). Длина прогрессивных саккад оказывается короче, чем при чтении алфавитных текстов, и находится в пределах от 2,6 до 3,2 иероглифов (Yang, McConkie 1999: 212; Li et al. 2014: 900; Liversedge et al. 2016: 7). Наконец, остается непонятным, куда читатели китайских текстов направляют свои глаза: одни

исследователи пишут о равном распределении фиксаций по тексту, т. е. читатель может с равной вероятностью зафиксироваться как на начале, середине и конце слова, так и на пробелах, встречаемых между иероглифами (Yang, McConkie 1999: 214; Tsai, McConkie 2003: 168); другие исследователи отмечают, что читатели иероглифических текстов все же стремятся зафиксировать свой взгляд не на отдельных иероглифах, но на словах (Yan et al. 2010: 720).

Все приведенные выше показатели касаются ситуации монолингвального чтения. Исследования процесса чтения у **билингвов** относительно молоды и также в основном сконцентрированы на изучении языков, использующих алфавитные системы письменности. В ситуации такого билингвизма читатель может опираться на опыт, приобретенный им во время усвоения родного языка: в их основании лежат те же принципы, ему нужно только приспособиться к отличной от его родного языка орфографии. Что происходит, когда читатель сталкивается не просто с иной орфографией, но с иной системой письменности? Для ответа на данный вопрос мы поставили перед собой задачу описать базовые характеристики русско-китайского и китайско-русского билингвального чтения в сравнении с показателями чтения носителями языка. Мы обращаем внимание на следующие показатели: средняя продолжительность фиксаций, средняя длина прогрессивных саккад (для обоих языков это саккады, направленные на участки текста, находящиеся справа от текущей точки фиксации), средняя длина регрессивных саккад, а также частота регрессивных саккад.

Данная языковая пара представляет особый интерес для исследования процесса билингвального чтения. Предыдущие исследования подобных переходов между системами письменности представляли собой изучение ситуации англо-китайского и китайско-английского билингвизма. Необходимо, однако, отметить, что китайские дети осваивают иероглифическую письменность посредством фонетического алфавита пиньинь, основанного на латинском алфавите. Таким образом, у китайских респондентов, читавших во время экспериментов тексты на английском, имелся опыт взаимодействия с алфавитной системой письменности со сходными принципами орфографии. Мы предполагали, что чтение текстов на кириллической системе письменности может дать другие результаты, нежели те, которые были получены у англо-китайских билингвов.

Для разрешения поставленной задачи был разработан и проведен эксперимент с применением окулографического оборудования (запись движений глаз осуществлялась при помощи прибора для слежения за движениями глаз SMI Red 500 с частотой записи 500 Гц)

и программного обеспечения (SMI Experiment Center 3.7; SMI BeGaze 3.7; SMI iViewX 2.7).

В эксперименте приняли участие 59 респондентов: 31 русско-китайский билингв в возрасте от 18 до 26 лет и 28 китайско-русских билингвов в возрасте от 20 до 27 лет. Родным языком всех респондентов был либо русский, либо китайский³.

Материалом для эксперимента послужили 50 (по 25 текстов на язык) учебных текстов «Теста по русскому языку как иностранному» (ТРКИ) и Hànyǔ Shuǐpíng Kǎoshì (HSK, «Тест на определение уровня китайского языка») двух уровней сложности: 13 простых текстов, соответствующих уровню B1⁴, и 12 сложных, соответствующих уровню B2 (ТРКИ-II, HSK5). Тексты были сбалансированы по количеству слов. Длина текстов не превышала 150 слов.

Перед началом эксперимента испытуемым предлагалось ознакомиться с инструкцией к эксперименту. Для того чтобы предотвратить бездумное чтение, после каждого текста испытуемым было необходимо ответить на два вопроса, связанных с содержанием текста.

Все участники имели нормальное или скорректированное до нормального зрение. Текстовые стимулы представлялись на 22-дюймовом дисплее на расстоянии 65 см. Во время проведения эксперимента у респондентов была возможность взять перерыв через каждые три текста. Общая продолжительность эксперимента составляла от 40 минут до 1 часа 30 минут.

Для предварительной обработки и анализа данных использовались программное обеспечение SMI BeGaze 3.7 и интегрированная среда разработки RStudio (RStudio Team, 2016) для языка R (R Core Team, 2017).

Усредненные показатели движений глаз в процессе чтения представлены в таблице.

Основные показатели движений глаз

Родной язык/язык текстов	Средняя продолжит. фиксации, мс	Средняя длина прогресс. саккад (знаков)	Средняя длина регресс. саккад (знаков)	Частота регресс. саккад, %	Уровень понимания текстов, 2/1/0 правильных ответов, %
Русский / русский	192,75 (SD = 17,31)	7,4 (SD = 1,19)	4,75 (SD = 0,98)	22	76,4/22,1/1,5
Русский / китайский	372 (SD = 85,72)	1,1 (SD = 0,28)	2,73 (SD = 0,71)	27	56,3/40/3,7
Китайский / китайский	195,33 (SD = 16,63)	3,17 (SD = 1)	3,09 (SD = 0,94)	24	86/13,9/0,1
Китайский / русский	244,67 (SD = 17,82)	5,58 (SD = 0,89)	4 (SD = 0,73)	29	65,2/28,9/5,9

Вначале рассмотрим полученные данные относительно ситуаций чтения на родном языке и сравним их с данными, полученными другими исследователями.

Средняя продолжительность фиксации при чтении китайских текстов носителями языка составила 195 мс, что примерно соответствует нижней границе значений, отмечаемых в литературе (200, 235, 260 мс; Sun et al. 1985: 504; Everson 1986: 61; Liversedge et al. 2016: 7). Длина регрессивных саккад (3,09 знака) оказалась ниже длины прогрессивных саккад (3,17 знака). Подобная разница между длинами прогрессивных и регрессивных саккад также засвидетельствована в эксперименте Ли и др. (3,15 и 2,98 знаков соответственно; Li et al. 2014: 900). Значение частоты регрессивных саккад (24 %) оказалось несколько выше значения, полученного в эксперименте Х.М. Яна и Дж.У. Макконки (18 %; Yang, McConkie 1999: 218). Наконец, китайские респонденты продемонстрировали высокий уровень понимания текстов – в 86 % случаев они верно отвечали на оба вопроса по содержанию текста.

К сожалению, сравнение показателей чтения русских респондентов с результатами других исследований, проведенных на материале русского языка, представляется затруднительным – все известные нам исследования ставят перед собой задачи, существенно отличающиеся от поставленных нами. В связи с этим результаты, полученные нами, будут рассмотрены в сравнении с результатами исследований, полученных на материале других алфавитных систем письменности.

При чтении на родном языке русские респонденты продемонстрировали показатели средней продолжительности фиксации (195 мс), схожие с показателями при чтении алфавитных систем письменности (200–250 мс; Rayner 1998: 375; Liversedge et al. 2016: 7). Средняя длина прогрессивных саккад оказалась сопоставимой со средней длиной саккад при чтении английского текста (7–8 знаков; Rayner 1998: 375), но короче, чем при чтении финского (9,35 знаков; Liversedge et al. 2016: 7). Регрессивные саккады также оказались короче прогрессивных саккад, аналогично результату, зафиксированному в эксперименте Ф. Виту и Дж.У. Макконки (9,5 знаков для прогрессивных саккад, 5,4 знака – для регрессивных; Vitu, McConkie 2000: 305). Частота регрессивных саккад оказалась равна 22 %. Данный результат сопоставим с результатом, полученным в эксперименте У. Копа и др.: при чтении текста на родном языке голландско-английские билингвы возвращались назад в текст в 22,6 % случаев (Cop et al. 2015: 27). Уровень понимания текстов русскими респондентами (76,4 %) оказался чуть ниже уровня,

зафиксированного в ситуации монолингвального чтения у носителей китайского языка.

Полученные данные требуют дополнительных уточнений. Во-первых, с чем связан такой высокий процент регрессивных саккад? Во-вторых, чем объясняются различия в уровне понимания текста у двух групп при чтении на родном языке? Нам представляется, что ответ на первый вопрос заключается в том факте, что в большинстве исследований такого рода процесс чтения рассматривается на уровне предложений, а не текстов. На просторе одного предложения у читателя может не возникнуть необходимости в повторных фиксациях на уже прочитанных словах. Кроме того, зная, что ему предстоит ответить на вопросы после текста, читатель может прибегать к стратегии выискивания правильных ответов, еще более увеличивая частоту регрессивных саккад. Что касается разницы в уровнях понимания текстов, то она может быть объяснена техническими ограничениями эксперимента: в силу высокой информационной плотности все тексты на китайском языке помещались на одной странице, тем самым предоставляя возможность перечитывания отдельных отрезков текста; русские тексты, несмотря на идентичную китайским текстам длину, располагались на двух-трех страницах, переход между которыми мог осуществляться только в одну сторону.

Охарактеризуем далее данные, связанные с ситуацией перехода от одной системы письменности к другой.

При чтении русских текстов китайские респонденты продемонстрировали значения фиксаций (245 мс), приближающиеся к показателям носителей языка (193 мс). Средняя длина прогрессивных саккад (5,58 знака) также оказалась ненамного короче длины, зафиксированной у носителей языка (7,4 знака). Длина регрессивных саккад (4 знака), как и в случае с монолингвальным чтением, оказалась короче длины прогрессивных саккад (5,58 знаков). Частота регрессивных саккад оказалась выше (29 %), чем при чтении на родном языке (24 %). Уровень понимания текстов также существенно снизился – респонденты верно отвечали на оба вопроса по содержанию текста в 65,2 % случаев.

При чтении китайских текстов русскими респондентами средняя продолжительность фиксаций составила 372 мс. Этот показатель почти в два раза превышает значение средней продолжительности фиксации у носителей языка (195 мс). Интересным представляется тот факт, что средняя длина регрессивных саккад (2,73 знака) почти в три раза превысила среднюю длину прогрессивных саккад (1,1 знака). Частота регрессивных саккад (26 %) также оказалась выше,

чем при чтении текстов на родном языке (22 %). Наконец, уровень понимания текстов снизился на 20 %: с 76,4 % при чтении на родном языке до 56,3 % при чтении на иностранном языке.

Первое различие, отмеченное у двух групп билингвов, касается средней продолжительности фиксации. Низкая средняя продолжительность фиксации свидетельствует о высокой эффективности когнитивной обработки языковых стимулов китайскими билингвами. В свою очередь русским билингвам требуется почти в два раза больше времени для перемещения от одного участка текста к другому. Нам представляется, что у этого явления есть два объяснения. Во-первых, на момент проведения эксперимента все китайские участники прожили в России как минимум год, средняя продолжительность изучения русского языка у них составила 4,8 года, у русской группы – 3,3 года (изучения китайского). Во-вторых, с нашей точки зрения, более важным фактором оказалось то, что у всех носителей китайского языка был существенный опыт чтения текстов алфавитной системы письменности. Все респонденты отметили знание английского языка в анкете языкового опыта. Из тех респондентов, что указали возраст начала изучения английского языка (13 из 28), 12 изучали английский в течение 10 лет и более. Мы полагаем, что именно раннее и продолжительное знакомство с алфавитными системами письменности позволяет китайским билингвам демонстрировать высокие показатели чтения.

Далее следует отметить необычное соотношение длины прогрессивных и регрессивных саккад у русских респондентов при чтении китайских текстов. Длинные регрессивные саккады, по нашему мнению, свидетельствуют о трудностях с когнитивной обработкой китайских иероглифов русскими билингвами. Аналогичные показатели можно найти в работе Д. Шеня и др.: у группы американских респондентов, читавших предложения на китайском языке, средняя длина прогрессивных саккад (1,7 знака) оказалась в два раза ниже, чем длина регрессивных саккад (3,4 знака) (Shen et al. 2012: 195). К сожалению, данные о показателях носителей языка не представлены в работе, поэтому прямое сравнение результатов представляется проблематичным.

Наконец, необходимо отметить тот факт, что переход на другую систему письменности привел к снижению уровня понимания текстов на 20 % у обеих групп. Однако мы полагаем, что этот показатель намного более тесно связан с уровнем владения языком билингвами, чем с самим фактом чтения текстов другой системы письменности, и намереваемся проследить влияние данного фактора в дальнейших экспериментальных исследованиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее под билингвами понимаются люди, использующие два и более языка при обучении в учреждениях высшего образования независимо от уровня владения вторым языком.

2. Поле зрения человека делится на три региона: высокой резкости – центрального, или фовеального, зрения, покрывающего 2 градуса визуального угла поля зрения человека, относительно низкой резкости – периферического зрения – до 10 градусов, и периферийного – от 10 до 200–220 градусов (Solso et al. 2005).

3. До участия в эксперименте испытуемые прошли тестирование на определение уровня владения языком (использовались типовые задания ТРКИ и HSK). Испытуемые также заполнили анкету опыта и знания языков Leap-Q (Marian et al. 2007).

4. В соответствии с Common European Framework of Reference for Languages (CEFR, «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком») выделяются шесть уровней владения иностранным языком: А1 – уровень выживания, А2 – предпороговый, В1 – пороговый, В2 – пороговый продвинутый, С1 – профессионального владения, С2 – владения в совершенстве (Council of Europe 2001: 24).

REFERENCES

Cop, U., Drieghe, D., & Duyck, W. (2015) Eye movement patterns in natural reading: A comparison of monolingual and bilingual reading of a novel. *PLoS ONE*. 10(8). pp. 1–38. DOI: 10.1371/journal.pone.0134008

The Council of Europe (2001) The Common European Framework of Reference for Languages : Learning, Teaching, Assessment. *Council of Europe*. pp. 1–273. DOI: 10.1017/S0267190514000221

Everson, M.E. (1986) *The effect of word-unit spacing upon the reading strategies of native and non-native readers of chinese: an eye-tracking study* (Doctoral dissertation, The Ohio State University).

Inhoff, A. W., & Liu, W. (1998) The perceptual span and oculomotor activity during the reading of Chinese sentences. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 24(1). pp. 20–34. DOI: 10.1037/0096-1523.24.1.20

Li, X., Bicknell, K., Liu, P., Wei, W., & Rayner, K. (2014) Reading is fundamentally similar across disparate writing systems: A systematic characterization of how words and characters influence eye movements in Chinese reading. *Journal of Experimental Psychology: General*. 143(2). pp. 895–913. DOI: 10.1037/a0033580

Liversedge, S.P., Drieghe, D., Li, X., Yan, G., Bai, X., & Hyönä, J. (2016) Universality in eye movements and reading: A trilingual investigation. *Cognition*. 147. pp. 1–20. DOI: 10.1016/j.cognition.2015.10.013

Marian, V., Blumenfeld, H.K., & Kaushanskaya, M. (2007) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing Language Profiles in Bilinguals and Multilinguals. *Journal of Speech Language and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967. DOI: 10.1044/1092-4388(2007/067)

Perfetti, C.A. & Dunlap, S. (2008) Learning to read: General principles and writing system variations. In: Koda, K. & Zehler, A.M. (eds) *Learning to read across languages: Cross-linguistic relationships in first- and second-language literacy development*. pp. 13–38. DOI: 10.4324/9780203935668

R Core Team. (2017) *R: A Language and Environment for Statistical Computing*. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria.

Rayner, K. (1998) Eye movements in Reading and Information Processing: 20 Years of Research. *Psychological Bulletin*. 124(3). pp. 372–422. DOI: 10.1037/0033-2909.124.3.372

RStudio Team (2016) *RStudio: Integrated Development for R*. RStudio, Inc., Boston, MA. DOI: 10.1007/978-81-322-2340-5

Shen, D., Liversedge, S.P., Tian, J. Zang, C., Cui, L., Bai, X., Yan, G., & Rayner, K. (2012) Eye movements of second language learners when reading spaced and unspaced Chinese text. *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 18(2). pp. 192–202. DOI: 10.1037/a0027485

Solso, R.L., MacLin, M.K., & MacLin, O.H. (2005) *Cognitive psychology*. 7th ed. Pearson.

Sun, F., Morita, M., & Stark, L.W. (1985) Comparative patterns of reading eye movement in Chinese and English. *Perception & Psychophysics*. 37(6). pp. 502–506. DOI: 10.3758/BF03204913

Tsai, J.L., & McConkie, G.W. (2003) Where Do Chinese Readers Send Their Eyes? In: Radach, R., Hyona, Yu. & Deubel, H. (eds) *The Mind's Eye: Cognitive and Applied Aspects of Eye Movement Research*. pp. 159–176. DOI: 10.1016/B978-044451020-4/50010-4

Vitu, F., & McConkie, G.W. (2000) Regressive saccades and word perception in adult reading. In: Kennedy, A., Heller, D., Pynte, J. & Radach, R. (eds) *Reading as a Perceptual Process*. pp. 301–326. DOI: 10.1016/B978-008043642-5/50015-2

Yan, M., Kliegl, R., Richter, E.M., Nuthmann, A., & Shu, H. (2010) Flexible saccade-target selection in Chinese reading. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 63(4). pp. 705–725. DOI: 10.1080/17470210903114858

Yan, M., Zhou, W., Shu, H., & Kliegl, R. (2015) Perceptual span depends on font size during the reading of Chinese sentences. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 41(1). pp. 209–219. DOI: 10.1037/a0038097

Yang, H.-M., & McConkie, G.W. (1999) Reading Chinese: Some basic eye-movement characteristics. In: Wang, J., Hsuan-Chih Chen, Radach, R. & Inhoff, A. (eds) *Reading Chinese script: A cognitive analysis*. Psychology Press. pp. 207–222.

Машанло Тимур Евгеньевич – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Timur Mashanlo – Tomsk State University (Russia).

E-mail: mashanlote@gmail.com

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Zoya Rezanova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

УДК 372.881.161.1(=1.571-81):004.735

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/20

СОЗДАНИЕ ОТКРЫТЫХ ЭЛЕКТРОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ОДНОЙ СТРАНЫ*

М.Н. Образцова¹, И.А. Крым², В.С. Кузнецова³

Кемеровский государственный университет
Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

¹ E-mail: maria_obraztsova@mail.ru

² E-mail: krim99@mail.ru

³ E-mail: free-thinker1@mail.ru

Авторское резюме

Русский язык – один из наиболее распространенных мировых языков. Он не только объединяет все национальности, проживающие на огромной территории Российской Федерации, но и делает возможным сохранение их самобытности. Статья посвящена описанию создаваемых творческим коллективом Кемеровского государственного университета открытых электронно-образовательных ресурсов по русскому языку для коренных малочисленных народов Сибири. Методика создания онлайн-курсов базируется на изучении особенностей межэтнического взаимодействия на территории России. Каждый язык – уникальный взгляд на мир, проявляющийся в специфической языковой картине мира. Гармоничное преподавание русского языка как государственного, адаптированное к языковым национальным особенностям обучающихся, – приоритетное направление современного образования. В статье на примере анализа организации гнезда однокоренных слов с идентичным вершинным компонентом в телеутском и русском языках показаны направления

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-2601.2017.6 «Специфика деривационного пространства гнезда однокоренных слов в разноструктурных языках (на материале русского, телеутского и китайского языков)».

разрабатываемого нами открытого образования на русском языке. Сопоставительный анализ разноязычных производных (на примере русского и телеутского языков) в гнездах однокоренных слов с единым ядерным элементом позволяет, с одной стороны, показать универсальность деривационных процессов, присущих языковому мышлению, а с другой – высветить и интерпретировать особенности каждого естественного языка. Национально-ориентированное обучение русскому повышает его эффективность: знать русский язык (особенно как неродной) необходимо не только для полноценного общения на территории Российской Федерации, но и для более глубокого комплексного понимания своей культуры и культуры многонациональной России.

Ключевые слова: государственный язык, коренные малочисленные народы, телеутский язык, разноструктурные языки, языковая картина мира, гнездо однокоренных слов, словообразование.

CREATION OF THE ONLINE ELECTRONIC- EDUCATIONAL RESOURCES ON THE RUSSIAN LANGUAGE FOR SIBERIAN INDIGENOUS ETHNIC GROUPS AS THE RESULT OF INTERETHNIC COOPERATION WITHIN ONE COUNTRY*

M.N. Obraztsova¹, I.A. Krym², V.S. Kuznetsova³

Kemerovo State University
6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650000, Russia

¹ E-mail: maria_obraztsova@mail.ru

² E-mail: krim99@mail.ru

³ E-mail: free-thinker1@mail.ru

Abstract

The Russian language is one of the most widely spoken world languages, which not only unites all the nationalities living on the vast territory of the Russian

* The research is supported by the Russian President's Grant MK-2601.2017.6 "Specificity of derivational space of a word family in the multi-structural languages (a case study of Russian, Teleut and Chinese)".

Federation, but also makes it possible to save their identity. The paper focuses on the description of the online electronic-educational resources on the Russian language created by the Kemerovo State University team for Siberian indigenous ethnic groups. The methodology for creating online courses is determined by the interethnic cooperation in Russia. Each language is a unique view of the world manifested in a specific linguistic picture of the world. Modern education prioritizes harmonious teaching of Russian as a state language, adapted to the linguistic peculiarities of students. The authors analyse a family of cognate words with the identical principal component in Teleut and Russian to demonstrate the directions of the online education in Russian. The comparative analysis of different language derivatives in Russian and Teleut in the families of cognate words with an identical core element shows the universal character of derivation processes inherent to the language thinking and allows highlighting and interpreting the peculiarities of every natural language. Nationally oriented principle of teaching Russian increases the effectiveness of the process: it is necessary to know Russian (especially as a non-native language) not only for full-scale communication in the Russian Federation, but for deeper and more complex understanding of one's own culture and the culture of multi-national Russia.

Keywords: state language, indigenous ethnic groups, Teleut language, multi-structural languages, language picture of the world, family of words, word formation.

Россия – многонациональная страна, и в этом ее сила и богатство. Русский язык не только объединяет все национальности, проживающие на столь огромной территории, но и делает возможным сохранение их самобытности. Изучение русского языка как родного, как второго родного или неродного, а также как иностранного является приоритетным образовательным направлением для многих стран и для федеративных республик, входящих в состав России.

На сегодняшний день в Российской Федерации сложилась проблемная ситуация, связанная с изучением государственного языка коренными малочисленными народами как языка неродного или второго родного. Этот фактор необходимо учитывать при обучении русскому языку коренных малочисленных народов Кузбасса, а также при подготовке преподавателей-русистов, которые должны владеть специфической лингвистической методикой.

Цель статьи – обоснование методики преподавания русского языка в формате массовых открытых онлайн-курсов для коренных малочисленных народов РФ, учитывающей особенности генетически родного языка.

Выработка и внедрение в образовательный процесс лингвистической методики, адаптированной к языковым национальным

особенностям обучающихся, опирается на многолетний опыт экспедиционной работы и научные исследования творческого коллектива Кемеровского государственного университета (Кемеровская дериватологическая школа под руководством профессора Л.А. Араевой). Сопоставительное описание русского языка и языка генетически первичного (при несовпадении) позволяет понять их устройство, организацию, увидеть закономерности.

В рамках проекта КемГУ (авторский коллектив: Л.А. Араева, О.Н. Булгакова, Э.С. Денисова, И.А. Крым, А.Л. Калашникова, Н.В. Мельник, М.Н. Образцова, С.В. Оленев, А.В. Проскурина), поддержанного в 2016 г. Федеральной целевой программой «Русский язык» на 2016–2020 гг., созданы электронные образовательные ресурсы в формате массовых открытых онлайн-курсов (МООК); разработана программа повышения квалификации для преподавателей-русистов; создан и продолжает пополняться двуязычный телеутско¹-русский лингвострановедческий словарь мультимедийного типа. Все указанные продукты размещены и доступны для прохождения обучения на портале «Образование на русском» (<https://pushkininstitute.ru>), курируемом Институтом русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва). МООК «О русском по-русски: основы грамотного письма и говорения для коренных малочисленных народов РФ» и МООК «Основы обучения русскому языку коренных малочисленных народов России» размещены на платформе Министерства образования и науки РФ «Современная цифровая образовательная среда Российской Федерации» (<https://online.edu.ru/ru/courses/item/?id=472> и <https://online.edu.ru/ru/courses/item/?id=468> соответственно).

Остановимся подробнее на описании указанных электронно-образовательных ресурсов.

МООК «О русском по-русски: основы грамотного письма и говорения для коренных малочисленных народов РФ» (https://pushkininstitute.ru/school/external_courses/257) рассчитан на широкую разновозрастную аудиторию коренных малочисленных народов России и состоит из шести модулей (36 лекций). Курс посвящен нормам русского литературного языка. Авторы делают акцент на принципе учета особенностей родного языка, принципе коммуникативной направленности обучения, принципе единства получения знаний и практического их использования (взаимосвязь языковой и речевой компетенций), а также на принципе культуроведческой составляющей в обучении.

Так, в лекциях модуля 1 «Как мы говорим, или Правильность русской речи» анализируются «калейдоскоп» звуков в русском языке и языках коренных малочисленных народов, особенности артикуляции

гласных и согласных звуков, соотношение букв и звуков (например, в шорском и телеутском языках 39 знаков призваны выразить звуковую систему из 44 и 30 звуков соответственно), а также звуковые законы в области гласных и согласных. Как в русском, так и в языках коренных малочисленных народов России действуют сходные звуковые законы, однако имеются и особенности, и не учитывать их при изучении русского языка нельзя. Например, в шорском языке есть широкие гласные [А, О, Ё, У, Ъ], которые в неударном положении произносятся, как правило, почти без ослабления; важно учитывать и безударное полногласие гласных в этом языке коренных народов Сибири. Редукция безударных гласных звуков, ассимиляция парных по глухости / звонкости и твердости / мягкости согласных, а также чередование заднеязычных согласных – основные трудности, с которыми сталкиваются изучающие русский язык.

Обращается внимание на особенности русского словесного ударения в сравнении с ударением в некоторых языках коренных малочисленных народов РФ (например, в хантыйском и кумандинском языках ударение фиксированное, на первом и последнем слоге соответственно); разбираются основные акцентологические ошибки и пути их преодоления. Внимательное отношение к русскому словесному ударению достигается рядом упражнений, в которых демонстрируется как смысловоразличительная функция ударения (*вяза́нка* (кофта) – *вяза́нка* (дров)), так и роль ударения при образовании грамматических форм слов (*во́лны* на море – сегодня нет *волны́*).

Темы модуля 2 «Словообразовательная система русского языка» даются в аспекте пропозиционального подхода (Араева 1994). С этих позиций анализируется семантика производного слова. Любое производное слова представляет собой свернутое суждение, организованное при помощи актантов. В центре находится предикат, связывающий между собой субъект и предмет (*печник* – тот, кто делает печи), субъект и место (*школьник* – тот, кто учится в школе), объект и время (*осенина* – шерсть, которая стрижется летом), объект и результат (*отбивная* – мясо, которое получилось в результате отбивания) и пр. В языковой практике при незнании производного слова нередко можно наблюдать описание деривата по пропозициональному принципу, с названием предназначения объекта или субъекта. Например, *мне нужен человек, который ремонтирует печи; мне нужен тот, кто учит; мне нужен тот, кто лечит*, и пр. Анализ таких развернутых суждений помогает осмыслить деривационные процессы, присущие всем естественным языкам и вскрывающие их гносеологическую идентичность.

Содержание данного модуля выстраивается на базе теоретических положений, связанных с пропозиционально-семантической организацией словообразовательного типа, многозначных производных слов и гнезда однокоренных слов. Авторами проводится сопоставление способов образования слов при именовании одной и той же реальности в русском языке и в языках малых народов, что позволяет увидеть, как одно и то же явление действительности представлено в разных языках.

Остановимся подробнее на изучении гнезд однокоренных слов в русском языке. Организация словообразовательной формы во флективном и агглютинативном языках (а большинство языков коренных малочисленных народов РФ именно такими и являются) сильно различается.

В свое время философ Г.Г. Шпет замечал: «Поскольку слова соответствуют понятиям, естественно, что родственные понятия обозначаются родственными звуками» (Шпет 2006: 19).

Носитель языка «...фиксирует наиболее прототипичные ситуации (фреймы), закрепляя их подсознательно в совокупности родственных слов. И уже затем языковое мышление осуществляется в пространстве этих ситуаций. Категоризация мира посредством связей в гнезде осуществляется в пределах фрейма, который выступает как элемент или единица категоризации» (Образцова 2013а: 63). Фреймовый подход в описании однокоренной лексики был впервые разработан в трудах М.А. Осадчего. Ученый считает, что «носитель языка интуитивно ощущает в гнезде систему “очевидных” ролевых связей между словами-явлениями» (Осадчий 2013: 8).

Фреймовый анализ гнезда однокоренных слов представлен в работах И.В. Евсеевой (Евсеева 2013) и Е.А. Понамаревой (Понамарева 2015). Исследователи моделируют лексико-словообразовательное гнездо как результат концептуальной деятельности человека.

«В процессе мотивации слово получает лексическое наполнение (через соотношенность с тем или иным корневым единством) и формальное, типовое – через связь с определенной словообразовательной моделью» (Образцова 2013б).

Вводя в онлайн-обучение сопоставительный анализ гнезд однокоренных слов в разных языках, мы можем описать специфичную языковую картину мира, присущую носителям языков, и в то же время показать онтологическое единство всех естественных языков. Такой подход, на наш взгляд, делает изучение языка осмысленным и, соответственно, более глубоким и продуктивным. Обучающимся предлагается проследить, как выстраиваются производные слова в пределах гнезд, что кладется в основу наименований, что является

значимым для образования производных в разных языках и на уровне структуры слова, и на уровне его значения, какие темы разворачиваются внутри гнезд.

Сопоставим и проанализируем организацию гнезд однокоренных слов в телеутском и русском языках. Анализ гнезд телеутского языка показывает специфику мыслительной и культурной деятельности данного коренного народа Сибири (из 3 тыс. телеутов России в Кемеровской области проживает 2 520 чел.). Иной взгляд на мир, иные исторические условия жизни дают уникальные сочетания словообразовательных моделей, что обусловлено игрой ядерных и периферийных компонентов значения того или иного слова.

В качестве примера возьмем гнездо с вершинным компонентом *иш* (работа) в телеутском языке и аналогичное гнездо с вершиной *работать* в русском языке. В ходе такого описания дадим интерпретацию производных слов, разворачивая их в словосочетания или предложения.

Приведем телеутское гнездо однокоренных слов:

иш (работа, дело)

ишмекчи (рабочий)

тот, кто работает

ишмекчил (работающий)

тот, который хорошо / постоянно работает

иште (работать, трудиться)

заниматься работой

иштек (осел)

животное, которое работает / трудится (ср. со словом ишак)

иштенкей (трудолюбивый)

тот, кто любит работу / работать

иштин јалы (зарплата)

то, что дается за работу / зарабатывается.

Гнездо однокоренных слов с вершинным компонентом *иш* (работа) составлено нами самостоятельно, производные получены из телеутско-русского и русско-телеутского словарей (Телеутско-русский словарь 1995; Русско-телеутский словарь 2002) при помощи метода сплошной выборки, а также дополнены материалом, собранным по итогам экспедиций в телеутские поселения в Кемеровской области. Гнездо представлено небольшим количеством производных, в каждом из которых реализуется семантический компонент, заданный корневым словом. Так, *ишмекчи* (рабочий) – наименование по предикату (тот, кто работает). Следует подчеркнуть, что *ишмекчи* – это именно профессиональное наименование. Такой же вариант можно увидеть

и в русском языке в слове *рабочий*. В дефиниции *иштек* (осел) реализована тема «животное, которое работает / трудится».

Корень *иш* (работа) довольно распространен и встречается во многих тюркских языках. В качестве тюркского заимствования такое наименование представлено и в русском языке в слове *ишак*.

При анализе гнезда однокоренных слов в русском языке мы опираемся на «Новый словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова (Тихонов 2014). Вершинным словом в гнезде является глагол *работать*. От него образовано существительное *работа*, и в этом разница механизма деривации в русском языке. Бессуффиксальный способ словообразования характерен для производства существительных от глаголов и прилагательных (ср.: *глубь, бег, ход* и пр.). В телеутском языке мы наблюдаем обратный процесс: *иште* (работать) образуется от *иш* (работа).

Русское гнездо однокоренных слов представлено довольно большим количеством производных. *Работать* → *работа* → *работенка*, *безработица* (состояние, которое характеризуется отсутствием работы), *безработный* (тот, который не имеет работы), *работоспособный* (тот, который способен к работе). *Работать* → *работник*, *работница*, (тот / та, который / ая работает), *рабочий* (тот, который занимается работой). *Работать* → *выработать* (довести действие до конца, завершить работу с результатом) → *вырабатывать* (действие незавершенное), *выработка* (состояние, характеризующееся процессом вырабатывания). *Работать* → *доработать* (довести действие до завершения), *дорабатывать* (действие незавершенное, длительное). *Работать* → *заработать* (действие, направленное на получение косвенного результата), *зарабатывать* (действие незавершенное, длительное), *заработок* (то, что зарабатывается, дается за работу). *Работать* → *наработать*, *наработаться* (довести действие до результата или предела). *Работать* → *недоработать* (неполнота действия) → *недоработка* (состояние, характеризующееся неполным, незавершенным действием). *Работать* → *отработать / отработать* (завершить действие / длительное выполнение действия) → *отработка* (состояние, характеризующееся выполнением действия). *Работать* → *переработать / перерабатывать* (совершить действие чрезмерно, перевыполнить / длительное, незавершенное действие) → *переработка* (состояние, характеризующееся чрезмерным выполнением действия). *Работать* → *поработать* (действие направленное). *Работать* → *подработать / подрабатывать* (действие, направленное на разовое выполнение / длительное действие) → *подработка* (состояние, характеризующееся добавочным действием). *Работать* → *проработать / прорабатывать* (действие, направленное на тща-

тельное выполнение или ограниченное пространственно-временным пределом / длительное действие) → *проработка* (состояние, характеризующиеся особо тщательным выполнением действия). *Работать* → *разработать* / *разрабатывать* (действие, направленное на результат / длительное действие) → *разработка* (состояние, определяющееся результатом действия). *Работать* → *срабатывать* / *срабатывать* (действие, происходящее по причине, стимулу / длительное действие). *Работать* → *срабатываться* / *срабатываться* (действие, направленное на взаимодействие с другими участниками / длительное действие).

Гнездо однокоренных слов в русском языке шире по количеству производных гнезда с вершиной *иш* в телеутском языке. Русский язык обладает развитой словообразовательной и словоизменительной организацией. Большое число словообразовательных формантов позволяет детализировать значение производного слова. Гнездо однокоренных слов в телеутском языке представлено меньшим количеством производных, но семантическая организация гнезда более свободная: встречаются дериваты, обозначающие трудящееся животное (*иштек* – осел), трудолюбивого человека (*иштенкей* – трудолюбивый). Наименование заработной платы (*заработка*) представлено словосочетанием *иштин жалы* – плата за работу. В свою очередь, русское гнездо однокоренных слов с вершинным элементом *работать* репрезентирует реализацию типизированных словообразовательных моделей: префиксальное образование производных глаголов и образование существительных по продуктивному словообразовательному типу «глагол + к»: *готовка*, *добавка*, *раскраска*, *раздатка* и пр.

Сопоставительный анализ разноязычных производных в гнездах однокоренных слов с единым ядерным элементом позволяет, с одной стороны, показать универсальность деривационных процессов, присущих языковому мышлению, а с другой – высветить и интерпретировать особенности каждого естественного языка. Обучающимся предлагается сначала выполнить перевод русских производных на генетически родной язык (актуализируется внимание на производных, которые адекватному переводу не поддаются), а затем выполнить перевод производных генетически родного языка на русский. Так, выделяется группа производных, наиболее затруднительных для перевода. В эту группу попадают существительные и прилагательные, называющие материал (*железо*, *железный*; *дерево*, *деревянный* – в большинстве языков коренных малочисленных народов России подобные существительные и прилагательные обозначаются одним словом. Ср. алтайск., телеут. *темир* – железо, железный; *агаш* – дерево, деревянный); префиксальные глаголы,

которые будут переводиться, как правило, словосочетанием (*от-работать* – киргиз. *иштеп чыгуу*).

Словарь А.Н. Тихонова выстроен в рамках структурно-системной парадигмы. Производство слов протекает по векторному принципу, добавлением новых аффиксов к вершинному слову, что направлено на демонстрацию лингвистического словообразовательного механизма. Этот же принцип представлен в школьном словообразовательном анализе. При наблюдении за живой речью мы можем увидеть нарушение данного векторного словообразования, что объясняется дискурсивностью языкового мышления. При обучении русскому языку как неродному эффективно, на наш взгляд, проводить, помимо структурно-системного анализа материала, и функциональный анализ производных. *Зарботок* может образовываться и от глагола *зарабатывать* (то, что зарабатывается), и от существительного *работа* (то, что дается за работу), и связываться с глаголом *работать*. Например, «когда фабрика работает хорошо, то и зарботок у людей хороший, и настроение у рабочего человека тоже хорошее» (А. Рыбаков «Тяжелый песок»). При описании механизма деривации мы делаем попытку эксплицировать когнитивные процессы, присущие языковому мышлению.

Языковые категории организованы по полювому принципу. Ядро, находящееся в центре, задает мотивационные направления. Кроме того, в процессе языковой деривации мы можем наблюдать и полимотивационные процессы, описанные и систематизированные в работе П.А. Катышева (Катышев 2005), которые эксплицируются в дискурсивной деятельности говорящего, будучи скрытыми в структуре самого деривата. Например, *рабочий* – тот, кто работает; тот, кто профессионально занят рабочей деятельностью; тот, кто работает на заводе / фабрике / предприятии; тот, кто занят физическим трудом и пр. В итоге мотивировочную базу могут составлять члены разных гнезд однокоренных слов, что показывает целостность словообразовательной системы любого естественного языка. И гнездо однокоренных слов через пересечение в мотивационных суждениях с членами разных гнезд расширяется в контексте до фрейма «работа», в который уже входят разнокоренные производные, связанные единой типовой ситуацией. Такое расширение оказывается естественным для языкового мышления, с одной стороны, а с другой – позволяет показать целостность деривационного пространства языка.

В обоих проанализированных гнездах представлены единые пропозициональные структуры: «результат, получаемый за действие» (то, что дается за работу – *иштин јалы* и *зарботок*), «субъект по действию» (тот, кто работает, занят работой – *ишмекчи* и *рабочий*), «субъект

по отношению к действию» (тот, кто любит работать – *иштенкей*; тот, кто хорошо работает – *ишмекчил* и *работящий*).

Такой пропозициональный подход при изучении словообразовательной системы русского языка, с одной стороны, позволяет обратить внимание обучающихся на типизированность словообразовательных моделей, на ядерные механизмы словообразования, а с другой – способствует формированию внимательного отношения к внутренней форме производного слова.

Модуль 3 «Лексическая система русского языка» посвящен ответу на вопрос «Полисемия – богатство языка или его болезнь?», анализу устаревших и новых слов как в русском, так и в языках коренных малочисленных народов РФ. В лекциях рассматриваются функциональные языковые страты, системные отношения в лексике, особенности сочетаемости слов и фразеологических единиц в русском языке и языках коренных малочисленных народов России.

В модуле 4 «Ее Величество Грамматика» вводится понятие морфологической нормы современного русского языка, объясняются синхронные и диахронные причины ее колебания. Особое место отводится сопоставлению грамматической системы русского языка с языками тюркской группы, анализируются сходства и отличия в системе основных частей речи, их формо- и словообразования. Подробному анализу подвергаются самостоятельные и служебные части речи (например, проводится сравнение грамматических категорий прилагательного в языках флективного и агглютинирующего строя, отмечается отсутствие изменения прилагательных по числам и падежам на примере телеутского языка, рассматривается образование формы повелительного наклонения в тюркских языках в сопоставлении с русским). Типологизируются ошибки, допускаемые при употреблении в речи основных частей речи и их грамматических форм, а также предлагаются рекомендации по их предотвращению.

На примерах из русского языка и языков коренных малочисленных народов в лекциях модуля 5 «Кто управляет русским предложением: синтаксические нормы русского языка» показывается, как слова соединяются в предложения в языках различных типов, чем отличаются формальные и смысловые синтаксические нормы, каковы стилистические возможности порядка слов; анализируются сложные случаи управления, нормы использования в речи причастных и деепричастных оборотов, а также вопросы координации подлежащего и сказуемого, средства связи между предложениями внутри текста.

Все лекции модуля 6 «Секреты грамотного письма» нацелены на проблему «Почему грамотно писать по-русски сложно?». Обсуждаются принципы русской орфографии и пунктуации, их отличие от орфо-

графии других языков; знаки препинания в «непростом» простом и сложном предложениях, а также буквы Ъ и ь в разных языках.

Учащимся, для которых родным является один из языков коренных малочисленных народов России, важно не только освоить нормы русского литературного языка, но и овладеть основами межкультурной коммуникации в ситуации билингвизма, изучить нормы русского речевого этикета и выработать навыки культурного поведения в различных коммуникативных ситуациях, научиться использовать языковые средства русского языка в зависимости от сферы и цели общения, получить информацию о культурных кодах русского народа, осознать значение прецедентного текста в межнациональной коммуникации, научиться «читать» невербальные сигналы и овладеть навыками построения аргументирующей речи на русском языке. Именно этим проблемам посвящен второй массовый онлайн-курс **«Говорить по-русски: принципы межкультурной коммуникации на территории одной страны (для коренных малочисленных народов России)»** (https://pushkininstitute.ru/school/external_courses/258), состоящий из шести модулей, 36 лекций. Целевая аудитория – представители коренных малочисленных народов России, профессиональная деятельность которых связана с общением на русском языке, а также школьники, студенты и другие категории, желающие научиться говорить не только правильно, но и эффективно.

МООК «Основы обучения русскому языку коренных малочисленных народов России» (https://pushkininstitute.ru/school/external_courses/269) предполагает знакомство с лингводидактическими концепциями языковой личности, с особенностями структуры и функционирования языковой личности билингва, с существующими методиками развития языковой личности. Особое внимание уделяется раскрытию лингводидактического потенциала системной организации русского языка в нормативном аспекте. Значительное место отводится методам и приемам обучения грамотному письму, важную роль среди которых играет прием сопоставления фактов русского и родного языков. Отдельные блоки лекций посвящены обучению русскому языку с позиций лингвокультурологического подхода, а также обучению русскому языку как государственному. В предлагаемом массовом открытом онлайн-курсе 6 модулей (42 лекции), в них учтены антропоцентрические установки современной лингвистики, согласно которым целью курса русского языка в национальной школе становится развитие поликультурной языковой личности, билингвальной личности, умеющей переключать языковые регистры в зависимости от целей и ситуации общения. Достижение этого возможно только в

результате реализации компетентностной модели обучения, которая также представлена в данном курсе.

Разработана и **программа повышения квалификации для преподавателей-русистов «Особенности методики преподавания русского языка для коренных малочисленных народов РФ»** (https://pushkininstitute.ru/teach/external_courses/270), цель которой – улучшение качества преподавания русского языка как неродного представителям коренных малочисленных народов РФ.

Необходимость появления в результате разработанной и апробированной методики обучения русскому языку коренных малочисленных народов России программы повышения квалификации соотносится с Распоряжением правительства РФ от 09.04.2016 № 637-р «Об утверждении Концепции преподавания русского языка и литературы», согласно которой «в целях повышения качества работы учителей русского языка и литературы крайне важно: совершенствовать систему подготовки и дополнительного профессионального образования учителей русского языка и литературы в части формирования компетенций, необходимых для преподавания в многоязычной среде», а также «развивать электронные образовательные среды» (Концепция 2016: 8–9).

Предлагаемая программа повышения квалификации дает возможность познакомиться с современным состоянием методики преподавания русского языка, с особенностями изучения разделов русского языка в условиях полилингвизма в аспекте современной научной парадигмы, с организацией работы по русскому языку в дву- и многоязычной аудитории.

Создан и продолжает пополняться **двуязычный телеутско-русский лингвострановедческий словарь** (Словарь) **мультимедийного типа** (авторы: Л.А. Араева, А.В. Проскурина, О.А. Булгакова, Э.С. Денисова, А.Л. Калашникова, И.А. Крым, М.Н. Образцова, С.В. Оленев, М.Н. Тарасова, Е.Е. Язева), дополняющий перечисленные электронно-образовательные ресурсы. Это словарь нового поколения, поскольку необычен формат лексикографического ресурса. Лингвострановедческий словарь представлен как сайт (<http://ls-teleut.kemsu.ru>) с удобной навигацией, на котором размещена информация о телеутах, их традиционном укладе жизни, обычаях, верованиях и ценностях. Основной принцип расположения материала тематический: лексемы объединяются в тематические блоки, соотносимые с культурно-бытовыми сферами жизни телеутского народа (например, «Национальная кухня», «Кухонная утварь и предметы быта», «Одежда и обувь», «Жилище», «Народная медицина», «Коневодство», «Охота», «Пчеловодство», «Праздники и обряды», «Религия» и др.). Из словарных статей можно

получить информацию о слове, его значении, о месте обозначаемой им реалии в культуре, увидеть примеры словоупотребления в речи телеутов. Наряду с собственно языковой информацией в отдельных словарных статьях размещены фото-, аудио- и видеофайлы.

Актуальность проекта заключается в адаптированном обучении русскому языку малочисленных коренных народов РФ, а также в подготовке преподавателей-филологов и участников международной волонтерской программы «Послы русского языка в мире» по основам методики преподавания русского языка для носителей языков коренных народов.

Проведение комплексного анализа языкового материала демонстрирует не только внутреннюю специфику языковой системы и уникальную языковую картину мира, присущую разным народам, но и единство на глубинном уровне всех естественных языков.

Учет подобного рода особенностей является одним из условий эффективного изучения как русского языка с позиции генетически родного, так и наоборот, когда русский язык доминирует над языком этнической группы и усилия филологов уже направлены на сохранение языка коренного малочисленного народа.

Курсы в формате электронно-образовательных ресурсов делают обучение доступным в отдаленных районах РФ. К продукту, размещенному в открытом доступе, можно обратиться в удобное время, а также пройти повторное обучение при возникающей необходимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Телеутский язык в настоящее время преподается в средней школе, но факультативно. Однако сегодня ставится вопрос о введении телеутского языка в местах компактного проживания телеутов в основную программу. В течение ряда лет в с. Беково проходят летние и зимние лингвистические школы для школьников, желающих изучать телеутский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Араева 1994 - *Араева Л.А.* Словообразовательный тип как семантическая микросистема: суффиксальные субстантивы. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 223 с.

Евсеева 2013 - *Евсеева И.В.* Лексико-словообразовательное гнездо с вершиной – именем соматического объекта: фреймовое устройство // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 1. С. 33–41.

Катышев 2005 - *Катышев П.А.* Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 260 с.
Концепция 2016 - Концепция преподавания русского языка и литературы. М., 2016.

Словарь - Лингвострановедческий телеутско-русский словарь. 2016. URL: <http://ls-teleut.kemsu.ru> (дата обращения: 19.10.2017).

Образцова 2013а - *Образцова М.Н.* Когнитивно-дискурсивное описание гнезда однокоренных слов (на материале пчеловодческой лексики русских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 30 с.

Образцова 2013б - *Образцова М.Н.* Пропозиционально-фреймовая организация гнезда однокоренных слов с ядерным компонентом «пчела» // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/110-9668> (дата обращения: 30.10.2017).

Осадчий 2013 - *Осадчий М.А.* Однокоренная лексика русских народных говоров: Фреймовая структура гнезда / под ред. Л.А. Араевой. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 304 с.

Пономарева 2015 - *Пономарева Е.А.* Фреймовый анализ лексико-словообразовательного гнезда с вершиной «foot» (на материале английского языка) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4–4 (64). Т. 4. С. 189–193.

Русско-телеутский словарь 2002 - *Русско-телеутский словарь* / под ред. Л.Т. Рюминой-Сыркашевой, Н.М. Рюмина. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. 190 с.

Телеутско-русский словарь 1995 - *Телеутско-русский словарь* / под ред. Л.Т. Рюминой-Сыркашевой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. 119 с.

Тихонов 2014 - *Тихонов А.Н.* Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014. 639 с.

Шпет 2006 - *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. М.: КомКнига, 2006. 216 с.

REFERENCES

Araeva, L.A. (1994) *Slovoobrazovatel'nyy tip kak semanticheskaya mikrosistema: suffiksalye substantivy* [The word-formation type as a semantic microsystem: suffixal substitutes]. Кемерово: Kuzbassvuzizdat.

Evseeva, I.V. (2013) Lexico-derivational nest with the top – the name of somatic object: framing unit. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 1 (22). pp. 33–41 (In Russian).

Katyshev, P.A. (2005) *Polimotivatsiya i smyslovaya mnogomernost' slovoobrazovatel'noy formy* [Polymotivation and semantic multidimensionality of the word-form]. Tomsk: Tomsk State University.

The Government of the Russian Federation. (2016) *Kontseptsiya prepodavaniya*

russkogo yazyka i literatury [The concept of teaching the Russian language and literature]. Moscow: [s.n.].

Araeva, L.A. (ed.) (2016) *Lingvostranovedcheskiy teleutsko-russkiy slovar'* [Linguistic and culture-Oriented Teleut-Russian Dictionary]. [Online] Available from: <http://ls-teleut.kemsu.ru> (Accessed: 19th October 2017).

Obraztsova, M.N. (2013a) *Kognitivno-diskursivnoe opisaniye gnezda odnokorennykh slov (na materiale pchelovodcheskoy leksiki russkikh govorov)* [Cognitive-discursive description of the nest of one-root words (a case study of the beekeeping vocabulary in Russian dialects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.

Obraztsova, M.N. (2013b) Propozitsional'no-freymovaya organizatsiya gnezda odnokorennykh slov s yadernym komponentom "pchela" [Propositional-frame organisation of the nest of one-root words with the nuclear component "pchela"]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 4. [Online] Available from: <http://www.science-education.ru/110-9668>. (Accessed: 30th October 2017).

Osadchiy, M.A. (2013) *Odnokorennaya leksika russkikh narodnykh govorov: Freymovaya struktura gnezda* [The one-root vocabulary of Russian folk dialects: The frame structure of the nest]. Moscow: Librokom.

Ponomareva, E.A. (2015) Frame analysis of lexico-derivational nest with the "foot" apex in English. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4 (4). pp. 189–193 (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2015-4-189-193.

Ryumina-Syrkasheva, L.T. & Ryumin, N.M. (eds) (2002) *Russko-teleutskiy slovar'* [The Russian-Teleut Dictionary]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

Ryumina-Syrkasheva, L.T. (eds) (1995) *Teleutsko-russkiy slovar'* [The Teleut-Russian Dictionary]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

Tikhonov, A.N. (2014) *Novyy slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka dlya vsekh, kto khochet byt' gramotnym* [A new word-building dictionary of the Russian language for all who want to be literate]. Moscow: AST.

Shpet, G.G. (2006) *Vnutrennyaya forma slova: Etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta* [The internal form of the word: Etudes and variations on the themes of Humboldt]. Moscow: KomKniga.

Образцова Мария Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия).

Maria Obraztsova – Kemerovo State University (Russia).

E-mail: maria_obraztsova@mail.ru

Крым Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия).

Irina Krym – Kemerovo State University (Russia).

E-mail: krim99@mail.ru

Кузнецова Виктория Сергеевна – аспирант кафедры стилистики и риторики института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия).

Viktoria Kuznetsova – Kemerovo State University (Russia).

E-mail: free-thinker1@mail.ru

УДК 39;75

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/21

ОБРАЗЫ РУСИНСКОГО МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ ЗАКАРПАТСКОЙ ШКОЛЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Р.Ю. Федоров^{1,2}

¹ Тюменский государственный университет
Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10

² Институт криосферы Земли СО РАН
Россия, 625026, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86

E-mail: r_fedorov@mail.ru

Авторское резюме

Закарпатская школа изобразительного искусства начала складываться в Ужгороде в 1920-е гг. Этот период вошел в историю как Второе русинское возрождение. Он совпал с появлением нового поколения художников, среди которых центральное место заняли Адальберт Эрдели, Иосип Бокшай, Федор Манайло и ряд других мастеров, рожденных в Закарпатье и имевших русинские корни. Родоначальники этой школы, получив образование в Будапеште, Праге и других крупных культурных центрах, использовали в своем изобразительном мастерстве многие передовые достижения европейской живописи тех лет. Владея изобразительным языком, хорошо понимаемым во многих странах мира, художники этой школы стремились на нем выразить очерченные границами Закарпатья ценности и смыслы жизни своего народа. Творчеству большинства представителей закарпатской школы изобразительного искусства был присущ глубокий этнографизм. Сегодня их работы хранят образы народной одежды и архитектуры, праздников и повседневной жизни русинов Закарпатья. Как правило, неотъемлемым фоном для всех этих сюжетов – от бытовых сцен до эпических мистерий – выступает природа Закарпатья, в которой были глубоко укоренены не только герои живописных работ, но и сами художники. Исходя из этого, закарпатскую школу изобразительного искусства можно рассматривать как уникальный феномен культурного наследия, отражающий русинский мир.

Ключевые слова: русины, традиционная культура, живопись, закарпатская школа изобразительного искусства.

IMAGES OF RUSIN'S WORLD IN CREATIVITY OF THE TRANSCARPATHIAN SCHOOL OF FINE ARTS

R.Yu. Fedorov^{1,2}

¹ Tyumen State University

10 Semakov Street, Tyumen, 625003, Russia

² Institute of the Earth's Cryosphere, SB RAS

86 Malygin Street, Tyumen, 625026, Russia

E-mail: r_fedorov@mail.ru

Abstract

The Transcarpathian school of fine arts began to develop in Uzhhorod in the 1920s. This period became history as the Second Rusin Renaissance. It coincided with the appearance of new generation of artists, including Adalbert Erdeli, Josip Bokshay, Fedor Manaylo and some other masters with Rusin roots who were born in Transcarpathia. The founders of this school received education in Budapest, Prague and other major cultural centres and used many advanced achievements of European painting in their works. Knowing the pictorial language understood in many countries of the world, the artists of this school aspired to express the values and meanings of the life of their people outlined by borders of Transcarpathia. Creativity of the representatives of Transcarpathian school of fine arts was characterised by profound ethnography. Their works contain images of folk clothes and architecture, holidays and everyday life of the Transcarpathian Rusins. As a rule, all these scenes – from everyday scenes to epic mysteries are represented on the background of Transcarpathian nature. Therefore, the Transcarpathian school of fine arts can be considered as a unique phenomenon of the cultural heritage reflecting the Rusin's world.

Keywords: Rusins, traditional culture, fine arts, Transcarpathian school of fine arts.

Содержательной основой творчества карпатских русинов-художников стало обращение к народной культуре и природе Закарпатья.

В рецензии на «Энциклопедию истории и культуры карпатских русинов», составленную И.И. Попом и П.-Р. Магочи (Encyclopedia of Rusin 2002), в которой была предпринята попытка представить культуру карпатских русинов как имеющий мировое значение самодостаточный феномен, С.М. Слоистов отмечал, что «обособленность русинского культурного пространства хорошо прослеживается на примере творчества выработавшей свой особый стиль подкарпатской школы

живописи (И. Бокшай, Ф. Манайло, А. Эрдели и др.). Для художников этой школы было естественно в силу образования и более развитой художественной жизни тяготение к Будапешту и Праге, но при этом источник их вдохновения всегда оставался в пределах Карпатской Руси. Даже проявляя особый интерес к народному типу верховинца или гуцула, они не стремились уйти в своих творческих фантазиях за территорию Подкарпатской Руси, на Прикарпатье и далее, в другие области Украины. Ни Львов, ни Киев, покоровшие своими памятниками и красотами многих художников, не затмили в их творческих душах родного карпатского края» (Слоистов 2015: 445).

Среди искусствоведов, внесших свой вклад в изучение творчества представителей закарпатской школы изобразительного искусства и открывших ее для широкого круга любителей, следует выделить Г.С. Островского (1929–2007). В 1968 г. в Ленинграде он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения на тему «Изобразительное искусство Закарпатья» (Островский 1968). Эта работа стала первым серьезным обобщающим исследованием, в котором была обоснована творческая самобытность закарпатской школы. Ей предшествовали многолетние кропотливые исследования автора, часть которых в 1960–1970-е гг. нашла отражение в монографиях, посвященных творчеству художников А.М. Кашшай, А.М. Эрдели, И.И. Бокшай и др. (Островский 1962, 1966, 1967; Островский 1974). Впоследствии в своих многочисленных исследованиях Г.С. Островский неоднократно возвращался к творчеству целого ряда художников Закарпатья. Примечательно, что в своих трудах, в соответствии с требованиями советского времени, Островский формально рассматривал закарпатскую школу изобразительного искусства в контексте истории украинской живописи. При этом, как только заканчивались официальные определения, которые было необходимо сделать во вступительной части работ, в своих эссе о художниках автор часто употреблял слово «русин» применительно к жителям Закарпатья. В 1990 г., когда идеологические ограничения начали ослабевать, в предисловии к каталогу выставки художника Федора Манайло Г.С. Островский отмечал, что творчество этого мастера породило «художественное открытие русинов, остававшихся до тех пор фактически неизвестными в Европе». Искусствовед добавлял: «Это даже не тема творчества в буквальном значении, а плоть и дух народа, природа, с которой он слит в неделимое целое, его повседневность и праздники, быт и труд, обычаи и обряды, песни и ремесла, космогония и мифология, восходящие к далеким языческим временам» (Народный художник 1990: 6).

В 2005 г. в Ужгороде было издано учебное пособие И.И. Небесника «Творчество выдающихся художников Закарпатья», в котором

история изобразительного искусства региона представлена в период со второй половины XIX по XX в. (Небесник 2005). В 2014 г. была защищена диссертация И.В. Луценко на соискание ученой степени кандидата искусствоведения на тему «Живопись Закарпатья конца XIX – первой половины XX в.: жанры и художественно-стилистические особенности» (Луценко 2014). Начиная с 1960-х гг. и до наших дней неоднократно издавались альбомы репродукций, а также иллюстрированные каталоги выставок художников Закарпатья (Художники Закарпатья 1961; Изобразительное искусство Закарпатья 1973; Художники Закарпатья 1979; Народный художник 1990) и мн. др. В периодических изданиях Украины, России, Венгрии, Словакии и ряда других стран продолжают появляться новые очерки о жизни и творчестве представителей закарпатской школы изобразительного искусства, что свидетельствует о неослабевающем интересе к ним.

В начале XX в. в Закарпатье работали видные художники, такие, как Д. Вираг, Д. Ияс, К. Изай и др. Однако в то время художественная жизнь края была лишена каких-либо самобытных ориентиров развития и объединяющих начал. Ситуация стала меняться после вхождения в 1920 г. Закарпатья в состав Чехословакии в качестве ее земли, получившей название Подкарпатская Русь. Этот период вошел в историю как Второе русинское возрождение (Суляк 2008: 24). Он совпал с приходом нового поколения художников, среди которых центральное место заняли Адальберт Эрдели и Иосип Бокшай. Как отмечал Г.С. Островский, «воодушевленные подъемом освободительной борьбы народа, Бокшай и Эрдели ставят перед собой ясную и определенную цель создания подлинно национального, реалистического, близкого и понятного широким массам искусства, уходящего своими корнями в народ и природу Закарпатья» (Островский 1968: 7).

В формировании закарпатской школы изобразительного искусства важную роль сыграли педагогическая деятельность ее ведущих представителей и создание ими профессиональных объединений. В 1921 г. А. Эрдели и И. Бокшай выступили инициаторами первой выставки художников Закарпатья, которая экспонировалась в Берегове и Кошицах. В 1920-е гг. в Ужгороде была создана Публичная школа рисования, в которой преподавали А. Эрдели и И. Бокшай. В 1931 г. ими было создано «Общество деятелей изобразительных искусств на Подкарпатской Руси», в котором «закарпатские художники сплотились в единый коллектив. Весь свой прочный и возрастающий авторитет Бокшай и Эрдели, ставший почти бессменным председателем Общества, употребляли, чтобы оградить его выставки от любительщины, столь нередкой в провинциальной среде, необоснованных претензий на "новаторство" и "авангардизм", верно подданной официальнойщины.

Поэтому выставки закарпатских художников пользовались столь большим успехом не только в Ужгороде, Мукачево, Берегове и других городах Закарпатья, но и за его пределами – в Праге, Братиславе, Кошицах» (Островский 1967: 25).

После того как Закарпатье оказалось под властью хортистской Венгрии, на фоне общего ущемления русинской интеллигенции значительно осложнилась жизнь «Общества деятелей изобразительных искусств на Подкарпатской Руси». В 1939 г. оно было переименовано в «Союз подкарпатских художников», а со стороны власти в нем была предпринята попытка утвердить обращение к венгерской культуре. Несмотря на это, к концу 1930-х гг. успело сформироваться и дебютировать новое поколение художников (Ф. Манайло, А. Коцка, Э. Контратович, З. Шолтес и др.), которое смогло значительно расширить стилистический и сюжетный диапазон складывавшейся художественной школы.

Сразу после вхождения территории Закарпатья в состав СССР А.М. Эрдели и И.И. Бокшай задались целью открыть в Ужгороде академию художеств, однако идея создания подобного учреждения была поддержана только во Львове. В Ужгороде в 1946 г. было создано художественное училище, первым директором которого стал А.М. Эрдели. Параллельно было открыто областное отделение Союза художников УССР. Все это позволило институционально укрепить сложившуюся ранее неформальную художественную школу и поставить на новый качественный уровень передачу опыта новым поколениям художников. Несмотря на то что идеологизация искусства, борьба с формализмом и утверждение соцреализма, имевшие место в послевоенной жизни Советского Союза, не могли обойти стороной и художников Закарпатья, они не привели к разрушению самобытности их школы. Во многом от этого спасло преобладавшее в ней обращение к сюжетам из жизни простого народа, что не противоречило советской идеологии. К примеру, написанная в 1954 г. картина «Лесорубы» художника Гавриила Глюка, на которой был изображен труд простых деревенских жителей на фоне закарпатской природы, вскоре была отнесена к «классике советско-украинского искусства» (Юхимец 1984: 71).

Однако на волне официальной критики и цензуры, которых невозможно было избежать, некоторые мастера, подобно А. Эрдели и Ф. Манайло, в те годы были вынуждены уступить место смелым экспериментам с формой изобразительного языка в пользу не всегда удачных попыток компромисса между творческой индивидуальностью и социальным заказом. В то же время в работах, посвященных современному быту и производственной тематике, Ф. Манайло («Му-

зыка завода», 1974), Э. Медвецкой-Лутак («Мебельный цех», 1981) и некоторым другим художникам удалось использовать новаторские, порой близкие к авангардным приемы, благодаря которым причудливые ритмы разноцветных заводских трубопроводов и резервуаров скорее могут напомнить современному зрителю футуристическую, с выведенными наружу коммуникациями архитектуру Центра современного искусства им. Жоржа Помпиду в Париже, нежели советскую трудовую обыденность. Как отмечал Г.С. Островский, при любых внешних обстоятельствах для художников закарпатской школы было свойственно «решительное неприятие однозначной декларативности, внешнего правдоподобия и догматического понимания реализма» (Островский 1979: 5).

На протяжении всего существования закарпатской школы изобразительного искусства ее ведущими жанрами оставались бытовая живопись, пейзаж, портрет и натюрморт. К сожалению, рамки этой статьи не дают возможности даже самым поверхностным образом охарактеризовать жизнь и творчество ее наиболее выдающихся представителей. Поэтому остановимся подробнее лишь на нескольких ее центральных фигурах.

Одним из основоположников закарпатской школы изобразительного искусства был **Адальберт Михайлович Эрдели** (1891–1955, настоящее имя – Бейла Грыць). Он родился в с. Келеменфолво (ныне п. Загатье Иршавского р-на Закарпатской обл.). Окончил Академию художеств в Будапеште. С 1916 г. жил в Мукачево. С 1922 по 1926 г. работал в Мюнхене, затем вернулся в Закарпатье, основав вместе с Иосипом Бокшаем Ужгородскую художественную школу, а в 1931 г. – «Общество деятелей изобразительных искусств в Подкарпатской Руси». В конце 1920 – начале 1930-х гг. А. Эрдели неоднократно бывал в Париже и других европейских центрах художественной жизни, где испытал большое влияние импрессионистов и фовистов, общаясь и принимая участие в выставках с такими выдающимися мастерами, как А. Матисс, А. Дерон, Р. Дюфи и др. Наиболее важным ориентиром для художника всегда оставалось творчество П. Сезанна. Эрдели работал в жанре портрета, пейзажа и натюрморта, нередко выходя за рамки традиционных представлений об их привычных канонах. Этому способствовали активная игра цвета, символическая связь изображаемого объекта и фона, а также разнообразие декоративных приемов организации холста. И.В. Луценко отмечал, что «портретный жанр А. Эрдели демонстрирует художественно-методический подход, который позволяет утверждать, что художник сознательно нивелирует границы жанровых признаков, в которых приближается к стаффажу, бытовому жанру и фигуративным композициям» (Луценко 2013: 106).

Благодаря граничащей с элитарностью изысканности работ, среди закарпатских художников Эрдели выглядел, пожалуй, наибольшим «европейцем». Однако при этом он часто обращался к созданию очень точных обобщающих образов своего края. Среди портретных работ художника выделяется картина «Русины» (1940), на которой крупными обобщающими мазками, напоминающими незамысловатые фрески на стенах сельской церкви, изображены старик и подросток в национальной одежде. В их глазах можно прочесть тревогу, граничащую с неуверенной надеждой. Картина как будто выражает раздумья художника о том, сохранится ли культурная преемственность его народа. Надежда на нее впоследствии еще не раз находила свое воплощение, например, в таких картинах, как «Русинская пара» (1942) и «Помолвленные. Молодые колхозники» (1954). Интерес к повседневной жизни и традициям народов, проживающих на территории Закарпатья, проявился в картинах «Украинские женщины» (1934), «Цыганка» (1936), «Гуцулы», «Гуцульская идиллия» и «Суд Париса на Верховине» (1937), а также многих других, более поздних работах. Широкую известность получил групповой портрет ужгородских художников, написанный А. Эрдели в 1947 г. (рис. 1). При первом

Рис. 1. А. Эрдели. Групповой портрет ужгородских художников. Холст, масло. 1947 г.

взгляде на эту картину возникает ощущение, что одетые в строгие костюмы художники находятся в академической обстановке, однако при более подробном рассмотрении становится видно, что фоном над их сплоченными фигурами выступают не стены студии, а карпатские горы.

Иосип Бокшай (1891–1975) также по праву считается одним из основателей закарпатской школы изобразительного искусства. Он родился в с. Кобылецкая Поляна Раховского р-на Закарпатской обл. в семье священника. Окончил Академию художеств в Будапеште. Вместе с А. Эрдели был одним из организаторов

творческих объединений и художественного образования в Закарпатье в 1920–1940-е гг. Благодаря неоднократным поездкам в Париж, Вену, Мюнхен, Прагу, И. Бокшай имел возможность ознакомиться со многими шедеврами европейской живописи и приобрести незаурядную художественную эрудицию. При этом художник отмечал: «Наша страна дает очень много материала художественному творчеству. Ни один уголок земли не может сравниться с ее горами, долинами, народом. Верю, что, если кому-нибудь удастся художественно воплотить в полной красоте душу нашего русина, возникнет типическое, особенное искусство Подкарпатья» (Бокшай 1958: 7).

Многие работы И. Бокшай представляют этнографический интерес. На них изображены внешний облик и интерьеры крестьянских хат. Жанровые работы художника запечатлели разные трудовые и хозяйственные занятия жителей Закарпатья. При этом он никогда не стремился приукрасить или идеализировать реалии народной жизни. Примером этому служит картина «Село Ужок», написанная в 1938 г. На ней запечатлено типичное закарпатское село, «и если добавить сюда довольного, зажиточного русина в колоритной одежде, то пейзаж наверняка угодил бы вкусам многочисленных туристов... Но на щедрой земле Закарпатья живет и трудится крестьянин с его маленькими радостями и большими невзгодами. Его жилища, старые, не раз латанные хатенки, смотрящие на мир подслеповатыми окошками, – столь же неотъемлемый, характерный элемент закарпатского пейзажа, как лесистые горы и долины» (Островский 1967: 27).

В 1923 г. для сборника, посвященного памяти А. Духновича, Иосип Бокшай создал триптих на тему гимна поэта «Я русин есмь и буду...». Одним из первых в закарпатской школе изобразительного искусства Бокшай был вдохновлен самобытностью традиционной культуры верховинцев, которая нашла свое отражение во многих его работах. И. Бокшай вошел в число самых тонких и самобытных художников-пейзажистов Закарпатья. Многие работы позднего периода творчества художника стали настоящей классикой закарпатского пейзажа.

Одним из наиболее одаренных и влиятельных представителей закарпатской школы изобразительного искусства был **Федор Манайло** (1910–1978). Он родился в с. Ивановцы Мукачевского р-на Закарпатской обл. Профессиональное образование получил в Высшей художественно-промышленной школе в Праге. В конце 1930–1940-х гг. художник смог развить свой глубоко индивидуальный изобразительный стиль, в котором, по оценке Г.С. Островского, «переломились влияния широко распространенных тогда экспрессионизма и сознательной примитивизации форм» (Островский 1968: 11). Как далее отмечал искусствовед, «синтетик по складу мышления,

он отбрасывает все второстепенное, несущественное и в предельно обобщенных концентрированных образах выражает саму суть того или иного явления» (Островский 1968: 11–12). В предисловии к альбому «Художники Закарпатья» отмечалось: «Ф. Манайло совместил в себе сказочника и поэта, трезвого, беспощадного до жестокости реалиста и художника-мыслителя, устремляющегося к сути явления, прекрасного знатока быта, труда и фольклора Закарпатья и фантаста, сплошь и рядом нарушавшего "правила игры". Изобразительный ряд его полотен составил своего рода сагу о Карпатах, но эпичность образного повествования то и дело взрывается изнутри громадной эмоциональной напряженностью, экспрессией выразительных средств» (Художники Закарпатья 1979: 4).

В одной из самых известных работ автора «Скорбь», написанной в 1940 г. (рис. 2), чувствуется большое влияние изобразительного языка европейских художников-экспрессионистов, в первую очередь Эдварда Мунка. Искусствовед Павел Ин описал эту картину следующими словами: «Контурный рисунок судорожно очерчивает внутренность убогой селянской хаты, где лежит страшный и суровый покойник. Потерянная хозяйка и большеголовый мальчик замерли перед загадкой смерти. Линии контуров процарапаны рукоятью кисти по непросохшему красочному слою. Экспрессивность полотна подчеркнута и ослепительностью ледяного света, заливающего сцену, и стремительным перспективным сокращением изображения» (Ин). К схожей эстетике можно отнести другую выдающуюся работу этого периода, картину «Слепец» (1939).

Рис. 2. Ф. Манайло. Скорбь. Холст, масло. 1940 г.

Эпичность образного воплощения раздумий художника о традициях народной жизни олицетворяет работа Ф. Манайло «Скотарь» (1969) (рис. 3). «В центре картины изображена фигура пастуха, который напоминает образы языческих богов, как они мыслились народом, – мифологических охранителей отар, покровителей чабанов. Его посох и трембита увенчаны изображениями месяца и солнца. Соответственно символической трактовке центрального образа изображен и мир, окружающий пастуха. Отношение художника к пространству выражается в предельной условности изображения места действия. И при определенной зрительной замкнутости и фрагментарности изображенного пространства оно воспринимается как бесконечное. Горы, села, стада – все воспринимается как исконное, вечное. Реальный бег времени как бы остановился. Колорит картины построен на соотношениях красных, зеленых, белых, сливающихся в своеобразный орнамент, перекликающихся с ритмом закарпатских ковров» (Юхминец 1984: 146). У зрителя, знакомого с древнеславянской мифологией, Скотарь сразу вызывает невольные ассоциации с божеством Велесом, который являлся покровителем как домашнего скота, так и поэтов. Это символическое единство как бы ставит знак равенства между, казалось бы, прозаичными заботами сельской жизни и ее поэтичностью, которую художник сумел выразить в своих работах.

Глубокое знание Ф. Манайло народной жизни русинов и гуцулов, многочисленные творческие поездки по Закарпатью сделали его не только выдающимся художником, но и в какой-то мере этнографом. Манайло принимал активное участие в создании Закарпатского музея народной архитектуры и быта, открывшего двери для посетителей в 1970 г. Особенно наглядно интерес к этнографии выразился в увлечении художника самобытными традициями верховинцев. Он настолько глубоко проник в их истоки и сущность, что был приглашен режиссером

Рис. 3. Ф. Манайло. Скотарь. Холст, масло. 1969 г.

Сергеем Параджановым в качестве консультанта для работы над кинофильмом «Тени забытых предков», снятом в 1964 г. по мотивам одноименной повести Михаила Коцюбинского.

Уже после ухода из жизни Ф. Манайло в предисловии к изданному в 1979 г. альбому-каталогу выставки «Художники Закарпатья» Г.С. Островский отмечал: «Ф. Манайло обладал редкостным гражданским и художественным мужеством; надо полагать, понадобится время, чтобы в полной мере осознать масштабность его идейно-творческих и пластических идей» (Художники Закарпатья 1979: 4). В 1981 г. в Ужгороде был открыт мемориальный дом-музей Ф. Манайло, в котором представлены живописные работы, документы из архива и личные вещи художника.

Выдающуюся по своей поэтичности и этнографической наблюдательности галерею народной жизни Закарпатья создал художник **Владимир Микита**. На его холстах монументальность и эпичность приобретают даже самые заурядные моменты повседневной крестьянской жизни. Другой художник, **Эрнест Контратович**, также строил свою творческую концепцию на утверждении значимости традиций народа (см. рис. 4): «Как и в произведениях народных мастеров, декоративность цвета и ритмическая организация картинной плоскости у Э. Контратовича – почти единственный прием раскрытия содержания образа» (Юхимович 1984: 71). Еще один классик закарпатской живописи – **Антон Кашшай**. За свою творческую жизнь он создал удивительную галерею эпических пейзажей Закарпатья, в которых горы уподоблены великанам, а раскинувшиеся у их подножий села воспринимаются как поэтические строки, застывшие в старых, покосившихся деревянных домишках. Классикой закарпатской живописи стали многочисленные зимние пейзажи Кашшай, в которых он в буквальном смысле вслушивался в жизнь природы. В работах **Эдиты Медвецкой-Лутак** природа и народная архитектура часто создают своеобразный ритмический фон, на котором разыгрываются незамысловатые сцены из сельской жизни, всегда точно характеризующие личностные качества и психологические портреты их действующих лиц. Замечательные галереи народных типажей Закарпатья, обладающих неповторимой душевной чистотой и красотой, оставили нам Андрей Коцка, Гавриил Глюк, Николай Медвецкий, Василий Сабов. Нельзя не упомянуть и таких выдающихся представителей плеяды художников Закарпатья, как Адальберт Борецкий, Золтан Шолтес, Андрей Добош, Павел Балла, Шандор Петки, Василий Габда, Адальберт Мартон, Василий Бурч, Атилла Дунчак, Елизавета Кременицкая-Бедзир, Антон Шепа, Иван Шутев и др.

Начиная с 1960-х гг. ряд выпускников Закарпатского художественного училища продолжили и развили начинания своих учителей. Некоторые из них в полной мере состоялись как творческие личности вдали от родины, как, например, обосновавшиеся в Тюмени художники Михаил Гардубей (1948) и Дмитрий Бобонич (1942–2008). Однако своеобразными «классиками» этой художественной школы, определившими ее каноны и мировоззренческие ориентиры, по-настоящему стали представители ее первых двух поколений, большинство из которых были рождены в 1890–1930-е гг.

Многие годы закарпатская школа изобразительного искусства рассматривалась в первую очередь в качестве культурного явления регионального масштаба. И лишь немногие исследователи писали о ней как о проявлении национального искусства. В советскую эпоху исключение из этого составляли публикации Г.С. Островского, в одной из которых он писал: «Создание школы живописи маленького народа, тысячу лет оторванного от своих единокровных братьев по ту сторону Карпат, изнывавшего под тяжелейшим национальным и социальным гнетом, народа, веками обреченного на молчание, стало не только творческим, но и гражданским подвигом этих художников» (Художники Закарпатья 1979: 2–3). К этому можно добавить слова Г.Н. Юхимца: «Их произведения – это художественный призыв беречь родники народных традиций, корни национальной культуры, которые и завтра будут необходимы новым поколениям» (Юхминец 1984: 146).

Опираясь на сказанное выше, попробуем охарактеризовать основные особенности закарпатской школы изобразительного искусства. Временем ее возникновения можно считать начало 1920-х гг. – период, в который предпринимались активные попытки национального возрождения русинов Закарпатья. Несмотря на то что среди представителей школы были художники разных национальностей, ее духовным ядром и объединяющим началом стали традиции русинов и, отчасти, проживавших рядом других народов и этнических групп. Социально-политическая ситуация тех лет невольно предопределила уникальность этой художе-

Рис. 4. Э. Контратович. Встреча молодой пары. Холст, масло. 1946 г.

ственной школы. Благодаря блестящему образованию, полученному ее основателями в Праге и Будапеште, а также знакомству с творчеством многих выдающихся художников в Париже, Вене, Риме и других крупнейших культурных центрах того времени, смелые колористические и декоративные приемы, а также принципы символического обобщения живописных образов опирались на многие передовые достижения европейского искусства первой трети XX в.

Таким образом, владея изобразительным языком, хорошо понимаемым во многих странах мира, художники этой школы стремились на нем выразить очерченные границами Закарпатья ценности и смыслы жизни своего народа. Творчеству большинства представителей закарпатской школы изобразительного искусства был присущ глубокий этнографизм. Сегодня их работы хранят образы народной одежды и архитектуры, праздников и трудовых будней, горя и радостей, которыми жили простые люди. Как правило, неотъемлемым фоном для всех этих сюжетов – от бытовых сцен до эпических мистерий – выступают образы природы Закарпатья, в которой были глубоко укоренены не только герои живописных работ, но и сами художники. В отличие от других восточнославянских народов, в силу исторических обстоятельств русинам так и не удалось создать собственные национальные поэтические, музыкальные или театральные школы. На протяжении столетий духовно-нравственные и эстетические ориентиры, свойственные русинам, стихийно передавались из поколения в поколение в их народной культуре, вопреки насаждаемым извне ценностям и нормам. Лишь изредка они оставались отрешенными и запечатленными в творчестве немногочисленной национальной интеллигенции. Исходя из этого, закарпатскую школу изобразительного искусства можно рассматривать в качестве уникального феномена культурного наследия, отражающего русинский мир.

ЛИТЕРАТУРА

Бокшай 1958 - *Бокшай И.* Мысли художника // Искусство. 1958. № 6. С. 6–11.

Изобразительное искусство Закарпатья 1973 - Изобразительное искусство Закарпатья. М.: Сов. художник, 1973. 145 с.

Ин - *Ин П.* Украинский художник Федор Манайло: картины, биография. URL: <http://www.artcontext.info/articles-about-art/1341-manaylo.html> (дата обращения: 15.03.2017).

Луценко 2013 - *Луценко І.В.* Портретний жанр у творчості А. Ерделі, художньо-стилістичні особливості, спроба періодизації // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. 2013. № 1. С. 105–107.

Луценко 2014 - *Луценко І.В.* Живопис Закарпаття кінця ХІХ – першої половини ХХ століття: жанри та художньо-стилістичні особливості: автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства, спец.: 17.00.05 – образотворче мистецтво. Львів: Львівська нац. акад. мистецтв, 2014. 16 с.

Народный художник 1990 - Народный художник УССР Федор Манайло. Каталог выставки произведений. Ужгород: Карпати, 1990. 31 с.

Небесник 2005 - *Небесник І.І.* Творчість видатних художників Закарпаття: навч. Посібники. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2005. 73 с.

Островский 1962 - *Островский Г.С.* А.М. Кашшай. М.: Сов. художник, 1962. 79 с.

Островский 1966 - *Островский Г.С.* А.М. Эрдели. М.: Сов. художник, 1966. 98 с.

Островский 1967 - *Островский Г.С.* И.И. Бокшай. М.: Сов. художник, 1967. 91 с.

Островский 1968 - *Островский Г.С.* Изобразительное искусство Закарпаття: автореф. дис. ... кандид. искусствоведения. Л., 1968. 19 с.

Островський 1974 - *Островський Г.С.* Образотворче мистецтво Закарпаття. Київ: Мистецтво, 1974. 200 с.

Слоистов 2015 - *Слоистов С.М.* Фундаментальное справочное издание по истории и культуре карпатских русинов // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 443–450.

Суляк 2008 - *Суляк С.Г.* Русины: урок трагической истории // Русин. 2008. № 3–4(13–14). С. 7–34.

Художники Закарпаття 1961 - Художники Закарпаття. Киев: Держ. вид-во образотворчого мис-ва і муз. літ. УРСР, 1961. 176 с.

Художники Закарпаття 1979 - Художники Закарпаття: каталог выставки. М.: Советский художник, 1979. 122 с.

Юхимец 1984 - *Юхимец Г.Н.* Украинская советская тематическая картина 1945–1980 гг. Основные тенденции развития: дис. ... канд. искусствоведения. Киев, 1984.

Encyclopedia of Rusin 2002 - Encyclopedia of Rusin History and Culture. University of Toronto Press, 2002. 569 p.

REFERENCES

Bokshay, I. (1958) Mysli khudozhnika [Artist's thoughts]. *Iskusstvo*. 6. pp. 6–11.
Bokshay, I. (1973) *Izobrazitel'noe iskusstvo Zakarpat'ya* [Fine Arts of Transcarpathia]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.

In, P. (n.d.) *Ukrainskiy khudozhnik Fedor Manaylo: kartiny, biografiya* [Ukrainian artist Fedor Manaylo: pictures, biography]. [Online] Available from: <http://www.artcontext.info/articles-about-art/1341-manaylo.html> (Accessed: 15th March 2017).

Lutsenko, I.V. (2013) Portretniy zhanr u tvorchosti A. Erdeli, khudozhn'o-stilistichni osoblivosti, sprobа periodizatsi [Portrait genre in A. Erdeli's creati-

vity, art and stylistic features, an attempt of a periodization]. *Visnik Kharkivs'koi derzhavnoi akademii dizaynu i mistetstv.* 1. pp. 105–107.

Lutsenko, I.V. (2014) *Zhivopis Zakarpattya kintsya XIX – pershoi polovini XX stolittya: zhanri ta khudozhn'o-stilistichni osoblivosti* [Transcarpathian painting of the late 19th – first half of the 20th centuries: genres and stylistic features]. Abstract of Art Studies Cand. Diss.

Anon. (1990) *Narodnyy khudozhnik USSR Fedor Manaylo. Katalog vystavki proizvedeniy* [National artist of the USSR Fedor Manaylo. Exhibition catalog of works]. Uzhhorod: Karpati.

Nebesnik, I.I. (2005) *Tvorchist' vidatnikh zhudozhnikiv Zakarpattya* [Works of Outstanding Artists of Transcarpathia]. Uzhhorod: Vidavnitstvo V. Padyaka.

Ostrovskiy, G.S. (1962) *A.M. Kashshay* [A.M. Kashshay]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.

Ostrovskiy, G.S. (1966) *A.M. Erdeli*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.

Ostrovskiy, G.S. (1967) *I.I. Bokshay* [I.I. Bokshay]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.

Ostrovskiy, G.S. (1968) *Izobrazitel'noe iskusstvo Zakarpat'ya* [Fine arts of Transcarpathia]. Abstract of Art Studies Cand. Diss. Leningrad.

Ostrovskiy, G.S. (1974) *Obrazotvorche mistetstvo Zakarpattya* [Fine Arts of Transcarpathia]. Kyiv: Mistetstvo.

Sloistov, S.M. (2015) *Fundamental'noe spravochnoe izdanie po istorii i kul'ture karpatskikh rusinov* [The fundamental reference media on history and culture of the Carpathian Rusins]. *Slavyanskiy al'manakh.* 1–2. pp. 443–450.

Sulyak, S.G. (2008) *Rusiny: urok tragicheskoy istorii* [Rusins: a lesson of a tragic story]. *Rusin.* 3–4(13–14). pp. 7–34.

Anon. (1961) *Khudozhniki Zakarpat'ya* [Artists of Transcarpathia]. Kyev: Derzh. vid-vo obrazotvorchego mis-va i muz. lit.

Anon. (1979) *Khudozhniki Zakarpat'ya* [Artists of Transcarpathia]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.

Yukhimets, G.N. (1984) *Ukrainskaya sovetskaya tematicheskaya kartina 1945–1980 gg. Osnovnye tendentsii razvitiya* [Ukrainian Soviet thematic picture of 1945-1980. Main tendencies of development]. Art Studies Cand. Diss. Kyiv.

Magocsi, P.R. & Pop, I. (2002) *Encyclopedia of Rusin History and Culture*. University of Toronto Press.

Федоров Роман Юрьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Тюменского государственного университета, старший научный сотрудник Института криосферы Земли СО РАН (Россия).

Roman Fedorov – Tyumen State University (Russia), Institute of the Earth's Cryosphere, SB RAS (Russia).

E-mail: r_fedorov@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

ОСНОВАН В 2003 Г

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2018. Том 51. Выпуск 1

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 344 стр.

Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028, а/я 1041
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>
Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 24.03.2018. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага офсет 1N^o 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 250 экз.
Заказ 40.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

**В 2018 году международный исторический журнал
«Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».**

МЫ РУССКИЕ!

СЛАВИЧ*

Мы русские! Наша заветная вера -
Что все мы, славяне, - одно,
Одно неразрывное, цельное племя,
Скрепленное миром давно.
И боремся мы неустанно с врагами,
И ставим преграды врагам
С той мыслью святою, что Бог нашей Руси
Един и един Его храм.

Мы русские! Нас оживляет надежда,
Что дух наш славянский не сон,
Что всюду незримо он веет над нами,
Что всюду, где Русь, там и он.
Злой ворог к стене нас прижать** замышляет;
Но рухнет она над врагом -
И мы панихиду споем по усопшим,
А Русь будет нашим щитом.

Мы русские! Пусть же злодеям пощаду
Дарует святая любовь!
Не надо нам мести, не надо нам крови,
Не надо нам крови врагов!
Но нету пощады изменникам края,
Продавшим отчизну врагам:
Их всюду настигнет анафема Руси,
Проклятье неверным сынам!

Перевод О. Ленко

** Под этим именем встречаются в галицких журналах и сборниках стихотворения с патриотическим оттенком, заслуживающие полного внимания и, вместе с тем, дающие некоторое понятие о том возбужденном настроении галицкого народа, о котором так много говорят и пишут в настоящее время (Прим. составителей сборника).*

*** «Прижать славян к стене» - слова графа Ф.Ф. фон Бейста, министра иностранных дел Австрии (Австро-Венгрии) в 1866-1871 гг.*

Источник: Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов, изданный под редакцией Н.В. Гербея. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1871. С. 216-217.

